

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В XVII в.**

Часть I

МОСКВА 1998

*Работа осуществлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(исследовательский грант 95-06-17227, издательский — 97-01-16143)*

Редакционная коллегия:

*академик РАН Г.Г. Литаврин (ответственный редактор),
Л.Е. Семенова (зам. ответственного редактора),
С.Ф. Орешкова, Б.Н. Флоря*

**Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения и балканистики РАН**

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С.Мейер
доктор исторических наук В.Н.Виноградов

**Османская империя и страны Центральной,
Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.**
Часть I. М.: Изд-во, 1998. 288 с.
ISBN

В коллективной монографии исследуются главные тенденции политических взаимоотношений Османской империи и стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в контексте европейской международной политики первой половины XVII в.

Для историков, преподавателей, студентов.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателей труд является хронологическим продолжением изданной в 1984 г. книги «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVI вв.». Коллектив авторов продолжил исследование проблемы политических взаимоотношений Османской империи и стран указанного региона на протяжении следующего XVII столетия, сохранив главные направления в изучении темы. Настоящее издание представляет собой первую часть труда, охватывающую период до середины 50-х гг.

Опираясь на результаты, достигнутые в предшествующей историографии, авторы рассматривают отношения между Османской империей и странами Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы в едином хронологическом и региональном плане и в контексте европейской международной политики. Такой подход к исследованию проблемы позволяет составить общую картину взаимоотношений между государствами, вскрыть основные факторы, влиявшие на их эволюцию, и выявить роль каждой из стран в международной жизни того времени.

Изучая сложное взаимодействие интересов разных государств и политических сил в регионе, авторы исходили из общего положения о взаимообусловленности внутривнутриполитических процессов в странах и складывавшейся внешней обстановки, что в конечном итоге определяло характер и эволюцию политических отношений между Османской империей и странами региона в рассматриваемый период.

Серьезным фактором, повлиявшим на взаимоотношения стран региона и Порты, становится обозначившееся к концу XVI в. ослабление военной мощи османов. С этого времени империя вступает в полосу тяжелого внутреннего кризиса, следствием которого являлись осложнения в ее международном положении. Соотношение сил между Османской империей и ее западными и северными соседями начинает постепенно меняться не в ее пользу.

В связи с этим одна из поставленных авторами задач состоит в том, чтобы показать причины глубокого социального кризиса империи и его влияния на состояние военно-морских сил государства османов, на возможности проведения Портой активных внешнеполитических акций как дипломатических, так и военных. Одновременно в поле зрения авторов и другая задача — выяснить, с одной стороны, какими путями османские власти пытались преодолеть кризис в империи, с другой — в какой мере правящие круги стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы были осведомлены о состоянии Османской империи и как эта осведомленность отражалась на их общем внешнеполитическом курсе и конкретной политике по отношению к Стамбулу.

Первая половина XVII в. в Европе была временем длительных и острых международных конфликтов, в которые неоднократно оказывались вовлеченными западные и северные соседи Османской империи. В Центральной Европе таким конфликтом, не имевшим в европейской истории по своим масштабам и длительности прецедентов, была Тридцатилетняя война, в которую с самого начала оказались втянутыми Габсбурги. В Восточной Европе развернулся длительный, ожесточенный конфликт между Россией и Речью Посполитой, начало которому положило вмешательство польско-литовских феодалов в русские внутренние дела в начале XVII в.

Связанные со столь крупными конфликтами европейские события не могли не оказывать влияния на взаимоотношения стран региона с османами. Поэтому представляется важным рассмотрение этих отношений в контексте международной ситуации в Европе. Такой подход к исследованию указанной проблематики ставит перед авторами и вопрос о том, как реагировали османские власти на европейские конфликты, пытались ли использовать их в своих интересах и к каким результатам приводило вмешательство Порты, когда оно имело место.

В данном труде предполагается в то же время рассмотреть отношения между Османской империей и ее западными и восточными соседями в первой половине XVII в. на широком международном фоне, охватывающем не только Европу, но и Ближний Восток. Серьезное внимание в этом плане авторами уделяется взаимоотношениям Османской империи и Ирана. Значительное место отводится отношениям России и Речи Посполитой со Швецией, а также контактам Порты с европейскими противниками Габсбургов. Для середины XVII в. важное значение придается отношениям Османской империи с Венецией.

Специально исследуется авторами вопрос о роли Крымского ханства в осуществлении политики османов в Юго-Восточной, Восточной (и частично Центральной) Европе. Здесь выделяются такие аспекты как соотношение собственной политической линии Порты и политики Крыма, выявление между ними моментов совпадения и расхождения интересов, причин конфликтов, установление степени способности османов контролировать политику ханства.

Во взаимоотношениях Османской империи и стран региона особое место занимали подвластные султану княжества — Молдавия, Валахия и Трансильвания, сохранявшие в отличие от провинций статус автономии в системе империи в обмен за уплату османам дани. Для исследования проблемы важное значение имеет выяснение характера отношений Порты с княжествами в обстановке внутреннего кризиса империи и связанных с ним внешнеполитических осложнений. Представляет интерес, каким образом османские власти, ощущая свое начавшееся ослабление, стремились сохранить контроль над княжествами и как реагировали на это их правящие круги, а также более широкие слои населения. Отсюда необходимость рассмотрения вопроса об изменении ориентации господствующих клас-

сов в княжествах в условиях усиления одних и ослабления других соседей Османской империи.

Известно, что возникавшие вследствие кризиса внутренние экономические трудности Порты стремились разрешить за счет усиления эксплуатации покоренных народов, которое приводило к резкому усилению их недовольства властью османов и росту освободительной борьбы. В связи с этим специальный раздел труда посвящается балканским народам, где рассматриваются их положение в составе Османской империи, освободительное движение и его роль в контексте международных отношений в регионе. Особое внимание уделяется выяснению, в каких районах и почему возникали главные центры освободительных движений, какое место они занимали в политических планах соседей Османской империи, какие формы сотрудничества возникали в ходе взаимодействия этих стран с антиосманскими освободительными движениями и к каким результатам они приводили.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Социально-экономическое и политическое развитие османского общества в XVII в. было во многом обусловлено тем, что в нем сохранялись настроения и потребности, толкавшие страну к активной завоевательной политике. Продолжение территориального роста государства (хотя и не столь стремительного как в XVI в.) и огромная роль армии в османской общественной структуре являлись теми главными факторами, которые определяли специфику общественного и государственного развития Османской империи.

Вместе с тем уже в конце XVI в. в османском обществе начинают проявляться кризисные явления. Они хорошо осознавались современниками и нашли яркое отражение в многочисленных и широко распространенных в то время дидактических трактатах¹, авторы которых принадлежали к различным прослойкам правящего класса и считали своей обязанностью дать какие-то рекомендации султану и его приближенным как следует исправить общество, явно нуждающееся, по их мнению, в какой-то реорганизации.

Суть кризиса состояла в экономической, политической, этнической, культурно-религиозной и иной разнородности тех областей и людских сообществ, которые османы объединили в единый государственный организм, не проведя каких-либо принципиальных социальных преобразований. Это был структурный кризис, порожденный не переходом общества на иной уровень развития и появлением в нем социальных и политических отношений, характерных для нового периода истории, а прошлыми упущениями. Османской имперской структуре по мере роста империи необходимо было создание более широкой социальной опоры в тех обществах, которые она объединила. Это, однако, не отвечало интересам правящих кругов, сложившихся в период становления империи. Государственный аппарат, несмотря на предпринимавшиеся им попытки к самоусовершенствованию, все более отрывался от общества и становился препятствием для его дальнейшего развития.

Рубеж XVI—XVII вв. знаменателен для османского государства большими социальными потрясениями, поразившими главным образом Анатолию, т.е. ту часть империи, где компактно проживало турецкое население. Именно оно прежде всего почувствовало в это время свою оторванность от имперской государственной структуры. По Анатолии прокатились так называемые восстания «джежали»². Они развивались на фоне начавшейся в 1593 г. войны Османской империи с Австрией.

Центральная Европа с 20-х годов XVI в. была одним из главных объектов османской агрессии. Сложилась устойчивая традиция орга-

низации военных экспедиций в этот район. Основной военной силой османов было кавалерийское ополчение так называемых тимарных сипахи (т.е. воинов кавалеристов, получавших за свою службу земельное пожалование — тимар, строго определенный законом доход с которого должен был обеспечивать жизнь сипахи и его семьи, военную экипировку воина, а также, если тимар давал большой доход, то и некоторого количества подчиненных тимариоту воинов и слуг). Использование кавалерии предполагало особые условия ведения войны. Военные действия велись только в теплое время года. Зимой армия распускалась по домам. Следующей весной она собиралась заново. Причем, по османским традициям, воины мобилизовывались не все сразу, а поочередно³, по отдельным административным районам — санджакам, что обычно давало тимариотам передышку и возможность заниматься не только войной, но и выполнять в своих санджаках возложенные на них османскими законами административно-хозяйственные и полицейские обязанности. Обычно такая практика позволяла сохранить (в частности, в Анатолии в период войн в Европе) достаточно сил, чтобы поддерживать внутренний порядок. Однако война с Австрией в 1593—1606 гг. оказалась весьма продолжительной и кровопролитной. Она нарушила существовавшее равновесие в выполнении тимариотами их внешних и внутренних обязанностей, что привело к явному административному хаосу даже в далеких от военных действий районах.

Кавалеристы-тимариоты и их военные командиры-санджакбеи и бейлербеи, составляли как командную иерархию сипахийской армии, так и военно-территориальную администрацию значительной части европейских и малоазиатских районов империи. Кроме этой администрации функционировали также органы кадийского (мусульманского) суда и налоговой системы. Все эти звенья местной администрации централизованно управлялись из Стамбула, а на местах были не соподчинены, но и не независимы друг от друга. Например, налоговые предписания местного дефтердара (главы фискального ведомства), чрезмерные претензии тимариота к своим крестьянам, самовольные захваты земель и т.п. могли быть оспорены в кадийском суде, но решение суда могли заставить выполнить лишь бейлербей и его аппарат. Поэтому долгое отсутствие тимариотов в своих владениях ослабляло всю местную администрацию, затрудняя, прежде всего, выполнение ею полицейско-карательных функций.

Уходя в поход и уводя с собой своих тимариотов, управители провинций-бейлербеи, назначали вместо себя каймакамов (заместителей), которые должны были во время их отсутствия выполнять административные обязанности. В распоряжении каймакамов оставалась часть войск бейлербея, как правило, наемных, зависимых лишь от того, кто платил жалованье. Такие наемные отряды могли использоваться и самими бейлербеями при каких-либо внутренних карательных операциях, так как с ними иметь дело администрации было легче, чем с менее мобильным и менее дисциплинированным сипахийским ополчением.

Рядовые сипахи постепенно оттеснялись от административно-полицейской деятельности в своих санджаках и бейлербействах, а порою и страдали от произвола наемных войск своих пашей (командиров по сипахийскому ополчению).

Большие наемные отряды содержались, как правило, за счет того, что им разрешали собирать в свою пользу дополнительные (не зарегистрированные государством) подати с населения санджака или эялета (бейлербейства), подвластного их командирам. Такие отряды превращались в настоящий бич для населения. Кадии сообщали в Стамбул о многочисленных жалобах, поступавших от жителей деревень и небольших городов, на грабежи войск санджакбеев, бейлербеев или их каймакамов. Причем грабежи происходили и тогда, когда воины находились на службе у пашей эялета, и тогда, когда они лишались своих покровителей (в случае их отставки, смерти или перемещения по службе) и по сути дела превращались в настоящих разбойников.

По Анатолии в это время бродили многочисленные отряды таких войск, как состоявших на службе у пашей, так и действовавших самостоятельно. Назывались они по-разному — левенды, секбаны, сарыджа, дели и т.п. Население, как явствует из кадийских сообщений центральным властям, повсеместно связывало их появление и существование с провинциальной военной администрацией, а потому эта администрация оказалась дискредитированной как в глазах широких народных масс, так и рядовых сипахи, являвшихся ранее низшим звеном этой администрации. Источники того времени, а за ними и современные исследователи называют лиц, связанных с военно-территориальной администрацией, эхли-орф (особенно любит этот термин М. Акдаг), дословно, — люди традиции, т.е. традиционная администрация, но фактически переставшая выполнять свои функции. Итак, администрация империи, которая ранее базировалась на четко построенной тимарной системе и командно-военной иерархии сипахийского войска, по сути дела, переживала период крушения. Нередки были столкновения бейлербеев и санджакбеев, вернувшихся с театра военных действий, со своими каймакамами. Побеждали те, кто имел больше личных войск, т.е. само назначение на местные административные посты уходило из рук центральных властей. Анатолийские тимариоты всех рангов в этих условиях неохотно покидали свои владения и шли на войну в Европу.

Политическая и социальная нестабильность в Анатолии нарастала постепенно и была связана не только и не столько с военными действиями в Европе и конкретно — с войной 1593-1606 гг. В этом районе страны скопилось много лиц, не имевших твердого социального статуса. Это были потомки бывших воинов армий доосманских анатолийских бейликов и участников крестьянских и племенных ополчений первых лет османских завоеваний, не сумевшие приобрести тимары, но оторвавшиеся от прежней социальной среды; многочисленные софта (учащиеся) мусульманских школ-медресе и обитатели дервишских текке и завие, число которых превышало потребности офи-

циальной духовной элиты в новых кадрах (получив образование, они также оказывались оторванными от прежней социальной среды и не прибывшимися к новой), и, наконец, мелкие тимариоты, неспособные на строго фиксированный законом доход с тимара обеспечить себе необходимую экипировку и участие в сипахийском ополчении. Многие из них отказывались от своих тимаров и считали для себя более выгодным идти в услужение к своим пашам. Такое положение сложилось в связи с тем, что к началу XVII в. до Османской империи докатилась «революция цен»⁴, ранее прошедшая по Западной Европе в связи с поступлением туда значительного количества золота и серебра из Нового Света. Изменение масштаба цен и нарушение прежней жесткой регламентации доходов, что было характерно для османского общества предшествующего периода, резко изменили положение сипахи, доходы которых были строго ограничены тем бератом (жалованной грамотой), который давался им на владение тимаром. Подтверждением того, что тимары рядовых сипахи перестали давать необходимое воину обеспечение, может служить тот факт, что в начале XVII в. в ряде районов Анатолии начинают официально предоставлять тимариотам два прежних тимара вместо одного⁵.

Все изменения социального и политического порядка, установленного в предшествующий период, нарастали постепенно, но в 1596 г. они получили резкий толчок, приведший к социальному взрыву. После тяжелого для османов сражения под Керезтешем в османской армии была проведена очередная проверка (йоклама) наличного состава тимариотской кавалерии. Было выявлено отсутствие многих тимариотов. За невыполнение военных обязательств у 30 тыс. тимариотов было предписано изъять тимары, а их самих казнить. Некоторых дезертиров, поймав, действительно казнили. Огромная же масса бывших тимариотов устремилась в Анатолию, где, потеряв тимары, а с ними и свой былой социальный и административный статус, влилась в состав уже имевшихся там секбано-левендских подразделений, сделав их более многочисленными и явно антиправительственно настроенными.

По сути дела, эта массовая правительственная акция по изъятию тимаров должна была ликвидировать или, по крайней мере, персонально обновить весь состав тимариотского войска. Возможна она стала потому, что эта часть османской армии к XVII в. во многом потеряла свое значение. Как уже было сказано, военные действия приходилось вести лишь в теплое время года. Пути, по которым собиралась армия, были твердо определены как в Анатолии, так и в Румелии, и средняя скорость движения также⁶. Отряды из разных санджаков собирались к местечку Давут-паша (равнина под Стамбулом, где проходили смотры войск, идущих на войну в Европе). Путь от Стамбула до австро-венгерской границы армия могла преодолеть не менее чем за 100 дней⁷. Следовательно, если использовать лишь теплое время года, то османская армия в войнах XVII в. действовала на пределах своих оперативных возможностей. Полностью вооруженные силы собирались в райо-

не войны лишь к концу того сезона, когда кавалерия могла вести военные действия. Так в печально знаменитую кампанию 1596 г., когда были применены карательные меры против тимариотских отрядов, основные силы османской армии собрались лишь к середине октября⁸. Османскому командованию становилось ясно, что в центрально-европейских войнах тимариотское ополчение уже не может успешно выполнять возложенные на него военные функции и нужна его реорганизация.

Попытка этой реорганизации ударила прежде всего по тимариотам Анатолии. В европейской части Османской империи тимариотам приходилось преодолевать меньшее расстояние, да и сам тимарный фонд там был более подвижен в результате постоянного приращения новых земель. Добавки к тимарам за военные заслуги европейским тимариотам было получать легче.

Итак, в самом конце XVI — начале XVII в. нарушение социальной стабильности в Анатолии достигло предела и вылилось в многочисленные по-военному организованные восстания, получившие название джеляли (по имени шейха Джеляля, возглавлявшего одно из антиосманских восстаний в начале XVI в.). Восставшие опустошали не только деревни и мелкие города, но и выжгли ряд кварталов прежней столицы османов Бурсы, разгромили окрестности таких крупных городов, как Конья, Амасья, Кайсери, взяли крепость Урфу и Токат. Вся жизнь Анатолии оказалась парализованной.

Известно более десятка предводителей восстаний. Наиболее крупные восстания возглавляли Кара-Языджи и Дели Хасан (1599—1603) и Календер-оглу (1592—1608), которые заявляли даже о том, что они стремятся вырвать Анатолию из-под власти османской династии. На стороне восставших действовали в разное время многие бейлербеи, санджакбеи, коменданты крепостей, сыновья крымского хана, проживавшие как заложники в Анатолии. В сочувствии восставшим обвинялся шейх уль-ислам Санулла.

Поскольку основная армия империи была в это время занята войной в Европе, против восставших посылались отдельные военачальники с наемными войсками, т.е. с такими же выбившимися из прежней социальной среды воинами, как и те восставшие, которых они должны были подчинить. Воевавшие в отрядах восставших и в войсках, посылавшихся против них, были, следовательно, людьми одного социального положения. Нередки были случаи, когда паши, посланные правительством для подавления восстаний джеляли и оказавшиеся не в состоянии выполнить возложенное на них поручение, опасаясь гнева султана, переходили на сторону восставших и даже становились их руководителями.

Султанское правительство, желая устранить или привлечь на свою сторону наиболее популярных руководителей восстаний, предоставляло им высокие административные должности, например, бейлербеев и санджакбеев, правда, как правило в Румелии, а не в Анатолии, где они действовали как джеляли. Хотя такие действия властей вызывали раз-

брод среди восставших, восстания продолжались, и окончательно справиться с ними правительство смогло лишь после спешного заключения мира с Австрией (1606 г.) и использования для подавления восстаний освободившейся армии. Однако, отдельные выступления восставших не прекращались в течение всей первой половины XVII в. Источники сообщают, что в результате подавления восстаний джеляли было уничтожено до 100 тыс. человек.

В ряды восставших были вовлечены многие группы населения Анатолии, в том числе и крестьянство. В условиях социальной нестабильности, когда все воевали против всех, оно не могло оставаться нейтральным, тем более что, в отличие от горожан, оно не было защищено городскими стенами и оказалось наиболее страдающим. С 1603 г. начинается так называемое «великое бегство» (бююк качгунлук) крестьянства, вынужденного из-за опустошений, вызванных восстаниями, покинуть свои дома и деревни⁹. Часть крестьян присоединилась к отрядам джеляли, другие шли в правительственные войска, подавлявшие восстания, многие бежали в более спокойные районы империи. Подтверждением последнего может служить султанский ферман 1618—1619 гг., в котором фиксируется сбор джизьи с греков и армян, переселившихся из Анатолии в район Софии¹⁰. Можно предположить, что бежало прежде всего христианское население Анатолии, что коренным образом меняло этническую и конфессиональную картину этой части империи.

Разумеется, с самого начала в восстаниях участвовали так называемые чифтбозаны, т.е. те бывшие крестьяне, которые по какой-либо причине лишались своих участков земли (чифтов) и оказывались вытесненными из сферы сельскохозяйственного производства. В условиях «демографического взрыва» XVII в.¹¹ (когда население Анатолии, по подсчетам О.Л. Баркана, выросло на 55,9%) и постоянно возрастающего рентно-налогового нажима государства, владельцев тимаров и других лиц, имевших по османским законам право на поборы с крестьянства, такие люди в Анатолии существовали и, как и другие деклассированные элементы, пытались, участвуя в восстаниях, найти для себя новый социальный статус. С 1603 г., однако, речь пошла уже о том крестьянстве, которое имело статус реая, т.е. податного населения, и как таковое защищалось государством. Если ранее они и участвовали в восстаниях, то лишь в целях самозащиты, чтобы уцелеть физически и сохранить свой крестьянский статус-райата или даже издольщика. Часто они участвовали в военных действиях вместе со своим рентополучателем, т.е. это была не антифеодальная борьба, а борьба за социальную стабильность и былые порядки. В результате же «великого бегства» многие районы Анатолии лишались крестьянского населения, а потому там сокращался ареал земледельческой культуры, начинало распространяться скотоводство, требовавшее меньшего количества рабочих рук¹².

Следовательно, восстания джеляли, этот «стресс общества», как их определил американский исследователь К.М. Кортепетер^{12а}, затрону-

ли не только социальную сферу, но и хозяйственную основу жизни Анатолии.

После подавления восстаний все формально вернулось к прежнему социальному порядку. Была восстановлена тимарная система и сипахийское ополчение. Вместе с тем изменились отношения между сипахи и крестьянством, способы организации хозяйства и положение сипахи-тимариотов в господствующем классе империи.

Еще в период восстаний шел массовый захват крестьянских земель предводителями джеляли, многие из которых сумели сохранить эти земли и после подавления восстаний. Затем ту же политику захвата земель продолжали представители вновь восстанавливаемой после восстаний османской администрации¹³. Даже султан в адалет-наме 1609 г. вынужден был констатировать повсеместное создание на крестьянской земле чифтликков¹⁴, т.е. хозяйств нового типа, построенных не на рентно-налоговых сборах с крестьянства, уступленных государством в пользу того или иного рентополучателя (как, например, тимар), а организуемых самим владельцем земли, как правило, на условиях издольщины. Показательно, что даже сам термин реайа, податное население, на протяжении XVII в. все реже и реже используется в отношении мусульманского крестьянства Анатолии. В XVIII в. он уже применяется лишь к немусульманскому населению, платящему специальную подушную подать — джизью. Крестьянство чифтликков перестает быть той частью населения империи, которая требует публично-правовой защиты государства. Между ним и владельцами земли начинают устанавливаться частно-правовые отношения.

Наряду с ростом чифтликков, продолжалась и раздача тимаров. Причем войск эти тимары должны были поставлять значительно больше, чем раньше. Так по данным двух трактатов, фиксирующих состояние земельного фонда в 1609 и 1653 гг., за немногим более чем 40-летний период число тимаров в империи возросло на 5439, а численность войска, поставляемого с этих владений, на 24850 человек¹⁵. Это свидетельствует о стремлении центральной власти более интенсивно использовать тимарный земельный фонд, а значит и о наступлении на доходы сипахи. Любопытные наблюдения по этому поводу высказывает болгарская исследовательница В. Мутафчиева, опубликовавшая материал смотров-проверок (йоклама) сипахийского войска, состоявшихся в 1605—1606 и 1607—1608 гг.¹⁶ Переписи, проводившиеся во время йоклама, показывают, что размеры доходов сипахи явно поляризовались. В ряде случаев за санджакбеем числился доход почти равный общему доходу всех сипахи санджака (например, в санджаках Чирмен, Нигболу, Дукакин) или даже больший, чем получали все вместе находившиеся под его началом сипахи (в Кырк-Килисе и Вазе). Большинство тимариотов в Румелии имели доходы в 3 тыс. акче, в Анатолии — 2 тыс., т.е. владели минимальными кылыч-тимарами, владельцы которых должны были лично участвовать в походах как воины-кавалеристы (джебелю). Вооруженных за свой счет всадников, которых положе-

но было выводить с каждых 5 тыс. акче тимарного дохода, могли содержать лишь санджакбеи. Следовательно, между ними и рядовыми сипахи, которых иногда сравнивают с полуничими европейскими рыцарями¹⁷, в XVII в. уже не оставалось среднего звена тимариотов.

После джелялийских потрясений конца XVI — начала XVII в. тимарная система в Османской империи была восстановлена и просуществовала еще почти 250 лет. Многие тимариоты разорялись, теряли свои земельные владения, но вплоть до ликвидации тимарной системы у них оставалась надежда вновь получить тимар за какие-либо военные заслуги. Они продолжали считать себя военными, аскери, что освобождало их от податей и не позволяло опуститься в разряд крестьянства. Отсюда — их постоянное желание воевать и соответствующее давление на султанское правительство и его политику.

Начиная с XVI в. в Османской империи шла ожесточенная борьба за перераспределение земельного фонда между военными (сипахийскими) и чиновническими категориями господствующего класса. Ранее, в первые века формирования османского общества и государства, в условиях постоянных войн и высокой потребности в притоке новых воинов, османские власти широко использовали тимарные пожалования как меру поощрения и привлечения в свои войска людей независимо от их родовой или социальной принадлежности. Так, в состав тимариотов-сипахи могли попасть отличившиеся на поле брани участники крестьянского или племенного ополчений, рядовые члены мусульманских религиозных братств, выходцы из различных бейликов и даже христиане, перешедшие на службу к завоевателям и на первых порах сохранявшие свое вероисповедание¹⁸.

К XVII в., когда фонд земель для раздачи воинам внутри имперских границ был фактически исчерпан, а новые европейские приращения давались с трудом, попасть в сипахи стало очень трудно. Внутри самих сипахи по происхождению появилось значительное количество ожидавших тимаров очередников, число которых особенно возросло после описанных выше восстаний джеляли. Для своевременного выявления свободных тимаров проводились частые проверки и даже «чистки» тимариотского состава, при которых отдельные сипахи лишались владений, в том числе под предлогом, что они не являются потомственными тимариотами¹⁹. В дидактических трактатах все настойчивее звучала мысль, что непозволительно реяе садиться на коня и брать в руки меч²⁰. Такое сословное обособление воинов не означало, однако, возвышения сипахи-тимариотов в социальном плане. Как уже говорилось, войско это по своим военным качествам не отвечало потребностям того времени, а их численное возрастание (в XVII в. империя могла собрать до 200 тыс. сипахи-кавалеристов) делало их плохо управляемыми и, как уже отмечалось, материально хуже обеспеченными, чем раньше. Кроме того, в самой армии создается мощный противовес тимариотской кавалерии. Это так называемые капыкулу («рабы /августейшего/ порога»), профессиональные воины, состоящие на жаловании у султа-

на. Как известно, сам термин кул, т.е. раб, слуга, в османских условиях генетически имел буквальный смысл — на армейскую службу привлекались обращенные в рабство военнопленные, а позднее насильственно набранные (этот набор — девширме, называли иногда «налогом кровью») дети христианских подданных империи. Их отрывали от родителей, изолировали от той среды, где они родились, обратив в ислам, воспитывали в мусульманском духе и «рабском служении» в турецких семьях разного материального достатка, а затем обучали в специальных школах-казармах при султанском дворе. Так формировались профессиональные воины без каких-либо социальных корней в обществе, зависимые лишь от султана и его милости. Среди капыкулу наиболее известно пехотное воинство — янычары, но были и другие как пехотные, так и кавалерийские, вспомогательные, а позднее и имевшие особое техническое оснащение (например, пушкари и т.п.) воинские подразделения²¹. Кроме денежного жалованья, они получали от казны пропитание, экипировку и вооружение. Численность капыкулу постоянно увеличивалась. Если в 1562/63 гг. в стране было 48316 капыкулу, то в 1660/61 — 94979. Лишь на жалованье им было затрачено в 1562/63 — 12649000 акче, а в 1660/61 — 308693368 акче²². Если же сюда добавить расходы на проживание, пропитание и вооружение, то сумма расходов на содержание капыкулу получается поистине огромной. Ведь известно, что весь налог с немусульман империи — джизье — составлял в 1660/61 лишь 141007977 акче. Общая же сумма доходов государства в том же финансовом году оценивается в 610338118 акче²³. Такие непомерные расходы вынуждали финансовые органы империи постоянно выискивать новые объекты налогообложения и увеличивать налоги. В этих условиях землю и крестьянство, как главные объекты налогообложения, становилось выгоднее не отдавать в тимарные держания, а сохранять как объекты государственных доходов (мукатаа) в распоряжении казны. Очевидно, что чрезвычайные меры по изъятию тимаров у лиц, якобы не явившихся к театру военных действий в 1596 г., были отчасти спровоцированы и этими расчетами финансовых чиновников империи.

Уже с XV в. капыкулу поставляли кадры не только для армии, но и для центрального административного аппарата империи и служб двора. Воспитанниками девширме были и многие великие везири, т.е. главные административные лица имперской чиновной иерархии.

На протяжении XVII в. власти постепенно отказываются от практики девширме и начинают пополнять ряды капыкулу за счет собственных резервов — детей капыкулу или воспитанников их высокопоставленной верхушки. Однако обособленность этой военной и социальной группировки от османского общества сохранилась, а их служение султану оставалось главным источником как материального благополучия, так и личной безопасности. Капыкулу перекрыли другим представителям военного класса путь к центральному имперскому управлению и все больше и больше претендовали на тот земельный фонд, ко-

торый ранее кормил сипахи. Не случайно, выразитель интересов сипахийской прослойки османских военных писал в 40-х гг. XVII в. о засилии иноземных (эджнеби) элементов во всех политических и военных «корпорациях»²⁴, хотя, разумеется, суть недовольства сипахи была не столько в этнических, сколько в социальных противоречиях²⁵, но выходцы из девширме, как правило, были к тому же и не турками и не мусульманами по происхождению, и это усугубляло конфликтность ситуации. В XVII в. известны лишь два великих визира, вышедшие из тимариотов, да и то своим возвышением они были обязаны покровительству видных деятелей, принадлежавших к системе капыкулу, и воспитанию в среде дворцовой бюрократии. Это Кеменкеш Кара Мустафа-паша, назначенный великим визиром в 1638 г., сын албанского заима, привезенный в детском возрасте в Стамбул и записанный в янычары в результате покровительства янычарского аги, и Кара Мустафа-паша Мерзифонлу, великий везир 1676—1683 гг., сын тимариота, рано оставшийся без отца и воспитанный в семье великих везиров Кепрюлю²⁶.

Верхушка капыкулу, занимая должности везиров, бейлербеев, членов султанского дивана, придворных аг, приобщалась к отличному от тимаров сипахи типу земельных пожалований — хассам и арпалыкам, которые не передавались по наследству, а были связаны с определенной должностью. Они были более крупными, чем все прочие султанские пожалования. Так, в начале XVII в. бейлербей Румелии имел годичный доход со своего хасса, равный 1,1 млн. акче, Анатолии — 1,6 млн., янычарский ага — 500 тыс. акче²⁷. Даже временное получение таких доходов позволяло скопить значительные богатства. Так, например, известно, что великий везир Коджа Синан-паша, один из главных инициаторов войны 1593—1606 г., владел несметными сокровищами, конфискованными казной после его смерти. Но даже после этой конфискации сын его передал в вакф значительные унаследованные им земельные владения, так как они были получены отцом в качестве мюлька (т.е. безусловного владения, не связанного с должностью), городскую собственность и денежную сумму в 1.600 тыс. акче, предназначенную для отдачи в рост. В качестве же везирского хасса Синан-паша имел владения в 42 округах (нахийе) европейских и малоазиатских районов империи. В хасс были записаны как села целиком, так и отдельные хозяйства, а также поступления по определенным налогам, собираемые в тимарных владениях других владетелей, налоги за пастбища у кочевников, некоторые платежи административного характера (например, за продажу беглых рабов)²⁹. Такая чересполосица доходов свидетельствовала о том, что тимары капыкулу (а хассы тоже считались одним из видов тимара) совсем не обязательно имели аграрный характер. Более того, используя привычную для предшествующего периода терминологию, вознаграждения капыкулу записывались как тимар даже в тех случаях, когда не имелся в виду какой-либо конкретный объект дохода. Так, при размещении янычарских отрядов в провинции их коман-

дирам был положен тимар, который представлял собой не что иное, как отчисления от жалования подчиненных ему янычаров³⁰. Итак, при формальном сохранении тимарной системы после восстаний джелали шли явные изменения в самой сути этой системы. Тимариоты переставали быть не только организаторами хозяйства на земле, но порой — даже надсмотрщиками над крестьянством. В крупных владениях капыкулу, дворцовой знати и самих султанов, появляются управители, а чаще просто откупщики налогов, которые имели дело с крестьянством, а сами владельцы хассов, арпалыков, башмаклыков и других пожалований свои владения могли даже не посещать, жить и работать в столице или ином назначенном султаном месте, являясь лишь некими рантье-рентополучателями. Их наследники, не получая родительских хассов, сохраняли однако мюльковое имущество и денежный капитал, которые для охраны от возможного султанского произвола передавали в вакф с наследственным управлением (т.е. в ведение какой-либо религиозно-благотворительной мусульманской организации — мечети, тюрбе, медресе и т.п., имущество которых считалось неприкосновенным). Получая проценты от вакуфного имущества, такие учредители вакфов так же выступали как паразитический слой рентополучателей³¹.

Для многих представителей высшей прослойки капыкулу начало их карьеры было обусловлено личными связями с султанским семейством или старыми родами беев-завоевателей, утратившими свои политические позиции, но сохранившими социальное положение и имущество главным образом благодаря наследственным вакфам. Среди капыкулу сложилась особая группа дамадов, зятьев, отстаивавших в высших эшелонах власти интересы семейств, с которыми они породнились. Многие из везиров, выходцев из девширме, были султанскими дамадами. Их женитьба на султанских дочерях и связь с гаремом во многом предопределяли их карьеру.

При формальном сохранении и господстве в землевладении хассов, арпалыков, различных тимаров и зеаметов в стране начинает, однако, поднимать голову новая знать, связанная с откупной системой, наследственными вакфами, управлением султанскими и иными хассами. Именно из них впоследствии складываются так называемые аяны, местная знать, строящая свое благополучие и получавшая властные функции не благодаря, а вопреки прежней государственной структуре. Рост снизу этой прослойки господствующего класса — процесс, характерный для XVII—XVIII вв. османской истории, в который успешно включились и некоторые слои османского общества, ранее отстраненные от функций государственного управления. Это уже упоминавшиеся роды беев-завоевателей первых лет существования османского государства, а также владетели окраин, которые сумели сохранить свои земли с доосманских времен на условиях юрдлуков, оджаклыков, хюкюметов, в которых они сами, независимо от государства, строили свои отношения с крестьянством³². Беря на себя функции местного управления, аяны все более и более отстраняли центральное правительство и султанский

двор от конкретных управленческих дел. Прежняя же местная знать — эхли орф, борясь с капыкулу, постепенно сходила с исторической арены, хотя в первой половине XVII в. она еще была способна дать бой меняющемуся обществу, не раз потрясая его основы³³.

В столице империи рубеж XVI—XVII вв. знаменуется кризисом власти. Его начало современники, а за ними и историческая традиция обычно связывают с убийством великого везира Мехмеда Соколу (октябрь 1579)³³. Эта смерть открыла эпоху политической нестабильности. В 1579—1595 гг. сменилось 10 великих везиров и 7 руководителей шариатского аппарата³⁴. До предела обострилась традиционная борьба верхушечных классов, возросла роль гарема. При султанах Мураде III (1574—1595) и Мехмеде III (1595—1603) огромную роль приобрела их мать (валиде) Сафийе-султан³⁵, венецианка по происхождению. Не без ее содействия итальянские ренегаты теснили в это время в высших эшелонах власти славянских выходцев из капыкулу.

Янычары, до этого отличавшиеся железной дисциплиной, с 1589 г., когда произошел их первый бунт в столице³⁶, превращаются, с одной стороны, в подобие преторианской гвардии, сменяющей неугодных государственных мужей, с другой — сближаются с торговцами и ремесленниками, так как в условиях сильной инфляции, охватившей страну, вынуждены были искать, кроме жалования, дополнительных источников материального обеспечения.

Используя рычаги государственного регулирования и контроля, османские власти в условиях «революции цен» сумели сохранить соотношение цен на товары первой необходимости (хотя сами цены, например, на продукты питания в Стамбуле, Бурсе, Эдирне увеличились в 7 раз)³⁷, но не сдержали процесса обесценивания денег. Это имело большие последствия, изменившие социальный климат в империи. Коррупция стала всеобщей. Даже султан Мурад III, говорили, не гнушался брать взятки. В 1584 г. правительство попыталось провести денежную реформу, уменьшив содержание серебра в акче с 1/5 до 1/8 дирхема. Курс акче стремительно упал. Если в 1582 г. за испанский реал давали еще 60 акче, то в 1595 — 120, в 1609 — 160 акче. К 1630 г. османская денежная система не выдержала напряжения и фактически развалилась. Даже внутри османского экономического пространства крупные платежи стали производиться в испанской валюте (реалах, пиастрах)³⁸.

Финансовые проблемы начинают отражаться и на внешнеполитических акциях. Так в войнах с Ираном 1577—1590, 1603—1618, 1623—1639 гг., которые по сути дела представляли единую «3-х фазную» войну³⁹, Османская империя фактически пошла на территориальные уступки⁴⁰ взамен возобновления выгодной для нее торговли шелком. Известно, что в 1586 г. три четверти ткацких станков в Бурсе стояли из-за нехватки шелка⁴¹, в то время как Иран усиленно искал для себя партнеров по торговле, вел переговоры с Испанией, итальянскими городами, Англией, Россией⁴². Лишь таможенные пошлины от торговли шелком давали ранее султану ежегодно 300 тыс. золотых, пополняя-

ших его личную казну ⁴³. Дефицит же казначейства в 1608 г. составлял 100 тыс. акче ⁴⁴. Уступка Тебриза и восточного Закавказья по ирано-османским договорам 1612 и 1618 гг. была платой за возобновление торговли. Разумеется, в османском обществе были силы, недовольные этими территориальными потерями, особенно возмущены были пограничные командиры. Есть предположение, что это недовольство было одной из причин убийства султана Османа II в 1622 г. ⁴⁵. Однако мирный договор в Каср-и Ширине в 1639 г. сохранил часть этих уступок, вернув фактически границу 1555 г. Эта граница между Османской империей и Ираном и в дальнейшем почти не менялась.

На фоне перманентно длящейся войны с Ираном османы, как известно, пытались продолжить свою агрессию в Европе, где новые территориальные приобретения могли, как они надеялись, помочь утолить земельный голод сипахийских слоев османского общества. Мехмед III лично возглавлял поход в Эгри (Эрлау) — важный стратегический пункт, контролирующий пути из Венгрии в Трансильванию, хотя султаны не делали этого со времен Сулеймана Великолепного. Во время этого похода и произошла та битва при Керезтеше (Хачова), после которой была сделана попытка ликвидации сипахийского войска. В дальнейшем со стороны османов война шла вяло. Летом они захватывали пограничные крепости противника, зимой их теряли ⁴⁶. Восстания в пограничных османских вассальных княжествах — Молдавии в 1572—1574 гг., Валахии в 1594—1601 гг., Трансильвании — в 1594 г., вовлекали в антиосманскую борьбу в этом регионе соседнюю Польшу и Крымское ханство. Последнее незадолго перед этим впервые не подчинилось воле султана и отказалось послать свои войска в поход на Кавказ ⁴⁷. Заключенный в 1606 г. мир, завершивший войну с Австрией, не удовлетворил османских претензий, так как не дал каких-то территориальных приобретений и признал двойную зависимость Трансильвании от Австрии и Османской империи ⁴⁸. Султанское правительство лишь развязало себе руки для борьбы с надвигающимся на страну хаосом. Кроме уже описанных восстаний джелели в Анатолии, беспокойно было и в других районах империи. В Алжире, Сирии, Ираке в 1596—1610 гг. царил атмосфера бунта и полного безначалия. В Кербеле в 1604 г. местные жители целиком вырезали турецкий гарнизон. В Йемене, аль-Хасе и других аравийских землях османская власть фактически пала. Укрепленные форты были разрушены, османские гарнизоны укрылись в нескольких приморских крепостях. В Тунисе и Западном Триполи янычары при поддержке городской бедноты захватили власть, там фактически возникли самостоятельные государства (в Тунисе в 1594 г., в Западном Триполи в 1603 г.) во главе с деями — выборными янычарскими правителями, лишь номинально считавшимися с прерогативами назначавшихся туда из Стамбула османских пашей. В Алжире аналогичный режим сложился в 1659—1671 гг. В Египте в 1587—1605 гг. произошло пять янычарских мятежей. В 1609 г. восставшие мамлюки захватили г. Танту (Нижний Египет) и попытались провозгласить здесь

создание независимого мамлюкского султаната. В Сирии и Ливане успешные восстания друзских эмиров Али Джумбулата в 1602—1607 гг. и Фахр ад-Дина II в 1598—1613 гг. привели к созданию недолговечных самостоятельных государств со столицами в Халебе и Бейруте. В 1618—1635 гг. Фахр ад-Дин пришел к власти в Горном Ливане, откуда поддерживал связи с папским престолом, получая из Рима поддержку своей антиосманской борьбы⁴⁹.

Для решения проблем страны уже недостаточно было «блистательного владения приемами бюрократического манипулирования», что, по выражению турецкого исследователя И. Ортайлы, спасало османские власти в предшествующий период⁵⁰. Нужны были реформы, новые подходы к решению проблем, вставших перед империей. Однако по этому вопросу в верхах не было единства. Небольшая часть султанского окружения понимала необходимость более или менее радикальных преобразований, связанных с отходом от некоторых сложившихся традиций. Большинство же выступало за восстановление доброго старого порядка, т.е. за сохранение и укрепление тех социально-экономических и политических институтов, которые сложились при Сулеймане I Кануни. На рубеже XVI—XVII вв. поклонники старины стали безмерно идеализировать времена Сулеймана как эпоху всеобщего благоденствия и процветания. Официально впервые об этом было заявлено при вступлении на престол Мехмеда III в его адалет-наме (так называемом «фермане справедливости», возвещавшем о намерениях нового султана и тех проблемах, с которыми он столкнулся, вступая на престол)⁵¹. Такие ностальгические предствления о прошлом поддерживались тимариотами, многими янычарами, крестьянством, мусульманским духовенством. В этих слоях забвение старых законов и обычаев вызывало подозрительность и недоверие. Любые попытки отступить от них блокировались всемогущим духовенством и стоявшим за ним народом, как это было, например, в период короткого правления Османа II (1618—1622). Едва придя к власти, он попытался изменить некоторые традиции. Он задумал реформу шейх уль-исламата и всего аппарата шариатской власти, хотел сам формировать иерархию улемов. В первую очередь, он хотел избавиться от влияния капыкулу, женщин и аг гарема, опиравшихся на различные янычарские группировки. Для этого, как утверждают современники, он намеревался провести военную реформу, распустить янычар и сипахийские полки капыкулу и создать новое войско. Оно должно было формироваться за счет привлечения в армию молодых людей из мусульманских районов Анатолии и Сирии, частично за счет мамлюков. Во всем этом усматривали стремление Османа II тюркизировать армию и государственный аппарат, избавиться их от засилья «эджнеби», то есть чужаков-иностранцев из капыкулу. С этим же связывали его намерение перенести столицу в турецкую Бурсу или Анкару. В 1621 г. Осман II выступил против аристократии-девширме и под предлогом хаджа начал подготовку к отъезду из Стамбула. В ответ на это янычары, подстрекаемые духовенством, подняли вос-

стание и на основании фетвы шейх уль-ислама низложили Османа II, а затем подвергли его зверской и унижительной казни⁵².

После гибели Османа II в Стамбуле возобладали прямо противоположный курс — политика традиционализма, подразумевавшая искоренение еретических «новшеств» и восстановление староосманских порядков. Однако утвердить их было непросто. При Мустафе I (1622—1623) и в первый период правления Мурада IV (1623—1640) в стране продолжалась борьба различных группировок капыкулу и отдельных провинциальных пашей, неоднократно угрожавших походами на столицу (например, в период восстания Абаза-паши в 1622—1628 гг.)⁵³. В самом Стамбуле бесчинствовали различные вооруженные банды, грабившие, а то и убивавшие наиболее зажиточных горожан. Отдельные знатные люди и городские кварталы, используя наемников, вынуждены были сами заботиться о своей безопасности. Лишь во второй период правления Мурада IV традиционалисты добились решающего успеха. В 1631 г. султану была подана знаменитая «Записка» (Рисале) Кочибея — подлинный манифест янычар, мелких тимариотов и других приверженцев старины, требовавших вернуться к «законности» Сулеймана I Кануни. Мурад IV благосклонно принял «Записку» и фактически положил ее в основу своей политики⁵⁴. Командиры отдельных янычарских корпусов и лидеры различных группировок правящего класса подписали общий документ-декларацию о поддержке султана. С их помощью Мураду IV в сравнительно короткий срок удалось навести железный порядок. При содействии янычар и сочувствии широких народных масс было организовано массовое побоище участников вооруженных банд и других противников реставрации. Примечательно, что в это время посты великих везиров стали занимать, как правило, албанцы-мусульмане, вытеснившие из высших эшелонов власти итальянских ренегатов и выходцев из сербских кланов капыкулу.

Мурад IV сделал довольно успешную попытку восстановить тимарную систему как финансово-экономическую основу османской армии и администрации. Одновременно был усилен жесткий контроль над всеми слоями общества. Султану удалось избавиться от наиболее одиозных фигур в своем окружении, запятнавших себя коррупцией и другими злоупотреблениями. Произошедший в это время страшный пожар Стамбула (выгорела почти четверть этого огромного города) был объявлен знамением Аллаха, наказывающего за отступление от шариата. Строжайшим образом были запрещены спиртные напитки, кофе, табак, закрыты все кофейни и питейные заведения, считавшиеся рассадниками вольномыслия. Более жестко стали соблюдаться конфессиональные различия в одежде и головных уборах. Усилились внутренний шпионаж, доноительство, всевозможные слежки. Ходили легенды, что сам султан в простом платье тайно бродил по улицам, наблюдая за своими подданными, а затем строго карал их за всевозможные, даже мелкие, нарушения. Успехи Мурада IV были недолговечными, но память о терроре того времени и одиозная фигура султана-шпи-

она надолго осталась в народном сознании. Характерно, что после Мурада IV ни один из отпрысков султанской фамилии никогда больше не получал этого имени⁵⁶.

Смерть тирана привела к новому разброду в правящих кругах и вновь обострила борьбу за власть. При Ибрагиме I (1640—1648) возобновились выступления в провинциях, коррупция, продажи с торгов всех должностей в государстве. Снова усилилось влияние гарема. Валиде Кесем-султан подозревалась даже в тайных сношениях с венецианцами во время начавшейся в это время (с 1645 г.) войны за Крит. При дворе культивировалась всевозможная роскошь, возникла мода на меха, в связи с чем усилилось значение торговли с Россией — главным поставщиком мехов. Свержение султана Ибрагима и возведение на трон семилетнего Мехмеда IV (1648—1687) не решило проблемы. В стране продолжался хаос. Усилился процесс обесценивания денег, что вызвало в 1651 г. в Стамбуле одно из наиболее сильных городских восстаний. В провинциях правители эйалетов и их наемные войска (левенды, дели, секбаны, сарыджа) выступали как грабители населения. Турецкий историк М. Акдаг называет это время периодом «разбоя пашей»⁵⁷. Местная знать через кадиев и их службы пыталась найти защиту от этих чиновных разбойников у султана, что помогло султанскому окружению на время овладеть обстановкой. Подавление восстания в Стамбуле, конфискация имущества у ряда придворных (в том числе и у валиде, султанши матери), жесткие наказания за взятки позволили несколько стабилизировать финансовое положение. В 1652—1653 гг. была сделана даже попытка составить бюджет империи, в котором на год вперед были бы сбалансированы все расходы и доходы. Эта попытка, однако, не увенчалась успехом, а ее инициатор Торхунджу Ахмед-паша казнен. В 1653—1656 гг. опять начался политический хаос⁵⁸.

Итак, середина XVII в. — это апогей внутренних беспорядков и провинциальных усобиц, что однако не приводило к развалу государства, а напротив, способствовало единению вокруг султанской власти тех сил, которые, по европейской логике, должны были выступать за децентрализацию государства. Суть этого процесса в самом характере османской власти и той государственной структуры, которая объединяла эту огромную империю.

Провинциальные паши — везиры, бейлербеи и т.п., по своей должностной сути государственные чиновники, потрясавшие страну своими выступлениями против центра и грабившие народ, не имели опоры среди местного населения. Это были выходцы из дворца, из рабов падишаха, чуждых местному обществу. Даже включившие в свой состав некоторых бывших вождей джеляли и казалось бы по своему этническому составу приблизившись к анатолийской среде, они все-таки оставались для нее внешней силой, усвоившей к тому же разбойные традиции джелялийского периода. Потому-то ни эрзерумский Абаза Мехмед-паша, в двадцатые годы более шести лет державший в напряжении Анатолию, грозивший походом на Стамбул и расправой с теми,

кто убил Османа II, ни вали Сиваса Вардар Али-паша, пытавшийся создать антисултанскую коалицию вали (правителей вилайетов) в 40-е годы, не могли опереться на те или иные территории империи и их население. Это были лишь лидеры мятежных армий, своих наемников-секбанов и сарыджа, или расквартированных в провинциях войск капыкулу.

Местное население через кадиев пыталось апеллировать к султанской власти, ища у нее защиты от насилия, грабежа и разбоя пашей и их подчиненных. В своем недовольстве правителями провинций объединялись крестьяне, горожане, тимариоты, т.е. все те, кто как-то был связан с производственной деятельностью или доходами от земли, торговли, ремесла или хотя бы с теми налогами, которые собирались с этих хозяйственных объектов. В этом плане у них были союзники и в султанском окружении, поскольку «кормления» ряда представителей государственного аппарата, служителей двора, членов султанской семьи и некоторых женщин гарема — их так называемые арпалыки, башмаклыки и т.п., также страдали от разбоя провинциальных пашей. К этому времени сложилась «чересполосица» пожалованных. Даже санджаки могли быть пожалованы либо санджакбею, правителю этой административной единицы, либо, в качестве арпалыка, тому или иному правительственному чиновнику или дворцовому служителю. В тимарных районах Османской империи, главной опоре имперской структуры, хотя и развивалась тенденция к сепаратизму отдельных областей, но сильнее оказывалось стремление к сохранению традиций тимарных отношений и сильной султанской власти. При этом лица, связанные с доходами феодального (рентного) характера, владельцы мюльков, разного рода тимаров, управители вакфов скорее выступали за восстановление централизованного султанского управления страной, чем за сепаратизм, так как лишь султан и его армия могли обеспечить какой-то порядок в стране. Как отмечал турецкий исследователь этого периода Мустафа Акдаг, именно «строй секбанов, сарыджа и левендов» определял суть османского общества того времени, не зная его, «невозможно понять социальную, экономическую и даже политическую историю этого периода в жизни турецкого общества»⁵⁹. Перед нами некая «феодальная раздробленность» наоборот, когда именно феодальные элементы выступают за сильную султанскую власть, а дестабилизирующими силами являются агенты административных структур. Для внешнеполитической деятельности империи это явление имело то значение, что правительство порой из-за недостатка сил и средств для осуществления собственных внешнеполитических акций и, желая на какое-то время дать отдохнуть населению от произвола провинциальных администраторов, привлекало их для военных действий за пределами собственного государства, либо в пограничных вассальных областях. Так, мы видим некоторых румелийских, анатолийских и иных бейлербеев, участвующими со своими подвластными войсками в военных действиях в Дунайских княжествах, Трансильвании, Причерноморье и даже в

столкновениях с Польшей и Австрией и это тогда, когда официально султанское правительство каких-либо войн в этом регионе не ведет и, более того, его армия занята в Иране. Именно иранский фронт поглощал главное внимание, силы и средства Османской империи в 1623—1639 гг., так как к этому времени шах Аббас I значительно усилил свою военную мощь. В ходе войны персы оккупировали Ирак и в течение пятнадцати лет удерживали Багдад. Лишь благодаря значительным усилиям Мурада IV удалось взять Ереван (1635—1636), а затем вернуть Месопотамию и Багдад (1638) ⁶⁰.

На западе постоянным фоном, время от времени дающим отдельные вспышки, была конфронтация с Испанией. Опираясь на укрепленные базы вдоль южного побережья Средиземного моря — самой сильной была неприступная цитадель г. Алжир, — турецкие рейдеры наносили внезапные удары по торговым коммуникациям европейских стран. В 1645 г. начинается Кандийская война с Венецией, на четверть века приковавшая к району острова Крит основные военные силы Османской империи. Неудачное начало этой войны и неоднократные венецианские рейды в Дарданеллы ⁶¹ заставили султанское правительство сосредоточить свое главное внимание именно на этом направлении внешней политики, сдавая порой позиции на других фронтах европейского противостояния.

Центральноевропейские державы, занятые с 1618 г. в кровопролитной и жизненно важной для них Тридцатилетней войне, получили на это время некоторую передышку от османского натиска. Объяснить ее можно лишь внутренними проблемами Османской империи.

В Стамбуле и при султанском дворе в это время шла борьба, в которой опорой тех или иных кланов, личностей и группировок служили три силы — янычарский корпус, так называемые сипахи алты белюк (т.е. конница капыкулу, как и янычары получающая экипировку в жаловании из казны и объединенная в шесть подразделений — алты белюк), и многочисленные силы, связанные с улемской организацией. Последние были представлены, прежде всего, учащимися различных религиозных школ (софта), численность которых была очень значительна, и тем мусульманским духовенством (улема), которое не всегда имело службу и соответственно доход, а потому было настроено мятежно не только в отношении султанской власти, но и собственного главы — шейх уль-ислама. Те улемы, которые имели должность кадия (мусульманского судьи), преподавателя медресе, имама мечети или управителя вакфа, были настроены более последовательно просултански и против провинциальных пашей. Раскол в настроениях корпуса улемов делал его порой малопредсказуемым в той позиции, которую он мог занять в дворцовых конфликтных ситуациях.

Коалиции трех вышеуказанных сил решали зачастую судьбы султанов, везиров, их политики и реформ. Так, их общее недовольство привело к гибели Османа II и свержению Ибрагима I. В большей же части случаев султанскому окружению удавалось манипулировать ими, про-

тивопоставляя друг другу. Обычно инициатором волнений в Стамбуле выступали янычары или алты белюк и побеждали те из них, кому удавалось привлечь на свою сторону улемов. Для того, чтобы не допускать единства интересов янычар и сипахи, султанские власти устраивали с ними многочисленные встречи. С лидерами недовольных беседовали везир и другие лица султанского окружения, а то и сам султан, собирались заседания Дивана, где мятежно настроенных янычар, сипахи или улемов ублажали, убеждали, подкупали или им уступали, отправляя в отставку или казня неугодных руководителей тех или иных государственных ведомств или даже великих везиров. В этих условиях на государственных должностях преуспевали не те, кто был их достоин по деловым качествам, а те, кто умел ладить с указанными выше «группами давления». Последние же, выступая против того или иного деятеля, обвиняли его во взяточничестве, сокрытии от падишаха истинного положения дел в стране или на фронтах военных действий, связях с мятежниками в Анатолии. Все эти обвинения, как правило, были справедливыми, ибо такие методы управления страной и двором были традиционными для османской правящей среды того времени.

Потому-то у всех высокопоставленных лиц во главе с великим везиром не было уверенности, что они надолго сумеют сохранить свою должность. Отсюда непоследовательность, особенно в тех мероприятиях, которые требовали длительности для своего претворения в жизнь. В первую очередь, в таких условиях страдала внешняя политика. Отдельные импульсы агрессии, особенно характерные для европейской политики османов, порой не имели продолжения, а выгодные для новых завоеваний моменты упускались. Так, например, использование трансильванского князя Габора Бетлена в антиавстрийской борьбе, что сулило Османской империи большие выгоды, было непоследовательным. Внедрение его в круг европейских монархов (избрание на венгерский престол и переговоры о польской короне) могло бы дать османам возможность более активно и с выгодой для себя использовать этот канал, если не военного, то хотя бы дипломатического укрепления своих позиций в центрально-европейском регионе. Однако в нужный для Бетлена момент в 1623 г. Порта предоставила ему лишь 20 тыс. плохо вооруженных пограничных войск без пушек, что не позволило трансильванскому князю удержать былые позиции⁶². Даже войны с Австрией (1593—1603) и Польшей (1620—1621) имели для османского государства главным образом лишь то значение, что заставляли более решительно думать о реформе армии. Многочисленные набеги крымских татар (по польским подсчетам 76 за 1606—1649 г.⁶³) на Польшу и Россию и казацкие походы на Крым и Османскую империю, вызывавшие раздражение той и другой стороны, заключение многочисленных договоров, которые практически не соблюдались, поддерживали пограничную нестабильность в регионе, давая предлог, в случае благоприятных условий, в любой момент начать войну⁶⁴.

Османская империя сохраняла на севере для себя условия для будущих войн, но самих военных действий после 1621 г. вести явно не собиралась. Более того, через православное греческое духовенство, христианских господарей вассальных княжеств, а порой и крымского хана и других своих ногайских и северокавказских подданных, а также комендантов пограничных областей, Порта более грамотно, чем в предшествующий период, пыталась участвовать в европейских дипломатических интригах. Вовлечение столь широкого круга лиц в политические отношения этого региона казалось бы делало эти отношения менее контролируемыми центральным правительством. И это действительно имело место в 20-е — 50-е гг., когда империя была занята преодолением внутренних трудностей и военными действиями на других границах. Однако, как показали последующие события, все эти переговоры, обещания, договоры и союзы, оставались лишь политическими интригами, умело направляемыми и допускаемыми Портой лишь до некоего предела, далее которого она не позволяла идти ни своим подданным, ни иностранным дипломатам. Дальнейшие завоевания в Центральной Европе все еще оставались целью султанской политики, которую Османская империя и попыталась осуществить во второй половине XVII в.

- ¹ См.: *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873; *Тверитинова А.С.* Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI—XVII вв. М., 1960; Ельхадж Ахмед Али паша. Османски политически трактат. Подг. за печат Б. Цветкова. София, 1972; *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 228—305.
- ² См.: *Тверитинова А.С.* Восстание Кара-Языджи = Дели Хасана в Турции. М.-Л., 1946; *Akdag M.* Celali İsyanları Başlamasi // Dil, Tarih, Coğrafya Fakültesi Dergisi. T. IV, № I. Ankara, 1945; *idem.* Celali isyanlari 1550—1603. Ankara, 1965; *idem.* Türk Halkinin Dirlik ve Düzenlik Kavgasi. Ankara, 1975; *Орешкова С.Ф.* К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в. // Общественные движения и их идеология в дубуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 129—141; *Cook M.* Population Pressure in Rural Anatolia. 1450—1600. Ox., 1972.
- ³ См.: *Dimitrov St., Mutaftçieva V.* Sur L'Etat des Système des Timar des XVII-e, XVIII-e s. Sofia, 1968.
- ⁴ *Barkan Ö. L.* The Price Revolution of the Sixteenth Century: A Turning Point in the Economic History of the Near East // *International Journal of Middle East Studies.* L. — N. Y., 1975. T. 6. № I. P. 3—28; *Мейер М.С.* Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // *НАА.* 1975. № I. С. 96—107; там же см. библиографию проблемы.
- ⁵ *Cook M.* Population Pressur in Rural Anatolia. P. 100.
- ⁶ См.: *Teaschner F.* Das anatolische Wegenätz nach Osmanischen Quellen. Leipzig, 1929.
- ⁷ *Coles P.* The Ottoman Impact o Europa. L., 1968. P. 104—105.
- ⁸ *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1829. Bd. IV. S. 262—273.
- ⁹ *Akdag M.* Cellali İsyanlarından Büyük Kaçgunluk. 1603—1606 // *Tarih Araştırmaları*

- Dergisi. Ankara, 1964. Т. 2. № 1—2.
- ¹⁰ *Akdag M.* Türk Halkinin Dirlik ve Düzenlik Kavgasi. С. 455—490.
- ¹¹ *Barkan Ö.L.* Quelques remarques sur la constitution sociale et démographique des villes balkaniques au cours de XV et XVI siècles // Bulletin de L'Association Internationale d'études du Sud-Est Européen. Buc., 1974. Т. 12. № 2. P. 151—173.
- ¹² *Akdag M.* Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye Tarihi // Tarih arařirmalar dergisi. Ankara, 1968. Т. IV. № 6—7. С. 200.
- ^{12a} *Kortepeter C.M.* Ottoman Imperialism During the Reformation Europe and the Caucasus. N.Y. — L., 1972. P. 243.
- ¹³ *Akdag M.* Genel çizgilerile XVII yüzyıl... С. 212.
- ¹⁴ См.: *Димитров С.* За аграрните отношения в България през XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962. С. 129—166.
- ¹⁵ *Димитров С.* За аграрните... С. 150.
- ¹⁶ *Dimitrov S. Mutařçieva V.* Sur L'Etat des Systeme des Timar... P.18.
- ¹⁷ *Мутафчиева В.П.* За състоянето на спахилька през XV—XVIII в. // Исторически преглед. София, 1952. № 2.
- ¹⁸ *İnalçik H.* Ottoman Methods of Conquest // Studia İslamica. 1954. P. 103—129; *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorlugunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak sürgüt // İktisat Fakültesi Mecmuası. İstanbul, 1953—56; *Цветкова Б.* Новые данные о христианах-спахиях в период турецкого господства // Византийский временник. М., 1958. Т. 13.
- ¹⁹ *Barkan Ö.L.* «Feodal» düzen ve Osmanlı timar // Türkiye İktisat Tarihi Semineri. Metinler. Tartışmalar. Hecettepe Üniversitesi yayınlari. Ankara, 1975. Т. 13. С. 19.
- ²⁰ См.: *Тверитинова А.С.* Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI—XVII вв. М., 1960.
- ²¹ Подробнее см.: Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). Изд. текста, пер. с тур., введен., комент. и указ. И.Е.Петросян. М., 1987.
- ²² Хезарфенн Хюсейн. Телхис аль бейан фи каваныни ал-и Осман // ЛФ ИВ РАН. Отдел рукописей. Шифр Д-217-І. Л. 28 а.
- ²³ См.: *Barkan Ö.L.* 1079—1080 (1660—1661) tarihi osmanlı bütçesi ve bir mukayesi // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1955—1956. Т. 17. № 1—4.
- ²⁴ *Смирнов В.Д.* Кочибей Гёмюрджинский... С. 135—136.
- ²⁵ *Тверитинова А.С.* Восстание Кара-Языджи = Дели Хасана в Турции. С. 40—41.
- ²⁶ См.: *Akdag M.* Genel çizgilerile XVII yüzyıl... С. 20.
- ²⁷ См.: *Мутафчиева В.П.* За състоянето на спахилька...
- ²⁸ *Келешики Х., Мехмедовски М.* Три вакуфнами на Качаникли Мехмед паша. Скопје, 1958; *Мутафчиева В.П.* Описание хассов великого везира Синан-паши // Восточные источники по истории народов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 238—239.
- ²⁹ *Мутафчиева В.П.* Описание хассов... С. 236—256.
- ³⁰ *Петросян И.Е.* Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XV—XVII вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1985. С. 66—71.
- ³¹ *Мутафчиева В.* Към въпроса за състава и облика за османската феодална класа през

- XV—XVIII в. // Исторически преглед. София, 1962. Кн. 6. С. 60—67.
- 32 *Сванидзе М.Х.* О юрдуках и оджаклыках как одной из форм землевладения в Османской империи (на примере Чилдырского эялета). М., 1956.
- 33 *Gökbilgin M.T.* Mehmet Paşa Sokollu // *İslam ansiklopedisi*. Т. 7. С. 595—605; *Refik A.* Sokollu. İstanbul, 1924; *Öztuna T.Y.* Sokollu Mehmet Paşa. Tarihten sesler. İstanbul, 1945.
- 34 Список везиров и шейх уль-исламов и комментарии к нему см.: Хезарфен Хюсейн. Телхис аль бейан... Л. 82а—89а.
- 35 *Akdag M.* Genel çizgilerile XVII yüzyil... С. 210—215.
- 36 *Sahillioglu H.* Sivis Yili Buhranlari // *İktisat Fakültesi Mecmuasi*. 1967—1968. Т. 27. С. 75—111.
- 37 *Barkan Ö. L.* The Price Revolution... P. 3—28.
- 38 *Karamursal Z.* Osmanli malî tarihi hakkında tetkikler. Ankara, 1940.
- 39 Такое определение войн Ирана с Османской империей в первой половине XVII в. предложил Р.В. Олсон. См.: *Olson R.W.* The Siege of Mosul and Ottoman-persian Relation 1718—1748 // A Study of Rebellion in the Capital and War in the Provinces of the Ottoman Empire. Bloomington, 1975. P. 17.
- 40 *Olson R.W.* The Siege of Mosul... P. 20.
- 41 *İnalçik H.* The Ottoman Economic Mind and Aspects of the Ottoman Economy // *Studies in the Economic History of the Middle East*. L., 1970. P. 207—219.
- 42 *Minorsky V.* The Middle East in Western Politics in the 13 th, 15 th. and 17 th Centuries // *JRCAT* 1940. Т. 27. P. 438—461; *İnalçik H.* Osmanli-rus Rekabatinin Mensei ve Don-Volga Kanali Teşebbüsü // *Bellekten*. Ankara, 1948. Т. II. № 46. P. 391—396.
- 43 *Peçevi İbrahim.* Peçevi tarihi. İstanbul, 1968. Т. 2. С. 442; *Olson R.W.* The Siege of Mosul... P. 20.
- 44 *Sahillioglu H.* Sivis Yili Buhranlari... С. 92.
- 45 *Olson R.W.* The Siege of Mosul... P. 20.
- 46 Подробно о военных проблемах османо-австрийских войн см.: *Loebl A.* Geschichte des Türkenkriegen von 1593—1606. Prague, 1899—1904. Bd. I.
- 47 См.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
- 48 См.: *Hammer J.* Geschichte... S. 393—396.
- 49 Подробнее см.: *Cambridge History of İslam*. Vol. I. P. 324—353.
- 50 *Ortaylı İ.* The Ottoman Empire at the end XVII century // *Ortaylı İ.* Studies on Ottoman transformation. İstanbul, 1994. P. 1—9.
- 51 *İnalçik H.* Adalet-nameler. Belgeler. 1976. Т. 2. С. 192—193.
- 52 *Shaw St.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Cambridge—L.—N.Y. — Melbourne, 1976. P. 192—193.
- 53 См.: *Зуляян М.К.* Обстоятельства восстания Абаза-паши в Эрзеруме. // Средние века. История. Культура. Источниковедение. М., 1980. С. 151—158.
- 54 См.: *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский...; *Тверитинова А.С.* Второй трактат Кочибей // Ученые записки Института востоковедения. М.—Л., 1953. Т. 6. С. 212—268.
- 55 См.: *Akdag M.* Genel çizgilerile XVII yüzyil... С. 230.
- 56 См.: *Shaw St.* History of the Ottoman Empire... P. 197—201.

-
- ⁵⁷ *Akdag M. Genel çizgillerile XVII yüzyıl....* С. 217.
- ⁵⁸ *Shaw St. History of the Ottoman Empire...* P. 203—206.
- ⁵⁹ *Akdag M. Genel çizgillerile XVII yüzyıl....* С. 226.
- ⁶⁰ См.: *Sahillioglu H. Dördüncü Murad'ın Revan Seferi Kronolojisi // Belleten. 1942. № 6. С. 547—576.*
- ⁶¹ *Shaw St. History of the Ottoman Empire...* P. 203—206.
- ⁶² Подробнее см.: *Akdag M. Genel çizgillerile XVII yüzyıl....* С. 217—227.
- ⁶³ См.: *Werner E. Markow W. Geschichte der Türken von Anfängen bis zum Gegenwart. В., 1978. S. 138.*
- ⁶⁴ См.: *Хензель В. Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI—XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 155.*
- ⁶⁵ *Серчик В. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII в. // Россия, Польша... С. 174—196; Османская империя в первой четверти XVII века. М., 1984.*
- ⁶⁶ *Hering G. Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik (1620—1638). Wiesbaden, 1968; Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990.*

**ОТНОШЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ
С КОНЦА XVI в. ДО НАЧАЛА
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1618 г.)**

**КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ И ТРАНСИЛЬВАНИЯ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ОСМАНОВ С ГАБСБУРГАМИ**

В 1590 г. Османская империя закончила войну с Ираном, начавшуюся в 1578 г. Только людские потери османов составили около миллиона человек (правда, по завышенным утверждениям современников)¹. Лишь около 15% обязанных являться в сипахийское войско исполняли эту обязанность. Начавшееся разрушение военно-ленной системы империи обусловило снижение боеспособности войска. Первым зримым проявлением военной слабости стало поражение османской эскадры при Лепанто (1571 г.). Территориальное расширение империи замедлилось. К началу Тридцатилетней войны Порты резко ограничила планы своих дальнейших завоеваний, в том числе в бассейне Дуная.

Под властью представителей австрийской ветви династии Габсбургов, отделившейся от испанской в 1521 — 1522 гг., находились так называемые «наследственные владения» (Моравия, Силезия, Лаузиц-Лужица, Штирия, Каринтия, Крайна, Тироль, Передняя Австрия, эрцгерцогство Австрия — Нижняя и Верхняя Австрия). В качестве избираемых королей Габсбурги этой ветви правили также в Чехии и Венгрии. С 1556 г. правителям австрийской ветви удавалось сохранять за собой трон императора «Священной Римской империи германской нации» (Германской империи) — конгломерата княжеств на территории современной Германии, реальной властью над которыми император не располагал. В каждом из владений Габсбургов функционировали сословные собрания. Общеавстрийский ландтаг был сформирован только с 1614 г. Выделение необходимых для ведения войн денег (вотирование налогов) зависело от решений сословных собраний, в Германии помощь для войны с османами могли предоставить имперские князья на общеимперском собрании — рейхстаге. Финансовое положение императорской власти определяло и выбор стратегии в отношениях с Османской империей. В 1577 г. эту стратегию выработал центральный для всех владений Габсбургов Придворный военный совет (существовал

с 1556 г.). Годичные расходы в случае войны с османами он оценил в 1228 тыс. флоринов, что превосходило доход с королевства Венгрии и Германской империи. Приняв во внимание недостаток средств и другие факторы, военный совет высказался за оборонительную стратегию. Не могло быть и речи об организации походов с целью освобождения Среднего Подунавья от подчинения османам. Хотя оборонительная стратегия оставляла под властью Порты часть этнической территории венгров и не избавляла пограничные территории от опустошительных набегов османских отрядов, в сложившейся ситуации она была выгодна и народам Среднего Подунавья (прежде всего, венграм), проживавшим в габсбургском королевстве Венгрии, так как обеспечивала их сохранение и развитие.

При реализации оборонительной стратегии австрийские Габсбурги получали определенную финансовую поддержку западных держав. В правление Рудольфа II (в качестве короля Венгрии известен как Рудольф I: 1576 — 1608) германские рейхстаги выделяли на оборону от османов (так называемая «турецкая помощь») ежегодно ок. 200 — 300 тыс. флоринов. Во время Пятнадцатилетней войны король Испании предоставлял ежегодно 100 тыс. золотых, дважды — по 300 тыс., в 1594 г. — 400 тыс. Папа выделил всего 170 тыс. золотых.

Объединению всех сил Европы для борьбы против османов мешали политическая и экономическая раздробленность Германской империи, где не было общей денежной системы, общей политики, общего постоянного войска. Различны были интересы и других государств. Приближавшаяся к своему упадку Испания Филиппа II Габсбурга (1555 — 1598) в конце 80-х годов XVI в. находилась в жесткой конфронтации с Англией (гибель «Непобедимой армады» произошла в 1588 г.), а с 1584 г. фактически участвовала на стороне католиков в гражданской войне во Франции, находившейся с 1536 г. в союзе с Османской империей. Война с Францией (1585 — 1598) завершилась Верденским миром 1598 г. Таким образом, политические интересы основных крупных государств Западной и Центральной Европы были далеки от балканских и среднедунайских проблем.

Участие ряда европейских стран в Пятнадцатилетней («Долгой») войне имело ограниченное значение. Оно выразилось во вступлении в Священную лигу, созданную в 1593 г. по инициативе папы Климента VIII (1592 — 1605), Испании, нескольких государств Италии и Германской империи. Участники лиги ограничивались снаряжением и оплатой отрядов наемников, действовавших под общим командованием имперских военачальников². В феврале 1594 г. к лиге присоединился трансильванский князь Жигмонд Батори (1588 — 1602 гг., с перерывами) после переговоров его представителя с папой, пославшим в Трансильванию особого нунция, и с императором Рудольфом. Но ближайший сосед княжества Речь Посполитая сохраняла дружеские отношения с Портой. В 1595 г. поддержкой польских властей пользовался их ставленник на молдавском престоле Иеремия Могила. В 1599 г. представители Польши и Иере-

мии действовали в Стамбуле в интересах ставшего князем Трансильвании кардинала Андраша Батори. А в 1601 г. польский канцлер Ян Замойский поддержал Жигмонда Батори в его борьбе с габсбургским генералом Бастой³.

Сложное международное положение и отсутствие денежных ресурсов не позволяли вести борьбу за изгнание османов из Центральной Европы. Но неблагоприятная для Османской империи внутренняя ситуация и наличие определенных сил у Габсбургов позволяли остановить экспансию османов. При этом наиболее боеспособным контингентом являлись иностранные (в основном немецкие) наемники — пехотинцы с западноевропейским вооружением и полутяжеловооруженные конники. Местное население (главным образом, венгры) платило на их содержание огромные налоги, страдая от бесчинств наемников (которые вели себя, как в завоеванной стране) и от опустошительных набегов османов. Менее боеспособные по сравнению с наемниками местные воинские формирования также вносили свой вклад в сопротивление османской экспансии. Эти формирования состояли из оплачиваемых (в два раза меньше, чем иностранцы) воинов пограничных крепостей, частных отрядов крупных землевладельцев, нерегулярных пограничных отрядов, включавших частично так называемых «свободных хайдуков» из многотысячного слоя лишившихся земли крестьян. Наименее боеспособным было крестьянское ополчение, созываемое «в случаях особой опасности».

Значение разных по статусу и составу формирований Венгрии, находившихся в распоряжении габсбургского командования, выявилось во время Пятнадцатилетней войны. В ходе этой войны выделяются три основных этапа, каждый из которых отличается от другого масштабами и характером военных действий: 1593 — 1596 гг. — время больших походов и крупномасштабных осад крепостей; 1597 — 1603 гг. — борьба в районах пограничных крепостей, истощавшая силы противников; 1604 — 1605 гг. — заключительный этап войны, когда османы стремились к перевесу своих сил накануне заключения мира.

Война была развязана османами. Ободренные успехами, достигнутыми в удачной войне с Ираном, правители Османской империи решили возобновить экспансию в Центральной Европе. Поход своих войск во главе с великим визиром Синан-пашой Порта начала готовиться еще с февраля 1593 г. Незадолго до начала военных действий в Среднем Подунавье османы распустили слухи, преувеличивавшие их силы, прибывшие под Белград, и старались переманить венгерских магнатов на свою сторону. Сам Синан склонял к измене Ференца Надашди, темешварский паша Хасан предлагал Ференцу Добо «воеводство Кашши», а Иштвану Батори — «чешское королевство» (Иштван был сторонником Габсбургов, происходившим из эчедской ветви рода Батори). Мурад III сообщал князю Трансильвании Жигмонду Батори, что «венский король» призвал казаков напасть на османов, и поэтому султан возложил на князя обеспечение безопасности Молдавского княжества. В конце августа войско Синана численностью в 30 — 60 тыс. взяло

после пятидневной осады Сисек, гарнизон которого состоял всего из 300 воинов. Объединенное войско Синана и его сына Мехмеда овладело 6 октября Веспремом⁴. После этого тяжело раненый Синан отвел войска на зимние стоянки сначала к Буде, а потом — к Белграду.

К этому времени его противники собрали хорошо снаряженное войско (около 25 тыс. наемников и венгерских дворян) под командованием дьерского капитана Хардегга. 30 (31) октября он начал осаду Секешфехервара, но вскоре ушел навстречу спешившему на помощь осажденным отряду паши Буды. В битве при Пакозде (3 ноября) отряд паши был разбит, но Хардегг не использовал плоды победы, отведя войско к Дьеру⁵. Крупных успехов добился, однако, в ноябре — декабре Миклош Палффи, выдающийся венгерский военачальник, захвативший Фюлек, Дрегей, Дрегейпаланк и ряд других крепостей. Под влиянием этих успехов господари Молдавского и Валашского княжеств, как и князь Трансильвании, стали склоняться к мысли о борьбе против османов.

Следующий 1594 г. принес крупную неудачу Габсбургам и находившимся под их властью венграм, во главе войск которых в Венгрии стоял брат императора эрцгерцог Матьяш; в Хорватии войсками командовал тогда другой его брат эрцгерцог Максимилиан. Сначала на нескольких направлениях габсбургским войскам сопутствовала удача. 7 марта Миклош Палффи осадил Ноград и через три дня взял его. Дьердь Зриньи захватил несколько мелких крепостей, прикрывавших Сигетвар. В августе Максимилиан силами хорватских и каринтийских отрядов овладел Сисеком. Трансильванский отряд Мозеша Секея разбил шедшее к османам подкрепление⁶. Отряды сербов Баната, Молдавского княжества и Валахии совершали нападения на мелкие османские формирования⁷.

Но все это не могло уравновесить двух крупных неудач. Многочисленное войско во главе с Максимилианом с 4 мая по 9 июля безуспешно осаждало Эстергом, взятие которого могло бы подготовить поход на Буду. Максимилиан отошел от города при известии о приближении войска османов. Чтобы упрочить положение Буды и создать угрозу Вене, Синан решил захватить крепость Дьер, сосредоточив здесь и свое войско, и войско крымского хана Гази-Гирея, вторгшееся в Среднее Подунавье через Татарский перевал (по преувеличенным данным, численностью в 40 тыс. воинов). На помощь османам прибыл также отряд валашского господаря Михая. Гарнизон Дьера, хорошо укрепленной и оснащенной крепости, самой сильной из венгерских крепостей, насчитывал шесть тысяч имперских наемников во главе с габсбургским военачальником Фердинандом Хардеггом. Он выдержал в течение двух месяцев 36 приступов, но, наконец, сдался, заключив соглашение с Синаном. Османам досталось большое количество орудий, пороха, военного снаряжения. Хардегг был казнен за сдачу крепости. Кроме Дьера, сдались также крепости Папа, Важонь, Чеснек.

Османы предложили мир, что свидетельствовало о том, что, несмотря на взятие Дьера, война развивалась не так, как они планировали, но Габсбурги отвергли предложение, рассчитывая на помощь западных держав, побуждаемых к этому папой Климентом VIII, а также полагаясь на обещание персидского шаха связать на Востоке силы Порты. Важное значение имело и то, что вассалы османов на Нижнем Дунае решили выступить против султана: был заключен союз между трансильванским князем Жигмондом Батори, молдавским господарем Ароном Тираном и правителем Валашского княжества Михаем⁸. В конце октября оформился также союз между Ароном и Михаем⁹. 5 ноября к Михаю прибыл отряд от Жигмонда Батори¹⁰.

После возникновения союза Трансильванского, Молдавского и Валашского княжеств государственное собрание Трансильвании приняло решение начать войну с османами и направить свое войско в Валахию¹¹. В декабре 1594 г. Жигмонд Батори направил войско в Молдавское княжество. «20 тысяч воинов-венгров с небольшим числом пехотинцев» обратили в бегство османов у Тигины (совр. Бендеры)¹². Так был открыт еще один фронт военных действий, что заставляло османов разбрасывать свои силы. Ко времени начала войны Трансильванское княжество располагало войском в 25 — 30 тыс. воинов (ополчение венгерских дворян, несколько тысяч наемников — поляков, немцев, венгров, казаков, более 10 тыс. секеев). Основной его контингент состоял из легковооруженной кавалерии, имелась также легковооруженная пехота; артиллерия была слабой. По своей боеспособности это войско значительно уступало императорским, польским и османским войскам. Еще ниже была боеспособность войск Молдавского и Валашского княжеств, состоявших из неопытных, плохо вооруженных ополченцев. Границу Валахии прикрывали лишь три крепости — Джурджу, Турну и Браила, а южная граница Молдавского княжества вообще не имела укреплений.

28 января 1595 г. в Праге Жигмонд Батори заключил союз с императором Рудольфом, обязавшись участвовать в войне против султана. Император обещал князю помощь войсками и военным снаряжением. Было условлено, что к заключению общего мира будут допущены Молдавское и Валашское княжества. Жигмонд признал сюзеренитет короля Венгрии, а Рудольф согласился с тем, чтобы трансильванский князь владел княжеством в его прежних границах. В случае отсутствия наследника по мужской линии после смерти Жигмонда Трансильвания должна была перейти под власть короля Венгрии¹³. Таким образом, чтобы получить помощь для антиосманской борьбы, трансильванский князь признал за императором определенные права на Трансильванию. Уже в самом начале войны с османами проявились намерения Габсбургов подчинить своей власти выступивших против султана вассалов.

Между тем в центральной части Среднего Подунавья перешло в наступление шестидесятитысячное войско Габсбургов под командованием Карла Мансфельда. 1 июля 1595 г. оно осадило Эстергом. Гарни-

зон крепости сдался 3 сентября после того, как Мансфельд разбил шедшее на выручку осажденным двадцатитысячное войско паши Мехмеда, а Миклош Палффи — войско паши Буды у Верешвара¹⁴. После сдачи Эстергома пали и османские крепости Вишеград и Вац, а также более мелкие укрепления. Благодаря этой победе была разорвана цепь пограничных османских крепостей в непосредственной близости от Буды и отрезан путь для подхода подкреплений к занятому османами Дьеру. В ноябре войско было распушено.

Все эти успехи были достигнуты, однако, в борьбе с местными отрядами османов. Главные их силы по приказу султана Мехмеда III в середине августа вторглись в Валахию с целью ее завоевания. До 23 августа войско господаря Михая действовало южнее Дуная, где сожгло предместье Никополя, а на Дунае разрушило 381 корабль, предназначенный османами для наведения моста¹⁵. 23 августа султанское войско потерпело неудачу у Кэлугэрень, но, опираясь на свое несомненное численное и профессиональное превосходство (100 тыс. османских воинов против значительно меньшего числа воинов Михая, казаков и отряда трансильванских венгров), заняло Валахию, оттеснив Михая к перевалу, ведущему в Трансильванию. На выручку Михая выступил Жигмонд Батори с 20 тыс. кавалеристов и 30 тыс. пехотинцев. У Михая оставалось 8 тыс. конных и пеших воинов. Соединившись, эти войска напали на возглавляемое Синан-пашой войско османов, начавшее отход на зимние стоянки, и 18 октября освободили Тырговиште и Бухарест. Разгром арьергардов османского войска 29 (30) октября на переправе через Дунай у Джурджу и взятие этой крепости завершили победоносную для антиосманских сил кампанию 1595 г. Но в августе этого года от борьбы против османов отказалось Молдавское княжество, в которое вторглись войска Польши, и в котором крупное боярство вместо Штефана Рэзвана привело к власти польского ставленника Иеремию Могилу.

В 1596 г. антиосманским силам, однако, не удалось добиться новых успехов. После удачной операции по спасению осажденной темешварским пашой Сулейманом Липпы войско Жигмонда Батори было вынуждено прекратить начатую им 10 июня осаду Темешвара при известии о намерении Сулеймана прийти на помощь осажденным и о движении к Среднему Подунавью главного войска османов во главе с султаном Мехмедом¹⁶. Выступление в поход самого султана говорило о том, что османы обеспокоены сложившимся положением и готовы приложить все силы, чтобы добиться перелома в войне.

Для операций этого года еще 15 января государственное собрание габсбургской Венгрии постановило собрать с каждой налоговой единицы (порты) по 9 форинтов с крестьянина и по 9 — с землевладельца. Войско под командованием эрцгерцога Максимилиана в июле прибыло в район между Комаромом и Эстергомом. Ему удалось взять Вац, а в середине августа начать осаду Хатвана, которая завершилась 3 сентября взятием крепости и истреблением османского гарнизона и насе-

ления¹⁷. Затем, однако, уклонившись от встречи с главными силами султана, войско эрцгерцога отошло к Вацу, открыв путь к Эгеру, взятие которого было основной целью похода султана. Османы подошли к Эгеру 21 сентября, и уже 13 октября овладели этой одной из сильнейших крепостей Венгрии. Гарнизон крепости составляли 3500 иностранных наемников, которые были снабжены всем необходимым для долговременной обороны. Длительное сопротивление османам заставило бы их снять осаду, так как зимой османская армия военных действий не вела, но наемники предпочли связать своих командиров и сдать город. Как это бывало и раньше, габсбургское войско снова не сдвинулось с места, чтобы прийти на помощь осажденным¹⁸.

На этот раз, однако, оно находилось в тылу османского войска, и могло или напасть на него, или отвлечь, предприняв акции против Буды. Но этого не случилось. К 18 октября габсбургское войско соединилось с армией Жигмонда Батори и с отрядом капитана Верхней Венгрии Теуффенбаха. Взав Эгер, османы значительно раздвинули северо-восточные границы присоединенной к их империи области. Был образован новый элайет с центром в Эгере.

Габсбургское командование решило, наконец, сокрушить османское войско в открытом бою. Численность противников и их вооружение в целом были одинаковы, однако османы были измотаны борьбой за Эгер и длительным походом. Кроме того, габсбургская армия опиралась на находившиеся в тылу собственные владения. Битва разыгралась на правом берегу реки Тисы, у Мезекерестеша, и продолжалась с 23 по 26 октября. Венгры и иностранные наемники имели преимущество и над силами темешварского паши, и над армией султана, прибывшей к месту сражения 26 октября. Была сметена уже и вторая линия обороны османов. Но у султана оставались в резерве янычары. Их контратака на уверовавших в свою победу и начавших грабежи наемников вызвала панику, которой воспользовались османские конные отряды, обратившие в бегство и конницу, и пехоту противника. Османы захватили лагерь имперского войска и всю его артиллерию. Потери сторон составили: 12 тыс. у союзников и 20 тыс. у османов.

Сражение показало падение боеспособности османского войска, что заставило султана прибегнуть к чрезвычайным мерам для укрепления тимарного строя. Решительность действий султана и его командования в противоположность нерешительности и медлительности имперского и трансильванского военного руководства обеспечила преимущество османам. Позиции, завоеванные в 1595 г. противниками Порты, были утрачены.

Общие итоги 1596 г. и всего этапа войны не могли не повлиять на положение Валахии. 14 октября господарь Михай с войском в 28 тыс. ополченцев и наемников разбил отряды татарского хана и не позволил им пройти к Эгеру на помощь османам¹⁹. Однако после поражения габсбургской армии Михай признал зависимость от султана и выслал ему дань.

К началу в 1597 г. второго этапа войны ни одной из воюющих сторон не удалось собрать значительных сил, поэтому военные действия в этот год разворачивались вяло, ограничиваясь сражениями местного характера²⁰. В лагере противников Порты осложнились отношения партнеров. Еще в конце 1596 г. валашский господарь Михай выразил Жигмонду Батори заинтересованность в продолжении войны с османами. Но князь Трансильвании предпочитал мирные отношения с султаном. В начале 1597 г. он направил посла в Стамбул с целью установления мира и поэтому дал отрицательный ответ на предложение Михая завоевать Молдавское княжество. Не оставив подготовку к новому наступлению на османов, Михай вступил в прямой контакт с императорским двором, в частности, с эрцгерцогом Максимилианом. По свидетельству господарского посла, император стал выдавать Михая ежемесячно по 20 тыс. форинтов для содержания 4 тыс. воинов. В июле в Тырговиште прибыл представитель австрийского двора Эрих Лассота с деньгами, на которые валашский господарь нанял 1000 секеев и 3 тыс. венгров²¹.

Видимо, с прекращением непосредственного сотрудничества правителей Валахии и Трансильванского княжества была связана неудача осады войсками Жигмонда Батори Темешвара в октябре — ноябре 1597 г. А 23 декабря Батори заключил соглашение с императором о передаче ему Трансильванского княжества, т.е. о досрочном осуществлении соответствующих положений договора от 28 января 1595 г. Взамен Жигмонд получал герцогства Оппельн (Ополье) и Ратибор в Силезии и ежегодную ренту в 50 тыс. талеров²².

Самым важным событием 1598 г. и одним из значительнейших событий всей «Долгой» войны явилось взятие Дьера неожиданным нападением пятитысячного отряда Миклоша Палффи (ночью 28 марта). Было очевидно, что в этом году Порты не могла предпринять крупномасштабного похода в силу внутренних неурядиц и угрозы со стороны персидского шаха. Военные действия вели лишь местные османские власти Среднего Подунавья.

Отвергнув предложение о мире и дружбе, сделанное Жигмондом Батори, 2 (3) октября Мехмед начал осаду Надьварада. Крепость была в хорошем состоянии, и ее гарнизон составляли несколько тысяч немецких, итальянских и венгерских воинов. К этому времени Михай одержал победу над османскими отрядами, нападавшими на Валахию, а затем, перейдя Дунай, нанеся поражение войску видинского паши. Получив известие об осаде Надьварада, Михай вернулся в Валахию. К его войскам при возвращении присоединились 12 тыс. сербов и болгар²³.

Османы не смогли взять Надьварада и 3 ноября были вынуждены снять осаду. Действуя против Трансильванского княжества, османы не могли не знать, что, реализуя соглашение с Рудольфом II от 23 декабря 1597 г., Жигмонд Батори 10 апреля 1598 г. передал власть над княжеством представителям императора и удалился в Силезию (герцогства в Силезии перешли к Жигмонду 31 января 1598 г.)²⁴.

Из Силезии Жигмонд возвратился в Трансильванию, когда государственное собрание 22 августа вновь признало его князем. Это была победа антиосманской группировки трансильванских феодалов (сторонников объединения с габсбургской Венгрией, где правил Рудольф). Поход османов на Надьварад являлся, таким образом, реакцией на этот поворот событий внутри княжества. Когда же с уходом османского войска из-под Надьварада угроза мести османов миновала, Жигмонд направил посла в Прагу (январь 1599 г.) с предложением о передаче императору власти над Трансильванским княжеством. Не дождавшись ответа, Жигмонд призвал из Польши жившего там родственника (двоюродного брата) кардинала Андраша Батори, а сам удалился в Польшу. 29 марта 1599 г. Андраш был признан государственным собранием в качестве князя. Начавшаяся борьба за трансильванский трон привела к осложнению отношений между членами антиосманской коалиции. Новый трансильванский князь был противником Габсбургов. Валашский господарь Михай, рассчитывая овладеть Трансильванией, заключил мирный договор с османами (6 октября 1598 г.)²⁵.

События в Трансильванском княжестве разворачивались в условиях, которые препятствовали активному вмешательству в них со стороны Порты: в 1596 г. произошло восстание сипахи, дезертировавших из войска во время похода на Среднее Подунавье; усилилось брожение и в Анатолии. Дальнейшее падение ценности акче привело к значительному повышению подушного налога в пользу султана (джизье), что вызвало восстание, связанное с именем Кара Языджи (Черного писаря) (1595 — 1602). Ожидалось к тому же нападение персов. Все это склоняло османское правительство к заключению мира, однако с позиции силы. С этой целью султан направил к Буде крымских татар, а также войско великого везира Ибрахима.

Осложнения, связанные с борьбой за Трансильванию, помешали противникам Порты воспользоваться этим ослаблением Османской империи. К тому же у главного противника османов — Габсбургов возникли серьезные финансовые трудности. В 1599 г. император из-за отсутствия средств не мог укомплектовать войска. Тогда государственное собрание Венгрии постановило собрать военный налог. Его сумма покрыла расходы по содержанию в течение шести месяцев десяти тысяч воинов, половину которых составляли кавалеристы. Действия этого войска состояли из операций местного характера. В условиях, исключавших активные акции Порты, противоречия между союзниками привели к войне их друг с другом. Габсбурги не желали примириться с правлением в Трансильвании связанного с Польшей Андраша Батори и поддержали его противника — валашского господаря Михая.

Рудольф помогал своему вассалу Михаю не только деньгами для найма войска, но и пожалованием имений. Опираясь на помощь императора, валашский господарь с соблюдением полнейшей секретности, что особо подчеркивает современник события²⁶, подготовил завоевание Трансильвании. Трансильванский князь к войне не готовился, имея

мирный договор с Рудольфом, заключенный до 7 сентября 1599 г.²⁷ Известно и свидетельство от 9 августа 1599 г. об установлении трансильванскими послами мира с Михаем. 5 — 6 октября к валашскому господарю отправилось новое посольство Андраша²⁸. В то же время мирный договор с Портой позволял Михаю не опасаться противодействия османов. Валашские отряды вступили 18 октября в княжество и 28 октября разбили войско Андраша при Шелленберке около Надьсебена (Сибиу). 1 ноября был занят Дьюлафехервар (Алба Юлия)²⁹, а к концу ноября Михай получил согласие признать его власть со стороны трансильванского государственного собрания³⁰.

В мае 1600 г. Михай двинул семнадцатитысячное войско, состоявшее из иностранных наемников, казаков, секеев, балканских хайдуков, на Молдавское княжество и захватил его. Одним из оговоренных с Портой условий этой акции, также отвлекшей значительные силы от борьбы с османами, была посылка дани в Стамбул 31 июля 1600 г.³¹. Уже в сентябре 1600 г. польские войска во главе с канцлером Яном Замойским изгнали Михая из Молдавии, а в Трансильвании против власти Михая выступили венгерские дворяне, на помощь которым пришел габсбургский военачальник Джорджо Баста. Его армия разбила 18 сентября 1600 г. под Мирисло (Мирэслэу) войско Михая³². К этому времени отряды Яна Замойского заняли не только Молдавское княжество, но и значительную часть Валахии. В сентябре султанские войска захватили Тырговиште и Бухарест. При поддержке поляков и османов валашским господарем стал Симион Могила, а Михай нашел убежище сначала в Вене, затем при дворе Рудольфа в Праге.

Пока силы, боровшиеся за влияние в Дунайских княжествах и Трансильвании, не вели военных действий против османов, поглощенные взаимной борьбой, Порта, несмотря на внутренние сложности, сумела подготовиться и направить войско великого везира Ибрахима (несколько десятков тысяч воинов) на захват в Среднем Подунавье крепости Канижа, которая была взята после осады, длившейся с 8 сентября до 22 октября 1600 г. Двадцатипятитысячное войско Габсбургов стояло с 17 сентября по 12 октября в окрестностях осажденной крепости, но не посмело вступить в бой с османами. Потеря Канижи явилась одним из самых тяжелых поражений антиосманских сил в Пятнадцатилетней войне. Канижа стала центром османского элайета³³.

После победы при Мирисло Баста стал хозяином положения в Трансильвании. Здесь он представлял, естественно, интересы Габсбургов, под властью которых, таким образом, объединились Венгрия и Трансильванское княжество, против чего всегда выступала Порта. Не желавшие конфронтации с ней «сословия» княжества 4 февраля 1601 г. избрали князем (в третий раз) угодного османам Жигмонда Батори. Его ориентация проявилась довольно скоро, и в начале июля императорский двор направил против трансильванского князя войско во главе с Бастой и Михаем. Теперь уже в качестве габсбургского военачальника Михай призвал на помощь секеев, а Жигмонд обратился за под-

держкой к османам, но 3 августа 1601 г. потерпел поражение у Горосло (Горэслэу) и бежал в Молдавское княжество. Военачальник Жигмонда Мозеш Секей нашел убежище у темешварского паши. 19 августа по приказу Басты был убит Михай: по одной из версий, Ба́ста свел с ним личные сче́ты³⁴; нет однако прямых свидетельств о причинах его убийства. Жигмонд Батори захватил три города, но Коложваром (Клуж-Напока) и Дьюлафехеваром (Алба-Юлия) продолжал владеть Ба́ста. Трансильванское княжество на короткое время стало ареной борьбы между Габсбургами и сторонниками османской ориентации во главе с князем. Представляющий имперские интересы Ба́ста 13 февраля 1602 г. заключил перемирие с Жигмондом, которому императорский двор обещал имения и 50 тыс. форинтов ренты ежегодно. Жигмонд согласился на эти условия, в третий раз (и теперь уже окончательно) отрекся от власти, передав находившиеся в его руках крепости. Против этого соглашения выступили дворяне-османовилы, возглавляемые Мозешем Секеем, но потерпели 2 июля поражение от Басты в битве при Тевеше (Тейюше). При этом часть дворян вместе с Мозешем Секеем бежали к темешварскому паше. 26 июля 1602 г. Жигмонд Батори окончательно покинул Трансильванское княжество, удалившись в Чехию³⁵. Таким образом, вместо борьбы с османами Габсбурги прилагали усилия, чтобы присоединить к своим владениям Трансильванию, и эта их политика встречала сопротивление местного дворянства.

После потери Канижи габсбургские силы возобновили активные действия против османов только осенью 1601 г. 9 сентября они начали осаду Секешфехервара и 20 сентября овладели им³⁶. В то же время тридцатитысячному войску под командованием эрцгерцога Фердинанда не удалось вернуть Канижу, которую оно осаждало с 9 сентября по 28 октября 1601 г. При появлении ложного слуха о приближении османских отрядов Хасана войска эрцгерцога бежали, уничтожив собственные орудия из-за отсутствия тягловой силы.

Воспользовавшись раздорами между союзниками, Стамбул сравнительно легко восстановил власть над Молдавией и Валахией. Но внутривнутриполитическое положение Османской империи, как и внешнее, не позволило султану Ахмеду I (1603 — 1617) предпринять крупномасштабный поход против Габсбургов, благодаря которому можно было добиться выгодного Порте мира. Нападением персидского шаха началась четвертая война с Персией (1602 — 1616). Снова снизилась ценность денег (к 1610 г. на две трети по сравнению с 1590 г.). Продолжалось вооруженное восстание в Анатолии под руководством Дели Хасана.

К 26 июля 1602 г. Ба́ста утвердил власть Габсбургов в Трансильванском княжестве. Но вскоре великому везиру Хасану после семнадцатидневной осады удалось взять Секешфехервар. Стоявшее у Дьера габсбургское войско не оказало помощи осажденным (гарнизон состоял из 1800 воинов). Основному войску Габсбургов удалось 5 октября взять Пешт и несколько крепостей на берегу Дуная, но до попыток захвата Буды дело не дошло³⁷.

В Трансильвании антиосманские действия в 1603 г. вылились в противоборство представлявшего власть Габсбургов Басты с войском Мозеша Секея, которое 15 апреля с помощью татар вторглось в княжество. С одобрения Порты Мозеш в начале мая был провозглашен князем. Небольшое войско Басты не могло противостоять ставленнику султана. Тогда в Трансильванию прибыло войско валашского господаря Раду Шербана. 17 июля в битве под городом Брашшо (Брашов) войско Мозеша было разбито отрядом Раду Шербана и императорского военачальника Георга Раца. Мозеш погиб во время бегства³⁸. Раду использовал эту победу для заключения мира с татарами и таким образом вывел Валахию из войны с османами³⁹.

Вскоре габсбургские войска отразили набег татар на Хорватию, а затем их главные силы с конца августа по начало октября осаждали Буду, но не смогли овладеть ею. Определенным успехом было взятие ими Хатвана, чем и завершился второй этап Пятнадцатилетней войны. Итоги борьбы на этом этапе показали, что ни одна из сторон не имела сил, необходимых для решительной победы. Страдания всех слоев населения Среднего Подунавья достигли в это время крайней степени. Одним из результатов военных и политических столкновений в этот период было обострение противоречий Габсбургов с венгерскими магнатами; с целью пополнения казны центральные власти пытались на основе приговоров по ложным обвинениям в неверности конфисковать имения крупных землевладельцев. Положение мадьяр-протестантов в Венгрии осложнила начавшаяся осенью 1603 г. контрреформация.

Обращение Габсбургов к политике контрреформации не только в Венгрии, но и в других «землях» монархии было неслучайным. Распространение католицизма монархия стремилась использовать как инструмент усиления своей власти над протестантским дворянством. Одной из опор такой политики становилась армия, набранная первоначально для ведения войны с османами. В таких условиях сословия отдельных земель монархии утратили заинтересованность в продолжении войны и стали добиваться заключения мира с османами. Неслучайно начавшееся в октябре 1604 г. в Трансильванском княжестве антигабсбургское освободительное движение под руководством Иштвана Бочкай (1604 — 1606) встретило сочувственный отклик в других «землях» монархии. В габсбургской Венгрии и Трансильвании на первый план вместо антиосманской войны выдвинулась борьба всех слоев мадьяр против власти Габсбургов.

После разгрома войск Мозеша Секея в Трансильвании установилась власть Габсбургов, которую до своего ухода 7 апреля 1604 г. осуществлял Баства. Властные функции перешли к правительственному совету. Объединение Венгрии и Трансильванского княжества под властью Габсбургов в корне противоречило интересам Османской империи, главная цель которой в Среднем Подунавье, как и в XVI в., как раз и состояла в том, чтобы не допустить такого объединения. И Порты добилась этого, передав власть Иштвану Бочкай, который 20 нояб-

ря 1604 г. получил атнамэ великого везира о назначении его князем Трансильвании⁴⁰ и вытеснил габсбургские войска с территории княжества. При этом ему оказывали помощь бывший господарь Валахии Симион Могила, османские и татарские отряды, находившиеся в Молдавском княжестве⁴¹. В 1605 г. Бочкай, признавший сюзеренитет султана, был избран князем Трансильвании сначала собранием венгерского дворянства (21 февраля), а затем государственным собранием княжества (14 сентября)⁴².

Движение под руководством Иштвана Бочкай не могло не оказать влияния на события третьего, завершающего этапа Пятнадцатилетней войны. Фактическую власть в Порте осуществлял тогда при малолетнем султани Ахмеди I великий везир Лала Мехмед. Он выдвинул на первый план задачу заключения мира, который был бы достигнут, однако, при превосходстве сил османов. Войско великого везира с 19 сентября по 10 октября 1604 г. осаждало Эстергом. Не взяв его, Мехмед захватил оставленные габсбургскими войсками (ими в это время командовал ушедший из Трансильвании Джорджи Баста) Пешт и Хатван. Баста разбил отдельные анатолийские отряды османов. Мехмед ушел на зимнюю стоянку к Буде. В это время Трансильванское княжество еще находилось под властью Габсбургов. Османфильская группа венгерских феодалов Трансильвании, нашедшая убежище у темешварского паши, с его помощью предприняла наступление на княжество (подобно тому, как это делал в апреле 1603 г. Мозеш Секей). Во главе этой группы после гибели Мозеша стоял Габор Бетлен. Предварительно он обратился к жившему в своем имени Иштвану Бочкай с письмом, в котором обещал поддержать его стремление стать князем Трансильвании. Отбив нападение отряда Бетлена на Липпу 19 сентября 1604 г., начальник этой крепости захватил упомянутое письмо, из которого узнал о намерениях Бочкай. Габсбургский военачальник Барбиано Бельджойозо вызвал Бочкай к себе, но тот в ответ начал вооруженную борьбу против Габсбургов (о результатах ее было сказано выше).

В 1605 г. Османская империя сосредоточила огромные силы на персидском театре военных действий. Здесь она потеряла Грузию, Армению, Азербайджан, Курдистан, территорию современного Ирака. В Анатолии бушевало восстание Календер-оглу, Кара Саиба и Джанбул-оглу. Все это побудило Стамбул принять меры для сохранения за собой территорий, завоеванных в Среднем Подунавье. Порта добилась признания османского сюзеренитета господарем Валахии Раду Шербаном. 5 августа Раду, его бояре и «владыка» (митрополит) принесли присягу верности другому вассалу султана Иштвану Бочкай⁴³.

Поход войск Бочкай в северные комитаты габсбургского королевства Венгрии (октябрь 1604 г. — октябрь 1605 г.) в значительной степени способствовал осуществлению планов великого везира Мехмеда Лалы. Для заключения мира с позиции силы он решил взять Эстергом, попутно овладев оставленным габсбургскими отрядами Вишеградом. Трехтысячный гарнизон Эстергома оказал ожесточенное сопротивление

ние османскому войску, которое начало осаду крепости в конце августа. Габсбургские силы были заняты в это время борьбой с Иштваном Бочкай. 3 октября Эстергом сдался⁴⁴. Поход Мехмеда 1605 г. вернул под власть султана земли в Среднем Подунавье, утраченные в начале Пятнадцатилетней войны. Но на севере они граничили не с королевством Габсбургов, а с территориями, подвластными Иштвану Бочкай, которого 20 апреля 1605 г. государственное собрание в Серенче избрало князем Венгрии и Трансильвании⁴⁵.

По призыву великого везира 11 ноября 1605 г. Бочкай с семитысячным войском прибыл под Пешт. Мехмед от имени султана вручил ему меч и корону короля Венгрии и Трансильвании. Бочкай принял дар, но заявил, что корону он не считает символом королевства Венгрии, у которого уже имеется коронованный король. Великий везир и Бочкай заключили соглашение, по которому обязались помогать друг другу и заключить совместно мир с Габсбургами. Султан освобождал на 10 лет Венгрию и Трансильванию от уплаты дани. Бочкай обещал передать Порте крепости Липпа и Ене (Инэу)⁴⁶.

Когда венгерское дворянство отказало в повинности Габсбургам, они оказались в критическом положении и не могли далее продолжать войну. Прекращения войны требовали и сословия отдельных «земель» монархии, наиболее активно — австрийские. Позднее австрийские, венгерские и моравские сословия заключили «конфедерацию» против тех, кто захотел бы нарушить мир, заключенный с османами. Габсбургам ничего не оставалось, как пойти на уступки венгерскому дворянству и искать мира с османам. К счастью, их противник также находился в тяжелом положении и, восстановив прежние границы, сам стремился к заключению мира. Между Иштваном Бочкай и императорским двором 23 июня 1606 г. был заключен Венский мир. Согласно его условиям, в частности, расширились владения Бочкай как главы независимого от Габсбургов Трансильванского княжества, к которому отходили комитаты Угоча, Берег, Сатмар и крепость Токай с ее земельными угодьями. В случае смерти Иштвана Бочкай в отсутствие наследника-мужчины эти комитаты и крепость должны были снова перейти к Габсбургам как королям Венгрии. Предусматривалось также заключение мира между Габсбургами и Портой. Все это означало упрочение позиций вассального османам Трансильванского княжества. По этому соглашению за условиями австрийской Венгрии была признана широкая автономия и даны гарантии от религиозных преследований.

11 ноября 1606 г. уполномоченные императора, султана и Бочкай утвердили мирный договор в лагере при впадении в Дунай его левого притока реки Житвы (Житава, венг. Житваторок)⁴⁷. Житваторокский мир положил конец Пятнадцатилетней войне, определив на 20 лет отношения между Габсбургами и Османской империей, а также границы занятой ею к окончанию войны в Среднем Подунавье территории. Король Венгрии (и император) посылал «в дар» султану 200 тыс. форинтов и впредь освобождался от уплаты дани.

Зафиксированные договором итоги Пятнадцатилетней («Долгой») войны показали, что ни одной из сторон не удалось добиться превосходства. Ход военных действий, однако, неоспоримо свидетельствовал об ослаблении Османской империи, хотя ей и удалось расширить подвластные территории в Среднем Подунавье, вошедшие в состав элайетов. Об этом же говорили положения договора, признававшие интересы империи Габсбургов, избавление ее от ежегодной дани, освобождение венгерских дворян от налогов на территории элайетов, обязательство Порты взимать на этих землях налоги через деревенских старост. Обе стороны отказывались от пограничных столкновений, от возведения новых крепостей, но сохраняли право ремонтировать уже существующие.

Особое значение имело признание Османской империей сложившихся к концу войны границ в совокупности с отменой дани с территории королевства Венгрии, т.е. с признанием суверенитета венгерских королей на подвластных им землях. Договор зафиксировал вынужденный отказ Порты от претензий на области, на которые она ранее посягала. В сущности, это был отказ султана от продолжения наступления в Среднем Подунавье, к чему он был принужден в результате Пятнадцатилетней войны. В ходе этой войны османская экспансия была остановлена. Впервые за время осmano-габсбургских войн Османская империя оказалась в критическом положении. Стал очевидным упадок боеспособности османского войска, вышли из повиновения вассальные государства, в самой империи вспыхивали восстания покоренных народов и движения недовольных жителей Анатолии, возникли и серьезные финансовые трудности.

Однако главные противники Порты Габсбурги не сумели воспользоваться ослаблением Османской империи. Их попытки расширить свою власть на Балканах порождали раздоры между членами антиосманской коалиции и затрудняли организацию общей борьбы с османами. Их стремление использовать ситуацию войны для ограничения прав сословий и насаждения воинствующего католицизма вело к обострению внутренних противоречий в их собственных владениях. В конце концов отказ в повиновении со стороны венгерского дворянства заставил их искать мира с османами. В условиях, когда два главных противника сталкивались с серьезными внутренними проблемами, сложилось фактическое равновесие сил, которое сохранялось вплоть до 80-х годов XVII в.

Главным следствием вторжений османов, вызывавшим постоянное вооруженное сопротивление им, было уничтожение людей, являвшихся и основой производительных сил региона, подвергавшегося нападениям. Известно, что к концу Пятнадцатилетней войны вдвое сократилась численность единиц налогообложения в габсбургской Венгрии, т.е., прежде всего, численности крестьянских хозяйств и самого крестьянства. Десятки тысяч жителей страны были убиты, уведены в рабство, умерли с голода, ушли в войска пограничных крепостей или в хайдуки.

Наиболее чувствительный урон османские вторжения причинили основному населению Среднего Подунавья — венграм. Остальные этнические общности, населявшие домохачское королевство Венгрию, после его распада на три части оказались компактными массами в составе одного из двух государств венгерских феодалов — габсбургской Венгрии (в ней оказались словаки) или Трансильванского княжества (здесь проживали влахи, а также закарпатские украинцы-русины и немцы). На три части разделилась и этническая территория венгров, в результате чего перестал существовать их единый этносоциальный организм. Их этническая общность, или этнос в узком смысле этого понятия (этнокультурная общность), сохранила свое единство, но она утратила единую социально-экономическую структуру⁴⁸

Части венгерской этнической (этнокультурной) общности с распадом домохачского королевства Венгрии продолжали существовать в социально-экономических и политических рамках габсбургской Венгрии, Трансильванского княжества и элайетов Османской империи. Эти части венгерского этноса получили новые рамки социальной организации, объединявшие их и отделявшие от других этносоциальных организмов. Каждая из них попала также в новую этническую ситуацию, определявшуюся характером и степенью интенсивности контактов с другими этносами, как и особенностями вступающих в контакт с венграми этнических общностей. Социальные структуры габсбургской Венгрии и Трансильванского княжества сложились в целом в результате внутренней эволюции (хотя и осложненной османской экспансией) домохачской Венгрии. Османская экспансия воздействовала на них непосредственно и жестоко, уничтожая население, принадлежавшее к самым разным социальным слоям. Но она не могла изменить внутренней структуры населения самих стран.

После 1606 г. королевство Венгрия осталось, как и ранее, соседом Османской империи, а Трансильванское княжество оказалось вассалом этой империи. Короли из династии Габсбургов и султан несколько раз продлевали действие мирного договора 1606 г. (15 июля 1615 г., 28 мая 1625 г., 13 сентября 1627 г., 19 марта 1642 г.⁴⁹). Вассалитет князей Трансильвании выражался, как и прежде, в уплате османам ежегодной дани, а также в обязанности утверждения Портой новых князей, избираемых государственным собранием княжества. Такое утверждение 22 февраля 1607 г. получил Жигмонд Ракоци, избранный 11 февраля (он отрекся от власти 15 марта 1608 г.). Габор Батори был избран 7 марта и получил утверждение 15 августа 1608 г. (убит 27 октября 1613 г.). Еще до его устранения султан Ахмед I принял решение о смещении Габора Батори и возведении на княжеский престол Габора Бетлена, избрание которого состоялось 23 октября 1613 г. В сущности султан заменил нарушившего верность вассала: по соглашению с венгерским королем Матьяшем от 11 апреля 1613 г. Батори признал сюзеренитет Габсбургов и обязался помогать им в борьбе с османами⁵⁰.

Сохранение власти правящим князем зависело, однако, не только от султана, но и от соотношения сил во внутривосточной борьбе. Так, посланцу Габора Батори в Стамбул Андрашу Гици, пользовавшемуся поддержкой врагов Габора — руководителей немецкой общины города Брашшо-Кронштадта (Брашов), удалось в мае 1612 г. получить султанский ферман на занятие трона. В сопровождении двухтысячного отряда из Валахии Гици прибыл в Брашов 11 июня 1612 г. Но поддерживавшие претендента брашовцы и отряд самого Андраша Гици 14 октября были разбиты князем при Фельдваре (около Брашова), а государственное собрание 20 ноября приняло решение о лишении претендента имений и жизни, и султанский ферман не был реализован⁵¹. Сыграло при этом свою роль и то обстоятельство, что Порты не сочла необходимым оказать претенденту вооруженную поддержку. Она оставила ее самому приближенному к Габору Батори деятелю — Габору Бетлену, бежавшему 13 сентября 1612 г. на занятую османами территорию. 20 ноября государственное собрание решило лишить Батори имений и жизни. Бетлен же заручился поддержкой влиявших на решения султана относительно Трансильвании пашей Темешвара, Канижи и Буды. В феврале 1613 г. он униженно просил султана утвердить его на трансильванском троне и в конце апреля получил символы княжеской власти. 5 октября при поддержке османского, молдавского, валашского и крымского войск (впервые на территории княжества находилось 80 тыс. подчиненных султану воинов) Бетлен вошел в Дьюлафехервар. Впервые же государственное собрание было созвано османским военачальником. 23 октября оно избрало Бетлена князем⁵². Такова была реакция Порты на созданную соглашением от 11 апреля 1613 г. возможность перехода Трансильвании под власть Габсбургов. Свободное избрание князя допускалось лишь постольку, поскольку оно не подвергало риску власть султана над княжеством.

Безусловно зависела от санкций османских властей внешняя политика князей. 1 января 1611 г. Габор Батори вступил со своим войском в Валахию, правитель которой Раду Шербан бежал в Молдавское княжество. Батори отправил посольство в Стамбул, чтобы убедить султана в том, что действовал в его интересах, и чтобы получить разрешение на вторжение в Польшу, королем которой, вассальным Порте, Батори мечтал стать. Но он не получил разрешения даже на то, чтобы остаться в Валахии, и 16 марта был вынужден вернуться в Трансильванию⁵³. Во внутренних же делах князь сохранял свободу действий: Порты, в частности, не реагировала ни на расправу князя над заговорщиками во главе с Иштваном Кенди (март — июль 1611 г.), ни на его репрессии против совета города саксов Себена-Германштадта (Сибиу) (декабрь 1611 г.).

В то же время султан и защищал своего вассала, имея в виду, разумеется, собственные интересы. 22 июня 1611 г. совет города Брашова отказался впустить внутрь своих стен князя и его свиту. Началась вооруженная борьба. Брашовцы позвали на помощь отряд валашского

господаря Раду Шербана, который 8 июля нанес поражение князю. В союз со Шербаном вступил и главный военачальник Верхней Венгрии Жигмонд Форгач, отряд которого 25 июля взял город Коложвар, а в августе вместе с отрядом валашских наемников безуспешно осаждал Себен. Тогда в начале сентября на помощь Габору Батори прибыли войска боснийского и темешварского пашей, и 16 сентября Форгач и Шербан были вынуждены бежать из Трансильвании.

Правление Габора Бетлена (ум. 1 ноября 1629 г.) представляет важный этап в истории не только Трансильванского княжества, но и королевства Венгрии благодаря трем походам князя против Габсбургов в ходе Тридцатилетней войны (1619 — 1621, 1623, 1626 гг.). С 1614 по 1619 гг. происходила консолидация власти князя и укрепление его экономических позиций. В связи с этим приходилось идти на уступки Стамбулу. Соблюдая установившийся ритуал, султан прислал посольство с утверждением на трансильванском троне избранного (по приказу османского паши) князя. Послы были торжественно приняты государственным собранием 10 августа 1614 г. В то же время они предъявили требование Порты отдать ей крепости Липпу и Ене. В сентябре на границах княжества сосредоточились войска темешварского паши. Бетлен осадил и взял, победив собственных воинов, Липпу и передал ее османам (1 — 14 июня 1616 г.). Незадолго до этого (6 мая 1615 г.) компромиссным соглашением в Надьсомбате (Трнава) Бетлену удалось стабилизировать мирные (и даже союзнические) отношения с Габсбургами. Вторгшиеся в Трансильванское княжество отряды хайдуков, нанятые при поддержке габсбургских властей магнатом Дьердем Другетом Хомоннаи, были разбиты уже без помощи османов (10 — 11 июня и 20 ноября 1616 г.). В декабре этого года Бетлен с двенадцатитысячным войском продвинулся до Дебрецена, продемонстрировав свои возможности противостоять новым нападениям Дьердя Хомоннаи⁵⁴. Мирные отношения с Габсбургами были подтверждены договоренностями от 31 июля 1617 г. и 26 мая 1619 г. Сохраняя вассальную верность султану, Бетлен совершил поход на Молдавское княжество в составе войск темешварского паши (май — июль 1617 г.). 26 сентября Бетлен заключил союз с новым молдавским господарем Раду Михней.

Компромиссы с обеими крупными державами — и с Османской империей и с Габсбургами — обеспечивали Трансильванскому княжеству спокойствие, а Бетлену — возможность укрепления сил страны, в частности, восстановления государственных имений. По закону от 27 сентября 1615 г. были пересмотрены и большей частью ликвидированы пожалования, произведенные после 1588 г.⁵⁵ Оказываемое Бетленом покровительство купцам привело к тому, что более половины, по приблизительным подсчетам, княжеских расходов ко второй половине двадцатых годов XVII в. покрывалось доходами от торговли, осуществлявшейся в рамках княжеской монополии⁵⁶. Упрочение экономики Трансильванского княжества стало возможным только при невмешательстве Порты во внутреннюю политику князя. Сохранившаяся

ся вассальная зависимость от султана, ограничиваясь уплатой дани (10 тыс. золотых), в то же время избавляла князя от больших расходов на содержание войск и крепостей. Все это способствовало созданию материальной и военной основы для вступления Габора Бетлена в Тридцатилетнюю войну против Фердинанда II, на что князь получил разрешение Порты в конце июля 1619 г.⁵⁷

- ¹ *Marosi E.* Habsburg-és törökellenes harcok // Magyarország hadtörténete. Bp., 1984. 1.k. 210.l.
- ² *Kosáry D.* Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. Bp., 1951. 1.k. 317.l.; Bp., 1958. 3.k. 95.l.
- ³ *Barta G.* Erdély a tizenöt éves háborban // Erdély története. Bp., 1986. 1.k. 525—531.l.
- ⁴ *Gömöry G.* Veszprém és Várpalota eleste, 1593 // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1895. 254.l.
- ⁵ *Gömöry G.* A pákozdi csata 1593 november 3-án // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1896. 453—464.l.
- ⁶ Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Brassó-Kronstadt, 1909. Bd. 5. S. 276.
- ⁷ Szamosközy István Történeti maradványai. Szerk.S.Szilágyi. Bp., 1880. 4.k. 384.l.; *Veress A.* Campania creștinilor în contra lui Sinan Pașa (cu 12 relațiuni italiene inedite) // Analele Academiei Române. Mem.secți.ist., ser. 3. Buc., 1925. Vol. 4. P. 71.
- ⁸ DR. Vol. III/1. P. 193—194.
- ⁹ DR. Vol. IV/1. P. 94, 177; Veress. Vol. IV. P. 142.
- ¹⁰ Let Cant. P. 55—56.
- ¹¹ *Szekfű Gy.* Magyar történet (XI.1526—XII.1606). Bp., 1943. 313.l.
- ¹² Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Bd. 5. S. 277.
- ¹³ Österreichische Staatsverträge. Fürstentum Siebenbürgen (1526—1690). Bearb. von R.Goos. Wien, 1911. S. 226—231.
- ¹⁴ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. Bp., 1983. 415.l.
- ¹⁵ Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Bd. 5. S. 279. Doc MV. P. 13—14.
- ¹⁶ Ioannis Decii Barovii Commentariorum de rebus Ungaricis libris qui exstant // Baranyai Decsi Iános Magyar Historiája, 1592—1598. Közli Toldy F. Pest, 1866. 256—263.l.
- ¹⁷ *Gömöry G.* Hatvan ostroma és bevetele, 1596 // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1894. 96—107, 242—254.l.
- ¹⁸ Ioannis Decii Barovii... 268.l.; *Kropf L.* Egervár eleste és a keresztesi csata 1596-ben // Századok. Bp., 1895.
- ¹⁹ Monumenta Ungarica. Ed. I.Chr.Engel.Viennae, 1809. Vol. 4. P. 61.
- ²⁰ *Marosi E.* Habsburg... 222.l.
- ²¹ Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Brassó-Kronstadt, 1915. Bd. 6. S. 3; Veress. vol. V. P. XX, 78 — 92; *Panaitecu P.P.* Mihai Viteazul. Buc., 1936. P. 126.
- ²² Österreichische Staatsverträge. S. 241—257.
- ²³ Szamosközy... Bp., 1877. 3.k. 99.l.; 4.k. 100, 191—194.l.
- ²⁴ Szamosközy... Bp., 1876. 2.k. 17, 33—44.l.; Österreichische Staatsverträge. S. 250—251; Veress. Vol.V. P. 156—157.

- 25 LetCant. P. 68; *Simonescu D.* Cronica lui Baltazar Walter despre Mihai Viteazul în raport cu cronicile interne contemporane // SMIM. III (1959). P. 92.
- 26 Szamosközy... 4.k. 112.l.
- 27 Österreichische Staatsverträge. S. 264—267.
- 28 Szamosközy... 3.k. 251—253, 269—270.l.
- 29 Ibid. 272—350.l.; *Panaiteescu P.* Mihai Viteazul. p. 146—150.
- 30 Erdélyi Országgyűlési Emlékek. Szerk. S. Szilágyi. Bp., 1878. 4.k. 437.l.; Documente istorice transilvane. Publ. de I.Lupaş. Cluj, 1940. Vol. I. P. 6—12.
- 31 *Popovici V.* Mihai Vodă Viteazul și Turcii în anii 1600—1601 // Cercetări istorice. Iași, 1936. Nr. 1. P. 156—176; nr. 2. P. 3—25.
- 32 *Szádeczky L.* A miriszlói ütközet az erdélyiek, Basta és Mihály vajda közt, 1600 szeptember 18-án. // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1893. 425—455.l.; *Veress E.* A miriszlói csata. Kolozsvár, 1907.
- 33 Török történetirok. Fordította és jegyzetekkel kísérte I.Karácson. Sajtó alá rendezte és bevezetéssel ellátta Székfü Gy. Bp., 1916. 156 - 158.l.; *Marosi E.* Habsburg... 224—226.l.
- 34 *Panaiteescu P.P.* Mihai Viteazul. P. 161—248; *Ionaşcu I.* Mihai Viteazul și unitatea politică a țărilor române // Unitatea și continuitatea în istoria poporului român. Buc., 1968. P. 179—185.
- 35 Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Bd. 5. S. 380—381; *Nagy I.* Székely Mózes. // Századok. Bp., 1869; *Vass M.* Székely Mózes erdélyi fejedelem. Bp., 1897.
- 36 *Gömöry G.* Székesfehérvár visszavétele 1601-ben és újboli elvesztése 1602-ben. // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1892; Török történetirok. 159—162.l.
- 37 Török történetirok. 164—165, 168—170.l.; *Gömöry G.* Székesfehérvár... 630.l.; *Karácson I.* Adalekok Székesfehérvár elfoglalásához 1602-ben. // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1892. 141—142.l.; *Veress A.* Buda és Pest 1602—1603-i ostroma // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1910.
- 38 Szamosközy... 3.k. 212—216.l.; 4.k. 193—200.l.
- 39 Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Brassó-Kronstadt, 1909. Bd. 4. S. 161.
- 40 Erdélyi Történelmi Adatok. Szerk. és kiadta I.Mikó. Kolozsvár, 1856. 2.k. 321—327.l.
- 41 Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Bd. 4. S. 161; Bd. 5. S. 183.
- 42 *Péter K.* A három részre szakadt ország és a török klüzése, 1606—1686 // Magyarország történeti kronológiája. 428.l.
- 43 Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Bd. 5. S. 184; Documente istorice transilvane. P. 77—78; *Motogna V.* Războaiele lui Radu Șerban, 1602—1611 // Analele Academiei Române, mem.sect.ist. Buc., 1927. T. 6. P. 290—291.
- 44 *Benda K.* Bocskai — szabadságharc. Bp., 1955 (Okmánytár, 1604 - 1606). 144.l.; Török történetirok. 175—177, 180—185.l.
- 45 *Péter K.* A három részre szakadt ország... 429.l.
- 46 *Benda K.* A Bocskai — szabadságharc. 177.l.
- 47 Magyar történeti szöveggyűjtémény. Szerk. I.Sinkovics. Bp., 1968. II/1-2 (1526—1790). 368—371.l.
- 48 *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 13—16, 37—40, 107; *он же.* Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981. С. 27—42; *он же.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58—63.

- ⁴⁹ Péter K. A három részre szakadt ország... 444, 454, 456, 466.l.
- ⁵⁰ Péter K. A fejedelemség virágkora, 1606—1660 // Erdély története. Bp., 1968. 2.k. 638.l.
- ⁵¹ Ibid. 636—638.l.; Péter K. A három részre szakadt ország... 441.l.
- ⁵² Péter K. A fejedelemség virágkora. 640.l.
- ⁵³ Péter K. A három részre szakadt ország... 439.l.; *idem*. A fejedelemség virágkora. 632.l.
- ⁵⁴ Nagy L. Erdélyi fejedelmek a Habsburg-ellenes harcok // Magyarország hadtörténete. Bp., 1984. 1.k. 252.l.
- ⁵⁵ Péter K. A fejedelemség virágkora. 651.l.
- ⁵⁶ Ibid. 654.l.
- ⁵⁷ Péter K. A három részre szakadt ország... 447.l.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII в.

С началом войны между Османской империей и Габсбургами перед Священной лигой встала задача использовать для борьбы с османами людские и финансовые возможности восточноевропейских государств. Внимание к себе привлекали прежде всего запорожские казаки, широко известные своими постоянными набегами на территорию османов. Уже в конце 1593—начале 1594 г. на Украину и в Москву отправились посланцы папы Климента VIII и императора Рудольфа II, которые должны были предложить казакам пойти на австрийскую службу, для участия в сухопутных и морских походах на османские владения¹. Результатом этой дипломатической деятельности, подкрепленной посылкой казакам денежных субсидий и пушек, стал наезд в 1594 г. крупных отрядов запорожцев на турецкие крепости на юге Молдавии. Этот поход способствовал решению молдавского господаря Арона присоединиться к Священной лиге. В следующем, 1595 г. казаки уже вели военные действия против турок вместе с войсками господаря².

Как бы ни было важно участие запорожских казаков в антиосманской войне, гораздо более важным для ее возможного исхода было вступление в войну Речи Посполитой. Переговоры о присоединении Речи Посполитой к Священной лиге начались в конце 1594 г.³ После предварительного обсуждения австрийских предложений королем и сенаторами вопрос был вынесен на обсуждение сейма, куда должны были прибыть послы государств Священной лиги с полномочиями для заключения соглашения об антиосманском союзе. Король Сигизмунд III, находившийся в родстве с Австрийским домом и видевший в успешной войне с османами путь к триумфу воинствующего католицизма в Европе, был сторонником присоединения Речи Посполитой к лиге. Поэтому в инструкции, разосланной на сеймики, подчеркивалась опас-

ность, которая угрожает стране с продвижением османских войск к ее южным границам, отмечалось, что османы не соблюдают мирных договоров, когда это им не выгодно, и настоятельно рекомендовалось выслать на сейм послов с неограниченными полномочиями для переговоров о присоединении Речи Посполитой к Священной лиге ⁴.

В стране имелись влиятельные силы, выступавшие за участие Речи Посполитой в антиосманской войне. Помимо короля, это были магнаты из его окружения, связанные с Габсбургами. За участие в войне выступала и часть польского духовенства, видевшая в победе над османами перспективу обращения в католицизм православных народов Балкан. Наиболее активной фигурой здесь был католический епископ Киева Я.Верещинский, который выпустил ряд сочинений, чтобы воздействовать в этом духе на общественное мнение ⁵. Однако даже среди духовенства не все придерживались подобного мнения. Так, сам глава польской церкви архиепископ гнезненский С.Карнковский выпустил анонимную брошюру против участия в войне с Османской империей ⁶.

Противником войны было и главное лицо польской политической жизни того времени, канцлер и гетман коронный Ян Замоиский. Чуждый религиозного фанатизма деятелей наступавшей эпохи контрреформации, он был трезвым политиком, считавшим усиление Габсбургов нежелательным для Речи Посполитой. Он скептически расценивал перспективы войны с османами и учитывал в своей политике настроения дворянства, по ряду причин относившегося очень сдержанно к идее вступления в Священную лигу.

Позиция дворянства складывалась, в основном, под воздействием двух факторов. Престиж Османской империи как военной державы в сознании польской шляхты был очень высоким. Она представляла собой не такое государство, которое можно было бы разгромить в ходе одной-двух удачных кампаний. Неслучайно в наказах своим послам дворяне рекомендовали подходить к переговорам о лиге с большой осторожностью, так как это дело влечет за собой «великие трудности» и может привести к «гибели» страны ⁷. Шляхта была не склонна нести долгое время большие материальные и финансовые жертвы в условиях, когда стране не угрожала непосредственная опасность. Другой фактор был, скорее, внутривнутриполитического порядка. Вступление в антиосманскую войну ставило шляхту перед неприятной необходимостью проведения реформ для создания крупной постоянной армии, которая только и могла дать отпор османам. Неслучайно в королевской инструкции на сеймики подчеркивалось, что для начала войны с османами недостаточно той небольшой постоянной армии, которая обычно обороняет от татар южные границы страны. В связи с этим вставал и неприятный вопрос о проведении переписи и оценки земель для обложения их поборами на ведение войны. Автор одного из проектов создания армии для похода в турецкие земли за Дунай прямо предлагает дворянам «отложить на сторону наши вольности» ради победы над

мусульманским миром⁸. Но ограничивать свои «вольности» шляхта не желала.

Так как в Речи Посполитой настроения дворянства прямо влияли на принятие политических решений, то неудивительно, что в переговорах о присоединении Речи Посполитой к лиге скоро наметились трудности. Не выступая в принципе против заключения союза, польские политики выдвигали условия соглашения, неприемлемые для австрийской стороны. Они добивались расширения состава лиги за счет включения в нее Испании, немецких князей, России, а также выплаты Габсбургами крупных субсидий на ведение войны. Первое требование встретило сопротивление немецких князей, а второе не могло быть осуществлено из-за отсутствия у Габсбургов средств. Переговоры при участии австрийских и папских дипломатов тянулись до 1597 г. и закончились безрезультатно.

Все это, однако, не означало, что польские политики намеревались лишь пассивно наблюдать за ходом войны между Османской империей и Габсбургами. Уже на переговорах с австрийскими дипломатами в феврале 1595 г. был поставлен вопрос о распространении польского влияния на Дунайские княжества, и отказ австрийской стороны пойти навстречу этому требованию явился одной из причин неудачи переговоров⁹. В Варшаве были намерены использовать сложившуюся ситуацию, чтобы попробовать добиться восстановления той традиционной сферы польского влияния на Балканах, которая оказалась утраченной в ходе османской экспансии в этом регионе. Маневрируя между интересами обеих воюющих сторон, можно было попытаться добиться достижения этой цели и с теми сравнительно небольшими военными силами, которые находились в распоряжении польского правительства.

В августе 1595 г., воспользовавшись тем, что султанские войска втянулись в тяжелые бои на Дунае с войсками валашского господаря Михая Храброго, Ян Замоиский с армией вступил в Молдавию и возвел на трон своего ставленника Иеремию Могилу, который по возобновленному теперь старому обычаю принес вассальную присягу польскому королю. Произошли столкновения между польскими войсками и вступившей в Молдавию крымской ордой. Тем временем османские отряды в октябре 1595 г., не добившись успеха, вынуждены были покинуть территорию Валахии. Кроме того, в Стамбуле опасались возможного присоединения Польши к Священной лиге. В этих условиях 21 октября был заключен договор, по которому Османская империя признала Могилу молдавским господарем¹⁰. На заключение такого соглашения империя согласилась тем охотнее, что новый господарь признал себя вассалом султана и обязался по-прежнему уплачивать ему дань¹¹. Однако в Молдавии продолжали оставаться польские войска. Ряд молдавских бояр (в том числе и члены семьи Могилы) были приняты в ряды польской шляхты с правом приобретать земли на территории Речи Посполитой. Польское влияние в Молдавии поддерживали и брачные связи между семьей Могилы и рядом польских магнатских родов. На рубеже XVI-XVII вв. Молдавия

стала районом, где скрещивалось политическое влияние Речи Посполитой и Османской империи.

Вступление польских войск в Молдавию и изгнание из нее господаря, поставленного трансильванским князем — одним из членов Священной лиги, вызвало протесты австрийских и папских дипломатов, что способствовало ухудшению польско-австрийских отношений и окончательной неудаче переговоров о присоединении Речи Посполитой к лиге.

Отношения еще более ухудшились, когда Габсбурги оказали поддержку валашскому воеводе Михаю Храброму, изгнавшему Иеремию Могилу из Молдавии. Все это привело к сближению между Речью Посполитой и Османской империей, каждая из которых была заинтересована в сохранении своих позиций в Молдавии. Новый поход Яна Замойского в Молдавию осенью 1600 г., закончившийся поражением валашских войск и возвращением Могилы на трон, был предпринят с санкции и при поддержке султана. Обстановку сближения между государствами польские политики пытались использовать для того, чтобы закрепить в правовых актах свое фактическое присутствие в Молдавии. Польские посольства, посещавшие Стамбул в первые годы XVII в., добивались признания за польским королем права предлагать султану кандидатов на господарский трон и передачи, хотя бы на время, в распоряжение Речи Посполитой османской дани с Молдавии. Султан, однако, пошел лишь на единственную уступку, признав Могилу пожизненным правителем Молдавии и разрешив ему передать трон сыну¹². Более значительных целей чисто дипломатическими средствами добиться было невозможно, а к более серьезным средствам давления Речь Посполитая прибегнуть не могла: в 1600 г. началась долголетняя польско-шведская война.

Уже на начальном этапе переговоров с Габсбургами выяснилось, что польские политики относят к сфере своего влияния на Балканах не только Молдавию, действительно в XIV-XVI вв. находившуюся в зависимости от Польши, но и Валахию¹³. Эти планы Ян Замойский пытался реализовать во время своего второго похода на Молдавию, посадив вместо Михая Храброго на валашский трон брата Иеремии Могилы Симиона. Польский ставленник на валашском троне не удержался¹⁴, но и в последующие годы польское правительство вело с валашскими господарями переговоры об установлении польского протектората над Валахией¹⁵.

Таким образом, к началу XVII в. Речь Посполитая добилась известных успехов в укреплении своих позиций на Балканах, но успехи эти были достигнуты главным образом за счет благоприятной международной конъюнктуры. Сохранит или утратит Речь Посполитая эти позиции зависело от того, сумеет ли и когда именно Османская империя преодолеть тот тяжелый кризис, в каком она оказалась на рубеже XVI—XVII вв.

Как отмечалось выше, на переговорах с Габсбургами одним из главных постулатов польской стороны было привлечение России в состав

Священной лиги. Один из наиболее горячих сторонников этой идеи епископ Я.Верещинский даже обратился с посланием к царю Федору, предлагая ему соединить свои силы с другими христианскими государствами-противниками османов¹⁶. Однако в своих сношениях с Россией австрийская дипломатия в конце XVI-начале XVII в. не прилагала больших усилий для присоединения России к антитурецкой коалиции. Габсбурги добивались от Москвы главным образом субсидий на ведение войны с османами и содействия установлению контактов между Священной лигой и Сефевидским Ираном¹⁷. По первому вопросу позиция русского правительства оказалась доброжелательной, но сдержанной. Направив в 1595 г. в Прагу соболиной казны на 44 тыс.руб., на последующие просьбы о помощи русские политики уже не реагировали. Что касается сношений с Ираном, то здесь был проявлен максимум доброй воли. Через русскую территорию проезжали не только дипломатические миссии, направлявшиеся Габсбургами в Иран, но и послы шаха Аббаса в страны Западной Европы, устраивались встречи в Москве австрийских и иранских дипломатов¹⁸.

Указанные факты ясно показывают, что русское правительство занимало враждебную позицию по отношению к Османской империи, но поставленных целей предпочитало добиваться самостоятельно, не согласуя свою политику с действиями Священной лиги. Это, впрочем, и было бы трудно делать в условиях, когда Речь Посполитая не вошла в состав антиосманской коалиции. Если Речь Посполитая хотела использовать положение, чтобы укрепить свое влияние в Дунайских княжествах, то русское правительство стремилось ослабить позиции Порты на Северном Кавказе. Опираясь на систему крепостей в Прикаспии, созданную в предшествующие годы, Москва рассчитывала подчинить себе османских вассалов на территории Дагестана, с помощью кахетинского царя Александра и при содействии Ирана, с которым в конце XVI—начале XVII в. велись переговоры о военном союзе против Османской империи¹⁹. Начатые в 1594 г. военные действия против главного из этих вассалов—шамхала получили продолжение в 1604-1605 гг., когда русские войска заняли его столицу Тарки. Отсутствие поддержки со стороны кахетинского царя и иранского шаха способствовало тому, что в столкновении с османскими войсками и дагестанскими вассалами султана русская рать потерпела поражение²⁰.

Если для населения Придунавья годы «Долгой» войны были временем тяжелых бед и разорений, то для России и Речи Посполитой конец XVI—начало XVII в. явились периодом сравнительного благополучия и спокойствия. Совершавшая постоянно разорительные набеги на территорию обеих стран Крымская орда с 1594 г. по приказу султана участвовала в войне против Габсбургов на территории Венгрии. Крупные нападения татар в этот период прекратились. Русское правительство пыталось использовать положение для расширения своей деятельности по освоению Дикого поля и продвижения на юг системы обороны против татарских набегов. Пе-

редовая линия обороны в начале XVII в. передвинулась с Оки на юг: полки стояли в Мценске, Новоси́ли, Орле. В последние годы XVI в. на юге были поставлены новые города—Белгород, Оскол, Валуйки и в 1600 г. у татарского «перелаза», у места впадения Оскола в Северский Донец, самая южная русская крепость—Царев Борисов²¹. Это успешное и быстрое продвижение русских границ на юг было достигнуто благодаря использованию благоприятной международной обстановки, но оказалось под вопросом, когда после заключения мира между Османской империей и Габсбургами орда вернулась в Крым, а в России началась гражданская война.

Восточная Европа в 1606-1618 гг. не принадлежала к числу районов, обладавших наибольшим значением в глазах османского правительства. Однако изменения, происходившие здесь во втором десятилетии XVII в. (гражданская война в России, которая привела к временному распаду этого государства, вторжение на территорию России польских, а затем шведских войск, овладевших здесь крупными центрами), были столь значительны, так меняли сложившееся в регионе соотношение сил, что они никак не могли не привлечь внимания османских политиков²². К этому следует добавить, что в первой половине XVII в. одной из главных проблем политики Порты была борьба с экспансией Сефевидского Ирана, а в этих условиях возникал вопрос об укреплении османских позиций в зоне русского влияния на подступах к Северному Кавказу и Прикаспию.

Забегая вперед, сразу следует сказать, что на протяжении большей части этого исторического периода, получившего в русской историографии название Смуты, османское правительство не предприняло каких-либо попыток серьезно повлиять на события, происходившие в этом регионе. Пассивность политики Порты объяснялась, несомненно, тяжелым положением Османской империи в эти годы. Мир с Габсбургами, заключенный в 1606 г., не привел к радикальному улучшению внутри империи и ее внешнеполитического положения. Малая Азия была по-прежнему охвачена восстаниями, а их подавление, осуществленное со страшной жестокостью, привело к огромному разорению этой части государства. Неудачно развивалась, несмотря на мир с Габсбургами, и война с Сефевидским Ираном: османы постепенно утратили контроль над Восточным Закавказьем, вынуждены были оставить Луристан и часть Курдистана. Для противодействия войскам шаха Аббаса пришлось перебрасывать в Азию войска из балканских провинций Османской империи. Все это никак не позволяло проявлять активность на других направлениях и вообще обострять отношения с соседями. «Их дела,—писал в Париж Ж.Салиньяк,—находятся в таком состоянии, что они не захотят, по моему мнению, никого раздражать»²³.

Действия польского правительства показывают, что оно было в курсе состояния дел в Османской империи и не опасалось нежелательной для себя активности Порты. Когда после смерти молдавского господаря Иеремии Могилы его старший сын Константин был отстранен

от наследования господарского престола, его родственник польский магнат Стефан Потоцкий с одобрения короля Сигизмунда III вторгся в Молдавию, посадил Константина на молдавский трон, и османам пришлось с этим примириться. Более того, султан был вынужден дать обещание не смещать господара без согласия польского короля²⁴. Сообщая об утверждении османами Константина Могилы, Салиньяк писал Генриху IV: «Это еще раз позволит судить вашему величеству, насколько они чувствуют себя слабыми»²⁵. О слабости империи говорит и ее реакция на набеги казаков, которые с начала XVII в. стали для нее крупной проблемой. Сохранилось коллективное обращение сановников султана к польским сенаторам, в котором османские вельможи, сообщая, что запретили татарам нападать на Речь Посполитую, просили положить конец казачьим нападениям²⁶.

Такой характер отношений не изменился и после открытого вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Отправленный в Стамбул еще до выступления Сигизмунда III в московский поход королевский посланец Г.Коханский прибыл в октябре 1609 г. в польский лагерь под Смоленском с заверениями султана, что тот намерен и впредь сохранять мир с Речью Посполитой²⁷. Насколько в Варшаве не опасались вмешательства османов, красноречиво говорит тот факт, что Сигизмунд III вызвал под Смоленск с южных границ коронную армию во главе с ее командующим гетманом С.Жолкевским²⁸. В данном случае ослабление Османской империи создало благоприятную обстановку для польско-литовской интервенции в России. Поступавшая в Польшу информация о положении империи в эти годы ярко отражает убеждение в ослаблении и распаде османского государства. Примером могут служить «Новости из Турции», присланные во Львов в феврале 1610 г. Составитель письма, сообщая о мятеже спахив в Стамбуле, расстройстве торговли, поражениях, нанесенных османам иранскими войсками, закончил свой рассказ словами: «как вижу, Азия ушла уже из турецких рук, и от этих внешних и домашних смут обратится в ничто и погибнет турецкая монархия»²⁹.

Убеждение в слабости Османской империи нашло свое выражение в эти годы и в антиосманских планах вступившего в 1605 г. на русский трон Лжедмитрия I. Известно, что уже в конце этого года он начал переговоры об антитурецком союзе с Речью Посполитой, а затем, используя свои контакты с иезуитами и папским нунцием в Польше К.Рангони, вступил в сношения с папой, добиваясь, чтобы последний убедил Габсбургов разорвать только что заключенный мир с султаном. Весной 1606 г., не дожидаясь окончания переговоров, Лжедмитрий I начал приготовления к войне. В городе Ельце, расположенном на одном из притоков Дона, начался сбор вооружения и провианта, а также строительство судов, очевидно, для похода войск Лжедмитрия I на Азов³⁰. План такого похода был вызван к жизни отчасти внутривосточными соображениями—желанием направить в сторону османов энергию казачества и служилых людей русского Юга, так ярко проявившуюся в

их восстании против Бориса Годунова. Но само появление такого плана, готовность осуществлять его, не дожидаясь содействия других держав—все это отражало представление о том, что Османская империя является собой удобный объект для нападения. Этим планам положило конец убийство Лжедмитрия в мае 1606 г. и последовавшая за этим вспышка гражданской войны в России. Однако и правительство Василия Шуйского, пришедшего на смену Лжедмитрию I, не пыталось искать помощи Порты против самозванцев и интервентов, очевидно, также рассматривая Османскую державу как государство, охваченное смутами и терпящее поражения на внешних фронтах.

Более сложно и неоднозначно складывались в эти годы взаимоотношения России и Речи Посполитой с Крымом. В отличие от османских политиков для Крыма все происходившее в Восточной Европе было делом первостепенной важности. К этому следует добавить, что после возвращения главных сил Орды из Венгрии в распоряжении хана и крымской знати находились достаточно крупные военные силы, чтобы попытаться повлиять на ход событий. Наконец, если к Османской империи никто не обращался, то с Крымом дело обстояло иначе: уже в 1608 г. Василий Шуйский отправил послов к хану Гази-Гирею, «чтоб он на полских и на литовских людей и на русских воров вспоможенье учинил»³¹. На протяжении 1608-1610 гг. эти просьбы о помощи из Москвы раздавались неоднократно³². Реакция Крыма на эти предложения оказалась положительной. Весной 1609 г. хан Селамет-Гирей направил на помощь Василию Шуйскому большое войско во главе со своим братом калгой Джанибек-Гиреем³³. Мотивы такого решения представляются вполне понятными. Соперничество двух восточноевропейских государств создавало наиболее благоприятные условия для набегов крымских татар; резкий перевес одного над другим создавал угрозу самому существованию ханства. Поэтому в имевших место в Восточной Европе конфликтах ханство обычно оказывало поддержку более слабой стороне. Однако выступив на помощь Василию Шуйскому против Лжедмитрия II, калга, как вспоминал позднее один из крымских мурз, взяв у московских властей «многую казну», «пошел прочь, а помочи никакой не учинил, идучи от Коширы многие города вывоевал»³⁴. То же повторилось и в следующем 1610 г. Крымские «царевичи», получив под Серпуховым деньги от приближенных Василия Шуйского, после нескольких столкновений с войсками Лжедмитрия II «поидоша опять за Оку», заявив, что «изнел их голод, стоять не мочно»³⁵. Оценивая происходящее, осведомленный современник келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын писал, что татары только разоряли русские земли и «на царе Василии за то дары великия взявше и от всея земля плену яко скот в Крымское державство согнаша»³⁶.

Известный исследователь русско-крымских отношений А.А.Новосельский полагал, что политику Крымского ханства в эти годы определял польско-турецкий договор 1607 г., в котором фиксировалось обязательство хана по требованию короля оказывать помощь против его

врагов. По мнению ученого, это соглашение положило начало военному союзу Крыма и Речи Посполитой, направленному против России³⁷. Однако тексты известных документов польско-крымской дипломатической переписки этих лет и сохранившиеся записи о переговорах не содержат каких-либо упоминаний о чем-либо подобном³⁸. Вместе с тем из этих документов достаточно определенно следует, что именно Крымское ханство в эти годы проявляло заинтересованность в сохранении мирных отношений с Речью Посполитой. Так, когда хан Джанибек-Гирей вступил на престол, Сигизмунд III не поздравил его с воцарением, а позднее не принял привезенного ханским великим послом Джан-Антоном «перемирного листа», так как он отличался от договора, утвержденного его предшественником, Гази-Гиреем, и в нем не было указано, что южные границы Речи Посполитой доходят до Черного моря. Такое поведение польской стороны явно говорит о том, что в Варшаве не опасались серьезного противодействия Крыма своей московской политике. Действительно, на 1609-1611 гг. приходится лишь одно крупное нападение татар на польские земли³⁹. Активность татар была направлена в эти годы на территорию южных районов Русского государства, где традиционная система обороны перестала существовать, а многие ее опорные пункты-города были разрушены в ходе гражданской войны, что создавало идеальные условия для захвата полона. Своего апогея эти набеги достигли в 1611-1613 гг., когда татарские отряды приходили на Русь с намерением «вон не выхаживать»⁴⁰. Приносившая в данный момент реальные крупные выгоды такая политика была весьма недальновидной с точки зрения интересов самого ханства, а так как в схожих исторических ситуациях (например, во время знаменитого «Потопа») крымские политики вовсе не проявляли подобной недальновидности, то, по-видимому, причины того, что Крым никак не противодействовал попыткам Речи Посполитой подчинить Россию, следует связывать с особенностями конкретной ситуации тех лет, в частности отсутствием у ханства поддержки со стороны Османской империи, стремившейся избежать каких-либо осложнений в отношениях с соседями.

Крупные изменения в отношениях государств Восточной Европы с Портой наметились к 1612 г., когда положение Османской державы временно стабилизировалось с заключением в 1612 г. мира с Ираном, и османские политики смогли заняться укреплением позиций своего государства в традиционной сфере влияния.

К этому Порту должны были подталкивать перемены в общей внешнеполитической ориентации Речи Посполитой, четко обозначившиеся к началу второго десятилетия XVII в. Тенденция к сближению польских правящих кругов с Габсбургами, нашедшая свое выражение в брачных договорах короля Сигизмунда III с Австрийским домом, окончательно возобладала после ухода с политической арены Яна Замойского и политиков его круга и поражения противников короля и его партии после так называемого «Сандомирского рокоша». Сближению поли-

тических элит Речи Посполитой и державы Габсбургов способствовала также их общая приверженность к воинствующему католицизму эпохи контрреформации. Свое формальное выражение это сближение нашло в союзном договоре, который 23 марта 1613 г. был подписан главой Австрийского дома, императором Матвеем⁴¹. С некоторыми изменениями договор в 1615 г. был ратифицирован польским сеймом.

В интересующей нас плоскости одним из ближайших последствий подобной смены ориентации стало осложнение ранее в целом дружественных польско-трансильванских отношений. Для правителей Трансильвании, враждебного Габсбургам протестантского государства, сближение Речи Посполитой и Габсбургов на базе общей приверженности к воинствующему католицизму означало серьезное ухудшение их позиций в окружающем мире. Неудивительно, что, когда после поражения «рокоша» такое сближение вполне определилось, трансильванский князь Габор Батори присоединился к врагам Сигизмунда III, вступив в контакты с его противниками в Речи Посполитой, предлагавшими правителю Трансильвании польскую корону. Князь искал поддержки своих планов у враждебной в то время Габсбургам Франции⁴². По этой же причине он побуждал Стамбул положить конец польскому влиянию в Дунайских княжествах. Когда обозначилась перспектива окончания войны с Ираном, Габор Батори в 1611 г. согнал с валашского трона воеводу Раду Шербана, вступившего в сношения с польским правительством и Габсбургами, а затем выгнал из Молдавии польского ставленника Константина Могилу. Поддерживая действия своего ленника, султан потребовал от Сигизмунда III выдачи Константина Могилы и молдавских бояр, нашедших приют в Польше⁴³. Уже тон, взятый в этом случае Портой, показывал, что на сей раз она твердо намерена настаивать на своем. Поэтому, учитывая улучшение положения Османской империи, а также серьезные трудности, возникшие перед польской восточной политикой с развитием освободительного движения в России, ряд польских политиков, а в их числе сам командующий коронной армией гетман С.Жолкевский, предлагали примириться с создавшейся ситуацией. Однако король Сигизмунд III, опиравшийся в своей политике на группировку польских магнатов родственников Могил, решил иначе. По его приказу со специально набранным войском в Молдавию с целью возвратить Константина на престол в Яссах был послан его зять С.Потоцкий. При этом речь не шла о полном разрыве с Османской империей; в документах, связанных с подготовкой похода, упоминалось, что дань султану должна быть выплачена из казны, вывезенной Константином Могилкой в Польшу⁴⁴. Сигизмунд III стремился лишь восстановить положение, существовавшее до свержения Константина.

В письме архиепископу гнезненскому король выражал уверенность, что османы примирятся с польским вмешательством, так как ему сообщают «о новых немалых беспорядках в Турции»⁴⁵. Однако король ошибся. Вступив в Молдавию, С.Потоцкий столкнулся не только с османскими, но и с татарскими войсками и был разбит наголову в битве у Сасова рога на Пруте 19 июля 1612 г. Вслед за этим последовало вторжение орды

во главе с самим ханом Джанибек-Гиреем на территорию Речи Посполитой, татарские загоны доходили до Житомира. С. Жолкевский вынужден был спешно заявить о признании султанского ставленника Стефана Томши законным правителем Молдавского княжества⁴⁶.

По-видимому, под воздействием этих событий в Москве, освобожденной в том же 1612 г. от польских интервентов, было принято решение обратиться в Стамбул с просьбой о помощи против польского короля. Такое обращение с русской стороны было не первое. Уже в марте 1612 г. в османской столице появились русские послы с просьбой «защитить москвитов от польского короля», но султан их не принял⁴⁷. Конфликт между Речью Посполитой и Османской империей позволял повторить такую попытку с большей надеждой на успех. В июне 1613 г. от имени только что вступившего на трон царя Михаила Федоровича в Стамбул были отправлены послы П. Протасьев и М. Данилов.

В политике Порты по отношению к России в 1612-1613 гг. сталкивались две разные тенденции. С одной стороны, в Стамбуле пытались воздействовать на султанское окружение Габор Батори и греческое духовенство, убеждая, что в интересах османской державы не допустить подчинения России полякам⁴⁸. В августе 1612 г. под их влиянием султан решил было отправить к русским своего представителя, «чтобы ободрить их и обещать им помощь»⁴⁹. С другой стороны, сообщения о распаде Русского государства, войне между разными группировками, обособлении отдельных центров побуждали Порту попытаться осуществить старые планы распространения своей власти на Поволжье. Такая попытка и была предпринята после заключения мира с Ираном. В 1613 г. начались переговоры о переходе орды Больших Ногаев, кочевавшей в низовьях Волги, под османский протекторат, а в Каффе стали концентрироваться султанские войска для похода на Астрахань⁵⁰.

Когда в конце 1613 г. в Стамбуле стало известно о прибытии послов из Москвы, решение о походе на Астрахань было отменено. В таком повороте политики Порты немалую роль сыграл Крым. Крымская знать раньше, чем османские политики, поняла, что события 1612 г. в России означают восстановление Русского государства и возобновление традиционного для Восточной Европы конфликта, и вернулась к своей тактике поддержки более слабой стороны. К концу 1613 г. полным ходом шли переговоры о заключении союза между Россией и Крымом против Речи Посполитой⁵¹. Прием султаном русских послов 1 мая 1614 г. означал официальное признание царя Михаила Османской империей. Ответ, полученный послами в Стамбуле, был не слишком определенным, но султан все же выразил согласие продолжать переговоры «о вспоможении на польского короля»⁵². С этой целью в сентябре 1615 г. в Стамбул направилось новое русское посольство, чтобы добиться помощи от султана, но вынуждено было вернуться домой с пустыми руками. Пытаясь воспользоваться трудным положением Русского государства, в Стамбуле требовали уступки Казани и Астрахани или, по крайней мере, уплаты «выхода» с этих территорий, так как «по на-

шей мусульманской вере крестьяном вспоможенья чинить даром не велено»⁵³. Этими требованиями, в выполнение которых османы и сами не очень верили, прикрывалась неспособность Порты в эти годы оказывать серьезное влияние на события в Европе. В 1615 г. в Стамбуле было принято решение снова начать войну с Ираном, чтобы вернуть утраченные территории. Однако начавшаяся в следующем году война протекала для османов неудачно. Осаду Еревана пришлось снять после больших потерь, позднее султанские войска понесли крупное поражение и в октябре 1618 г. вынуждены были согласиться на мир, подтверждавший условия договора 1612 г. В военных действиях участвовали не только войска из балканских провинций, но и крымские татары во главе с самим ханом Джанибек-Гиреем⁵⁴.

Несмотря на ограниченность возможностей османского правительства после 1613 г., можно наблюдать его несомненный переход к агрессивной политике по отношению к Речи Посполитой. Для обращения к такой политике имелись определенные стимулы. Как показали последующие события, Сигизмунд III и его окружение не желали примириться с потерей польского влияния в Молдавии. Направленный в Стамбул после событий 1612 г. посол оправдывал действия С.Потоцкого, а осенью 1615 г. в Молдавию вторглись польские войска и, изгнав из княжества господаря Стефана Томшу, посадили на престол в Яссах другого сына Иеремии Могилы, Александра. Поход был как бы частным предприятием двух польских магнатов-родственников Могил, М.Вишневецкого и С.Корецкого, но они пользовались неофициальной поддержкой короля, что позволило осуществить эти планы, несмотря на противодействие гетмана, пытавшегося помешать набору для них войск⁵⁵. Подобная политика проводилась правителем, который в то же самое время прилагал все усилия для продолжения войны с Россией, чтобы возвести на русский престол королевича Владислава. Все это можно объяснить только сохранением в Варшаве представления, что занятая войной с Ираном Османская империя не сможет реагировать на вмешательство. Для Порты поэтому весьма настоятельной стала задача показать польским правящим кругам, что они ошибаются, и заставить их отказаться от вмешательства в балканские дела.

Другой проблемой серьезно беспокоившей османские власти были морские нападения казаков. Принявшие широкий размах в начале XVII в. нападения эти продолжались с большой силой и во втором десятилетии XVII в. Не ограничиваясь вторжениями на побережье Крыма, казаки совершали набеги не только на балканское, но и на малоазийское побережье Черного моря, разоряя поселки и города. Казацкие отряды неоднократно появлялись в окрестностях самой османской столицы. На Черном море происходили настоящие сражения между казацкими «чайками» и султанским флотом, в которых османские адмиралы неоднократно терпели неудачи⁵⁶. Главная роль в них принадлежала запорожским казакам, так как в эти годы казачество Дона было глубоко

вовлечено в гражданскую войну в России. Оказывая давление на Речь Посполитую, Порта рассчитывала тем самым заставить польское правительство положить конец этим разоряющим их державу набегам.

Разумеется, для проведения такой политики Османская империя располагала лишь ограниченными силами, но в Стамбуле не без основания полагали, что Речь Посполитая, ведущая войну одновременно и с Швецией и с возрождающейся Россией, находится в еще более неблагоприятном положении. Кроме того, здесь рассчитывали на активную поддержку Крыма, также заинтересованного на данном этапе в ослаблении Речи Посполитой.

Уже летом 1614 г. к Бендерам вышли войска бейлербея Румелии и одновременно к устью Днепра подошел султанский флот. Османские военачальники заявили, что идут на территорию Речи Посполитой справиться с казаками, раз этого не хочет сделать польское правительство⁵⁷. Весной 1615 г. войска бейлербея появились снова. Такие военные демонстрации подкреплялись начавшимися в 1613 г. татарскими набегами на южные земли Речи Посполитой. Только в 1615 г. нападения татар повторялись трижды, их загоны доходили до самого Львова. Татарские войска возглавляли царевичи из дома Гиреев и сам хан. Новые столь же крупные нападения последовали вслед за изгнанием польских войск из Молдавии осенью 1616—зимой 1617 г.⁵⁸

Особенно крупная военная демонстрация была предпринята летом 1617 г., когда в походе османских войск во главе с Искендер-пашой приняли участие правители Трансильвании, Валахии и Молдавии. Повидимому, зная о ситуации, сложившейся на фронте войны с Россией, в Стамбуле решили, что наступил удобный момент, чтобы заставить противную сторону пойти на уступки. Действительно, после того, как сейм в 1616 г. принял решение об организации похода в Россию, чтобы возвести королевича Владислава на русский трон, даже король и его окружение стали проявлять готовность к уступкам на других направлениях, чтобы собрать все силы для достижения главной цели. Теперь сам Сигизмунд III побуждал гетмана Жолкевского скорее заключить мирный договор с османами, чтобы коронная армия смогла принять участие в походе на Россию⁵⁹.

В такой ситуации ничего не оставалось, как пойти навстречу османским требованиям. Важнейшим положением договора, заключенного в сентябре 1617 г., стало обязательство польской стороны не посылать войска в Молдавию, Валахию и Трансильванию и не оказывать никакой помощи тем, кто попытался бы напасть на эти государства. Другим важным условием договора было обязательство не допускать нападений казаков на территории Османской империи⁶⁰. Что касается второго условия, то надежды, которые Порта связывала с его включением в договор, не оправдались. Хотя гетман Жолкевский принимал меры для выполнения соглашения, добиваясь соответствующего обязательства от казацкой старшины, но та, даже подписав соответствующий документ, не обладала достаточным авторитетом, чтобы заста-

вить казачество отказаться от морских походов. Власти также не могли прибегнуть к силе, тем более, что они были заинтересованы в участии казаков в походе королевича Владислава на Москву⁶¹.

Другой результат османских усилий оказался более прочным. Договор 1617 г. закрепил утрату Речью Посполитой тех позиций на Балканах, которые были ею завоеваны в годы «Долгой» войны. Более не было речи о какой-либо польской опеке над Молдавией, о признании за польскими королями права «подавания» господарей на молдавский трон. Ценой этих уступок польское правительство стремилось освободить коронную армию для действий на русском фронте. Действительно, С.Жолкевский сразу по заключении договора направил часть армии на помощь Владиславу⁶², но план в целом выполнить не удалось, так как весной—летом 1618 г. последовали новые крупные нападения татар на южные районы Речи Посполитой⁶³. Предпринятые по приказу Стамбула⁶⁴ эти нападения свидетельствуют о том, что здесь продолжали следить за восточноевропейскими делами и не желали чрезмерного усиления Варшавы. В этом смысле заключение в декабре 1618 г. Деулинского перемирия между Россией и Речью Посполитой, означавшего сохранение Русским государством своей политической самостоятельности, было в известной мере успехом османской политики. В лице Русского государства, не желавшего забыть о тяжелом ущербе, нанесенном интервенцией, и отказаться от занятых польско-литовскими феодалами земель, Речь Посполитая получила опасного противника, и это должно было существенно ограничивать ее свободу действий по отношению к Османской империи.

Итогом рассмотренного периода в истории взаимоотношений России и Речи Посполитой с Османской империей и Крымским ханством стала утрата Варшавой и Москвой позиций, завоеванных в годы «Долгой» войны в условиях конфликта между Портой и Габсбургами. Эти перемены явились следствием использования османской и крымской стороной последствий долголетней гражданской войны в России, приведшей к разрушению системы обороны ее южных границ, и русско-польской войны, вызванной вмешательством польско-литовских феодалов в эту гражданскую войну. Однако достигнутые результаты были совсем несоизмеримы с теми неиспользованными Портой возможностями, которые открывал для османской политики временный распад Русского государства, что нельзя не рассматривать как один из симптомов обозначившегося к началу XVII в. ослабления Османской империи. Фактически политика султана в Восточной Европе сводилась к сохранению завоеванного здесь ранее положения. Решение этой задачи в будущем облегчал острый конфликт между Россией и Речью Посполитой, ставший главным следствием польско-литовской интервенции в сфере международных отношений.

- ¹ Барвинський Е. Причинки до історії зносин цісаря Рудольфа II і папи Климентія VIII з козаками р. 1593 і 1594 // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1896. Т. X; Плохий С.Н. Папство и Украина. Политика римской курии на украинских землях в XVI—XVII вв. Киев, 1989. С. 58—65.
- ² О походах казаков 1594—1595 гг. см. подробнее: Доманицький В. Козаччина на переломі XVI—XVII вв. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. LXI.
- ³ История этих переговоров подробно рассмотрена во 2-ой и 3-ей главах исследования чешского историка Й.Мацурека (*Macúrek J. Zápás Polska a Habsburků o přístup k Černému moři na sklonku 16 století*. Praha, 1931).
- ⁴ Текст инструкции: AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. II, n. 325.
- ⁵ Часть этих сочинений включена в издание: *Wereszczyński J. Pisma polityczne*. Kraków, 1857.
- ⁶ *Macúrek J.* Op.cit. S. 41.
- ⁷ См. достаточно типичный для документов такого рода текст инструкции послам на сейм от Плоцкого воеводства: Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakówie. Rkp. 950. k. 178.
- ⁸ Muzeum narodowe w Krakówie. Dział: zbiory Czartoryjskich. № 2243. S. 257.
- ⁹ *Macúrek J.* Op.cit. S. 47, 50.
- ¹⁰ О походе Замоийского в Молдавию см.: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества. Кишинев, 1987. С. 178—180; *Macúrek J.* Op.cit. S. 74—79.
- ¹¹ *Macúrek J.* Op.cit. S. 92.
- ¹² Historia dyplomacji polskiej. Т. II (1572—1793). W., 1982. S. 73—75.
- ¹³ *Macúrek J.* Op.cit. S. 47.
- ¹⁴ Внешнеполитическая история... С. 183—185.
- ¹⁵ См., например, упоминание в одном из писем молдавского господаря Константина Могилы, что благодаря его убеждениям валашский господарь Раду Шербан согласился принести вассальную присягу Сигизмунду III: AGAD. Libri legationum. Т. 28. К. 345 v.
- ¹⁶ *Wereszczyński J. Pisma polityczne...* S. 75 i n.
- ¹⁷ *Übersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des XV Jahrhunderts*. Wien—Leipzig, 1906. S. 553—561.
- ¹⁸ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976. С. 191—194, 339—343, 385—387.
- ¹⁹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 282—288; Ср.: Новосельцев А.П. Русско—иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 455—457.
- ²⁰ Шмелев А.С. Русско-дагестанско-османский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 4. Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV—XVIII веках. М., 1992.
- ²¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948. С. 42—44.

- 22 Сохранившиеся тексты донесений французского посла в Стамбуле барона Салиньяка показывают, что здесь располагали информацией о всех наиболее важных событиях, происходивших в России в эти годы. См.: *Ambassade en Turquie de Jean de Gontaut Biron, baron de Salignac (1605—1610)*. Paris, 1887.
- 23 *Ambassade...* P. 43.
- 24 AGAD. *Libri legationum*. T. 28, K. 240, 291 v.
- 25 *Ambassade...* P. 195.
- 26 Biblioteka im. Raczyńskich w Poznaniu. Rkp. 33. k. 30 v—32.
- 27 См. запись об этом в дневнике смоленского похода: РИБ. Т. I. Ст. 473.
- 28 *Prochaska A.* Hetman Stanisław Żolkiewski. W., 1927. S. 70 i n.
- 29 Жерела. Т. 8. № 93.
- 30 Подробнее об антитурецких планах Лжедмитрия I см.: *Floria B. Rokosz Sandomierski a Dymitr Samozwaniec // Odrodzenie i reformacja w Polsce*. T. XXVI. W., 1981. S. 73—80.
- 31 Описание архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. М., 1977. С. 277.
- 32 *Захарьина Н.С.* Русско—крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607—1610 гг.) // Социально—экономическая и политическая история Юго—Восточной Европы до середины XIX в. Кишинев, 1980. С. 133 и сл.
- 33 *Захарьина Н.С.* Указ. соч. С. 134.
- 34 РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. 1619 г. № 7. Л. 3.
- 35 ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. Гл. 232; *Захарьина Н.С.* Указ. соч. С. 137—138.
- 36 Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955. С. 207.
- 37 *Новосельский А.А.* Борьба... С. 49—51.
- 38 См. тексты грамот хана Селамет-Гирея и Сигизмунда III 1609 г., хана Джанибек-Гирея и Сигизмунда III 1610 г. (*Racz.* 33, k. 28 v—30 v, 36v—38v) и записи о переговорах весной 1610 г. (РИБ. Т. I. Ст. 576).
- 39 *Horn M.* Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemię Rzeczypospolitej polskiej w latach 1600—1647 // *Studia i materiały do historii wojskowości*. W., 1962. T. VIII. Cz. 1. S. 12—13.
- 40 *Новосельский А.А.* Борьба... С. 66—67, 75.
- 41 *Heil F.* Od česko-polské státní smlouvy k habsbursko-vasovskému dynastickému paktu (1589—1613) // *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Rada historická*. 1959. S.6.
- 42 *Prochaska A.* Op.cit. S. 101—103.
- 43 AGAD. *Libri legationum*. T. 28. K. 370, 372.
- 44 *Prochaska A.* Op.cit. S. 104—105; *Spieralski Z.* Awantury moldawskie. W., 1967. S. 160.
- 45 AGAD. *Libri legationum*. T. 28. K. 332.
- 46 *Prochaska A.* Op.cit. S. 106—108.
- 47 DR. Supl. I. Vol. 1. P. 122.
- 48 *Leitsch W.* Sultan Ahmed und Mihail Romanow im Jahre 1614. Der Beginn einer neuen Epoche in der russisch-turkischen Beziehungen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. München, 1956. Bd.IV. Hf. 3. S. 251—252.
- 49 DR. Supl. I. Vol. I. P. 151.

- ⁵⁰ Флоря Б.Н. Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая // ССл. 1982. № 1. С. 49—50.
- ⁵¹ Флоря Б.Н. Там же. С. 50.
- ⁵² Там же. С. 52.
- ⁵³ Флоря Б.Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 42—43.
- ⁵⁴ Bellan L.L. Chan Abbas I. Sa vie, son histoire. Paris, 1932. P. 222, 226—230, 233—241.
- ⁵⁵ Prochaska A. Op.cit. S. 110, 115—116; Spieralski Z. Op.cit. S. 163—164.
- ⁵⁶ Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. М., 1978. С. 101—106.
- ⁵⁷ Prochaska A. Op.cit. S. 111—112; Жерела. Т. 8. № 100—101, 105, 110. С. 153—154.
- ⁵⁸ Horn M. Op.cit. S. 18—22; Новосельский А.А. Борьба... С. 86—87.
- ⁵⁹ Pisma Stanisława Żółkiewskiego. Lwów, 1861. S. 542.
- ⁶⁰ Османская империя в первой четверти XVII в. М., 1984. с. 188.
- ⁶¹ Prochaska A. Op.cit. S. 130, 162—164.
- ⁶² Ibid. S. 130.
- ⁶³ Ibid. S. 167—168.
- ⁶⁴ Флоря Б.Н. Чешское восстание... С. 44.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII в.

Внешнеполитическое положение Молдавии и Валахии в конце XVI—начале XVII в. определялось складывавшейся международной ситуацией в Юго-Восточной Европе. В это время за преобладающие экономические и политические позиции в регионе соперничали с Османской империей Габсбурги и Польша. В реализации своих планов каждая из сторон придавала важное значение утверждению влияния в Дунайских княжествах.

С конца XVI в. усиливается вассальная зависимость Дунайских княжеств от Османской империи. Растет их экономическая эксплуатация Портой, укрепляется ее влияние на внутривнутриполитическую жизнь княжеств. В области внешних сношений Молдавия и Валахия оказываются в XVII в. полностью в сфере политики Османской империи в Юго-Восточной Европе¹.

Следуя своей традиционной политике лавирования, молдавский и валашский господа стремились использовать соперничество европейских держав с османами и складывавшуюся в Юго-Восточной Европе международную обстановку в целях проведения собственной по-

литики в интересах княжеств, их освобождения от османской зависимости. Осуществлению такой политики правителями Молдавии и Валахии способствовало и то, что соперничавшие в регионе страны были заинтересованы в привлечении княжеств на свою сторону как в интересах стратегических, так и материальных.

Особую активность проявляли здесь Габсбурги и Речь Посполитая, конкурируя в стремлении овладеть торговыми путями Среднего Подунавья и Причерноморья. В этих условиях усиление османского влияния в Дунайских княжествах стало одной из важных задач европейской политики Порты.

Когда в 1593 г. после начала войны Габсбургов с османами была создана антиосманская Священная лига, в которую по призыву папы Климента VIII вошли Испания, Габсбургская империя и итальянские княжества Тоскана, Мантуя и Феррара, встал вопрос о привлечении к лиге Молдавии, Валахии и Трансильвании.

В 1594 г. благодаря стараниям папских легатов сторонниками лиги стали трансильванский князь Жигмонд Батори и молдавский господарь Арон, заключившие соответствующие договоры с императором Рудольфом II.² Осенью этого же года, установив союзные отношения с Батори и Ароном, к лиге присоединился и валахский господарь Михай, получивший в сентябре 1593 г. султанский ферман на правление.

Габсбургская дипломатия стремилась склонить к антиосманским действиям и Речь Посполитую. По планам лиги предусматривалось выступление запорожского казачества против Порты и Крыма, что могло спровоцировать конфликт Речи Посполитой с османами и заставить ее присоединиться к Священной лиге.³

Но канцлер Ян Замойский не хотел нарушать заключенный в 1593 г. договор с султаном и отказался от вступления Польши в антиосманскую лигу. Такая позиция канцлера преследовала цели, с одной стороны, устранить турецкую опасность для Речи Посполитой и возможность возникновения войны с Османской империей, с другой—противостоять планам экспансии Габсбургов в Юго-Восточной Европе, в частности, их претензиям на Дунайские княжества.

Избегая открытого конфликта с Габсбургской империей, Замойский в то же время пытался утвердить польское влияние в княжествах, в первую очередь в Молдавии, что должно было одновременно решать и вопрос об османской угрозе для Польши. В продолжение политической традиции последних Ягеллонов канцлер стремился к превращению Молдавии и Валахии в буферные государства между Речью Посполитой и османами.

В условиях начавшейся антиосманской войны особое значение Польша придавала Молдавии, рассматривая ее как возможный политический противовес в отношениях с Османской империей и с Габсбургами. Когда Арон через побывавшего в Молдавии папского легата Кумуловича обратился к Замойскому с советом присоединиться к Священной лиге, польский канцлер попытался повлиять на молдавского

господаря, напомнив ему о возможности потери престола в случае выступления против султана.⁴

Но складывавшаяся обстановка склонила Арона к участию в антиосманских действиях. Прибывший в Яссы императорский посол Иоанн де Марини Полли обещал помощь Габсбургов; наемники господарской гвардии, в большинстве своем венгерской национальности, требовали порвать с османами.⁵ Воодушевляли и вести об успешных действиях валашского господаря Михая, который в январе 1595 г. нанес удары по турецким крепостям, расположенным по обоим берегам Дуная, и отразил попытки татарских отрядов оказать помощь султанским войскам; в марте он сумел захватить крепость Браилу.⁶

Весной 1595 г. при поддержке прибывших казацких отрядов Арон начал антиосманские действия. Молдавско-казацкие войска осадили Бендерскую крепость, затем штурмом овладели Измаилом.⁷

Между тем Габсбурги стали явно проявлять свои претензии на Дунайские княжества. Взявший на себя роль проводника прогабсбургской политики трансильванский князь Жигмонд Батори требовал от молдавского и валашского господарей признания вассальной зависимости. Нуждаясь в военной поддержке Батори, Михай вынужден был согласиться на заключение в мае 1595 г. вассального договора с трансильванским князем и признать себя его наместником.⁸ Молдавский господарь Арон, отказавшийся признать претензии трансильванского князя, был свергнут с престола, который занял сторонник Батори молдавский гетман Штефан Рэзван.

Разрыв Дунайскими княжествами вассальной зависимости, нападения господарей на османские крепости на Дунае — все это заставило Порту прибегнуть к решительным действиям по укреплению своих позиций, вплоть до решения превратить Молдавию и Валахию в пашалыки.⁹

Такой ход событий представлял угрозу интересам Речи Посполитой. Замоиский поставил задачу вырвать Молдавию из антиосманской лиги и включить ее в сферу польского влияния. Канцлер добился решения сейма об организации военной экспедиции в Молдавию и возведения на ее престол своего ставленника. В конце августа 1595 г. с большой армией он перешел Днестр. Ему удалось захватить Хотин; гарнизон крепости, состоявший из венгерских наемников, сдался; господарь Штефан Рэзван пал в сражении. На престол Молдавии был посажен живший в эмиграции в Польше Иеремия Могила, являвшийся представителем крупного молдавского боярства.¹⁰ В условиях, когда Польша фактически выступила против антиосманской лиги, о продолжении борьбы с османами не могло быть и речи, и молдавское боярство признало власть Иеремии Могила.

Главной целью этой польской военной акции было не только возвращение Молдавии в систему союза с Османской империей, но и установление в княжестве польского влияния.¹¹ Поэтому эта акция не могла не вызвать отпора со стороны Порты. Главнокомандующий османски-

ми силами Синан-паша приказал отрядам крымских татар двинуться к Яссам. Положение польских войск оказалось сложным, княжество было разорено, не хватало продовольствия. Единственную возможность избежать военного столкновения Замоиский видел в немедленных переговорах с османами. К Синан-паше был направлен греческий монах Никифор Даскал в качестве посла канцлера и молдавского господаря с целью добиться признания перемен, происшедших в Молдавии, и убедить пашу в необходимости утверждения султаном нового господаря.¹²

Но Никифору не удалось склонить Синан-пашу к тому, чтобы воспрепятствовать нападению на Молдавию. На нее двигались войска крымского хана Гази-Гирея II, в то время как силы самого паши были скованы действиями против валашского господаря Михая.

В результате упорных боев османам удалось закрепиться на левобережье Дуная. Михай отступил и, выбрав удобную позицию для сражения у селения Кэлугерени, в августе 1595 г. нанес войскам Синан-паши поражение. В ожидании подкреплений от Жигмонда Батори валашский господарь оттянул свои войска вглубь страны. В октябре с помощью трансильванских отрядов войскам Михая удалось развернуть наступление и разбить отступавшие османские силы при переправе через Дунай.

Неудачи османов в Валахии оказали влияние на ход событий в Молдавии. В то же время выход Молдавского княжества из Священной лиги и изменившаяся в связи с этим международная ситуация в регионе вынудили Михая пойти в октябре 1596 г. на перемирие с султаном.

Когда в октябре 1595 г. у Цуцоры польские войска оказали сопротивление вторгшимся в Молдавию татарским отрядам, в условиях неудач в Валахии Синан-паша и Гази-Гирей вступили в переговоры с Замоиским. Хотя молдавский господарь Иеремия Могила непосредственно в переговорах не участвовал, тем не менее через посла Луку Строича он пытался установить прямые отношения с крымским ханом.¹³

В результате переговоров между сторонами было заключено соглашение. Османские и татарские войска оставляли территорию Молдавии. Иеремия, возведенный на престол поляками, утверждался султаном на господарстве с условием выполнения всех вассальных обязательств перед Портой и выплаты ежегодных даров и денежных сумм крымскому хану.¹⁴ С целью ратификации польско-татарского соглашения сторонами были предприняты дипломатические демарши в Стамбуле, в результате которых Иеремия Могила получил султанский ферман на правление.

В условиях войны с Гасбургами и Ираном соглашение в Цуцоре отвечало интересам Османской империи в сохранении позиций в Дунайских княжествах. Для Речи Посполитой это соглашение означало возвращение Молдавии в систему союза с Портой и разрешение проблемы османской угрозы с превращением княжества в буферное государство.¹⁵ Гарантию такой роли Молдавии Замоиский видел в господаре. Поэтому в договоре 1598 г. с османами он добился признания

султаном пожизненного правления Иеремии и права на наследование молдавского престола потомками господаря.¹⁶

В отличие от Молдавии Валахия, несмотря на мир с османами, сохранила свои связи с государствами антиосманской лиги. Получив субсидии от императора Рудольфа II, господарь Михай смог создать наемную армию, с ее помощью укрепить свою власть и нанести серьезные удары той части валашского боярства, которая искала соглашения с османами. Усиление роли крупного боярства в Молдавии в связи с приходом к власти Иеремии оживило борьбу оппозиционного валашского боярства против централизаторской политики господаря Михая. Недовольные принимаемыми им мерами по укреплению центральной власти валашские бояре устраивали заговоры, эмигрировали в Молдавию, обращались к польским феодалам и молдавским боярам за помощью в избавлении от ненавистного им господаря.

В обстановке нарастающей внутренней неустойчивости Михай укреплял свои внешние позиции, установив непосредственные связи с императором Рудольфом II и признав его своим союзником. По договору от мая 1598 г. император предоставлял Михая наследственное право на валашский престол и денежные субсидии на содержание пятитысячного наемного войска.¹⁷ В октябре этого же года валашский господарь закрепил свои мирные отношения с султаном, подтвердив обязательство уплачивать харач.

Ситуация в Дунайских княжествах, укрепление польского влияния в Молдавии заставляли Габсбургов принимать меры, направленные на противодействие планам Речи Посполитой в Юго-Восточной Европе и своего утверждения в регионе. Отказ Жигмонда Батори от престола в пользу Габсбургов давал им возможность укрепиться в Трансильвании. Но ход событий перечеркнул их планы.

Речи Посполитой удалось добиться возведения на трансильванский престол польского сенатора кардинала Андраша Батори, приходившегося Жигмонду двоюродным братом. При посредничестве молдавского господаря Иеремии Могилы Порта благословила польскую акцию, так как князь обязался быть верным султану.¹⁸

Приход к власти Андраша Батори, сторонника Замойского и Иеремии, означал фактический отход Трансильвании от антиосманской борьбы, создававшей серьезные трудности политике Габсбургов в Юго-Восточной Европе. Следующим шагом в укреплении польского влияния в регионе должно было стать устранение Михая с валашского престола, который стараниями Иеремии предназначался для его брата Симиона.¹⁹ Трансильванский князь потребовал ухода Михая из Валахии.²⁰

В этой ситуации валашский господарь при поддержке Габсбургов в октябре 1599 г. предпринял смелый поход в Трансильванию и, нанеся Андрашу Батори решительное поражение в битве у Шелимбера, около Сибиу, вступил в столицу княжества Алба Юлиу. Овладев Трансильванией, Михай установил свои органы гражданской и военной адми-

нистрации, стал называть себя в официальных грамотах «господарем Ардяльской (Трансильвании—*Л.С.*) и Валашской страны». ²¹

Такой шаг валашского господаря сделал неизбежным его столкновение с Речью Посполитой. Тем более, что Иеремия продолжал происки с целью осуществления своих династических планов в Валахии. К тому же при молдавском дворе нашел приют Жигмонд Батори, стремившийся вернуться в Трансильванию и подчинить ее Польше. ²²

Чтобы упредить своих противников, Михай в ходе решительного наступления на Молдавию в мае 1600 г. вступил в ее столицу Яссы и в течение месяца подчинил почти все княжество. Иеремия с верными боярами и отрядом поляков укрепился в Хотине. ²³ Таким образом, к лету 1600 г. Михай объединил под своей властью три княжества—Валахию, Трансильванию и Молдавию. Уже в первых же своих официальных актах того времени он именовал себя «господарем Румынской страны (Валахии—*Л.С.*), Ардяла и Молдовы» ²⁴. Современники дали Михайу прозвище Храбрый, которое и утвердилось за ним в истории. Но объединение Валахии, Молдавии и Трансильвании под властью одного господаря, явившееся результатом определенной военно-политической ситуации в рамках антиосманской борьбы Священной лиги, лишенное внутренних предпосылок, оказалось кратковременным и не привело к их совместному выступлению против османов. Напротив, создание такого объединения породило ряд конфликтов между Михаем и его соседями.

Захват Михаем Трансильвании и Молдавии заставили польского канцлера Яна Замойского предпринять решительные действия. Воспользовавшись занятостью Михая в подавлении восстания трансильванской знати осенью 1600 г., польские войска во главе с Замойским вторглись в Молдавию и восстановили на престоле Иеремию. При содействии прибывших на помощь господарю османских сил ²⁵ войска Замойского без особых трудностей очистили княжество от валашских и венгерских отрядов и вторглись в Валахию.

Между тем Михай в сражении при Мирэслэу 18 сентября 1600 г. потерпел поражение от перешедшего на сторону восставших имперского генерала Басты и лишился Трансильвании. В решающий момент Габсбурги отказали ему в поддержке, чтобы самим овладеть Трансильванским княжеством. Положение осложнилось тем, что валашское боярство перешло на сторону нового господаря Симиона Могилы, возведенного на престол Иеремией и Замойским. ²⁶ Попытка Михая силой восстановить свою власть успеха не имела. Потерпев неудачу в сражениях у Букова и у Арджеша, он покинул Валахию и уехал в Вену.

В феврале 1601 г. в Трансильвании вспыхнуло новое восстание сторонников Жигмонда Батори. Имперский генерал Баста, в чьи обязанности входила защита власти Габсбургов, бежал из княжества. Прибывший из Молдавии Жигмонд Батори снова занял княжеский престол в Алба Юлии. ²⁷

Габсбурги вновь прибегли к услугам Михая для восстановления своих позиций в Трансильвании. Император Рудольф II поручил ему набрать новое войско наемников и отвоевать Трансильванию.²⁸ Во взаимодействии с имперскими войсками Михая удалось разгромить войско Жигмонда в битве при Горэслэу 3 августа 1601 г. Узнав о вступлении Михая в Трансильванию, валашское боярство, недовольное правлением Симиона Могилы, выступило против него. Перед Михаем открывалась перспектива восстановления на престоле Валахии. Но такой поворот событий не устраивал его противников: по приказу генерала Басты 9 августа 1601 г. Михай был предательски убит.

Казалось устранение Михая позволит Речи Посполитой закрепить влияние в Валахии. Но Порта, используя недовольство валашских бояр правлением Симиона Могилы, назначила господарем Раду Михню (сентябрь 1601 г.) и нейтрализовала польские планы.²⁹ Иеремия, действовавший не без поддержки Речи Посполитой, дважды попытался вернуть Симиона на валашский престол. Но в 1602 г. Симеон отступил от своих претензий; Порта утвердила господарем Валахии Раду Шербана.

Речи Посполитой пришлось отказаться от планов установления влияния в Валашском княжестве; новый его правитель Раду Шербан стал ориентироваться на Габсбургов. В то же время через господаря Иеремию Польша продолжала удерживать в сфере своей политики Молдавию. Это вызывало напряжение в польско-османских отношениях. Однако стороны не были заинтересованы в конфронтации друг с другом. В условиях войны с Габсбургами и неудач в военных действиях против Ирана Порта воздерживалась от возможного конфликта с Польшей. Скованная военными акциями в России Речь Посполитая также не хотела нарушать мир с османами. Опасаясь оккупации ими Молдавии³⁰, Польша делала ставку в реализации своих планов на сохранение молдавского престола за родом Могил.

Положение самого молдавского господаря в обстановке польско-османского соперничества было сложным. Дипломатические усилия Иереми в Стамбуле в защиту Симиона³¹, когда в 1602 г. Порта решила сместить его с валашского престола, вызвали недовольство султана. После того, как Иеремия осенью этого года отказался послать помощь Жигмонду Батори в борьбе против имперских войск генерала Басты, османы готовы были сменить молдавского господаря.³²

На поведении Иереми сказывались действия в княжестве оппозиционных групп бояр, посылавших эмиссаров в имперский лагерь, а также нахождение в Трансильвании претендента на молдавский престол Марку Воды³³. Это удерживало господаря от антиимперских шагов. Более того, пользуясь поручением султана содействовать установлению османского господства в Трансильвании, Иеремия поддерживал тайные отношения с Габсбургами, снабжал их информацией о действиях османов.³⁴

В то же время Иеремия являлся той фигурой на молдавском престоле, которая устраивала и Османскую империю, и Польшу. Хотя господарь почти полностью подчинил Речи Посполитой различные сферы жизни Молдавии, в первую очередь область внешней политики,³⁵ Порта была вынуждена мириться с этим, будучи занята одновременно военными действиями с имперскими силами и затяжной войной с Ираном, тем более, что господарь не пытался разорвать вассальные отношения и аккуратно выплачивал Порте дань.

После заключения в 1606 г. Житваторокского мира с Габсбургами Османская империя стала укреплять свои позиции на территориях к северу от Дуная. В Трансильвании княжеский престол занял Габор Батори, придерживавшийся проосманской ориентации. В Валахии правил ставленник султана Раду Шербан. Только в Молдавии и после смерти в 1606 г. Иеремии престол сохранялся за боярским родом Могил.

Ссылаясь на договор 1598 г., Речи Посполитой удалось добиться утверждения султана на молдавском престоле сына Иеремии Константина.³⁶ Однако вскоре новый господарь стал нарушать вассальные обязательства, задерживая отсылку в Стамбул харача. Недовольство султана усугублялось тем, что Константин проявлял антиосманские устремления во внешней политике, ориентировался под давлением польской дипломатии на Речь Посполитую и Австрию.

В условиях углублявшегося кризиса внутри Османской империи, недоверия к только что заключенному миру с Габсбургами и трудностей в войне с Ираном Порта, избегая конфронтации с Польшей, была вынуждена в 1607 г. подтвердить осmano-польский «договор о дружбе». Но наметившееся накануне Тридцатилетней войны сближение Речи Посполитой с Габсбургами заставляло османов действовать более решительно.

Воспользовавшись тяжелым положением польских войск в России, Порта в 1612 г. сместила Константина и назначила господарем Молдавии Штефана Томшу. При поддержке присланных крымским ханом отрядов Томше в 1612 г. удалось отразить попытки Константина вернуться на молдавский престол.³⁷

Заключение Портой в 1612 г. мира с Ираном, а также утверждение в Молдавии ее ставленника Томши укрепили позиции османов и сузили возможности Речи Посполитой вмешиваться в молдавские дела.

Польские магнаты, связанные интересами с фамилией Могил и поддерживаемые Габсбургами, не смирились с потерей влияния в Молдавии. В их среде вынашивались планы смещения Томши. Возможность их реализации представилась в 1615 г, когда против Томши выступило крупное боярство Молдавии. Вначале господарю удалось одержать победу над силами мятежников в битве под Яссами.³⁸ Но польские магнаты, родственники Иеремии Могилы во главе с вдовой Елизаветой, использовали возникшие в княжестве внутренние неурядицы и организовали военное вторжение в Молдавию. Томша бежал в Валахию, на молдавский престол был посажен малолетний Александр Могила.³⁹

Между тем подтверждение осенью 1615 г. Житваторкского мира открывало возможности для реализации османами планов укрепления своих позиций к северу от Дуная. Порта почувствовала большую свободу в отношениях с Речью Посполитой.

В ответ на действия польских сторонников династии Могил османские войска во главе с боснийским пашой Искендером при участии татарских и валашских отрядов весной 1616 г. вступили в пределы Молдавского княжества. Господарь Александр с матерью и польскими покровителями попали в султанскую неволю.⁴⁰ Порта перевела из Валахии на молдавский престол послушного османам Раду Михню.

Напряженность в османо-польских отношениях усиливалась из-за нападений татар на польские земли и казаков на Молдавию. Летом 1617 г. османо-молдаво-валашские отряды под командованием Искендера-паши осадили крепость Рашков на Днестре. Вступление в связи с этим в Молдавию польских войск во главе с гетманом С. Жолкевским заставило пашу снять осаду Рашкова.

Возникла прямая военная конфронтация между османами и Польшей. Но ввиду трудностей, как внутренних, так и внешних, ни одна из сторон не была готова к разрыву. Обстоятельства складывались тяжело для Польши: в условиях войны с Россией возникала угроза со стороны Швеции. Порта также продолжала испытывать большие трудности в затянувшейся войне с Ираном. В результате военный конфликт вновь был успешно обойден сторонами. Без боя османы и поляки согласились на перемирие. В сентябре 1617 г. было заключено соглашение, по условиям которого Речь Посполитая должна была не допускать походов казаков на Молдавию, а Порта—набегов татар на польские земли.⁴¹

Таким образом, после ряда конфликтов Порта сумела вытеснить поляков из Молдавии и полностью подчинить княжество своему влиянию. Речь Посполитая, разумеется, не хотела с этим мириться.

Соглашение 1617 г. не разрешило османо-польских противоречий, связанных с планами утверждения экономических и политических позиций обеих стран в Среднем Подунавье и Причерноморье. Изменившаяся с началом Тридцатилетней войны международная ситуация привела к их новому обострению. Попытки Дунайских княжеств в годы «Долгой» войны порвать свою зависимость от Османской империи закончились неудачей. Эксплуатация княжеств османами не только продолжалась, но и все более увеличивалась с ростом финансовых затруднений Порты. Лавируя между интересами держав, господари пытались сохранить хотя бы в урезанном виде автономию своих княжеств.

- ¹ Краткая история Румынии. М., 1987. С. 67—70.
- ² DR. Vol. III/1. P. 187, 193—194.
- ³ Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV—начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 176.
- ⁴ *Panaiteacu P. Mihai Viteazul*. Buc., 1936. P. 38.
- ⁵ Mihai Viteazul în conștiința europeană. Documente externe. Vol. I. Buc., 1978. P.81.
- ⁶ LetCant. P. 57—58.
- ⁷ DR. Vol. XII. P. 42.
- ⁸ DR. Vol. III/1. P. 209—213, 472—476; *Panaiteacu P. Mihai Viteazul*. P. 114—115.
- ⁹ DR. Vol. XII. P. 34; Mihai Viteazul în conștiința europeană. P. 140.
- ¹⁰ *Corfus I.* Intervenția polonă în Moldova și consecințele ei asupra războiului lui Mihai Viteazul cu turcii // RI. 1975. Nr. 4. P. 530.
- ¹¹ *Corfus I.* Mihai Viteazul și polonii. Buc., 1937. P. 13—18, 212—313.
- ¹² DR. Vol. III/1. P. 491; IV/2. P. 207.
- ¹³ *Corfus I.* Jurnalul expediției polone în Moldova în 1595 // RA. 1970. Nr. 2. P. 543.
- ¹⁴ DR. Supl. II. Vol. 1. P. 353-354; Acte și fragmente. Vol. I. P. 146—147.
- ¹⁵ *Ciurea D.* Despre Ieremia Movila și situația politică a Moldovei la sfârșitul secolului al XVI-lea și începutul secolului al XVII-lea // Studii și cercetări științifice. 1957. Nr. 2. P.327.
- ¹⁶ Documente turcești privind istoria României. Vol. I. 1455—1774. Buc., 1976. P. 142—143; *Rotman-Bulgaru C.* Relațiile Moldovei cu Imperiul Otoman la începutul secolului al XVII-lea. // RI. 1976. Nr. 5. P. 679.
- ¹⁷ DR. Vol. XIII. P. 359.
- ¹⁸ Veress. Vol.V. P. 162—163; DocMV. P. 81—86.
- ¹⁹ DocMV. P. 86—88.
- ²⁰ DocMV. P. 96—98; LetCant. P. 72—73.
- ²¹ DocMV. P. 93, 109; LetCant. P. 75—76; *Panaiteacu P. Mihai Viteazul*. P. 161—180.
- ²² DR. Supl. II. Vol.1. P. 590.
- ²³ DocMV. P. 110—111.
- ²⁴ Documente privind istoria României. A. Moldova, veac. XVI. Vol. IV. Buc., 1952. P. 289—290, 293, 295—296, 299—300.
- ²⁵ *Rotman-Bulgaru C.* Relațiile... P. 689.
- ²⁶ Documente turcești... P. 145—146.
- ²⁷ DR. Supl. II. Vol. 2. P. 22—23.
- ²⁸ DR. Vol. XIII. P. 1155—1160, 1174, 1176.
- ²⁹ *Gemil T.* Relațiile țărilor române cu Poarta otomană în documente turcești 1601—1712. Buc., 1984. P. 73—75; *Holban Th.* Contribuții la istoria domniei muntenești a lui Simion Movilă // Cercetări istorice. 1937. Nr. 4—6. P. 151—153.
- ³⁰ *Gemil T.* Relațiile... P. 102—103.
- ³¹ *Filiti I.C.* Din arhivele Vaticanului. Buc., 1914. P. 92—93; *Ciorănescu A.* Documente privitoare la istoria Românilor culese din arhivele din Simancas. Buc., 1940. P. 209.

- ³² Ciorănescu A. Documente... P. 214—215.
- ³³ DR. Vol. IV/2. P. 7; Supl. II. Vol. 2. P. 107—108.
- ³⁴ DR. Vol. IV/1. P. 411; Veress. Vol. VII. P. 288—289; Rotman-Bulgaru C. Relațiile... P. 691—692.
- ³⁵ Очерки внешнеполитической истории... С. 185—186.
- ³⁶ Veress. Vol. VII. P. 301; Maxim M. Culegere de texte otomane. I. Buc., 1974. P. 97—98; Gorovei Șt. O lămurire—domnia ereditară a familiei Movila // RI. 1975. Nr. 7. P. 1094.
- ³⁷ Miron Costin. Opere. Ed. de P. Panaitescu. Buc., 1965. P. 59—60.
- ³⁸ Ibid. P. 61—64.
- ³⁹ Ibid. P. 64.
- ⁴⁰ Iorga N. Doamna lui Ieremia Vodă. Buc., 1910. P. 51—57.
- ⁴¹ DR. Supl. II. Vol. 2. P. 429—433; Gemil T. Relațiile... P. 175—176.

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ
(до 1634 г.)**

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

В течение длительного периода после заключения мира 1606 г. османо-австрийские отношения носили в целом мирный характер, омрачаясь время от времени лишь пограничными инцидентами и неудачными попытками Габсбургов обеспечить себе какую-то долю политического влияния в Трансильвании. Возникавшие расхождения интересов сторон улаживались мирным путем, не приводя к серьезным конфликтам¹. Сдержанность, проявлявшаяся Портой, вполне понятна. Тяжелая и неудачная война с Ираном заставляла Стамбул беспокоиться о сохранении мира на других направлениях. Нуждается, напротив, в объяснении сдержанность австрийских политиков, так как именно во втором десятилетии XVII в. международная ситуация в Европе была гораздо более благоприятной для Габсбургов, чем ранее. Угрожавшая им коалиция из Англии, Голландии и Франции после убийства французского короля Генриха IV в 1610 г. фактически распалась. В обстановке возобновившихся гражданских войн правительство регентши Марии Медичи искало сближения с Габсбургами, в том числе и на базе сотрудничества против османов. В этом отношении весьма симптоматична поддержка, оказанная в Париже выдвигавшегося представителями аристократии ряда европейских стран проекта создания своеобразного рыцарского ордена «*Militia christiana*» для организации крестового похода против турок. В создании ордена принял активное участие крупный французский вельможа, герцог Ш. Невер, претендовавший на императорский трон в Константинополе, как потомок византийских императоров. Неверу были обещаны денежные субсидии и даны полномочия вести переговоры с императором Матвеем, польским королем и имперскими князьями об организации похода против османов. В 1618 г. Ш. Невер совершил поездку в Польшу, пытаясь через польских магнатов установить связи с руководителями освободитель-

ных движений в Османской империи. По ходатайствам из Парижа новому ордену была обещана поддержка Св. престола ².

Таким образом, в христианской Европе Габсбурги в эти годы встречались не с сопротивлением, а с содействием. Понимая это, австрийские политики стремились использовать благоприятную международную конъюнктуру. Уже в 1613 г. на рейхстаге в Регенсбурге император Матвей добился согласия имперских сословий на субсидии, а в 1615 г. был созван сейм представителей всех земель под властью австрийских Габсбургов, который должен был выделить средства для ведения войны с османами. Представители земель высказались, однако, за сохранение мира с султаном ³. Разногласия относительно того, какую политику следует проводить по отношению к Османской империи, были одним из частных проявлений более общих разногласий между Габсбургами, стремившимися к абсолютизму и видевшими в победоносной войне путь к укреплению своих позиций, и сословиями, заинтересованными в сохранении своих традиционных прав. Социально-политический в своей основе конфликт принял в условиях Габсбургской монархии форму религиозного противостояния католиков-Габсбургов и протестантского дворянства и горожан. Это столкновение интересов переросло в открытый конфликт, когда в мае 1618 г. чешские сословия отстранили прежнюю администрацию и сами захватили власть. Первоначально конфликт ограничивался рамками Чехии, но постепенно стал охватывать и другие земли монархии. Осенью 1618 г. к Чехии присоединилась Силезия, весной 1619 г. за ней последовали Моравия и Верхняя Австрия. В августе 1619 г. на генеральном сейме сословий Чешского королевства преемник Матвея Фердинанд был лишен чешского трона, который занял глава объединения протестантских князей Германии Пфальцский курфюрст Фридрих. Осенью 1619 г. против Габсбургов выступило дворянство Нижней Австрии, а затем венгерские сословия. К концу 1619 г. под властью Габсбургов оставалась сравнительно небольшая часть их владений.

Как отразились все эти события на политике османов? Первоначально, пока не была окончена война с Ираном, а конфликт ограничивался рамками Чехии, политика Османской империи была весьма осторожной. В январе 1619 г. султан любезно принял австрийского посла, прибывшего для ратификации очередного соглашения по пограничным вопросам; правителям пограничных областей был послан ферман с требованием соблюдать мир. О желании сохранить хорошие отношения с Габсбургами говорило и назначение дружественного им Гаспара Грациани молдавским господарем ⁴.

К концу 1619 г. ситуация заметно изменилась и поставила османов перед необходимостью новых решений. С одной стороны, заметно расширилась свобода действий Порты в связи с ратификацией в сентябре 1619 г. мирного договора с Ираном. С другой стороны, к концу года восстание охватило земли, непосредственно граничившие с Османской империей, и в конфликт открыто вмешался вассал султана трансиль-

ванский князь Габор Бетлен, вступивший в союз с венгерскими сословиями. Наконец, новым фактором стала дипломатическая инициатива восставших сословий, которые с конца 1619 г. стали искать сближения с султаном.

Первые акции такого рода предпринимались венгерскими сословиями на государственном собрании в Кошицах в сентябре 1619 г., где было принято решение просить султана о помощи против Фердинанда, затем вопрос снова обсуждался на государственном собрании, созванном в ноябре 1619 г., и в итоге в Стамбул отправились послы с просьбой о признании Габора Бетлена венгерским королем. Одновременно начались переговоры о заключении союза между венгерскими, чешскими и австрийскими сословиями. На этих переговорах по инициативе Бетлена был поднят вопрос об общем посольстве «земель» к султану, чтобы подтвердить от их имени мирный договор между Османской империей и Габсбургами ⁵. В январе 1620 г. Фридрих Пфальцкий направил в Стамбул своего посланца Г. Биттера, которому поручалось сообщить о низложении Фердинанда и возведении Фридриха на чешский трон и просить проезжую грамоту для «великого» посольства, которое чешские и австрийские сословия намеревались отправить к султану ⁶. Габсбурги в то время не сделали ничего, чтобы воспрепятствовать попыткам своих противников установить контакты с Портой. Австрийские дипломаты в Стамбуле оказались в тяжелом положении, не получая в течение длительного времени ни инструкций, ни средств на содержание.

В этих условиях османы стали постепенно отходить от позиции благожелательного нейтралитета по отношению к Габсбургам. Несмотря на протесты австрийских дипломатов, послы венгерских сословий и Габора Бетлена в декабре 1619 г. были официально приняты султаном и великим везиром ⁷. Заявив о желании всех сословий «земель», ранее находившихся под властью Габсбургов, подтвердить от своего имени мир с Османской империей, они, чтобы привлечь османов, заявили о согласии передать султану некоторые спорные крепости на венгерской границе. Османские политики попытались этим воспользоваться, чтобы добиться согласия на уступку крепостей от Габсбургов ⁸. Очевидно, что еще на рубеже 1619-1620 гг. Порта не ставила перед собой каких-либо крупных целей в связи с развернувшимся в Центральной Европе конфликтом.

Постепенно, однако, османская политика стала более активной и более враждебной Габсбургам. Когда в апреле 1620 г. в Стамбул прибыл Г. Биттер, ему не только был оказан официальный прием, но и было дано согласие на приезд «великого» посольства. В своем ответе султан писал, что он - «друг» короля Фридриха и готов хранить с ним «нерушимый мир» ⁹. Сам по себе такой ответ не означал бы ничего особо важного, если бы одновременно австрийскому послу Л. Молларту в ответ на его протесты не было заявлено, что Венгерское и Чешское королевства — свободные государства, не признающие власти Габ-

сбургов, и что они отдались под защиту султана и готовы платить ему дань. Такое толкование, которое дали в Стамбуле обращению сословий, ясно показывает, что Порта искала подходящую почву для открытого вмешательства в центральноевропейский конфликт. Характерно, однако, что одновременно австрийскому послу заявили, что на обращение сословий султан не ответил ничего определенного¹⁰. Очевидно, окончательного решения османское правительство еще не приняло.

Толчком для определенной активизации османской политики стало новое обращение Габора Бетлена в Стамбул. Послы Бетлена добились, чтобы султан заключил союз с Венгрией, дал свое согласие на избрание венгерскими сословиями нового короля (имелся в виду Бетлен) и оказал ему военную помощь. В связи с этим Бетлен развивал планы широкого наступления на Габсбургов и их союзников. Хотя на эти планы султан не реагировал, но его согласие взять Венгрию под свою защиту и одобрить избрание Бетлена венгерским королем говорит о постепенном вовлечении Османской империи в конфликт на стороне противников Габсбургов¹¹.

Для продолжения переговоров с Габором Бетленом и Фридрихом Пфальцским Порта направила в Прагу посланца Мехмед-чауша. По прибытии в чешскую столицу в начале июля 1620 г. он заявил, что султан желает быть другом Фридриха и врагом его врагов и готов оказать помощь людьми и деньгами (в частности, в распоряжение короля будут переданы войска, собранные в районе Буды)¹². 3 июля, в тот же день, когда чауш прибыл в Прагу, оттуда отправилось в Стамбул «великое» посольство представителей Фридриха Пфальцского, сословий «земель» Чешской короны, Австрии и Венгрии. Документы посольства не сохранились, и впоследствии чешские политики в эмиграции утверждали, что единственной его целью было подтверждение от имени новой власти мирного договора между Османской империей и Габсбургами¹³. Однако записи переговоров между Бетленом и Фридрихом Пфальцским и сообщения австрийских послов из Стамбула не оставляют сомнений в том, что второй не менее важной целью посольства было получение от султана военной помощи против Габсбургов¹⁴. Вскоре после приезда послов в османскую столицу в декабре 1620 г. между Портой и сословиями был заключен договор о мире и дружбе, по которому сословия обязывались раз в пять лет направлять в Стамбул посольства с дарами достойными султана, но о военной помощи в договоре ничего не говорилось¹⁵. В дальнейшем, когда в Стамбул пришли известия о разгроме чешской армии в битве у Белой Горы и бегстве Фридриха Пфальцского в Голландию, разговор на эту тему и вовсе стал беспредметным.

Приходится сделать вывод, что Османская империя никак не смогла использовать в своих интересах развернувшийся в Центральной Европе конфликт, и совершенно уникальная ситуация, связанная с временным распадом державы Габсбургов, не привела к усилению османских позиций на европейском континенте. Причины сдержанности,

проявленной в сложившейся ситуации Портой, станут понятнее при рассмотрении событий в более широком контексте. Как уже отмечалось, определенную свободу действий Османская империя приобрела только после окончания длительной и неудачной для себя войны с Ираном. В таких условиях даже психологически трудно было сразу же начинать новую большую войну. К этому следует добавить, что тогда, когда внутренний кризис державы Габсбургов развивался успешно для сословий, они не стремились искать контактов с османами и начали переговоры с ними тогда, когда их положение резко ухудшилось. В то время, как сословиям не удалось обеспечить себе серьезной международной поддержки, Испания и католические князья Германии мобилизовали значительные силы для оказания поддержки австрийским Габсбургам. Сложившийся прогабсбургский политический блок не сталкивался в 1619—1620 гг. с серьезным противодействием ни со стороны Англии, король которой ограничивался предложениями посредничества, ни со стороны Франции, где продолжалась гражданская война. Таким образом, вмешательство Османской империи в конфликт было чревато большой войной с коалицией европейских государств, а пойти на это, имея под боком такого опасного противника как шах Аббас, Порта вряд ли могла. К этому следует добавить мнение исследователя, в недавнее время наиболее основательно изучавшего политику Порты, Габсбургов и сословий, что Фридрих Пфальцский и чешские сословия были заинтересованы не столько в получении помощи от султана, сколько в том, чтобы, напугав противников перспективой османского вмешательства, заключить с ними компромиссный мир¹⁶. Таким образом, вступив в конфликт, османы рисковали тем, что в следующий момент они могут оказаться без союзников. Вероятно, все эти соображения в той или иной мере повлияли на поведение Порты, не пытавшейся решительно вмешаться в развитие конфликта в Центральной Европе¹⁷. Существовал еще один важный фактор, побуждавший османских политиков быть сдержанными. Это — нараставший на протяжении 1620 г. конфликт с Речью Посполитой, вылившийся, в конце концов, в крупную войну между государствами.

Первоначально ничто не предвещало такого конфликта. Относящиеся к первой половине 1619 г. тексты писем из Стамбула польского посла П. Ожги показывают, что единственным вопросом, вызывавшим разногласия между сторонами был традиционный для польско-османских отношений вопрос о нападениях татар на Речь Посполитую и набегах казаков на османские владения¹⁸. По настоянию османской стороны мирный договор, заключенный в мае 1619 г., подтвержденный в основном прежние соглашения, был дополнен новыми обещаниями обеспечить безопасность владений султана от «разбойников»¹⁹. В датированных октябрём 1618 г. инструкциях П. Ожге предписывалось снова добиваться, чтобы молдавские господа назначались при участии короля²⁰. Такого условия в мирный договор внести не удалось, но в Стамбуле учитывали пожелания польской стороны при назначении

господарей в Дунайские княжества — Габриеля Могилы в Валахию в 1618 г., в начале 1619 г. Гаспара Грациани в Молдавию. В конце 1619 г. польское правительство чувствовало себя столь уверенным в отношении Османской империи, что И. Отвиновскому, новому послу, отправленному в Стамбул в начале 1620 г., было поручено добиваться низложения и наказания Габора Бетлена за то, что он без санкции султана напал на владения Фердинанда Габсбурга²¹. Однако к тому времени, когда в марте 1620 г. И. Отвиновский доехал до Стамбула, он встретился здесь со столь враждебным приемом, что некоторое время его просто не пускали в город²².

Между исследователями нет согласия относительно причин столь резкого ухудшения польско-османских отношений²³. Ряд ученых, начиная с историков второй половины XIX в., видел причины перемены в той позиции, которую заняли власти Речи Посполитой по отношению к разгоревшейся в Центральной Европе войне. Уже содержание приведенных выше инструкций И. Отвиновскому показывает, на чьей стороне стояло в этом вопросе польское правительство. Нежелание польской шляхты вмешиваться в конфликт не позволяло Сигизмунду III и солидарным с ним магнатам прямо вмешаться в войну, но, когда войска восставших осенью 1619 г. осадили Вену, во владения Габора Бетлена королем были посланы отряды «лисовчиков», якобы нанятые на австрийскую службу²⁴. Это нападение на владения вассала султана было явным нарушением обязательств, принятых на себя Речью Посполитой по мирному договору 1617 г.

Другие (главным образом современные) историки считали главной причиной ухудшения османо-польских отношений усилившиеся именно в 1620 г. нападения казаков на султанские владения. Исследователи ссылались на то, что на состоявшихся позднее переговорах с Отвиновским османские вельможи требовали именно прекращения казацких набегов, а вопрос о нападении «лисовчиков» вообще не поднимался. Следует в этой связи отметить, что традиционная точка зрения подкрепляется рядом свидетельств, исходящих от разных сторон. Так, в донесении венецианского резидента в Стамбуле от 9 января 1620 г. сообщалось, что прибывшие сюда послы Г. Бетлена, жалуюсь на нападения «лисовчиков» и указывая на набеги казаков на османские владения, призывали султана напасть на Речь Посполитую, которая не может ожидать помощи от других христианских государств, занятых междоусобной войной. Король Сигизмунд III, — поясняли они, — союзник Австрийского дома и всегда будет врагом Османской империи. Как удалось выяснить резиденту, на диване после обсуждения вопроса было принято решение о подготовке Порты к войне с Речью Посполитой. По его сведениям, на продовольствие и вооружение для войск выделялось 160 тыс. скуди²⁵. О стараниях Бетлена побудить Османскую империю к нападению на Речь Посполитую сообщал и австрийский посол Старцер²⁶.

Польские информаторы в Стамбуле также возлагали вину за ухудшение польско-османских отношений на трансильванского князя²⁷.

Правда, они отмечали также, что ухудшению отношений способствовали сообщения Искендер-паши о выходе в море большого казачьего флота. Не подлежит сомнению, что этот военачальник, командовавший войсками на Дунае, сознательно содействовал обострению конфликта, рассчитывая, что война даст ему возможность для успешной карьеры. Однако сами эти сообщения, как представляется, привлекли к себе внимание османских министров, потому что пришли в Стамбул одновременно с жалобами трансильванских послов. Их сопоставление создавало общую картину направленных против османов враждебных действий Речи Посполитой. Неслучайно, когда в апреле 1620 г. везир все же принял польского посла, последнему было прямо брошено обвинение, что нападения казаков на османские владения осуществляются «с ведома» короля и гетмана С. Жолкевского. Везир предложил послу вернуться обратно, так как враг его господина не достоин видеть его лица²⁸. Последующие встречи были выдержаны в таком же тоне. Речи Посполитой был поставлен ультиматум: в течение четырех месяцев покончить с набегами казаков и разрушить пограничные крепости. Посол не был допущен к султану, не получил ответной грамоты королю и грамоты, гарантирующей безопасность при проезде через территорию Османской империи²⁹.

Таким образом, к середине 1620 г. османская сторона явно взяла курс на обострение отношений с Варшавой. Мотивы такого решения представляются не совсем ясными, тем более, что большую и серьезную войну, как заявляли об этом польской стороне, Османская империя намерена была начать лишь в следующем году. Почему внимание османов обратилось на Речь Посполитую, кажется, можно установить. По-видимому, после неудач в войне с Ираном для Порты, нуждавшейся в военных успехах для подъема своего престижа, нападение на изолированную Речь Посполитую представлялось более предпочтительным, чем вмешательство в широкий европейский конфликт. А то, что османские политики не торопились с началом войны, говорит, вероятно, их убеждение в том, что конфликт в Европе будет продолжаться и дальше, лишая польские власти надежды на внешнюю помощь, и, возможно, о расчетах на то, что уступок от Варшавы (в частности, репрессивных мер в отношении казачества) можно будет, как в 1617 г., добиться с помощью угроз и военных демонстраций, не прибегая к войне.

О своих планах османское правительство нашло нужным проинформировать враждебные Габсбургам сословия. Уже в мае 1620 г. о решении начать войну с Речью Посполитой заявил на съезде венгерских сословий в Банской Быстрице посланец паши Буды³⁰. В начале июля того же года Мехмед-чауш в Праге также заверял Фридриха Пфальцского и чешские сословия, что султан намерен направить против поляков 40-тысячное войско³¹. Такие заявления османского правительства вполне понятны, так как оно имело основания полагать, что, действуя таким образом, оно идет навстречу пожеланиям другой стороны. Дей-

ствительно, весной 1620 г. усилия дипломатии противников Габсбургов были направлены на то, чтобы способствовать обострению конфликта между Речью Посполитой и Османской империей. Об этом достаточно определенно говорит план совместных действий против Габсбургов и их союзников, отправленный Бетленом в Стамбул в мае 1620 г. Предлагая прислать ему на помощь 20 тыс. войско паши Буды, Бетлен одновременно рекомендовал направить против Речи Посполитой 20 тыс. турок и 50 тыс. татар, чтобы разорить эту страну и подготовить тем самым почву для ее завоевания в следующем году³². В этом с Бетленом не расходились и другие политики. Один из членов направлявшегося в Стамбул «великого» посольства австрийский дворянин Л.Штаремберг писал 7 июля 1620 г., что польско-османская война вполне соответствовала бы интересам сословий.

Эти данные позволяют под другим углом зрения подойти к рассматривавшемуся выше вопросу о взаимоотношениях сословий, противников Габсбургов, с османами. На первый взгляд, их поведение выглядит нелогично. Война Османской империи против Польши не отвечала бы их интересам, так как в этом случае они не могли рассчитывать на значительную помощь со стороны султана. Все однако встает на свои места, если принять во внимание сделанное выше допущение, что сословия вовсе не стремились к реальному присутствию османов в Центральной Европе. Им нужен был рост европейской активности Порты, который мог бы напугать Габсбургов перспективой османского вмешательства и заставить их пойти на мир с сословиями.

Хотя инициатива в обострении польско-османских отношений принадлежала Стамбулу, реально война была начата по инициативе польского правительства, направившего в сентябре 1620 г. коронную армию на территорию Молдавии. Мотивы такого решения станут понятны, если учесть, какого рода информация о состоянии дел в Османской империи поступала в Варшаву и какие советы давали своим властям дипломаты, находившиеся в то время в Стамбуле и Крыму. Уже в сообщении о первых трудностях, с которыми столкнулся польский посол И. Отвиновский, положение Османской империи рисовалось в черных красках: в казне нет средств и султан грабит мечети, между вельможами раздоры, сами турки чувствуют, что приходит их конец. Поэтому, — указывалось в донесении, — как только они увидят чужую силу, сами будут просить мира³⁴. В сообщении от 28 мая И. Отвиновский предлагал «наслать» на Стамбул казаков; если они станут действовать удачно, то «великий там будет страх, и на переговорах король получит от них все вплоть до Дуная»³⁵. П. Олешко, польский посол в Крыму, 23 июня писал гетману С. Жолкевскому, что орда понесла большие потери на войне с Ираном, мурзы лишились там снаряжения и коней; по переписи, проведенной ханом, во всей орде оказалось не больше 30 тыс. воинов. Пусть, — писал посол, — гетман прикажет казакам на них напасть, будут бежать до самого Днепра³⁶. 27 июня 1620 г. И. Отвиновский снова призывал правительство к активным действи-

ям, не сомневаясь в их успехе: «хана снести, не ждать его дома, послать в орду казаков против него, занять берега Дуная... легче вести переговоры у чужого берега»³⁷. Эти свидетельства позволяют утверждать, что намерения польской стороны в немалой мере определялись снова ожившим в среде польских политиков и дипломатов представлением о внутренней слабости Османской империи, ее неспособности противостоять энергичным действиям противника. Такие воззрения были присущи далеко не только польским политикам. 25 сентября 1620 г. французский посол в Стамбуле в своем письме в Париж выражал убеждение в том, что, «если поляки вооружены, как должно, и решатся пойти дальше Молдавии, они встретят мало сопротивления и могут добиться больших успехов»³⁸.

Официально польская армия направилась в Молдавию, чтобы удержать на молдавском троне Гаспара Грациани. Ставший господарем в момент определенного осmano-австрийского сближения³⁹, Грациани утратил расположение Порты, когда отношения осложнились³⁹. Препятствуя его смещению, Речь Посполитая отстаивала тем самым свои уже традиционные к этому времени притязания на контроль за сменами правителей на престоле в Яссах. По мнению современного исследователя истории похода Р. Маевского, этим цели польского правительства и ограничивались⁴¹. Гораздо более основательной представляется точка зрения ученых, видевших в походе начало гораздо более крупной политической акции, определенно направленной против одного из главных противников Габсбургов — Габора Бетлена. Неслучайно в письмах короля и гетмана С. Жолкевского от сентября 1620 г. выражалась надежда, что после поражения османских войск будет установлен союз не только с Молдавией, но и с Валахией и что к этому союзу можно будет в дальнейшем привлечь и Трансильванию⁴².

Действительность скоро заставила проститься с такими надеждами⁴³. На Пруте у д. Цуцора 19 сентября 1620 г. в столкновении с войсками Искендер-паши и крымскими татарами коронная армия потерпела неудачу, стала отступать к польской границе и, наконец, была полностью разгромлена 6 октября, недалеко от Днестра. Командующий армией гетман С. Жолкевский погиб, многие высшие офицеры оказались в плену.

После провала польского похода перед Портой обрисовались две возможности: либо, использовав достигнутый успех, предложить Варшаве заключить мир, чтобы оказать поддержку противникам Габсбургов, оказавшимся после битвы у Белой Горы в критической ситуации, либо продолжить войну с Речью Посполитой.

В пользу первого варианта энергично пыталась склонить османское правительство дипломатия Габора Бетлена⁴⁴. После поражения чешской армии у Белой Горы и восстановления власти Габсбургов в австрийских и чешских землях характер действий трансильванской дипломатии резко изменился. Подготавливая совместно с чешской эмиграцией военное выступление, которое должно было привести к изгнанию Габ-

сбургов из Чехии, Бетлен добивался самой широкой поддержки своего плана со стороны Порты. Запугивая османских политиков перспективой объединения христианских государств Европы под эгидой Габсбургов для борьбы против османов, Бетлен добивался того, чтобы сам султан возглавил поход против Габсбургов. Одновременно Бетлен обратился и к татарскому хану с предложением прислать 10 тыс. воинов для набега на Австрию и Штирию. После некоторых колебаний в Стамбуле решили следовать ранее продуманному плану, и летом 1621 г. османская армия во главе с самим султаном Османом II двинулась в поход на Речь Посполитую.

Мотивы принятого решения понятны. Несмотря на заключение мира с Ираном, Османская империя, имея в лице шаха Аббаса очень опасного противника, не могла рисковать вмешательством в крупный международный конфликт, который мог вылиться в длительную войну со многими участниками и неясными перспективами. Гораздо предпочтительнее был поход против изолированной и ослабленной военным поражением Речи Посполитой. Казалось, что здесь речь идет о короткой победоносной кампании, которая приведет к продиктованному османами миру и повысит престиж империи. В Стамбуле были столь уверены в успехе, что даже не старались найти союзников для ведения войны. Даже в Москву — столицу в то время наиболее враждебного Польше государства — османское посольство отправилось уже после выступления армии в поход и главной его целью было добиться, чтобы Россия не оказывала помощи Речи Посполитой⁴⁵.

Но расчеты османов не оправдались. Войско султана встретила на границе под Хотинном новая армия, снаряженная польскими властями, к которой присоединились крупные отряды запорожских казаков. Уступавшие в количественном отношении османским силам войска Речи Посполитой избрали оборонительный способ действий, укрывшись в окруженном султанскими войсками укрепленном лагере. У такого способа действий была отрицательная сторона — земли Речи Посполитой оказались практически беззащитными от набегов сопровождавших османскую армию татар. Однако армия османов была остановлена на польской границе и оказалась вынужденной штурмовать укрепленный лагерь, в котором находились регулярные польские войска и казаки. В течение всего сентября 1621 г. силы султана, неся большие потери, безуспешно пытались овладеть этими укреплениями⁴⁶. Короткая победоносная кампания постепенно превращалась в длительную затяжную войну, которой Порты как раз стремилась избежать. В таких условиях наиболее подходящим выходом оказалось заключение мира на условиях, приемлемых для противника. Соглашение, заключенное 8 октября 1621 г., после долгих переговоров приняло в начале 1623 г. форму мирного договора. Имевшие место споры касались лишь отдельных, хотя и существенных, деталей; в целом же восстанавливалась традиционная система отношений между государствами в том виде, как она функционировала до начала войны⁴⁷.

Вместо победоносной демонстрации османской мощи такой исход войны оказался, напротив, явным ударом по престижу Османской державы, а внешнеполитические неудачи способствовали обострению внутренних конфликтов. Низложение и убийство Османа II в 1622 г. положило начало целой полосе переворотов и смут, охвативших не только столицу, но и ряд восточных областей империи. Пользуясь ситуацией, иранские войска в конце 1622 г. овладели Ираком и шах Аббас совершил паломничество в «священные места» шиитов⁴⁸. Началась новая война с Ираном, и возможности Османской империи влиять на европейские дела снова оказались резко ограничены.

Одним из важнейших объективных последствий всех этих событий стало то, что австрийские Габсбурги сумели успешно завершить борьбу с сословной оппозицией на территории своих владений, не сталкиваясь со сколько-нибудь серьезным противодействием со стороны османов. Происшедшие перемены не затрагивали непосредственно позиций Османской империи на европейском континенте. Условия прежних мирных соглашений продолжали соблюдаться. Вассал османов трансильванский князь Бетлен вышел из конфликта в Центральной Европе не только без ущерба, но и с некоторыми территориальными приобретениями. Даже на граничивших с Османской державой землях Венгерского королевства сохранялись, в основном, те же нормы отношений между государственной властью и сословиями, которые существовали здесь до начала чешского восстания. Однако гораздо более важным было то, что в австрийских и чешских владениях Габсбургов после поражения сословной оппозиции, именно начиная с 20-х гг. XVII в., стали складываться основы для создания абсолютистского государства с большой постоянной армией и сильным централизованным аппаратом, способным обеспечить ее содержание. В сравнительно недалеком историческом будущем такое государство могло стать опасным соперником Османской империи.

¹ Очерк осmano-австрийских отношений в эти годы см.: *Zinkeisen J.W.* Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. 3. Gotha, 1855. S. 674—710.

² *Tongas G.* Les relations de la France avec l'empire ottoman durant la première moitié du XVII siècle et l'ambassade à Constantinople du Philippe de Harley, comte de Césy (1612—1640). Toulouse, 1942. P. 57—63; *Tapié V.L.* La politique étrangère de la France et le début de la guerre de trente ans. Paris, 1934. P. 278—284.

³ *Zinkeisen J.W.* Op. cit. S. 697—698.

⁴ *Heinisch R.R.* Habsburg, die Pforte und der Böhemische Aufstand Th. I // *Südostforschungen.* München, 1974. T. 33. S. 146—150.

⁵ *Skala P.* Historie česka od r. 1602. do r. 1623. T. III. Praha, 1867. S. 393—394; *Documenta bohémica bellum tricennale illustrantia.* T. II. Praha, 1972. № 501.

⁶ *Gindeľy A.* Dějiny českého povstání leta 1618. Praha, 1878. T. III. S. 135; *Heinisch R. R.* Habsburg, die Pforte und der Böhemische Aufstand. Th. II // *Südostforschungen.* München, 1975. T. 34. S. 86.

- ⁷ *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 86.
- ⁸ *Ibid.* S. 86—90.
- ⁹ *Forst H.* Der türkische Gesandte im Prag 1620 und der Briefwechsel des Winterkönigs mit Sultan Osman II // *Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* Bd. 16. Wien, 1895. S. 575—577.
- ¹⁰ *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 96—97.
- ¹¹ *Ibid.* S. 99—100.
- ¹² *Forst H.* Op. cit. S. 574—515; *Skala P.* *Historie...* T. IV. Praha, 1867. S. 219—221.
- ¹³ *Skala P.* *Historie...* T. IV. S. 216—218.
- ¹⁴ *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 111; *Gindely A.* Op. cit. S. 137.
- ¹⁵ *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 118; *Gindely A.* Op. cit. S. 138—139.
- ¹⁶ *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 95.
- ¹⁷ Разумеется, сам такой конфликт полностью соответствовал ее интересам, гарантируя Османскую империю от угрозы нападения, и османские политики, побуждая сословия своими действиями к сопротивлению, содействовали его продолжению, но избегали при этом открытого столкновения с Габсбургами и их союзниками.
- ¹⁸ Тексты донесений П. Ожги см.: *Biblioteka im. Raczyńskich w Poznaniu* (далее — *Racz.*) Rkp. № 2. К. 132—133, 138, 191—192.
- ¹⁹ *Рауба Н.С.* Очерк истории польско-турецких отношений в XVI — первой четверти XVII в. // *Османская империя в первой четверти XVII в.* Сб. документов и материалов. М., 1984. С. 28.
- ²⁰ *Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Korniku.* Rkp. 326.
- ²¹ *Racz.* Rkp. № 2. К. 328.
- ²² *DR. Supl. II. Vol. 2. P. 472.*
- ²³ Подробный обзор дискуссии дан в работе польского историка Р. Маевского (*Majewski R.* *Cecora—rok 1620.* W., 1970).
- ²⁴ *Kersten A.* *Odsiecz wiedeńska 1619 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości.* T. X. Cz. 2. W., 1964.
- ²⁵ *Diplomatarium relationis Gabrielis Bethlen cum Venetorum republica.* Ed. Ovary. Вр., 1886. P. 510—511.
- ²⁶ *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 86.
- ²⁷ См. письмо С. Жолкевского Сигизмунду III от 27 февраля 1620 г. // *Racz.* Rkp. № 2. К. 418.
- ²⁸ См. донесение С. Отвиновского от 6 апреля 1620 г. // *DR. Supl. II. vol. 2. P. 472.*
- ²⁹ См. донесения И. Отвиновского королю от 25 июня и С. Жолкевскому от 13 июля: *Liske K.* *Stanisława Żółkiewskiego hetmana, kanclerza wielkiego koronnego wyprawa i zgon na polach cecorskich // Dziennik literacki.* 1869. S. 145, 162.
- ³⁰ *Prochaska A.* *Hetman Stanisław Żółkiewski.* W., 1927. S. 220.
- ³¹ *Forst H.* Der türkische Gesandte... S. 575; *Skala P.* *Historie...* T. 4. S. 220.
- ³² *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 99—100.
- ³³ *Ibid.* S. 101.

- 34 Rac. №2, K. 447—448.
- 35 Ibid. K. 442.
- 36 Ibid. K. 514—514 v.
- 37 *Liske K.* Op. cit. S. 25.
- 38 DR. Supl. I. Vol. I. P. 188.
- 39 *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. I. S. 150.
- 40 Об услугах, оказанных им Габсбургам, и об обвинениях по его адресу со стороны Бетлена см.: *Heinisch R.R.* Habsburg... Th. II. S. 79—81.
- 41 *Majewski R.* Cecora...
- 42 *Suvara F.* Przyczyny i skutki klęski cecorskiej. Kraków, 1930. S. 87—93. Недостаточно обоснованной представляется лишь гипотеза исследователя, что поход польской армии в Молдавию помешал османам оказать военную помощь Бетлену и чешским сословиям (Ibid. S. 133—134).
- 43 Ход молдавской кампании самым тщательным образом проанализирован в книге Р. Маевского.
- 44 О деятельности трансильванской дипломатии в 1621 г. см.: *Depner M.* Das Fürstentum Siebenburgen im Kampf gegen Habsburg. Stuttgart, 1938. S. 84—88.
- 45 *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 160—161.
- 46 . ґ̄ ǎ³ ÷ φÝ, ǎŪ !*ǎŪ φ δ !Ýǎ ;! *Podhorodecki L.* Kampania Chocimska 1621 r. // *Studia i materialy do historii wojskowości.* T. 11. Cz. 1. W., 1965; *Podhorodecki L., Raszba N.* Wojna Chocimska 1621 r. Kraków, 1979.
- 47 О мирных соглашениях между Османской империей и Речью Посполитой см.: *Рауба Н.С.* Очерк истории...
- 48 *Bellan L.L.* Chah Abbas I. Sa vie, son histoire. Paris, 1932. P. 264—269.

ТРАНСИЛЬВАНИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ

Начав 26 августа 1619 г. поход против короля Венгрии и императора Германской империи Фердинанда II Габсбурга, трансильванский князь Габор Бетлен вступил в Тридцатилетнюю войну. К этому времени Трансильванское княжество представляло собой небольшое феодально-крепостническое государство. Характерными его чертами были господство барщинно-домениальной системы, слабость феодальных сословий, основную массу которых составляло мелко- и среднепоместное венгерское дворянство, прочная власть князя — единственного крупного землевладельца. Главным фактором, определявшим внешнюю политику княжеской власти, являлась его вассальная и данническая зависимость от Порты.

Существенное значение для определения структуры и характера княжеского войска имела еще одна отличительная черта Трансильван-

ского княжества как государства венгерских феодалов. Оно было населено этническими общностями, имевшими особые социальные структуры и принадлежавшими к различным хозяйственно-культурным типам. По оценкам историков, в конце XVI в. общая численность населения Трансильвании несколько превышала миллион человек, из которых более половины составляли венгры (включая их особую этническую группу — секеев) и около трети — влахи.

Этнические различия среди населения Трансильванского княжества имели серьезное значение для его военного потенциала. Основную массу венгров (в том числе и секеев) представляли земледельцы, занимавшиеся также оседлым животноводством. Саксы имели развитое ремесло и земледелие высокого для того времени уровня. Влахи в основном оставались пастухами; большинство их было занято отгонным скотоводством, хотя часть их оседала во владениях венгерских феодалов на покинутых венгерскими крестьянами наделах. Денежная рента поступала в основном с саксов-горожан и венгров. Секеи были военнообязанным крестьянством, сохранявшим с давних времен свою боеспособность.

Другим военнообязанным слоем венгерского населения являлись хайдуки. В их состав входили бежавшие от османов представители балканских народов, а также венгры, переселившиеся на север под натиском османов. Были в их числе и дворяне, утратившие свои имения, и простолюдины, в большинстве своем занимавшиеся пастушеством. С течением времени слой хайдуков пополнялся и в силу естественного прироста — передачи своего статуса по наследству. В массе своей хайдуки были протестантами, поскольку в их среде оказались с начала контрреформации в королевстве Венгрии протестантские проповедники, бежавшие от преследований. Участие в антигабсбургских походах обеспечивало хайдукам материальные основы существования. Около 80% войска Габора Бетлена в начале его походов составляли хайдуки. В основном это были жители хайдуцких городков, получившие привилегии коллективного дворянства в результате пожалования князя Иштвана Батори свободным хайдукам за отличия в походах. Часть хайдуков поступала на службу к королю Венгрии и к частным землевладельцам, другие оставались свободными. Службу части хайдуков Бетлен оплачивал деньгами. Но в основном хайдуки жили добычей. По вооружению, воинской дисциплине и степени обученности войско хайдуков и секеев, также входивших в армию князя, значительно уступало военным силам Габсбургов и их союзников. В известной степени этот недостаток Бетлен смог ослабить искусной политикой и использованием преимуществ, обусловленных помощью его сюзерена — Порты¹.

Содержание регулярного войска, отвечавшего требованиям первой половины XVII в., князю Трансильвании было не под силу, ввиду неразвитости денежных отношений и господства натурального хозяйства в княжестве. Подсчитано, что для превращения имеющегося войска в сколько-нибудь значительный военный фактор Трансильванскому княжеству необходимо было довести численность постоянных на-

емных частей как минимум до 20 тыс. человек с ежедневным содержанием в 2,5 млн. форинтов (флоринов). Дешевле, в полтора миллиона форинтов обходилось содержание хуже вооруженного и слабо обученного контингента венгерских воинов². Известно, между тем, что максимальный доход князя насчитывал 600 — 700 тыс. форинтов³. Поэтому Бетлен был вынужден использовать в основном хайдуков, уплачивая им денежное жалование во время походов. Такую же плату («месячные деньги») получали и призываемые на военную службу, согласно поименному списку, дворяне Трансильвании. Войско Бетлена считалось в Венгрии, тем не менее, одним из самых боеспособных для той эпохи. По европейским же меркам оно представляло разнородную по составу армию со всеми недостатками феодальной военной организации⁴. Особенности хозяйственно-культурных типов этнических общностей Трансильванского княжества позволяли привлекать к воинской службе только венгров (хайдуков, секеев) и исключали зачисление в войско саксов и влахов.

Слабые стороны войска Бетлена в известной степени компенсировались, как уже сказано выше, теми выгодами, которые князь извлекал из вассальных и даннических отношений с Портой. Дань в пользу султана составляла незначительную долю княжеских расходов: в 1619 — 1624 гг. — 6,7%, в 1625 г. — 4,8%⁵. При этом князь был избавлен от необходимости содержать пограничные крепости (что были вынуждены делать Габсбурги), а также идти на другие затраты, связанные с обеспечением защиты границ. Скромные суммы уплачиваемой османам дани в расходах князя позволяли ему в 1619 — 1624 гг. направлять половину своих средств на организацию походов против Габсбургов. Так, на шестимесячный поход 1625 г. потребовался 21% от всех расходов этого года⁶.

В ходе Тридцатилетней войны Габор Бетлен осуществил три антигабсбургских похода против короля Венгрии и императора Германской империи Фердинанда II (в 1619 — 1621, 1623 — 1624, 1626 гг.). Вооруженную борьбу с Габсбургами Бетлен вел в основном силами Трансильванского княжества. Ядро его военных сил составляли легковооруженные конные воины — хайдуки и секеи, а также (особенно в первом походе) отряды магнатов королевства Венгрии и ополчение комитатов Верхней Венгрии и Трансильвании⁷. По подсчетам военного историка Ласло Надя, в первом походе Бетлена из 18 тыс. воинов две тысячи составляли конники из королевства Венгрии⁸. Что касается противников трансильванского князя (Фердинанда II и его союзников — стран Католической лиги), то они располагали войсками наемников — воинов-профессионалов.

В первом походе Габор Бетлен пользовался поддержкой магнатов королевства Венгрии, тогда как верными королю Венгрии из династии Габсбургов оставались лишь шесть магнатов⁹. Во время второго и третьего походов такой поддержки уже не было¹⁰. Перед выступлением в первый поход князь установил тесные связи с магнатами-протестанта-

ми, пользовавшимися наибольшим авторитетом и активно выступавшими против власти Габсбургов¹¹. 15 октября 1619 г. на его сторону перешли высшие должностные лица королевства Венгрии — палатин Жигмонд Форгач и хранитель короны Петер Реваи¹². Трансильванского князя в его антигабсбургской борьбе поддерживал и орган власти феодальных сословий королевства Венгрии — государственное собрание, в котором принимали участие шестьдесят пять глав магнатских фамилий¹³. Государственные собрания, выражавшие в 1619 — 1620 гг. позицию магнатов королевства, избрали в 1620 г. Бетлена сначала князем, а затем — королем Венгрии. Однако от коронации он отказался.

Характерно, что в данном случае магнаты, лишившие трона династию Габсбургов, фактически присвоили себе полноту власти, заставив Бетлена подписать соответствующие условия избрания¹⁴. Перед этим князь заключил личные союзы (по образцу средневековых магнатских лиг) о взаимной верности в борьбе за свободу с четырьмя наиболее крупными магнатами, а также принял заявление о верности от представленных в государственном собрании сословий¹⁵. После поражения союзников Бетлена — чешских сословий — у Белой горы (8 ноября 1620 г.) начался переход некоторых венгерских магнатов на сторону императора Фердинанда II¹⁶. После заключения Никольсбургского (Микуловского) мира между Фердинандом II и Бетленом (31 декабря 1621 г.) сословия королевства Венгрии засвидетельствовали свою верность императору также и на государственных собраниях (1622, 1625 гг.).

Небольшой размер дани султану, а также общая заинтересованность Порты в ослаблении мощи Габсбургов способствовали успехам Бетлена. Неудачная война с сефевидским Ираном (1623 — 1624 гг.) сковывала силы Османской империи, не позволяя ей активно противостоять Габсбургам¹⁷. Поэтому Порта формально соблюдала мирные договоры с Габсбургами от 1606, 1615 и 1625 гг.

К концу второго десятилетия XVII в. активизировалась экспансионистская политика Османской империи на северо-западных рубежах ее владений, в частности против союзницы Габсбургов — Польши. В связи с этим Порта нарушила одну из привилегий Трансильванского княжества — освобождение от обязанности выставлять войско в помощь османской армии. Об этой исторически сложившейся привилегии писал сам Бетлен в Стамбул в мае 1617 г., отвечая отказом на призыв султана выступить в поход против Молдавского княжества вместе с отрядами темешварского паши Искендера¹⁸. В августе 1617 г. войско Бетлена вышло, тем не менее, в этот поход. Но в военных действиях уже не было необходимости, и Бетлен принял участие в заключении соглашения между командующими польским и османским войсками. Польская сторона обязалась, в частности, не нападать на Трансильванское, Молдавское и Валашское княжества¹⁹.

Бетлен досконально знал расстановку различных политических сил в Стамбуле, придерживавшихся диаметрально противоположных взгля-

дов относительно судьбы Трансильванского княжества (вплоть до его ликвидации) и, пользуясь ослаблением центральной власти, добивался поддержки одной из «партий» в султанском правительстве²⁰. Благодаря этой поддержке, князь получал разрешения Порты на походы против Габсбургов в конце июля 1619 г., в феврале 1623 г. и в конце июля 1625 г. На основании султанского фермана от 22 июня 1620 г., зачитанного представителями султана государственному собранию, Габор Бетлен был избран 25 августа 1620 г. королем Венгрии. Ранее (21 сентября 1619 г.) собрание сословий Верхней Венгрии объявило его предводителем и главным протектором Венгрии.

Избрание Бетлена венгерским королем не означало объединения Трансильванского княжества и королевства Венгрии в единое государство. Условия избрания, подписанные Бетленом²¹, связывали его как короля по рукам и ногам, но не затрагивали его прав как абсолютного правителя Трансильвании. В королевстве он не мог назначать высших должностных лиц, использовать доходы королевских имений и жаловать именные без согласия государственного собрания. В то же время все расходы на ведение войны венгерские сословия возложили на Бетлена как на трансильванского князя²². Таким образом, магнаты королевства ограничились созданием лишь персональной унии Трансильванского княжества и королевства Венгрии. Не допускала их объединения в единое государство, опасаясь, что такое государство не будет оставаться под османским протекторатом, и Порта, придерживавшаяся этой позиции с XVI в.²³ Бетлен усматривал причину неудачи своих антигабсбургских походов как в бездействии или даже в решительном сопротивлении его политике со стороны магнатов королевства, так и в слабой поддержке со стороны Османской империи и западных союзников²⁴.

Заинтересованность Порты в ослаблении Габсбургов проявлялась, впрочем, в том, что после 1617 г. султан не направлял трансильванскому князю требования участвовать в иных военных предприятиях османов. Когда султан Осман II (1618 — 1622 гг.) возглавлял летом и осенью 1621 г. поход против Польши (на Хотин), то помощь князя своему сюзерену ограничилась снаряжением 560 возов с продовольствием для султанской армии²⁵. Это позволило Бетлену использовать собственные войска для войны с Габсбургами. Однако непосредственная помощь князю войсками со стороны Порты была незначительной. Политики в Стамбуле были заинтересованы в том, чтобы Бетлен оставался опасным противником Габсбургов, но вовсе не желали его решительной победы и образования нового крупного государства в Среднем Подунавье.

15 января 1620 г. был заключен «вечный союз» сословий Чехии, Моравии и Силезии с протестантскими сословиями Австрии и Венгрии, а через четыре месяца были оформлены союзные отношения Бетлена с королем Чехии Фридрихом Пфальцским (1619 — 1620 гг.), а также сословий стран чешской короны и королевства Венгрии²⁶.

В мае 1620 г. трансильванский князь обратился к османам с просьбой о военной помощи; 27 августа в Стамбул было направлено общее посольство союзников, результатом которого явилось подписание в ноябре договора, подтверждавшего действие мирного договора Порты с королевством Венгрией 1606 г.²⁷ Этот договор потерял, однако, всякий смысл после крушения власти Фридриха Пфальцского в Чехии (8 ноября 1620 г.).

Военная поддержка Бетлена со стороны Порты была невелика: османский контингент (15 тыс. чел.), предоставленный в 1623 г. в распоряжение князя, обладал малой боеспособностью²⁸. В 1626 г. Бетлену стоило больших усилий добиться присоединения к своему войску отряда османов, занятого осадой крепости Ноград²⁹. Кроме того, военная помощь со стороны османов таила в себе опасность, как об этом свидетельствует захват 4 ноября 1620 г. пашой Буды города Ваца³⁰. О настороженном отношении османских властей к намерениям Бетлена сообщает известие османского историка Ибрахима Печеви (1574 — ок. 1650 г.), который, несомненно, отразил взгляды части правящей османской элиты: «этот неверный (Бетлен — *В.Ш.*) никогда не помогал войскам ислама, ибо постоянно заботился только о собственной стране»³¹. Именно этой заботой о собственной выгоде и стремлением расширить свою власть с помощью Порты был продиктован фантастический план передела Европы, который был представлен Бетленом Порте в июне 1626 г. По этому плану в результате действий антигабсбургской коалиции султан получал Хорватию, а сам Бетлен — королевство Венгрию и австрийские земли³². План этот в условиях того времени был совершенно нереальным: до окончания войны с Ираном Османская империя не могла пойти на крупные военные акции против Габсбургов. Кроме того, османы вовсе не хотели объединения всех этих земель в одно государство, которое в будущем могло бы стать для них опасным противником.

К этому времени, т.е. перед третьим походом, состоявшимся в союзе с Данией, Англией и Голландией (25 августа — 20 декабря 1626 г.) в так называемый «датский» период Тридцатилетней войны, Бетлен уже не был королем Венгрии. В сложных условиях завершения первого похода, когда венгерские магнаты стали переходить на сторону Габсбургов, чему не смогли помешать угрозы великого везира Хусейна-паши, направленные весной 1621 г. в адрес венгерских сословий³³, Бетлен заключил с Фердинандом II мир в Никольсбурге (Микулов) 31 декабря 1621 г. (утвержден 6 и 7 января 1622 г.). Бетлен отказался от титула короля Венгрии. Пойдя на компромисс с Бетленом из опасения, что в следующем году османы окажут князю Трансильвании серьезную военную помощь, Фердинанд II уступил ему герцогства Оппельн (Ополье) и Ратибор в Силезии с правом передать их по наследству его племяннику; главное же состоит в том, что Фердинанд передал Бетлену в пожизненное владение семь верхневенгерских комитатов (Сатмар, Саболч, Угоча, Берег, Земплен, Боршод и Абауй). При этом король обя-

зался выплачивать ежегодно 50 тыс. форинтов (флоринов) на содержание пограничных крепостей в этих комитатах. Остальные области королевства Венгрии, занятые в результате первого похода, князь обязался вернуть королю. Территория под властью Бетлена почти удвоилась. Религиозно-политическое положение населения в его владениях определяла теперь политика его князя-протестанта³⁴.

Таким образом, значительные материальные приобретения князя Трансильвании были сделаны благодаря его верности Порте и благодаря ее помощи, хотя она и была скорее политической, чем военной. Условия мира 1621 г. были повторены в договорах Бетлена с Фердинандом II, заключенных после второго (8 мая 1624 г.) и третьего (20 декабря 1626 г.) походов. Князю, помимо всего прочего, была обещана помощь императора в случае нападения османов на Трансильванское княжество³⁵.

Мир 1621 г. позволяет судить о результатах, достигнутых князем Трансильвании. В историографии высказаны предположения о том, что Бетлен вынашивал более широкие, стратегические замыслы. По мнению исследователя Агнеш Варконьи, они заключались в том, чтобы объединить под своей властью Венгрию и австрийские наследственные владения, сделать Венгрию членом Германской империи, а ее главу — одним из курфюрстов, избиравших императора. В дальнейшем в тесном союзе с Чехией можно было бы использовать все силы империи для изгнания османов. Бетлен, по мнению исследователя, рассматривал начатый им первый поход как часть усилий антигабсбургской коалиции по ликвидации державы Габсбургов. Конечную же цель своих действий Бетлен видел в том, чтобы освободить Венгрию от власти Османской империи. Лишенный возможности открыто выступить против султана, он усматривал главную вину короля из династии Габсбургов в пренебрежении борьбой с османами. Намеки такого рода содержатся уже в официальной программе первого похода, которую сформулировал проповедник из Кашши (совр. Кошице) Петер Альвинци в листовке «Жалоба Венгрии»³⁶.

Согласно предположению историка Ласло Надя, Бетлен, как и Иштван Бочкаи, хотел объединить Венгрию и Трансильванию в национальное королевство, начав действовать с востока. Тридцатилетняя война давала надежды на успех. Вступление в антигабсбургскую коалицию сулило в дальнейшем и перспективу освободиться от пут союза с османами. На первом этапе войны казалось вполне реальным, что Габор Бетлен, князь Трансильвании, встав во главе объединенных сил Центральной Европы, сможет освободить ее жителей сначала от власти Габсбургов, а затем, на втором этапе — и Венгрию от османского гнета. Хотя этот грандиозный план содержал в себе много неподдающихся учету факторов, Бетлен попытался его осуществить³⁷.

Представляется, однако, что эти предположения исследователей высказаны ими без должной оценки всех реальных возможностей Трансильванского княжества, из которых исходил сам Бетлен. К числу

таких возможностей следует отнести отсутствие угрозы с востока. 26 сентября 1617 г. трансильванский князь заключил договор о союзе с молдавским господарем Раду Михней³⁸. Союзные отношения были установлены 5 мая 1619 г. и с правителем Валахии Гавриилом Могилой³⁹. После завершения антигабсбургских походов и в связи с подготовкой плана антипольского союза со Швецией (в феврале 1629 г. посол князя привез из Стамбула запрет на заключение такого союза) Бетлен добился от нового господаря Молдавского княжества Мирона Барновского, известного как ставленника Польши, подтверждения наступательного и оборонительного союза (заключен 29 июня 1628 г.)⁴⁰. С этим же планом была связана и попытка установить контакты с Москвой⁴¹. Однако военные действия в Тридцатилетней войне Трансильванское княжество возобновило только в правление князя Дьердя Ракоци I (1630 — 1648 гг.).

- 1 Magyarország hadtörténete. 1. k. Bp., 1984. 234—238.l.
- 2 Ibid. 235. l.
- 3 Erdély története. 2.k. (1606—1830). Bp., 1986. 684.l.
- 4 Magyarország hadtörténete. 253.l.
- 5 Erdély története. 684.l.
- 6 Ibidem.
- 7 Magyarország hadtörténete. 255, 257.l.
- 8 Magyarország hadtörténete. 255.l.; Magyarország története. 3/1-1 (1526—1686). Bp., 1985. 843.l.
- 9 Péter K. A magyar romlásnak századában. Bp., 1980. 53.l.
- 10 Erdély története. 675.l.
- 11 Magyarország hadtörténete. 254.l.
- 12 Magyarország története kronológiája. 2.k.Bp. 1982. 448.l.
- 13 Magyarország története. 989.l.
- 14 Magyar történet szöveggyűjtemény. II. Bp., 1968. 431—437.l.; Magyarország története. 824.l.
- 15 Magyarország története. 823.l.
- 16 Magyarország története. 834.l.; Magyarország hadtörténete. 259.l.
- 17 Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 137.
- 18 Török-magyar kori államokmánytár. 1.k. (1540—1626). Pest, 1868. 155.l.; Erdély története. 657.l.
- 19 Isteria Romíniei. Vol.3. Buc., 1964. P.131, 151.
- 20 Erdély története. 657—658.l.
- 21 Magyar történet szöveggyűjtemény. II. 431—437.l
- 22 Magyarország története. 824.l.

- 23 Ibid. 814, 820. l.
- 24 Ibid. 857. l.
- 25 Istoria Romíniei. Vol.3. P.132—133, 153.
- 26 Magyarország története. 820, 822.l.
- 27 Ibid. 824.l.; Erdély története. 661.l.
- 28 Magyarország hadtörténete. 260.l.
- 29 Ibid. 261.l.; Magyarország története. 856.l.
- 30 Magyarország története. 825.l.; Erdély története. 671.l.
- 31 Magyarország története. 857.l.; Török Történetirok. 5.k. (1566—1659). Bp., 1916. 193.l.
- 32 Magyarország története. 854—856.l.
- 33 Erdély története. 673.l.; Török-magyarkori államokmánytár. 1.k. 293.l.
- 34 Österreichische Staatsverträge. Fürstentum Siebenbürgen (1526—1690). Wien, 1911, 545—554.l.; Erdély története. 673—675.l.
- 35 Erdély története. 674.l.
- 36 Magyarország története. 1.k. Bp., 1971. 243.l.
- 37 Magyarország hadtörténete. 264.l.
- 38 Török-magyarkori államokmánytár. 193—194.l.
- 39 Documente istorice transilvane. Vol. 1 (1599—1698). Cluj, 1940. P. 150—155.
- 40 Szilágyi S. Adelékok Bethlen Gábor szövetkezésinek történetéhez. Bp., 1873. 93—96.l.
- 41 Шушарин В.П. Русское государство и Трансильванское княжество в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990. С. 43—65.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 20-х — НАЧАЛЕ 30-х гг. XVII в.

В 20-е гг. XVII в., как и ранее, во внешней политике Османской империи главной задачей было продолжение борьбы с Ираном. Задача эта приобрела большее значение, чем ранее, после того, как иранские войска в 1622—1623 гг. заняли Ирак. В этих условиях Порты, разумеется, не могла планировать каких-либо крупных действий для расширения и укрепления османских позиций в Восточной Европе. Поскольку ни Речь Посполитая, вовлеченная в то время в затяжной и неудачно складывавшийся конфликт со Швецией, ни Россия, для которой после Смуты на долго главным противником стала Речь Посполитая, также не были заинтересованы в обострении отношений с османами, то, казалось, можно было ожидать наступления длительной полосы сравнительно мирного сосуществования в восточноевропейском регионе.

На практике, однако, события стали развиваться иначе. Причиной возникших осложнений стала сама Порта. Прилагая все силы для успешного ведения войны с Ираном, она своими действиями на этом поприще привела к таким осложнениям отношений с Крымским ханством, что на время возникла серьезная угроза османским позициям в Северном Причерноморье.

Хорошо известно, что фактором, омрачавшим в целом дружественные и взаимовыгодные отношения ханства и империи, было периодически выдвигавшееся османской стороной требование высылать войска для военных действий на иранском фронте. Эти требования вызывали недовольство крымской знати. Война с Ираном ее интересов не затрагивала, участие в ней не приносило добычи; напротив, крымские войска несли тяжелые потери: так, погибла большая часть войска, участвовавшего в войне с Ираном в 1617—1618 гг.¹ Неудивительно, что, когда с возобновлением войны в 1623 г. османское правительство снова стало добиваться посылки войска в Иран, хан Мехмед-Гирей стал уклоняться от выполнения этих требований, тогда как его брат Шагин-Гирей, тесно связанный с шахом Аббасом, приобрел большое влияние в ханстве².

В Стамбуле приняли решение устранить неугодного хана³, и в мае 1624 г. в Крым был послан капудан-паша с флотом и янычарами, чтобы вернуть на трон прежнего хана Джанибек-Гирея. Однако эта попытка не привела к успеху. Мехмед и Шагин Гирей, опираясь на поддержку недовольных османскими требованиями татар и призвав к себе на помощь отряды запорожских казаков, отказались оставить Крым и в развернувшихся военных действиях нанесли поражение сторонникам Джанибек-Гирея и османскому войску⁴.

Эти события означали фактическое отделение ханства от Османской империи. 14 августа 1624 г. Шагин-Гирей предложил польскому королю Сигизмунду III заключить союз с Крымом и прилать к нему 10 тыс. запорожских казаков для ведения войны с османами, а также (вместо «упоминков») олово и порох. Со своей стороны, он обещал перевести в Крым Белгородскую орду и передать польским властям Белгород Днестровский, Бендеры и Килию. Его послы передали Сигизмунду III также письмо и подарки от шаха Аббаса⁵. Зимой 1624—1625 гг. Шагин-Гирей побывал в Запорожье, где заключил договор с казаками о взаимной помощи. Обсуждались планы совместного похода в Молдавию, где Шагин-Гирей хотел посадить своего ставленника, а затем в османские владения за Дунаем⁶.

Знакомство с написанными в это время донесениями английского посла Т.Ро показывает, что в Стамбуле знали об отношениях Шагин-Гирея с шахом и его планах союза с Речью Посполитой⁷. Хотя формально возникший конфликт был улажен и Мехмед-Гирей был подтвержден султаном в ханском достоинстве, в Стамбуле отдавали себе отчет в том, что контроль за положением дел в Крыму потерян. Об этом, кроме всего прочего, ясно свидетельствует упорный отказ хана

высылать войска на иранский фронт⁸. Положение усугублялось тем, что в середине 20-х гг. произошел всплеск активности запорожцев на Черном море. Летом 1625 г. произошло целое сражение 350 казацких «чаек» с султанским флотом⁹. Это дополнительно затрудняло подчинение Крыма. Чтобы восстановить реальную зависимость ханства от Стамбула, Порте необходимо было активизировать свою политику в Восточной Европе.

Прежде всего следовало, по возможности, лишить правителей Крымавнешней поддержки со стороны Польши. Поэтому султан стал настойчиво требовать от хана предпринять набег на Польшу. Хан на этот раз подчинился приказу (что отвечало и интересам заинтересованной в добыче крымской знати), но одновременно Шагин-Гирей переслал копию султанского приказа гетману Конецпольскому¹⁰. После этого неудачного шага в Стамбуле усилились опасения враждебных действий со стороны Речи Посполитой. Передавая, конечно, ходившие в османской столице слухи, Т.Ро сообщал в Лондон, что казаки подготовили для выхода на море 700 судов, снаряженных на средства, данные королем, и находящихся под командованием польских офицеров¹¹.

По-видимому, в Стамбуле опасались, что за запорожскими казаками, помогавшими Шагин-Гирею, стоят польские власти и что восстановление османского протектората над Крымом может привести к столкновению с Речью Посполитой. Предотвратить возможную опасность пытались заключением союза с Россией. Если после окончания Хотинской войны Османская империя некоторое время вообще не поддерживала сношений с этим государством, то весной 1624 г. в Москву было спешно отправлено посольство во главе с Ф.Кантакузиным¹². Посла сопровождала большая охрана, «чтоб с ними проехать от крымских людей... здорово»¹³. В самой Москве посол в ответ на обычные жалобы на набеги татар заявил, что Шагин-Гирей «ни в чем... султана не слушает» и тот приказал его «поймать», что и будет сделано, когда сложатся для этого благоприятные условия¹⁴.

В грамоте султана Мурада IV царю Михаилу Федоровичу предлагалось возобновить дипломатические сношения и оказывать друг другу взаимную помощь против «недругов»¹⁵. В беседе с патриархом Филаретом, отцом царя и фактическим правителем Русского государства, Ф.Кантакузин разъяснил, что речь идет о совместном выступлении России и Османской империи против Речи Посполитой¹⁶. Так как политики, стоявшие у кормила правления Россией, считали своей главной задачей возвращение русских земель, захваченных польско-литовскими феодалами в годы Смуты, то османская инициатива сразу встретила в Москве положительный отклик. 13 декабря 1627 г. был составлен проект договора о союзе царя и султана против польского короля Сигизмунда III, включавший в себя обещание Порты способствовать возвращению России утраченных ею территорий¹⁷. Для одобрения султаном проекта договора весной 1628 г. в Стамбул были отправлены послы С.Яковлев и П.Евдокимов.

Хотя договор был заключен по инициативе османской стороны, было бы неосторожно делать из этого вывод о стремлении Порты в 1627 г. к наступательной войне с Речью Посполитой, хотя Ф.Кантакузин и уверял патриарха, что султан готов начать войну уже летом 1628 г.¹⁸ В действительности, пока продолжалась неудачная для османов война с Ираном (в 1626 г. безуспешно осаждали Багдад, в 1627 г. безрезультатно закончилась осада отложившегося Эрзерума)¹⁹, Османская империя, конечно, не имела возможности вести крупные наступательные операции на каком-либо другом фронте. Соглашение с Россией, как представляется, было первоначально оборонительной мерой, средством обеспечения интересов Стамбула на случай, если бы попытка восстановить османский сюзеренитет над Крымом привела к серьезному конфликту с Речью Посполитой.

Развитие событий после того, как такая попытка была предпринята, казалось, подтверждало опасения османских политиков. Действия, направленные на достижение этой цели, начались с вторжения в Крым в апреле 1628 г. Белгородской орды. Мехмед-Гирей и его брат снова обратились за помощью к запорожцам. В сражении у Бахчисарая Белгородская орда была разбита и противники хана оказались в осаде в Каффе. Однако с приходом в июне 1628 г. большого османского флота с новым ханом Джанибек-Гиреем положение изменилось. Начался переход крымской знати на сторону османов и Мехмед-Гирей и его брат вынуждены были покинуть Крым вместе с запорожскими казаками²⁰.

Султан Мурад IV, выразив возмущение действиями казаков, потребовал от Сигизмунда III выдачи Шагин-Гирея²¹. Это требование, однако, не было удовлетворено. Правда, официально Варшава заявила, что польские власти никакой помощи Шагин-Гирею не окажут, но неофициально запорожским казакам было рекомендовано поддержать его попытку вернуть себе власть над Крымом. В ноябре 1628 г. запорожское войско двинулось в Крым. Лишь после ряда сражений хану Джанибек-Гирею и действовавшим вместе с ним османским войскам удалось не допустить их вторжения на полуостров. В апреле 1629 г. поход казаков был повторен и действия сухопутных сил сочетались с нападением «чаек» на побережье Крыма. Правда, и на этот раз их нападение удалось отбить, но после крупного сражения, в котором крымская орда понесла серьезные потери²².

В конце концов Османской империи удалось восстановить свою власть над Крымом, что не может вызвать удивления, так как имели место не принципиальные, а лишь тактические разногласия между интересами османов и крымской знати, которая в конечном итоге отдала предпочтение восстановлению традиционных отношений. Однако, достижение этой цели потребовало от Порты немалых усилий и привело к серьезному обострению отношений с Речью Посполитой.

В Стамбуле были убеждены, что морские нападения запорожских казаков на причерноморские владения Османской империи не могли приобрести столь широкого размаха без помощи и поддержки польско-

го правительства. Это убеждение османские политики вполне определенно выражали и на страницах официальной дипломатической переписки. Так, в мае 1628 г. командующий султанским флотом капудан-паша Хасан прямо писал гетману С.Конецпольскому, что тот не только не препятствовал набегам казаков, но и снабжал их всем необходимым для морских походов, а без его помощи казаки, конечно, не могли бы отправиться на море ни одной «чайки»²³. Походы запорожцев на Крым могли лишь укрепить Порту в убеждении, что Речь Посполитая проводит враждебную политику по отношению к Османской империи и с польской стороны Стамбулу угрожает серьезная опасность.

Все это мало соответствовало действительности. Польское правительство вовсе не содействовало морским походам казаков, напротив, по его приказаниям неоднократно сжигались подготовленные для таких походов «чайки». Шляхта, как и ранее, стремилась к сохранению мира с Османской империей и такая политика стала для страны совершенно необходимой после того, как в 1626 г. началась тяжелая, неудачная для Речи Посполитой война с шведским королем Густавом Адольфом. Парадоксальным образом именно трудное положение, в котором оказалось государство во время «Прусской» войны, заставило польские власти вести ту политику, которая вызвала тревогу в Стамбуле.

Война заставила правительство увести с Украины регулярную армию, и страна оказалась беззащитной перед татарскими набегами. Вмешательство казаков в крымские дела могло предотвратить такую опасность. Вместе с тем уход казаков на войну в Крым на время избавлял страну от социально опасных для господствующего порядка элементов, которых в сложившейся ситуации нельзя было подчинить с помощью вооруженной силы²⁴. Такая политика принесла желаемые результаты, но имела и непредвиденные последствия. В Стамбуле возросла заинтересованность не только в сотрудничестве с Россией, но и в осуществлении других политических проектов, направленных против Варшавы.

Хотя Речь Посполитая не участвовала в Тридцатилетней войне, прогабсбургская ориентация ее правительства ни для кого не была секретом. Как уже отмечалось, благодаря этому Порту готова была усмотреть в нападениях казаков выражение враждебной по отношению к ней политики. Обострение отношений с Речью Посполитой давало османскому правительству дополнительные мотивы для сближения с государствами — противниками Габсбургов. Посетивший Москву в 1627 г. Ф.Кантакузин говорил о заинтересованности султана в установлении добрых отношений с шведским королем Густавом Адольфом²⁵. Говорилось на переговорах и о том, что после утверждения султаном текста русско-османского соглашения, направленного против Речи Посполитой, следует познакомить с ним находящихся в Стамбуле послов Англии, Франции и Венеции, а также Густава Адольфа²⁶.

К концу 20-х гг. Речь Посполитая привлекает к себе и враждебное внимание политиков антигабсбургского лагеря. После поражения, нанесенного Габсбургами датскому королю Кристиану IV, их противни-

ки искали другого правителя, который мог бы продолжить борьбу с Габсбургами на территории Германии. Наиболее подходящим кандидатом на такую роль являлся шведский король Густав Адольф, но его руки были связаны войной, которую он вел против Речи Посполитой в Пруссии. Отсюда появление у политиков антигабсбургского лагеря различных планов, как заставить Варшаву заключить мир со Швецией и отказаться от сотрудничества с Габсбургами. В таких проектах, естественно, видное место отводилось соседям Речи Посполитой — Трансильвании, России, Османской империи.

В таком историческом контексте становится понятным, почему в центре внимания политиков ряда стран оказался в это время проект выдвижения кандидатуры трансильванского князя Габора Бетлена на польский трон. Подобные планы возникали еще в начале 20-х гг. XVII в., но тогда они оставались на периферии политической жизни, а теперь в октябре 1628 г. Бетлен направил своего посла в Стамбул, чтобы предложить такой план на обсуждение османского правительства²⁷. Что имелось в виду, позволяет выяснить записка «Основание дел Польского королевства», сохранившаяся среди бумаг Ж.Русселя, французского дипломата на службе Бетлена²⁸. Речь шла не о выдвижении кандидатуры трансильванского князя на выборах после смерти короля Сигизмунда III, а о низложении польского правителя и возведении на трон Бетлена при поддержке всех сил, враждебных существующей власти. Предполагалось, что в пользу Бетлена могут выступить католические вельможи, недовольные ограничением шляхетских «вольностей», протестанты и «люди русской веры» (т.е. православные), недовольные религиозной политикой короля. Особые надежды возлагались на поддержку казаков²⁹.

Хотя серьезная оппозиция политике Сигизмунда III в Речи Посполитой действительно существовала, и с некоторыми из представителей оппозиционной знати (например, с биржанскими Радзивиллами) Бетлен поддерживал контакты, эта оппозиция отнюдь не была готова участвовать в государственном перевороте, да и сил у нее для его проведения было явно недостаточно³⁰.

Вероятно, и Бетлен как опытный политик понимал нереальность достижения такой цели. Центр тяжести при выдвижении такого плана, как представляется, заключался в другом. Вмешательство трансильванского князя в польские дела должно было осложнить положение в Речи Посполитой, вызвать смуты в стране и тем самым заставить польское правительство заключить мир со Швецией, чтобы Густав Адольф приобрел свободу действий в Германии. Именно этим следует объяснить ту энергичную поддержку, которую с самого начала оказала планам Бетлена голландская дипломатия³¹. Неслучайно в грамоте, отправленной им в это время Генеральным Штатам, говорилось, что он, как и голландцы, желает «разореной чин в Немецких землях опять справить», что свои планы на этот счет он изложил голландскому послу в Стамбуле и намерен привлечь к участию в их осуществлении Османскую им-

перии и Россию³². Для османских политиков также этот общий контекст задуманного плана не был тайной. Из памятных записей, сделанных для себя Ж. Русселем, видно, что он обсуждал с каймаком вопрос об «отволоке совету и совершенья немецкого покая»³³.

Разумеется, не было речи о том, чтобы князь Трансильвании выдвинул упомянутые выше притязания и отстаивал их собственными силами. Из указанной выше записки Ж.Русселя видно, что Габор Бетлен рассчитывал на поддержку Швеции, России, немецких протестантских князей, Крыма³⁴, но главное, решающее значение имела для него позиция Османской империи. Для столь ответственного политического выступления Бетлену как османскому леннику необходима была санкция султана, и, кроме того, поддержка Порты должна была гарантировать трансильванского князя от последствий возможной неудачи. Когда первая реакция османов на трансильванскую инициативу оказалась благоприятной, Бетлен отправил в Стамбул для завершения переговоров оказавшихся к тому времени на его службе французских дипломатов Ш.Галлейрана и Ж.Русселя. Переговоры тянулись несколько месяцев и завершились тем, что летом 1629 г. османское правительство согласилось удовлетворить все основные пожелания Бетлена³⁵. Трансильванскому князю была обещана помощь Крыма и Белгородской орды, господарей Дунайских княжеств и пашей пограничных округов. Каймакам настоятельно советовал ему поторопиться с выполнением его плана («не пропусти и не потеряй времени»).

Происходившие события не могли не наложить своего отпечатка на ход переговоров о русско-османском союзе, которые вели в Стамбуле прибывшие туда в августе 1628 г. русские послы. Были установлены контакты между ними и представителями трансильванского князя в Стамбуле, которые, завершив переговоры с советниками султана, в июле 1629 г. направились в Москву, чтоб убедить русское правительство поддержать притязания Бетлена на польский трон³⁶. Трансильванская инициатива получила поддержку Порты. Так, именно капудан-паша Хасан убедил русских послов встретиться с представителем трансильванского князя в Стамбуле³⁷. Ш.Галлейрану и Ж.Русселю была вручена грамота каймака Реджеп-паши с представлением их русскому правительству («и вам бы их словам верити, что с ними приказано»³⁸). Аналогичного содержания грамота каймака рекомендовала трансильванских послов и их предложения шведскому королю Густаву Адольфу³⁹.

Позиция, занятая Портой, не может вызвать удивления. План, предложенный Г.Бетленом, отвечал стратегическим целям османской политики, так как его осуществление привело бы к возобновлению войны между христианскими государствами Европы и ослаблению Габсбургов. Вместе с тем он давал возможность успешно решить и некоторые конкретные насущные задачи — ослабить Речь Посполитую так, чтобы она больше не могла вмешиваться в крымские дела.

Сложившееся положение в Стамбуле нашли также подходящим для того, чтобы послать войска на территорию Речи Посполитой и рас-

правиться на месте с «днепровскими ворами» — запорожцами. На северную границу империи были направлены войска и флот, а посол Мурада IV Ф.Кантакузин, отправившийся в Москву с трансильванскими послами, должен был добиться участия в этом походе и русских войск⁴⁰.

Со смертью Бетлена (15 ноября 1629 г.) весь задуманный проект стал неактуальным, но переговоры о русско-османском союзе, направленном против Речи Посполитой, получили дальнейшее развитие во время пребывания Ф.Кантакузина в Москве в июне 1630 г.⁴¹ Извещая о победе над вторгшимися в Крым запорожцами, султан сообщал о своем намерении послать войска на Речь Посполитую и призывал царя Михаила выступить против нее вместе с ним. Посол разъяснял, что османские войска уже выступили к польской границе, и их командующий ждет лишь сообщения от царя, чтобы начать военные действия. Османская инициатива встретила у патриарха Филарета благоприятный отклик, в России начались приготовления к серьезной войне с Речью Посполитой⁴². Однако скоро выяснилось, что почти в то самое время, когда Ф.Кантакузин вел переговоры в Москве, Порта заключила мирный договор с Речью Посполитой.

Причины такого резкого изменения политики следует искать в особенностях международного положения Османской империи. После смерти шаха Аббаса в Стамбуле появились надежды на успешное окончание войны с Ираном. В конце 1629 г. великий везир Хосров-паша выступил в военный поход, продолжавшийся вплоть до конца 1630 г., когда султанские войска почти дошли до Багдада⁴³. В такой ситуации Османская империя была крайне заинтересована в стабилизации положения на северной границе, что позволило бы, в частности, снова привлечь в состав османской армии татарские войска. Нападением казаков на Крым следовало положить конец. Отсюда появилась идея похода на территорию Речи Посполитой против запорожцев, чтобы или нанести поражение казакам, или заставить польское правительство принять меры против них. Летом 1630 г. на южную границу Речи Посполитой действительно были направлены войска во главе с будинским пашой Муртазой, а к устью Дуная подошел османский флот. Совместные действия с Россией должны были придать такому выступлению соответствующую внушительность. Разумеется, в условиях, когда главные силы империи находились на войне в Малой Азии, предпочтительнее было добиться желанной цели, не прибегая к военным действиям, что имело значение для дальнейшего хода событий.

Тем временем объективные обстоятельства на Украине сложились так, что дали возможность польским властям найти благополучный выход из создавшейся опасной ситуации. Весной 1630 г. на Украине началось казачье восстание, на подавление которого была брошена регулярная армия. К отношениям с османами это никакого отношения не имело, но польское правительство получило возможность изображать перед Стамбулом действия армии как выполнение своих обязательств

по мирным соглашениям, как репрессии по отношению к нарушителям мира с Османской империей⁴⁴. Командующему османской армией на Дунае польский посол так и заявил, что везет от короля текст договора «свежо написанный кровью его собственных подданных»⁴⁵. Узнав о выступлении польской армии против казаков, османские военачальники не только выразили удовлетворение таким оборотом дела, но и предложили гетману С.Конецпольскому свою помощь⁴⁶. В итоге вместо войны между обоими государствами после переговоров в Стамбуле в сентябре 1630 г. было подтверждено прежнее мирное соглашение⁴⁷. Порта, конечно, не была столь наивна, чтобы поверить предложенным Варшавой объяснениям событий (на переговорах в Стамбуле каймакам Реджеп-паша дал понять послу, что здесь хорошо известны истинные причины конфликта между польскими властями и казаками)⁴⁸. Но сам факт выступления против казаков был для нее доказательством того, что польские политики на данном этапе не стремятся к наступательной войне против Османской империи. Подтверждение мира с Речью Посполитой позволило бы использовать собранные на северной границе силы на иранском фронте, и Порта поспешила использовать эту возможность. В июне 1631 г. в Крым от султана была прислана «подмога» для снаряжения крымских татар в поход на Иран⁴⁹, где они появились осенью 1631 г.⁵⁰.

При этом османские политики не намерены были считаться с интересами русского союзника, которого они совсем недавно побуждали к немедленному военному выступлению против Речи Посполитой. Царским послам, прибывшим в Стамбул вместе с Ф.Кантакузиным в ноябре 1630 г., каймакам Реджеп-паша заявил, что поскольку у империи «со всех сторон недруги... умножились», о ее выступлении против Речи Посполитой не может быть и речи. Пока положение не улучшится, русским политикам рекомендовали «до тех мест с соседом своим и с другом быти не в задоре и до тех мест потерпети»⁵¹.

Высказывания о тяжелом положении Османской империи соответствовали истине. Большой поход великого везира Хосров-паши не привел к перелому в иранской войне: его войска вынуждены были отступить от Багдада, так и не овладев этой крепостью. В 1631—1632 гг. империя погрузилась в серьезный внутренний кризис, характерными чертами которого стали дворцовые перевороты и волнения деморализованных войск и населения как в пограничных областях, так и в самом Стамбуле, где восставшие неоднократно убивали неугодных сановников из окружения султана⁵².

В то самое время, когда политическая активность Османской империи была таким образом временно парализована, в соседних с ней регионах Европы происходили крупные события, непосредственно затрагивавшие османские интересы. Так, с вступлением в Тридцатилетнюю войну шведского короля Густава Адольфа характер войны стал резко изменяться не в пользу Габсбургов. Получив французские субсидии, Густав Адольф в сентябре 1631 г. нанес решительное пораже-

ние главной в то время военной силе прогабсбургского лагеря в Германии — армии Католической лиги. Политическая гегемония Габсбургов в Германии, завоеванная ими в предшествующие годы, была утрачена. Значительная часть немецких князей объединилась в союз, провозгласивший Густава Адольфа своим главой. Объектом новых походов шведского короля и его союзников стали Бавария и собственные владения австрийских Габсбургов. В ноябре 1631 г. саксонские войска вступили в Прагу, а в начале следующего 1632 г., нанеся новое поражение войскам лиги, Густав Адольф вступил в Мюнхен. Австрийские Габсбурги оказались перед перспективой полного поражения, и добиться этой цели шведский король был намерен в сотрудничестве с Османской империей.

Возможность привлечь к сотрудничеству Крымское ханство занимала шведских политиков еще во время «Прусской» войны. В 1626 г., направляя послов в Москву, шведский канцлер А.Оксеншерн выражал надежду, что с помощью русского правительства удастся напустить крымских татар на Речь Посполитую⁵³. В конце 20-х гг. дело дошло до установления прямых контактов между Швецией и Крымом. Зимой 1629/30 г. крымские послы при содействии русского правительства побывали у Густава Адольфа в Швеции⁵⁴. По-видимому, поездка связана была еще с проектом Габора Бетлена и теми переговорами, которые он вел с крымским ханом: татары предлагали шведскому королю 30-тысячное войско для нападения на Речь Посполитую⁵⁵. Однако к этому времени уже было заключено польско-шведское перемирие и Густав Адольф предложил крымским послам «заключить союз против цесаря». Весной 1630 г. для продолжения переговоров в Крым был отправлен шведский посол Бенъямин Барон⁵⁶, которому удалось попасть в Бахчисарай лишь весной следующего 1631 г. Барон должен был добиться нападения татар на венгерские владения Габсбургов. Это, однако, встретило возражения хана и его приближенных, указывавших, что князь Трансильвании не пропустит татарские войска через свою страну. Но для продолжения переговоров в начале 1632 г. в Швецию с Бароном были направлены ханские послы⁵⁹. Крымское посольство во главе с Нурали-уланом доехало до королевской ставки, но, так как это произошло уже после смерти Густава Адольфа, послы вернулись, не добившись каких-либо результатов⁶⁰. Сказались, по-видимому, и большая пространственная удаленность друг от друга обоих возможных союзников и несовпадение их целей (татары были заинтересованы в нападении на более близкие территории). Сыграло свою роль, возможно, и то, что к концу 1637 г. австрийский резидент в Стамбуле Й.Шмид, узнав от католических духовных лиц в Крыму о шведско-крымских переговорах, выразил острый протест султанскому двору и добился запрета татарам посылать войска во владения императора⁶¹.

С 1631 г. внешняя политика Густава Адольфа приобрела столь масштабный характер, что возможного соглашения с Крымом оказалось недостаточно. Когда в конце 1631 г. в Трансильванию был послан швед-

ский дипломат П.Страсбург, ему поручалось добиваться союза против Габсбургов не только с Трансильванским княжеством, но и с Османской империей. В апреле 1632 г. шведский посланец прибыл в Стамбул. К этому времени там уже широко распространились известия о победах Густава Адольфа. Хотя посланец не привез даров и не имел ранга «великого» посла и против его приема резко выступали австрийские дипломаты⁶², он был принят султаном. Задачей посланца было установить дипломатические отношения между Швецией и Османской империей, заверить, что в случае перехода владений Габсбургов под власть Густава Адольфа прежние мирные соглашения останутся в силе, и, самое важное, побудить Порту выступить против Габсбургов. Его действия энергично поддерживали послы Голландии и Трансильвании. Пытаясь противостоять нежелательному сближению, австрийские дипломаты старались запугать султанское окружение перспективой чрезмерного усиления Густава Адольфа, который, победив Габсбургов и полжив конец войне между христианскими государствами, выступит против османов. По оценке шведского дипломата, эти маневры успеха не имели, существенно было другое — с явным огорчением он должен был констатировать, что при существующем положении дел Османская империя не решится на ведение большой войны в Европе. Перед отъездом П.Страсбурга из Стамбула в июле 1632 г. речь шла лишь о том, чтобы организовать выступления против Габсбургов пашей некоторых пограничных округов как бы по собственной инициативе. Однако, после того, как гонец, отправленный беём Буды Муртазой к шведам, попал в руки австрийцев, в Стамбуле поспешили его дезавуировать, а когда в декабре 1632 г. туда пришли известия о смерти Густава Адольфа, даже эти скромные планы были оставлены⁶³. Летом 1633 г. П.Страсбург снова посетил османскую столицу, теперь он ставил перед собой гораздо более скромную цель — помешать соглашению между трансильванским князем Дьердем Ракоци I и Фердинандом II Габсбургом, но хотя османы обещали свое содействие в этом деле, на ход Тридцатилетней войны эти шаги не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния⁶⁴. Иностранные наблюдатели отмечали явные симпатии султана и его сановников к Густаву Адольфу и столь же явную неприязнь к Габсбургам, но против них Порты так и не решилась выступить. Так, когда в ходе Тридцатилетней войны на протяжении десятилетия австрийские Габсбурги снова оказались в критическом положении, Османская империя вновь проявила неспособность использовать ситуацию в своих интересах.

Другим крупным политическим событием в близком соседстве с Османской империей стала начавшаяся в конце 1632 г. Смоленская война между Россией и Речью Посполитой. После неудачи переговоров о союзе с Османской империей русское правительство, стремясь вернуть утраченные в годы Смуты земли, активизировало контакты с Густавом Адольфом. К началу войны существовала договоренность о том, что наступление русских войск с востока будет поддержано

действиями шведской армии с запада, и был подготовлен проект договора о союзе, который должен был быть ратифицирован шведским королем. Сигналом для начала войны стала смерть польского короля Сигизмунда III, и договоренность предусматривала выдвижение кандидатуры Густава Адольфа на вакантный трон, что должно было вызвать внутренние раздоры в Речи Посполитой и облегчить союзникам их задачу⁶⁵.

В планах русского правительства значительное место занимала и Османская империя. В Москве исходили из того, что Мурад IV, извещая царя о своем отказе от планов войны с Речью Посполитой, сам вопрос о такой войне не снимал с повестки дня, так как советовал «беспременно о том совет чинить с татарским царем Джанибек-Гиреем и с швейским королем... и к тому бы дни готовитца»⁶⁶. Поэтому царь и патриарх, направляя летом 1632 г. своих послов в Стамбул, имели основания надеяться, что позиция османов может измениться, и рассчитывали, что Порты может поддержать выдвижение кандидатуры Густава Адольфа на польский трон. Чтобы султан мог направить войска против Речи Посполитой, ему предлагалось посредничество для примирения Османской империи и Ирана⁶⁷. Послы А.Прончищев и Т.Бормосов еще не успели покинуть русскую территорию, как перед ними была поставлена еще одна задача. В конце июля, в то время, когда русские войска сосредотачивались на границе с Речью Посполитой, начались нападения крымских татар на южные русские уезды и послам было поручено добиться их прекращения.

Эти нападения оказались для Москвы полной неожиданностью и нанесли большой ущерб⁶⁸, так как, полагаясь на дружественные отношения с Крымом и Османской империей в предшествующие годы, русское правительство обратило свои военные силы на войну с Речью Посполитой и ослабило оборону южных границ.

Вопрос о причинах татарских нападений был специально рассмотрен А.А.Новосельским, который пришел к выводу, что здесь имели место самостоятельные действия крымцев, находившиеся в противоречии с общим направлением политики Порты и предпринятые тогда, когда вследствие смут в Стамбуле были временно прерваны связи между османским правительством и Крымом и контроль за положением дел в этом районе на какое-то время был утрачен⁶⁹. Действительно, есть серьезные основания полагать, что в 1632 г. правительство Мурада IV вернулось к враждебной политике по отношению к Речи Посполитой и снова стало искать сближения с Россией. Вскоре по окончании волнений в Стамбуле в Москву летом 1632 г. вновь направился Ф.Кантакузин с сообщением о желании султана начать совместные действия против Речи Посполитой. Посол заверял, что «ево, Мурат-султанова величества ратные люди против тех людей готовы»⁷⁰. Татарские нападения на Россию с этими предложениями явно не согласовывались.

Предпринятое Б.Барановским исследование польских источников по истории польско-крымских отношений вполне подтвердило вывод

А.А.Новосельского, что поворот в крымской политике произошел не под влиянием польской дипломатии⁷¹. Перед началом первых татарских вторжений в Крым вообще не было польских представителей, и после этих нападений именно крымская сторона взяла на себя инициативу сближения, отправив в Речь Посполитую посольство с предложением союза. Сближению не помешал и тот факт, что в польской казне не оказалось средств на уплату «упоминков», о которых просили татары. Соответствующие средства были собраны и выданы крымским послам лишь в феврале 1634 г.⁷²

Сам А.А.Новосельский объяснял поведение крымцев тем, что их нападения на Речь Посполитую в 1631 г. и начале 1632 г. оказались неудачными, и татары остро нуждались в добыче, которую они рассчитывали получить в России⁷³. Такое объяснение не представляется убедительным. Речь Посполитая, где началось бескорольевье, и все видные военачальники и магнаты съехались в Варшаву для участия в выборах короля, была гораздо более выгодным объектом для нападения. Как представляется, в данном случае крымские политики сознательно стремились к поддержанию выгодного для ханства равновесия сил между державами, борющимися за гегемонию в Восточной Европе. В начале Смоленской войны более слабой стороной была Речь Посполитая, отсюда решение хана и мурз оказать поддержку именно ей.

Этой линии Крымское ханство продолжало придерживаться и в дальнейшем. Хотя польская сторона медлила с уплатой «упоминков», татары предприняли весной — летом 1633 г. новое нападение на южные районы Русского государства, которое, по компетентной оценке А.А.Новосельского, было одним из наиболее крупных татарских вторжений первой половины XVII в.⁷⁴ По общему мнению и современников и исследователей, это нападение в значительной мере повлияло на неудачный для России исход Смоленской войны. Начавшийся массовый отъезд боярских детей южных уездов из армии, стоявшей под Смоленском, существенно ослабил ее накануне решающего столкновения с армией нового короля Владислава IV⁷⁵. Вторжения татар не были единственным препятствием на пути к достижению тех целей, которые ставило перед собой русское правительство, начиная Смоленскую войну. После смерти Густава Адольфа возникли осложнения и в отношениях со Швецией; политики, пришедшие к власти в этом государстве, стали уклоняться от осуществления ранее достигнутых договоренностей⁷⁶. В этих условиях проблема отношений с Османской империей приобрела для Москвы особое значение. Об этом ясно говорит, в частности, тот факт, что русские посольства, сменяя одно другое, непрерывно находились в Стамбуле в течение того времени, пока длилась Смоленская война⁷⁷.

К лету 1633 г. прибывшим в Стамбул русским послам удалось добиться одной из главных стоявших перед ними целей. 23 июня 1633 г. великий везир сообщил им о принятом решении Порты начать войну с Речью Посполитой. Приказы о начале военных действий, по его сло-

вам, уже были посланы крымскому хану, господарям Дунайских княжеств, бею Силистрии Абазе и объявлена мобилизация войск в европейских провинциях империи, а на весну следующего 1634 г. был назначен поход султанских войск на польские земли «большой войной»⁷⁸.

И этот план действительно начал вскоре осуществляться. Русские послы в Стамбуле сами стали свидетелями сбора в османской столице «ратных людей» для пополнения войска Абазы и отъезда в Крым посланцев султана с его приказом идти в поход на Речь Посполитую⁷⁹. В октябре 1633 г. Абаза вместе с господарями Дунайских княжеств действительно совершил нападение на пограничные польские земли⁸⁰. Была проведена также мобилизация войск в европейских провинциях империи, и в апреле 1634 г. султан выехал из Стамбула в военный лагерь под Эдирне, чтобы возглавить польский поход⁸¹. Все эти факты однозначно говорят, что в отличие от Бахчисарая в Стамбуле заняли позицию дружественную по отношению к России и враждебную по отношению к Речи Посполитой.

Все это не может вызывать удивления, так как османские политики подходили к оценке русско-польского конфликта с иных позиций, чем татарские мурзы. Главными противниками империи на западе были австрийские и испанские Габсбурги, отсюда симпатии к их противникам, нашедшие свое выражение, в частности, в теплом приеме П.Страсбурга. В Стамбуле было хорошо известно, что царь — союзник Густава Адольфа, главного врага Габсбургов, а правители Речи Посполитой — близкие родственники и союзники императора Фердинанда II. Кроме этих общих стратегического характера соображений имели место и мотивы субъективного порядка. П.Страсбург сообщал своему правительству, что султан Мурад IV особую ненависть питает к полякам, которым хотел бы отомстить за прежние неудачи⁸³. Теперь, когда Речь Посполитая оказалась в тяжелом положении из-за войны с Россией, появилась возможность реванша.

Означали ли, однако, приведенные выше факты, что, отказываясь от прежней осторожной политики, Порты готова была теперь начать большую войну в Европе? Ряд обстоятельств говорит против такого заключения. Положение Османской империи после прекращения смут в Стамбуле не улучшилось. Напротив, летом 1633 г. началось наступление иранских войск, и в итоге сам великий везир, собрав все имевшиеся в его распоряжении войска, в октябре 1633 г. отбыл на иранский фронт. Но военную кампанию зимой 1633/34 гг. начать не удалось, так как вспыхнули волнения в войсках, недовольных выплатой жалованья в плохой монете⁸⁴. В таких условиях османское правительство вряд ли могло пойти на большую войну на другом фронте. Поэтому скорее имелось в виду желание воспользоваться трудным положением Речи Посполитой и вынудить ее к заключению выгодного для Османской империи мира с помощью угрозы силой, не прибегая к войне. Исследователь, изучавший сведения источников о набеге Абазы, отметил, что бей Силистрии очень медленно двигался со своим войском к южной

границе Речи Посполитой и быстро отступил после первых столкновений с польскими войсками⁸⁵. Эти особенности его действий вполне объяснимы, если речь шла не столько о нападении, набеге, сколько о попытке давления на другую сторону. Такая же ситуация повторилась и в 1634 г., когда в течение всего лета у южных границ Речи Посполитой постепенно накапливались османские войска⁸⁶.

Для осуществления такого плана было необходимо, чтобы война между Россией и Речью Посполитой продолжалась. Однако своим поведением в предшествующий период османы сами способствовали тому, что в то время, когда султан собрался в поход, в Москве уже не надеялись на серьезную помощь с османской стороны. Нападения татар осенью 1632 г. вызвали здесь острую реакцию, но после разъяснения Ф.Кантакузина, рассматривались как результат самовольных действий крымского хана. В связи с этим царь и патриарх Филарет потребовали сместить хана Джанибек-Гирея⁸⁸. Достаточно необычное для практики русско-османских отношений это требование было выдвинуто, как представляется, чтобы вынудить, насколько серьезно Порту заинтересованную в сотрудничестве с Россией. По-видимому, по соображениям престижа в Стамбуле под разными предлогами уклонялись от его выполнения⁸⁹, а весной 1633 г. произошло новое нападение татар. Ознакомившись с донесениями своих послов из Стамбула, русские политики могли установить, что это нападение произошло после того, как зимой 1633 г. великий везир и муфтий их заверяли, что татарам запрещено нападать на Россию⁹⁰. Все это, как и поведение османов в 1630 — 1631 гг., разумеется, не могло вызвать в Москве большого доверия к османским предложениям. Хотя попытки побудить Порту к выступлению предпринимались вплоть до начала 1634 г.⁹¹, русское правительство, потерпев неудачу под Смоленском и не получая помощи от возможных союзников, поспешило заключить мир с Речью Посполитой. Угрожающее поведение османов и их военные демонстрации у южных границ Польши в известной мере облегчили русским попытки достижения поставленной цели.

Знакомство с материалами переписки короля Владислава IV и находившегося на южной границе гетмана С.Конецпольского показывает, что с лета 1633 г. поведение османов стало вызывать все большее беспокойство польских правящих кругов. Уже в то время они нашли нужным направить на юг часть войск, собранных для московского похода⁹². К концу осени им стало известно о походе османов, который намечен на весну 1634 г.⁹³. В марте 1634 г. гетман официально объявил о сборе войск для войны с Османской империей⁹⁴. Все это, несомненно, побудило польское правительство быстрее положить конец войне с Россией⁹⁵. Мирный договор был подписан в начале июля 1634 г. Заключение мира существенно изменило всю сложившуюся ситуацию. Речь Посполитая не только избавилась от войны, но и сумела к тому времени, когда османские войска подошли к ее южной границе, собрать здесь довольно значительные силы.

В этих условиях трудно было ожидать, что от Речи Посполитой удастся чего-либо добиться давлением и угрозами, а вступить в военный конфликт значило поставить под вопрос планы успешного завершения войны с Ираном. Османские сановники теперь были озабочены тем, чтобы убедить султана отказаться от задуманного похода и побудить польскую сторону к небольшим уступкам (например, срытие ряда укрепленных поселений на границе), которые позволили бы султану выйти из положения, представив новое соглашение как свою победу. Такому урегулированию конфликта способствовал прибывший в это время в Стамбул австрийский посол Пуххейм⁹⁶. Как и следовало ожидать, новый польско-османский мирный договор воспроизводил в основном прежние соглашения между обоими государствами⁹⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что в условиях продолжавшейся войны с Ираном и внутренних волнений Османская империя по отношению к восточноевропейскому региону вынуждена была ограничиться защитой уже завоеванных позиций. Задача эта не была особенно трудной, так как усиление враждебности между восточноевропейскими странами после польско-литовской интервенции в России устраняло возможность их совместного выступления против османов. Русское правительство даже искало в Стамбуле поддержки против Речи Посполитой, которую сковывал длительный и неудачный конфликт со Швецией. Такая ситуация объективно создавала предпосылки не только для сохранения, но и для укрепления османских позиций в Восточной Европе, тем более, что главные противники на Западе (Габсбурги) были существенно ослаблены борьбой со своими европейскими соперниками. Все эти факторы не могли не учитываться османскими политиками, но империя была не в состоянии использовать их в своих интересах. Планы государств и политических сил, рассчитывавших на активное вмешательство Османской империи в европейские дела, оказались в конце концов несостоятельными. Кризис, который продолжала переживать империя, отразился не только на осторожном, выжидательном характере ее внешней политики, не выходявшей за рамки военных демонстраций. Он проявился также в очевидном ослаблении контроля над Крымом и в том, какие серьезные усилия пришлось затратить этой державе для борьбы с казаками — единственной силой, нарушавшей в эти годы сложившуюся в Восточной Европе систему отношений.

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948. С. 99—100.

² Зимой 1623/24 г. его посланец сообщил шаху, что, несмотря на требования султана, татары не примут участия в войне с Ираном.—*Bellan L.L. Chah Abbas I. Sa vie, son histoire. Paris, 1932. P. 270.*

- ³ По свидетельству английского посла Т. Ро ему ставится в вину отказ выслать войска на «азиатскую войну» (*The Negotiations of sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte. London, 1740. P. 241*).
- ⁴ *Новосельский А.А.* Борьба... С. 111—113; *Грушевський М.С.* Історія України—Руси. Т. VII. Київ—Львів, 1909. С. 513 —515.
- ⁵ AGAD. Libri legationum. Т. 30. К. 15—18.
- ⁶ *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 517 и сл.
- ⁷ *Roe T.* The Negotiations... P. 245, 315, 319.
- ⁸ *Новосельский А.А.* Борьба... С. 113.
- ⁹ *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. М., 1978. С. 112.
- ¹⁰ *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. Київ—Львів, 1913. С. 30—31.
- ¹¹ *Roe T.* The Negotiations... P. 509.
- ¹² О времени отправки посольства см.: РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1627 г. № 1. Л. 269.
- ¹³ Там же. Кн. 5. Л. 51.
- ¹⁴ Там же. 1627 г. № 1. Л. 316.
- ¹⁵ Там же. Лл. 268—269.
- ¹⁶ Там же. Лл. 296—298.
- ¹⁷ *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 24—25. Проект договора опубликован: *Статевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. Приложение № XX. С. XL —XLII.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 89, 1627 г. № 1. Л. 319.
- ¹⁹ *Bellan L. L.* Chah Abbas I... P. 275, 286.
- ²⁰ *Новосельский А.А.* Борьба... С. 120—121; *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 46—49.
- ²¹ KDT. № 270.
- ²² *Новосельский А.А.* Борьба... С. 136—137; *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 55 и сл.; 65 и сл.
- ²³ KDT № 269.
- ²⁴ О таком понимании ситуации говорят отзывы самих польских политиков. См.: *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 52—53.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 89. 1627 г. № 1. Лл. 239, 320.
- ²⁶ Там же. Лл. 249—350.
- ²⁷ *Hering G.* Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik. 1620—1638. Wiesbaden, 1968. S. 212.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 40. Сношения России с Венгрией. 1630 г. № 3. Лл. 86—90. См. также: *Шушарин В.П.* Русское государство и Трансильванское княжество в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 61— 62.
- ²⁹ О расчетах трансильванского князя на запорожских казаков см.: *Крип'якевич І.* Козаччина в політичних комбінаціях 1620—1630 гг. // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Т. 117—118. Львів, 1913. С. 75 и сл.

- ³⁰ Важный материал о настроениях и планах оппозиционных по отношению к Сигизмунду III магнатов сравнительно недавно введен в оборот в книге «Spisek orleanski» w latach 1626—1628. Opr. U. Augustyniak, W. Sokolowski. W., 1990.
- ³¹ *Wibling G.* Sveriges forhelande till Siebenburgen (1623 —1648). Lund, 1890. P. 32.; *Hering G.* Op. cit. S. 214—215, 221—222.
- ³² РГАДА. Ф. 40, 1630 г. № 3. Лл. 18—21.
- ³³ Там же. Л. 85.
- ³⁴ Там же. Л. 90.
- ³⁵ В этом убеждает сопоставление его предложений, как они изложены в донесениях голландского посла К. Хаги (*Hering G.* Op.cit. S. 215), и обещаний, которые дал Беллену в июне 1629 г. каймакам Реджеп-паша (РГАДА. Ф. 40, 1630 г. № 3. Лл. 93 —99).
- ³⁶ См. об этом: *Шушарин В. П.* Русское государство... С. 50 и сл.
- ³⁷ Там же. С. 53—54.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 40. 1630 г. № 1. Лл. 172—174.
- ³⁹ Там же. 1630 г. № 3. Лл. 110—114.
- ⁴⁰ См. об этом в грамоте Мурада IV, привезенной Ф. Кантакузиным: РГАДА. Ф. 89, 1630 г. № 1. Лл.17—21.
- ⁴¹ Об этих переговорах см.: *Новосельский А. А.* Борьба... С. 170 —172.
- ⁴² См. об этом подробнее: *Флоря Б. Н.* Русско-османские отношения и дипломатическая подготовка Смоленской войны // ССЛ. 1990. № 1. С. 20—21.
- ⁴³ *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanisches Reiches in Europa. Th. 4. Gotha, 1856. S. 136—149.
- ⁴⁴ См. инструкции послу Сигизмунда III А. Пясечинскому от мая 1630 г.: *Źródła do dziejów polskich.* Wyd. M. Malinowski, A.Przdzdziecki. Т. II. Wilno, 1844. S. 193—194.
- ⁴⁵ См. текст отчета А. Пясечинского о поездке в Стамбул: *Trzy relacje z polskich podróży na wschód muzulmanski w pierwszej połowie XVII wieku.* Kraków, 1980. S. 52.
- ⁴⁶ *Trzy relacje...* S. 51. См. также письма Муртазы С. Концепольскому от июня 1630 г.: КДГ. № 279—280.
- ⁴⁷ *Trzy relacje...* S. 74, 83.
- ⁴⁸ *Azaz my nie wiemy, zescie wy o rebelija krolowi i o wiare niez nas sie z Kozaki bieli?* (*Trzy relacje...* S. 64).
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом, 1631 г. № 1. Л. 190.
- ⁵⁰ *Zinkeisen J. W.* Op. cit. th. IV. S. 140.
- ⁵¹ Подробнее о московско-османских переговорах в Стамбуле в 1630—1631 гг. см.: *Флоря Б. Н.* Русско-османские отношения... С. 25.
- ⁵² *Zinkeisen J. W.* Op. cit. th. IV. S. 139—149; *Hammer J.* Histoire de l'empire Ottoman. Т. IX. Paris, 1837. p. 169—183.
- ⁵³ *Hering G.* Őkumenisches patriarchat... S. 208.
- ⁵⁴ О проезде крымских послов через Россию в Швецию см.: РГАДА. Ф.96. Сношения России со Швецией. 1629 г. № 1. Лл. 3, 53; № 4. Лл. 1—8; о пребывании послов в Швеции см.: 1630 г. № 4. Лл. 12—13, 50.
- ⁵⁵ *Norman D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under tyska kriget (1630—1632). Uppsala, 1943. P. 17.

- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 96. 1630 г. № 4. Лл. 52—53.
- ⁵⁷ Там же. № 5. Лл. 1 и сл.
- ⁵⁸ *Wejle G. Sveriges politik mot Polen (1630—1635)*. Uppsala, 1901. P. 10—11; *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 295—296.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 96. 1632 г. № 3. Лл. 41, 69 и сл.
- ⁶⁰ *Wejle G.* Оp. cit.. P. 10—11; *Поршнев Б. Ф.* Указ.соч. С. 240, 385.
- ⁶¹ *Meienberger P. Johann Rudolf Schmid zum Schwarzenhorn, als Kaiserlicher Resident in Konstantinopel in den Jahren 1629—1643.* Frankfurt/M, 1973. S. 91, 109.
- ⁶² *Meienberger P.* Оp. cit.. S. 109—110.
- ⁶³ О миссии П. Страсбурга и ее результатах см.: *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947. С. 130—132; *Szilágyi S. Georg Rakoczy im Dreissigjährigen Kriege (1630—1640).* Вp., 1883. S. XXI—XXIII; *Hering G.* Оp. cit. S. 235—241.
- ⁶⁴ О миссии П. Страсбурга в 1633г. см.: *Morner M.* Paul Strasburg, ein Diplomat aus der Zeit des Dreissigjährigen Kriege // *Südostforschungen.* München, 1956. Bd. XI. S. 340—341.
- ⁶⁵ Процесс русско-шведского сближения перед Смоленской войной всесторонне рассмотрен в указанном капитальном исследовании Б. Ф. Поршнева.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 89. 1631 г. № 2. Л. 250.
- ⁶⁷ См. об этом подробнее: *Флоря Б.Н.* К изучению русско-османских отношений накануне и во время Смоленской войны // *Études balkaniques.* 1987. № 4. S. 48.
- ⁶⁸ О татарских нападениях в 1632 г. см.: *Новосельский А. А.* Борьба... С. 210—214.
- ⁶⁹ Там же. С. 181—182.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 89. 1632 г. № 6. Лл. 299 и сл.
- ⁷¹ *Новосельский А. А.* Борьба... С. 193—194.
- ⁷² *Varanowski B.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632—1648. Łódź, 1949. S. 18—20.
- ⁷³ *Новосельский А. А.* Борьба... С. 182—183, 193.
- ⁷⁴ Там же. С. 214—216.
- ⁷⁵ Там же. С. 220—221.
- ⁷⁶ *Поршнев Б. Ф.* Указ. соч. С. 377 и сл.
- ⁷⁷ Подробнее о русско-османских отношениях в годы Смоленской войны см.: *Флоря Б. Н.* К изучению...
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 89. 1632 г. № 3. Л. 311.
- ⁷⁹ *Флоря Б.Н.* К изучению... С. 51—52.
- ⁸⁰ *Podhorodecki L.* Najazd Abazy paszy na Polske w 1633 roku // *Studia historyczne.* 1976. z.4.
- ⁸¹ Описание выезда султана на войну см.: РГАДА. Ф. 89. 1633 г. № 3. Лл. 102 и сл.
- ⁸² В грамоте везира Мехмед-паши, врученной патриарху Филарету в январе 1633 г., выражалось удовлетворение тем, «что швейской Густав Адольф король с вами в большой дружбе и в любви» —РГАДА. Ф. 89. 1632 г. № 6. Л. 270.
- ⁸³ *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч. С. 131.
- ⁸⁴ *Zinkeisen J. W.* Оp. cit. Th.4. S. 155—156; РГАДА. Ф. 89. 1633 г. № 3. Лл. 22, 25—26.

- ⁸⁵ Podhorodecki L. Najazd... S. 534—535, 539—543.
- ⁸⁶ Podhorodecki L. Wojna polsko-turecka 1633—1634 rr. // Studia i materiały do historii wojskowości. T. 20. W., 1976. S. 63.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 89. 1633 г. № 2. Лл. 467 и сл.
- ⁸⁸ Флоря Б. Н. К изучению... С. 50.
- ⁸⁹ Новосельский А. А. Борьба... С. 179.
- ⁹⁰ РГАДА. Ф. 89. 1632 г. № 3. Лл. 176, 194. По сведениям гетмана Конецпольского, соответствующие «эмиры» были посланы, но пришли в Крым уже после того, как татарское войско выступило в поход — AGAD. Libri legationum. T. 32. K. 109.
- ⁹¹ Флоря Б. Н. К изучению... С. 50, 52—54.
- ⁹² AGAD. Libri legationum. T.32. K. 99v—104v.
- ⁹³ Wielebska Z. Stanisław Koniecpolski hetman wielki koronny w latach 1632—1646 // Studia historyczne. 1985. № 3. S. 344.
- ⁹⁴ Ibid. S. 345.
- ⁹⁵ Стоит отметить, что несмотря на удачный для поляков ход войны, мирные переговоры были начаты по их инициативе. См.: Czaplinski W. Władysław IV i jego czasy. W., 1972. S. 162.
- ⁹⁶ Hering G. Ökumenisches patriarchat... S. 242—244.
- ⁹⁷ KDT. Cz.1. № 310.

МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В ОТНОШЕНИЯХ СТРАН РЕГИОНА С ОСМАНАМИ (1618—1634 гг.)

Тридцатилетняя война внесла существенные изменения в расстановку политических сил в Восточной и Юго-Восточной Европе. Осmano-польские отношения, непосредственно влиявшие на внешнеполитическое положение Дунайских княжеств, особенно Молдавии, приобрели важное значение в контексте борьбы между католическим и протестантским лагерями. Речь Посполитая выступила в войне союзницей Габсбургов; Османская империя, установившая мирные отношения с Россией, была на стороне протестантов. Продолжавшееся осmano-польское соперничество за преобладание в Молдавии и Валахии стало составной частью действий, развернувшихся в ходе Тридцатилетней войны.

Несмотря на соглашение 1617 г., напряжение в отношениях Османской империи и Речи Посполитой нарастало. Чтобы покончить с польским влиянием в Молдавии, в феврале 1619 г. Порта утвердила господарем на престоле в Яссах Гаспара Грациани. Но ставленнику османов не удалось добиться поддержки молдавского боярства. Отсутствие опоры внутри княжества и конфликт с трансильванским князем Габором Бетленом заставили Грациани пойти на союз с Польшей. Пе-

реориентация Грациани давала Речи Посполитой возможность попытаться вновь вернуть Молдавию в сферу своего влияния.

Когда в августе 1620 г. султан принял решение о смещении Грациани с молдавского престола, польские войска под командованием гетмана Жолкевского, перейдя 4 сентября Днестр, вступили на территорию княжества. Грациани с небольшим отрядом наемников прибыл в польский лагерь. Встреча польских войск с султанской армией произошла 18 сентября у Цуцоры. Превосходившие своей численностью силы Искендер-паши почти полностью уничтожили отряды Жолкевского, сам гетман погиб в бою. Грациани и несколько магнатов в сопровождении небольшой группы своих вооруженных сторонников бежали из польского лагеря. Грациани был убит боярами, часть поляков погибла от рук татар или утонула в реке Прут ¹.

Поражение польских войск у Цуцоры временно склонило баланс сил в пользу Порты. Османы укрепили свое господство в Молдавии. Новый господарь Александр Илиаш, окруживший себя греками-фанариотами и турками, был послушным султану ². Речь Посполитая в условиях войны со Швецией не могла ответить османам ничем, кроме как предоставить свободу действий казакам, которые зимой и весной 1621 г. предприняли нападения на татарские и турецкие территории ³.

Османо-польская военная конфронтация усиливалась. В конце апреля 1621 г. Порты объявила войну Речи Посполитой. Огромная турецко-татарская армия во главе с султаном Османом II двинулась к крепости Хотин, где укрепился с войсками гетман Ходкевич.

Несмотря на начавшуюся военную кампанию османов, молдавский и валашский господари предпринимали посреднические усилия по урегулированию конфликта. Проявленная в этом направлении активность господаря Молдавии Илиаша при польском дворе завершилась появлением в Стамбуле посла Речи Посполитой ⁴. Но в это время произошли первые османо-польские столкновения, и посол вернулся ни с чем.

В начале сентября развернулось сражение под Хотином. На помощь польской армии прибыли отряды казаков под командованием гетмана Сагайдачного. Осада Хотина султанскими войсками затянулась; в османском лагере возникло недовольство в связи с безуспешностью военных действий. Испытывала трудности и Речь Посполитая в условиях шведской интервенции в Пруссии. Эти обстоятельства способствовали успеху османо-польских переговоров, которые велись при посредничестве валашского господаря Раду Михни приверженцами мирного разрешения конфликта с обеих сторон ⁵.

После того, как 17 сентября великий везир Хусейн-паша был замещен Дилавер-пашой, переговоры приобрели официальный характер и завершились подписанием 9 октября 1621 г. двустороннего соглашения. По его условиям стороны обязывались взаимно сдерживать нападения татар и казаков на свои территории. Молдавии возвращался Хотин; при назначении господаря на яский престол должно было учитываться его дружеское расположение к Польше. За польской сторо-

ной сохранялось обязательство доставлять ежегодные дары крымскому хану ⁶.

Хотинское соглашение как бы подводило итог польско-османскому соперничеству в первые десятилетия XVII в. Но оно не разрешило главной проблемы в противоречиях между Речью Посполитой и Портой—проблемы преобладания в Дунайских княжествах, в первую очередь в Молдавии. Каждая сторона трактовала Хотинское соглашение, исходя из своих интересов. Польша воспринимала его как возобновление прежних договоров с османами и, следовательно, сохранение традиционной политики в отношении княжеств. Порта не могла отступить от своих позиций в Молдавии и Валахии и исключала какое бы то ни было польское вмешательство в их дела. В 1621 г. султан утвердил на яском престоле Стефана Томшу, считавшегося противником Польши.

После отступления османских войск из-под Хотина напряженность в отношениях между сторонами не спала. Положение осложнялось постоянными набегами казаков и татар. Польша продолжала концентрировать военные силы на Днестре.

Томша, предвидя трудности для княжеств в случае продолжения войны, начал посредничать в затянувшихся переговорах между Портой и Речью Посполитой по заключению договора ⁷. Предметом спора между сторонами был вопрос о занятии молдавского престола. Польша претендовала на участие в согласовании кандидатуры господаря. Порта настаивала на лояльности Томши по отношению к Польше.

Исходя из своего толкования Хотинского соглашения, Польша пыталась восстановить свое влияние в Молдавии. 15 октября 1622 г. король просил Порту о передаче престола в Яссах Петру Могиле, находившемуся под покровительством польской короны ⁸. Посол Речи Посполитой в Стамбуле К.Збаражский выдвинул в качестве условия завершения переговоров устранение Томши с молдавского престола и удаление с территории устья Дуная отрядов буджакских татар во главе с пашой Кантемиром⁹. Но Порта категорически отвергла эти притязания польской стороны ¹⁰.

Одновременно с К.Збаражским в османской столице находился и посол России, который пытался склонить Порту к общим действиям против Польши¹¹. В этом же направлении при поддержке константинопольского патриарха Кирилла Лукариса действовали посланцы Габора Бетлена, стремившегося вовлечь османов в Тридцатилетнюю войну и получить их поддержку в планах овладения польской короной ¹².

Новая война с Ираном и складывавшаяся в ходе Тридцатилетней войны международная ситуация оказали влияние на позицию Порты в переговорах с Речью Посполитой. В подписанном в феврале 1623 г. султаном Мустафой I тексте польско-османского договора были сделаны существенные уступки Польше. Так, в отличие от прежних договоров и Хотинского соглашения 1621 г. здесь отсутствовал пункт о запрете польского вмешательства в дела Дунайских княжеств, в то же вре-

мя предусматривались дружественные отношения молдавских господарей с королями Речи Посполитой, запрещалось расположение татар на территории княжества.

В условиях возникших осложнений с Австрией вследствие антигабсбургских действий трансильванского князя более важное значение Порты придавала статье договора, исключавшей для польского короля и его подданных возможность оказывать помощь врагам султана; подчеркивалась обязанность короля иметь дружественные отношения с Бетленом и сохранять нейтралитет в отношении Трансильвании¹³. Совершенно очевидно, что османы пытались воспрепятствовать польско-габсбургскому союзу в случае возможного военного конфликта с Австрией. Но внешнеполитические интересы толкали Речь Посполитую к сближению с Габсбургами. Поэтому польская сторона сразу же отвергла эту статью договора и настаивала на ее исключении из текста¹⁴.

Порта, хотя и настаивала на сохранении статьи, стремилась разрешить затянувшиеся разногласия мирным путем. Татарское нападение на польские территории в начале 1623 г. было решительно осуждено, хан Джанибек-Гирей был заменен Мехмед-Гиреем, считавшимся сторонником Польши, с поручением строгого соблюдения условий договора¹⁵. Уступкой Польше было и устранение Стефана Томши с молдавского престола¹⁶. В какой-то мере отношение Порты к Речи Посполитой в это время сказалось и на смещении в результате интриг иезуитов весной 1623 г. с патриаршего престола Кирилла Лукариса, сторонника антипольских проектов и вовлечения османов в Тридцатилетнюю войну¹⁷. Оказало влияние и осложнение отношений с Габсбургами, хотя Порта и колебалась со вступлением в конфликт Трансильвании с ними.

Новый текст договора, подписанный султаном Мурадом IV 10 октября 1623 г. и переданный польской стороне, сохранял спорную статью уже в измененной редакции. Было исключено условие о поддержке Габора Бетлена, а дружественные отношения молдавских господарей с польской короной обуславливались ее дружбой с Портой. Уступки Польше и в то же время смягчение антигабсбургских формулировок позволили османам разрядить напряженность в отношениях с Речью Посполитой и с Габсбургами. В конце 1623 г. в Стамбул прибыл австрийский посол, а направленный в Варшаву чауш Абди вернулся с утвержденным польской стороной договором и королевским послем.

Мирная позиция Порты в европейской политике была вызвана внутренним кризисом в самой Османской империи и возобновлением в начале 1624 г. тяжелой затянувшейся войны с Ираном. В этих условиях существенно возросла роль Крымского ханства. Хан Мехмед-Гирей, вопреки ожиданиям, был настроен против Польши. Бетлену удалось склонить хана на свою сторону и заручиться его поддержкой в антипольских действиях. Участились набеги ногаев на польские земли. Летом 1624 г. предводитель буджакских татар паша Кантемир предпри-

нял крупный набег на земли Речи Посполитой. Последовало ответное нападение казаков, достигших даже берегов Босфора¹⁸.

Обострение крымско-польских отношений не отвечало интересам Порты. Между тем хан и Кантемир-паша стремились показать, что они действуют в соответствии с планами османов¹⁹. Также и нападения казаков не отвечали намерениям Польши, заинтересованной в избежании конфликта с Османской империей.

Недовольство антипольскими акциями Мехмед-Гирея в значительной мере определило решение султана о его замене на ханском престоле Джанибеком-Гиреем, хотя в турецких хрониках в качестве причины этого решения указывается боязнь Порты возможного союза Крыма с Ираном. Действительно, такие опасения в османских правящих кругах имели место. Они усилились после возвращения из Ирана Шахин-Гирея, брата Мехмеда, и отказа хана послать 10-тысячное войско для участия в антииранской экспедиции великого везира²⁰.

Назначение Джанибека-Гирея встретило в Крыму оппозицию. Братья Мехмед и Шахин организовали силы и получили помощь запорожских казаков. Порте пришлось направить в Каффу военные силы во главе с адмиралом Реджеп-пашой.

События, связанные с утверждением в Крыму ставленника османов, непосредственно влияли на положение Дунайских княжеств. Еще с конца 1623 г. молдавский господарь Раду Михня, основываясь на условиях осmano-польского договора, добивался отступления с территории устья Дуная отрядов буджакских татар во главе с Кантемир-пашой, поскольку их нападения на польские земли считал причиной концентрации Речью Посполитой сил на границах с Молдавией²¹. Возникновение османско-крымского конфликта осложнило положение Молдавии и Валахии. В складывавшейся ситуации Раду Михня стремился заручиться поддержкой Польши²².

После поражения османских сил при Каффе в августе 1624 г. и восстановления правления Мехмеда и Шахина Гиреев в Крыму многочисленные татарские отряды подвергли разорению всю Молдавию, большую часть восточной Валахии и турецкие крепости на Дунае. В венецианском рапорте от 1 октября 1624 г. говорится о нападении 12 тыс. татар во главе с Шахин-Гиреем на Молдавию и Валахию²³.

Предпринятая Шахином атака на Дунайские княжества и другие османские территории преследовала, скорее всего, политические цели. Об этом говорит стремление крымских братьев устранить с яесского престола Раду Михню как верного подданного султана. В корреспонденции из Фэгэраша от 15 марта 1625 г. отмечалось, что татарское разорение Молдавии и Валахии было предпринято с намерением подчинить их²⁴. Во всяком случае эта акция Крыма должна была продемонстрировать стремление к независимости и созданию собственной зоны влияния.

Неудача экспедиции Реджеп-паши заставила Порту смириться с восстановлением на ханском престоле в Крыму Мехмед-Гирея²⁵. Что-

бы закрепить свои позиции Мехмед и Шахин Гирей установили отношения с Речью Посполитой и предложили польскому королю создать антиосманскую коалицию с привлечением России, Ирана и Молдавии. Но в условиях нарастающей угрозы со стороны Швеции Польша не хотела открыто нарушать мирные отношения с османами. В то же время она была заинтересована в вовлечении Крыма в орбиту своего влияния, поэтому согласилась на крымско-запорожский союз, заключенный 24 декабря 1624 г. Имея в виду свои планы в Молдавии, Речь Посполитая склонила также и Раду Михню на сторону крымского хана. Источник начала 1625 г. упоминает о принесении молдавским и валашским господарями «даров» крымским братьям²⁶. Возможно, что между Радой Михней и Шахин-Гиреем существовало соглашение. Во всяком случае, можно определенно говорить о заинтересованности сторон в этом. Михня хотел укрепить власть в Молдавии и защитить престол своего сына в Валахии. Для Шахина было важно вовлечение Дунайских княжеств в сферу политических интересов Крымского ханства, а также возможность использования их материальных ресурсов. Разумеется, все это могло осуществляться сторонами в условиях крымско-польских мирных отношений, имевших антиосманскую направленность, которая проявилась, в частности, в изгнании с территории устья Дуная весной 1625 г. отрядов буджакских татар во главе с Кантемир-пашой, связанным со Стамбулом — врагом хана и Речи Посполитой²⁷.

Действия Крыма вызывали османо-польскую напряженность, что осложняло общую обстановку в регионе. Складывавшаяся ситуация создавала трудности в положении Рады Михни. Его отношения с Польшей и сближение с крымскими правителями были использованы против него Бетленом. Обвиняя молдавского господара в тайных планах, направленных против османов, князь Трансильвании домогался у Порты свержения Михни. Действительно, господарь Молдавии информировал Польшу о намерениях османов и Крыма, в частности, о военных приготовлениях Порты против казаков, продолжавших в нарушение договора нападения на турецкие территории²⁸.

В феврале 1626 г. была предпринята большая экспедиция татар во главе с Мехмед-Гиреем. Но действия крымского хана направлялись не столько против казаков, сколько против Польши и преследовали цели обострения османо-польских противоречий. Мехмед и Шахин Гирей, маневрируя между Портой и Польшей, стремились спровоцировать конфронтацию между ними. Сообщая польским властям, что они выступили в поход по приказу султана, крымские правители хотели, с одной стороны, показать верность османам, с другой — сохранить отношения с Польшей, направив ее недовольство против Порты.

В ходе кампании татары не тронули Молдавию, но в княжестве существовало беспокойство²⁹, которое усилилось в связи со смертью Рады Михни. В кругах европейских дипломатов в османской столице

появились слухи о возможном крымском кандидате на молдавский престол³⁰. Путем уплаты большой суммы мукарера пропольской партии бояр удалось добиться у Порты утверждения господарем в Яссах Мирона Барновского, выдвижение которого позволяло Молдавии сохранять отношения как с Польшей, так и с Крымом³¹.

С началом летом 1626 г. войны Швеции против Польши и датским вторжением в Германию активизировался Бетлен, начавший осенью того же года вместе с бейлербеем Буды Муртазой-пашой вооруженные антигабсбургские действия в Венгрии, сопрягавшиеся с планами протестантских сил в ходе Тридцатилетней войны. Швеция через трансильванского князя стремилась установить более тесные отношения с Портой и попытаться склонить ее к выступлению против габсбургского блока или хотя бы к организации татарской атаки на Польшу. Напряженность в отношениях с Австрией и непрекращавшиеся набеги казаков подталкивали османов к осуществлению этой акции. Осенью 1626 г. было предпринято нападение татар на польские земли, закончившееся, однако, провалом. Татарские отряды в ходе отступления подвергли разорению Молдавию.

Османо-габсбургские переговоры в начале 1627 г. расстроили протестантские планы в отношении Порты, которая предпочитала решить польскую проблему, используя занятость Речи Посполитой в войне со Швецией. Чтобы покончить с постоянными нападениями казаков, Порта решила по совету Мехмеда и Шахин Гиреев построить укрепления в устье Днепра с целью блокировать выход судов в Черное море. Предложение крымских братьев исходило, однако, из политики провоцирования османо-польского конфликта³². В устье Днепра направлялись морские и сухопутные силы во главе с адмиралом Хасан-пашой. Мехмед и Шахин Гирей должны были приготовить часть строительных материалов, но главным образом — обеспечить безопасность строительных работ.

Обязанности по обеспечению строительства укреплений ложились также на Молдавию и Валахию. Княжества должны были поставлять материалы, продовольствие, направлять людские резервы в распоряжение Хасан-паши. В то же время возможность возникновения османо-польско-татарского военного конфликта в результате осуществления этого строительства обеспокоила господарей княжеств, особенно Мирона Барновского. Связанный тесными отношениями с польскими магнатами, Барновский, конечно, хорошо понимал, что Речи Посполитой в условиях войны со Швецией невыгодна конфронтация с Портой. Молдавский и валахский господари сознательно затягивали выполнение полученных из Стамбула поручений в связи с планируемым строительством в устье Днепра³³. Между тем Барновский, понимая реальные стремления Порты и Польши избежать конфронтации, стал посредничать в устранении напряженности между сторонами.

Отказ Мехмеда и Шахина Гиреев летом 1627 г. от работ по строительству и попытка начать военную кампанию против Польши скло-

нили Порту к тому, чтобы оставить планы сооружения крепостей на Днестре и включиться в посреднические переговоры Барновского. К осени 1627 г. напряженность в османо-польских отношениях была снята. Был восстановлен мир с Габсбургами, означавший принятие Портой позиции нейтралитета в отношении Тридцатилетней войны.

Между тем активизировался предводитель буджакских ногаев Кантемир-паша, который, используя недоверие Порты к Мехмеду и Шахину Гиреям, стремился дискредитировать их, предлагал султану услуги по устранению братьев от управления Крымом. Весной 1628 г. Кантемиру при поддержке Порты удалось добиться победы над силами Шахина, атаковавшими Буджак; султан назначил на ханский престол Джанибека-Гирея.

Борьба между крымскими братьями, получившими помощь казаков, и Кантемиром, поддерживаемым Портой, вновь поставила под угрозу османо-польский мир. В сложившейся международной ситуации в Европе Речь Посполитая не могла допустить разрыва договора с Османской империей, поэтому переговоры Шахина с польским двором о поддержке братьев не имели успеха.

Возвращение ногаев в Буджак и установление влияния Кантемира в зоне устья Дуная вызвали озабоченность господаря Молдавии. Барновский учитывал, что Кантемир со своими отрядами не только угрожали постоянными нападениями на княжество, но и представляли инструмент османского политического давления. Для молдавского господаря предпочтительнее был польско-крымский союз и вовлечение ханства в сферу влияния Речи Посполитой, что позволило бы обеспечить безопасность границ княжества от набегов татар и в то же время способствовало бы ослаблению османских позиций. Поэтому Барновский оставил свои усилия по предотвращению османо-польской напряженности и стал активно содействовать вовлечению Польши в антиосманские проекты Шахина-Гирея³⁴. Господарь имел связи с крымскими братьями и ходатайствовал при польском дворе об их поддержке³⁵.

Заклучив соглашение с польской стороной и получив помощь казаков, братья пытались устранить Джанибека и вернуть себе ханский престол, а также расправиться с ногайско-османскими силами, поддерживавшими крымского правителя. После неудачной военной экспедиции в Крым в ноябре 1628 г. Мехмед и Шахин Гирей во главе многочисленных казачьих отрядов предприняли летом 1629 г. новый поход, завершившийся полным поражением в сражении под Перекопом; Мехмед погиб, а Шахин был вынужден бежать³⁶.

Барновский, поддерживавший братьев Гиреев и пославший им на помощь молдавские отряды³⁷, был смещен султаном с ясского престола. Очередная попытка восстановления польского влияния в Молдавии закончилась неудачей. Устранение Барновского означало решение Порты не допустить проникновения Речи Посполитой в зону османских интересов.

Ухудшение осmano-польских отношений вследствие событий, связанных с действием крымских братьев Мехмеда и Шахин-Гиреев, а также укрепление в Крыму власти Порты в результате утверждения на ханском престоле Джанибека-Гирея, противника Польши, благоприятствовали планам антигабсбургской коалиции по вовлечению Турции в европейскую войну. Летом 1629 г. Габором Бетленом и его поверенными в Стамбуле предпринимались усилия к тому, чтобы склонить Порту к вступлению в союз против Габсбургов. Но в условиях войны с Ираном Османская империя довольно прохладно отнеслась к возможной активизации своей европейской политики, предоставив при этом татарам свободу действий против Польши.

Предпринятое осенью 1629 г. ногайско-татарское нападение на польские земли потерпело неудачу. Смерть Бетлена (ноябрь 1629 г.) свела на-нет усилия лагеря протестантов по вовлечению османов и татар в европейский конфликт. Швеция заключила с Польшей перемирие. Порта приказала Джанибеку-Гирею участвовать в иранской войне, подтвердив таким образом намерение избежать своего втягивания в европейские противоречия.

Обострение отношений с Габсбургами в связи с назначением нового князя Трансильвании ставило султана перед необходимостью сохранения мира с Польшей. Утвердив на молдавском престоле представителя пропольской партии местных бояр Моисея Могилу, Порта при посредничестве господаря начала переговоры с Речью Посполитой и осенью 1630 г. заключила с ней договор. Османская сторона удаляла татар из Буджака, а Польша отказывалась от какого-либо вмешательства в дела Молдавии, Валахии и Трансильвании³⁸. В письме польскому королю Сигизмунду III от сентября 1630 г. султан настаивал на запрещении вмешательства в дела княжеств, подчеркивая их статус подданства османам³⁹.

Вскоре осmano-польские отношения вновь осложнились. В марте 1631 г. в Стамбул прибыло российское посольство с предложением союза против Польши. Не отказываясь в принципе от предложения, султан предпочел отсрочить его реализацию до разрешения разногласий с Габсбургами и, главное, завершения Багдадской кампании в ходе иранской войны, требовавшей значительных материальных и людских ресурсов⁴⁰. До этого времени широкая свобода действий предоставлялась крымскому хану.

В условиях войны с Ираном Османской империи необходима была безопасность ее европейских владений. Главным фактором, оказывавшим давление на позиции османов в Европе, являлась Польша, которая стремилась установить свое влияние в Дунайских княжествах, в первую очередь в Молдавии, опираясь на пропольски настроенное местное боярство. В 1633 г. молдавские бояре сместили с престола Александра Кокона, проводившего вместе с окружавшими его греками-фанариотами политику ограбления княжества, и возвели в господари вновь Мирона Барновского. Порта усмотрела в этом новую попытку

Речи Посполитой утвердить в Молдавии верного себе правителя, связанного с польскими магнатами. Барновский был вызван в Стамбул и казнен⁴¹.

Весной 1633 г. в османскую столицу прибыло новое русское посольство с предложением антипольского союза⁴². Учитывая состояние войны между Речью Посполитой и Россией, султан решил воспользоваться предложением царских посланцев⁴³, чтобы нейтрализовать планы Польши в отношении османов. В правительственных кругах Стамбула при поддержке шведских дипломатов и константинопольского патриарха активизировались антипольские силы. Осенью 1633 г. под предлогом невыполнения польской стороной обязательств по прекращению набегов казаков и игнорирования пункта соглашения 1630 г. о невмешательстве в дела Дунайских княжеств султан приказал Абазе-паше организовать нападение на польские земли. В октябре османотатарские войска осадили Каменец-Подольск.

С началом антипольских военных действий положение Дунайских княжеств, особенно Молдавии, осложнилось. Господари прибегли к традиционной политике лавирования между Портой и Речью Посполитой. Молдавский господарь Моисей Могила и валашский господарь Матей Басараб как вассалы султана выставили свои отряды, которые, однако, отказались от участия в атаке на Каменец-Подольск⁴⁴. В то же время, сознавая, что поражение Речи Посполитой повлечет за собой ухудшение положения княжеств в системе Османской империи, господари пытались оказать помощь польским войскам. Моисей Могила подослал к Абазе-паше людей с ложными сведениями о подходе большого казацкого войска на защиту осажденного Каменец-Подольска. Абаза, сняв осаду, отошел со своим отрядом от крепости⁴⁵. Это отступление предопределило безуспешный исход предпринятой османами антипольской акции. Моисей Могила был обвинен султаном в соглашении с поляками и смещен с яского престола. Весной 1634 г. Порта назначила господарем Молдавии Василия Лупу.

Напряжение в османо-польских отношениях усилилось. Имея в виду занятость Польши в войне с Россией и предложения царских посланцев о союзе, султан Мурад IV был готов начать военные действия. 8 апреля 1634 г. он направил ультимативное письмо королю Владиславу IV. В нем подчеркивалось, что Молдавия и Валахия являются частью османских владений. В качестве условия возобновления мирных отношений выдвигались требования разрушения польских военных укреплений на османских границах, контроля за действиями казаков и регулярности обычных даров крымскому хану⁴⁶.

Ультиматум султана сразу же был смягчен реалистичным подходом к сложившейся ситуации со стороны Порты: в письмах великого везира королю и канцлеру выражалось желание избежать конфликта, хотя он и настаивал на признании выдвинутых султаном условий⁴⁷. Перспектива антипольской войны не устраивала и крымского хана⁴⁸. Польша также стремилась избежать вооруженного конфликта, но в то

же время отвергала османские условия. Обеспокоенная осложнением отношений с Портой, она поспешила в июле 1634 г. заключить мир с Россией. Это известие было передано Мураду IV молдавским господарем Василием Лупу, активно посредничавшим в урегулировании осmano-польского конфликта. Заключение русско-польского мира заставило султана отказаться от планов войны против Польши, но при этом предоставить везиру Муртазе неограниченные полномочия в разрешении возможных конфликтных ситуаций между сторонами.

Результатом осmano-польских переговоров 1634 г. было ахднаме султана Мурада IV⁴⁹. Оно основывалось на прежних договорах с Польшей, учитывало также пункты соглашения османского посла Шахин-аги с поляками от августа 1634 г. Однако существовали и новые принципиальные акценты. Так, ежегодные дары Польши Крымскому ханству считались не просто выкупом мира, но и платой за военную помощь, которую хан должен был оказывать королю в случае необходимости. Это означало, что Порта сохраняла за Крымом свободу в осуществлении давления на Польшу, чтобы препятствовать нападениям казаков и противодействовать польским планам укрепления влияния в Дунайских княжествах.

Статьи, относящиеся к Молдавии и Валахии, утверждали исключительное господство Порты, запрещавшее какое-либо вмешательство извне в их дела. Существующее в историографии мнение, что по договору 1634 г. господаи княжеств назначались султаном по рекомендации или с учетом пожеланий польского короля⁵⁰, ошибочно. Ни осmano-польское соглашение от августа 1634 г., ни ахднаме от 23 октября, как и переписка османских чиновников с польской канцелярией в это время, таких условий не содержат⁵¹.

Утверждавшееся в исторической литературе мнение основывается на западных источниках, отражавших претензии поляков. Действительно, после заключения мира с Россией и отказа султана Мурада IV от военной экспедиции против Польши, польская сторона стала выдвигать требование признания права короля на рекомендацию при назначении молдавских господарей, возвращения Хотина с прилегающей территорией, угрожая в противном случае нападением на Молдавию⁵². Эти претензии были категорически отвергнуты Портой.

Текст ахднаме 1634 г. исключал какое-либо возможное вмешательство Польши в дела Молдавии и Валахии. В то же время, желая избежать войны, султан отказался от требования о разрушении польских укреплений на османских границах и обязался вывести ногайских татар из Буджака.

Учитывая реальное соотношение сил в регионе, польский король был вынужден принять османские условия. Договор 1634 г. закрепил приоритет Порты в соперничестве с Польшей за преобладание в Дунайских княжествах.

- ¹ *Prohaska A.* Hatman Stanislas Zolkiewski. W., 1927; Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 191.
- ² DR. Vol. XV/2. P. 895.
- ³ Ibid. Vol. IV/2. P. 390—391.
- ⁴ DR. Supl. II. Vol. 2. P. 509—515.
- ⁵ *Gemil T.* Țările Române în contextul politic internațional (1621—1672). Buc., 1979. P. 46.
- ⁶ DR. Supl. II. Vol. 2. P. 429—433.
- ⁷ *Bejenaru N.C.* Ștefan Tomșa II (1611—1616; 1621—1623) și rivalitatea turco-polonă pentru Moldova. Iași, 1926. P. 86.
- ⁸ DR. Supl. II. Vol.2. P. 524—525.
- ⁹ Ibid. Supl. I. Vol.1. P. 194—195.
- ¹⁰ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948. С. 106.
- ¹¹ Там же. С. 104—105.
- ¹² DR. Supl. I. Vol.1. P. 199, 201, 203.
- ¹³ Текст договора см.: KDT. S. 246—248.
- ¹⁴ DR. Supl. I. Vol.1. P. 206—207, 209—210, 214—215, 219.
- ¹⁵ Ibid. P. 207, 209, 210.
- ¹⁶ Ibid. P. 223.
- ¹⁷ *Gemil T.* Țările Române... P. 53.
- ¹⁸ Ibid. P. 54—55.
- ¹⁹ KDT. S. 255—256.
- ²⁰ *Gemil T.* Țările Române... P. 55—56.
- ²¹ DR. Vol. IV/2. P. 403.
- ²² Ibid. Vol.II/2. P. 525—528.
- ²³ Ibid. Vol. IV/2. P. 404; В румынской историографии эти разорения приписывают буджакским отрядам Кантемир-паши (*Gemil T.* Țările Române... P. 57).
- ²⁴ Acte și fragmente. Vol.I. P. 64.
- ²⁵ DR. Vol. IV/2. P. 405.
- ²⁶ Hurmuzaki. Fragmente. P. 100—102.
- ²⁷ DR. Supl. II. Vol.2. P. 530—531.
- ²⁸ *Gemil T.* Țările Române... P. 60—61.
- ²⁹ DR. Vol. XV/2. P. 950.
- ³⁰ Ibid. Vol. IV/2. P. 413—414.
- ³¹ *Gemil T.* Țările Române... P. 63.
- ³² Ibid. P. 64—66.
- ³³ DR. Vol. IV/2. P. 416—418.
- ³⁴ *Gemil T.* Țările Române... P. 71—72.
- ³⁵ Veress. Vol. IX. P. 283—284; DR. Supl. I. Vol.1. P. 229.

-
- ³⁶ *Gemil T. Țările Române...* P. 72—73.
- ³⁷ DR. Supl. I. Vol.1. P. 230; Veress. Vol. IX. P. 291.
- ³⁸ Veress. Vol. IX. P. 312—313.
- ³⁹ Ссылку на документ из польского архива см.: *Gemil T. Țările Române...* P. 77.
- ⁴⁰ DR. Vol. IV/2. P. 453; *Флоря Б.Н.* К изучению русско-османских отношений накануне и во время Смоленской войны // *Études balkaniques*. 1987. Nr. 4. S. 48.
- ⁴¹ Очерки внешнеполитической истории... С. 195.
- ⁴² DR. Vol. IV/2. P. 464; Supl. I. Vol.1. P. 232—233.
- ⁴³ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства... С. 167.
Флоря Б.Н. К изучению... С. 50—51, 55.
- ⁴⁴ *Gemil T. Țările Române...* P. 80.
- ⁴⁵ Очерки внешнеполитической истории... С. 196.
- ⁴⁶ *Gemil T. Țările Române...* P. 81.
- ⁴⁷ Ibid. P. 82.
- ⁴⁸ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства... С. 242.
- ⁴⁹ KDT. S. 298—299.
- ⁵⁰ См., например: Очерки внешнеполитической истории... С. 196.
- ⁵¹ *Gemil T. Țările Române...* P. 85.
- ⁵² Veress. Vol. IX. P. 340—341

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
С ОСМАНАМИ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1635— 1648 гг.)**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ.
УСТАНОВЛЕНИЕ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА**

24 октября 1648 г. был, наконец, заключен Вестфальский мир, который положил конец Тридцатилетней войне и наметил основные принципы международных отношений на будущее. Договор не снял противоречий между европейскими державами. Монархи и правительства не спешили распускать армии, поскольку не исключали возможности возобновления войны. Так, в дни подписания Вестфальского договора император Фердинанд III мало полагался на мир, не будучи убежденным в его продолжительности¹. И на самом деле, уже 11 ноября Ламберг² докладывал Тайному совету о том, что по его сведениям, 38 участников конгресса, в том числе, папство, Испания, Бранденбург, Лотарингия, Дания заявят протест по поводу заключительного акта Вестфальского мира³. Кроме того, стало известно, что в те же дни герцог Лотарингский находился на марше в Мюнстер, поставив целью захватить в плен участников конгресса и «таким образом превратить мир в жестокую войну»⁴. Швеция, подписав мир, категорически отказывалась освободить от своих войск захваченные ею территории⁵. Понадобилось еще больше года интенсивных переговоров, пока шведские войска не покинули Германию⁶. В то же время война между Францией и Испанией, вышедшей из Вестфальских мирных переговоров в 1647 г., продолжалась до 1659 г. Несмотря на все сложности, в конечном итоге Вестфальский мир был признан абсолютным большинством участников переговоров.

Путь к миру был долгим и трудным. Первая попытка посадить воюющие стороны за стол переговоров предпринималась по инициативе папы Урбана VIII и Дании еще в 1638 г. Однако предварительные встречи в Кельне ничем не закончились⁷. Лишь в 1640 г. в Гамбурге дипломаты договорились о созыве в марте 1642 г. мирного конгресса в Мюнстере и Оснабрюке⁸. Мирные переговоры между императором и Францией с их католическими союзниками начались в Мюнстере лишь вес-

ной 1644 г., а между императором и Швецией с их протестантскими союзниками в Оснабрюке — годом позже. Но и после съезда дипломатов переговоры долго откладывались из-за выяснения процедурных вопросов, особенно тех, которые касались приоритетов делегаций и полномочий послов.

На Вестфальском конгрессе европейские дипломаты старались договориться о всеобщем христианском вечном мире, т. е. таком мире, который охватывал бы всю Европу, обеспечил бы равновесие между христианскими государствами и надолго исключил бы войну между ними. Это был бы мир в духе концепции одного из основателей науки международного права Гуго Гроция, отстаивавшего принципы мирного сосуществования государств. В нем могли найти место не только великие, но и малые державы, призванные выполнять задачу поддержания требуемого равновесия сил в Европе. Поскольку в Тридцатилетнюю войну так или иначе были втянуты чуть ли не все европейские страны, то все они оказались за столом переговоров. Сам же Вестфальский мир вследствие этого представлял собой результат улаживания противоречий враждующих сторон путем частичных соглашений и договоров, которые нашли отражение в итоговом документе конгресса. Поэтому и сами переговоры о мире были очень продолжительными и трудными.

Уже с начала завершающего периода войны почти для всех становилась все более очевидной ее бесперспективность. Война давно вышла за рамки конфликта между Габсбургами и протестантами Германской империи, приобрела всеевропейский характер. Ее главный вопрос — соперничество между Габсбургами и Францией — решался в комплексе с территориальными и политическими проблемами отдельных государств и регионов и осложнялся фактором присутствия и не прекращавшегося давления Османской империи в Европе. Со вступлением же в Тридцатилетнюю войну в 1635 г. католической Франции на стороне протестантов она утратила какую бы то ни было видимость конфессиональной борьбы, тем более что между императором и сословиями Германской империи в это время наметился путь если не к согласию, то хотя бы к диалогу.

Австрийские Габсбурги все больше теряли вкус к войне. Военные и людские ресурсы были исчерпаны, земли разорены. В условиях, когда в европейской политике осуществлялся переход от средневекового универсализма к системе равноправных, суверенных государств, германский император оказался в наиболее трудном положении. Он выполнял несколько во многом противоречивых функций. Как германский император он должен был заботиться о сохранности империи и своей власти над имперскими сословиями, что все меньше удавалось. Эта линия расходилась с задачами австрийских Габсбургов как владельцев наследственных земель и присоединенных королевств. Но здесь, особенно в Венгрии, централизаторские и абсолютистские устремления Габсбургов наталкивались на упорное сопротивление сословий.

Все большие трудности встречала необходимость поддерживать единство испанской и австрийской ветвей династии. Как глава католического лагеря император должен был отстаивать позиции католицизма и бороться с протестантами — и не только внутри империи. Наконец, выступая во всех этих «ипостасях», австрийские Габсбурги были вынуждены брать на себя почетное, но непосильное бремя борьбы с врагами христианства — османами.

Попытка решать все эти задачи в комплексе приводила к углублению противоречий между австрийскими Габсбургами, с одной стороны, и имперскими сословиями, испанскими родственниками, подданными в наследственных и присоединенных землях, а также военными противниками и союзниками императора в войне — с другой. Нельзя было рассчитывать на верность союзников, имевших свои интересы, часто идущие вразрез с императорскими. Так, воспользовавшись ослаблением Габсбургов, их ближайший сподвижник по войне и в делах веры герцог Максимилиан Баварский усилил свое влияние на политику императора. Опасения вызывали колебания герцога Лотарингского. Ненадежностью отличались и позиции Габсбургов в Венгрии и Трансильвании, использовавших против императора османский фактор. Авторитет императора упал как никогда низко. Даже мелкие итальянские государства, политически зависевшие от него, не считались с ним. Так, герцог Модены, захвативший в июле 1648 г. крепость у Кремоны, входившей в состав имперского лена Миланского герцогства, совершенно проигнорировал предупреждение и угрозы императора⁹. Интересы обеих ветвей дома Габсбургов в Италии вынуждали императора помогать и его итальянским союзникам, в частности, той же Модене¹⁰. Правда, к концу войны, сознавая свое бессилие, Фердинанд III все чаще сам обращался за финансовой и военной помощью к Венеции, Тоскане¹¹, Модене и прочим мелким итальянским княжествам¹². Все это отвлекало Габсбургов от достижения главной цели и распыляло их силы, ставя перед необходимостью пересмотра своих позиций и задач. К концу войны австрийские Габсбурги все больше проявляли себя не как императоры Священной Римской империи, а как борцы за интересы своих наследственных земель.

Важным свидетельством смены политического курса австрийских Габсбургов стало заключение 30 мая 1635 г. Пражского мира между Фердинандом II и курфюрстом Саксонским. Этот мир, отменявший ненавистный протестантам Реституционный эдикт 1629 г., не только решал в пользу протестантов вопрос о судьбе земель, захваченных ими у католической церкви в Саксонии до и после Пассауского перемирия 1552 г., но и пригласил на тех же условиях присоединиться к договору прочих германских князей¹³. Пражский мир закрепил военные успехи имперского оружия, достигнутые в результате победы над шведами в битве при Нердлингене 6 сентября 1634 г. Эта победа, с одной стороны, дала возможность императорским войскам хозяйничать в землях

западногерманских протестантов, ослабив их надежды на шведскую помощь, с другой — уронила престиж шведов в Европе.

Пражский мир создал основу для сближения мятежных подданных с их государем. На рейхстаге в Регенсбурге осенью 1640 г. при обсуждении вопроса о возможности действительного начала международных мирных переговоров, сословия высказались за прекращение войны¹⁴. Они все реже откликались на призывы шведов и французов объединиться в борьбе против императора. Так, в октябре 1644 г. город Кельн ответил на соответствующее обращение французов тем, что он хочет остаться в империи и не желает иметь ничего общего с французами, а их самих считает нарушителями мира (*Friedensbrecher*)¹⁵. Внутри Германии против императора в это время активно выступали в протестантском лагере лишь ландграфиня Гессен-Кассельская, герцог Брауншвейг-Люнебургский и герцог Бернгард Саксен-Веймарский, а из католиков архиепископ Майнцский.

Стремление большинства имперских чинов и князей к миру, конечно, не означало признания ими власти императора над собой. Они по-прежнему видели будущее империи в ограничении полномочий Габсбургов в Германии за счет расширения сословных и региональных свобод, в том числе в религиозных вопросах. Лучшим доказательством такого отношения к судьбе империи служит поведение немецких князей и городов на Вестфальском конгрессе, куда они чуть ли не в полном составе (111 представителей) были допущены с правом голоса по требованию Швеции¹⁶. Габсбурги пошли и на это. Такой поворот в политике уже в последние годы правления Фердинанда II — рьяного католика, представляется показательным, учитывая его военную активность и непримиримость в конфессиональных и политических вопросах на предшествующих этапах войны.

Фердинанду III, вступившему на имперский престол в 1637 г., был несвойственен религиозный фанатизм. По необходимости он был готов идти на большие по сравнению с отцом уступки немецким протестантам. Фердинанд III посчитал возможным доверить отстаивание позиции католической державы на вестфальских переговорах бывшим протестантам графу Максимилиану Траутсмандорфу, графу Иоганну Нассау и Исааку Фольмару, известным в венских придворных кругах своей религиозной толерантностью. Более того, ради сохранения наследственных владений императору пришлось поступиться и важнейшими политическими амбициями австрийских Габсбургов: европейской гегемонией, остатками авторитета в империи и, наконец, поддержкой своих испанских родственников¹⁷. В то же время, следуя главной цели, Фердинанд категорически отвергал всякие попытки противников ослабить его власть в наследственных землях и присоединенных королевствах. Уступив там, Габсбурги не смогли бы удержаться не только перед лицом европейских соперников, но и в борьбе с Османской империей. Именно эти задачи определили линию поведения имперской делегации на переговорах в Мюнстере.

Миротворческие усилия австрийцев подогревало и то, что в последние годы военная удача не баловала их. В начале 40-х годов Эльзас оказался в руках генерала враждебной веймарской армии Гебриана. Победа шведского полководца Торстенсона при Брейтенфельде (2 ноября 1642 г.) открыла дорогу шведским войскам в Силезию и Моравию и поставила под угрозу безопасность Вены. В военных кампаниях 1644—1645 и 1648 гг. шведы хозяйничали в Чехии. После сокрушительного поражения имперских войск в битве при Янкове (6 марта 1645г.) Фердинанд III не без основания жаловался Филиппу IV: «Я остался без денег, людей и генералов»^{17а}. Дважды — в 1646 и 1648 гг. — враг переходил Дунай и занимал Баварию. 1647 год не принес успеха имперцам и на полях сражений в Вестфалии¹⁸.

В течение всей войны самой заметной фигурой после австрийских и испанских Габсбургов в императорском лагере являлся герцог Баварский, получивший за верность права курфюрста вместо выступившего против императора курфюрста Пфальцского. За счет Баварии комплектовалась половина имперской армии¹⁹. На долю Баварии выпадали важнейшие военные кампании Тридцатилетней войны. Приверженность Максимилиана Баварского католицизму шла даже дальше, чем у Габсбургов: он категорически отказывался идти на уступки протестантам не только в своей Баварии, но и в Верхнем Пфальце, передачи которого требовал для себя за участие в войне²⁰. Более того, при венском дворе уже в 1645 г. считали, что курфюрст стоит на пути примирения императора с протестантами²¹. Такая твердолобость начинала раздражать венских политиков. Однако в отношениях с Баварией приходилось проявлять большую осторожность, ибо ее выход из войны отразился бы катастрофически на положении дел в империи.

Опасность же отхода представлялась весьма реальной. Еще весной 1644 г. Максимилиан Баварский высказывал мысль о том, что ему следует ограничить военные действия лишь обороной — и то только некоторых земель и наследственных владений императора. Он считал, что Бавария не выдержит в течение долгого времени тягот войны, которые могут обрушиться на нее в связи с усилением французов, вызванным бездействием испанских войск в Италии²². В июле того же года курфюрст довел до сведения Фердинанда III, что не располагает войсками для отражения наступления французских войск²³. Император оказался в затруднительном положении, так как курфюрст Саксонский также отклонил просьбу императора о военной помощи²⁴. Максимилиан не замедлил воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы в счет помощи потребовать территориальных уступок в Верхней Австрии²⁵. Разногласия между бывшими единомышленниками углубились с 1646 г., когда после сокрушительных ударов и победоносных маршей противников по Баварии Максимилиан категорически заявил не только о своем отказе воевать за императора, но и потребовал вывода имперских войск со своих территорий, мотивируя это разорением и истощением своих земель войной²⁶.

Смелость курфюрста росла пропорционально падению авторитета императора. Уже в сентябре 1644 г. в обход Вены и Мадрида Максимилиан предпринял самостоятельную дипломатическую акцию, начав переговоры с майнцским и кельнским курфюрстами о возможности заключения сепаратного мира с Францией²⁷. Эти попытки баварская дипломатия не оставляла и позже, пока, наконец, в начале 1647 г. в Ульме она не добилась перемирия с Францией. По Ульмскому соглашению Максимилиан должен был отвести свои войска и не оказывать помощи ни императору, ни его союзникам. Кельнский архиепископ, присоединившийся к соглашению на стороне Баварии, должен был потребовать вывода имперских войск со своей территории и пропустить через нее шведские армии^{27а}. Перемирие заключалось до конца войны. И хотя в конце 1647 г. Максимилиан снова присоединился к императору, он уже нанес ему непоправимый ущерб. «Последствия баварского нейтралитета могут привести к потере Австрии и даже к полной гибели», — так оценивали этот шаг венские политики^{27б}. Такая линия поведения ближайшего сподвижника делала позицию имперской дипломатии на вестфальских переговорах крайне уязвимой для нападков и новых требований со стороны врагов Габсбургов.

Все сильнее разочаровывалась в войне габсбургская Испания — главный союзник императора. Как и Фердинанд III, она имела обширные интересы в Европе: в Нидерландах, Италии, на Рейне, на Пиренеях. Война на два фронта (против Франции и Голландии) изматывала Испанию. Ее преследовали военные неудачи. После взятия Брейзаха в декабре 1638 г. войсками Бернгарда Веймарского было прервано сухопутное сообщение между испанскими владениями в Нидерландах и Италии, что явилось крупным стратегическим успехом французов. В результате крайне затруднялась переброска испанских и императорских войск с одного фронта на другой, это позволяло французам и их союзникам бить испанские армии поодиночке²⁸. Действительно, в начале 40-х гг. последовал ряд поражений испанских войск в Испанских Нидерландах и Бургундии, а также на Пиренеях. От разгрома в битве при Рокруа (19 мая 1643 г.) Испания уже не могла оправиться. Положение усугублялось в связи с поднявшимися в 1640 г. в Каталонии и Португалии восстаниями против испанского владычества.

В этот критический для Испании момент дал трещину, казалось бы надежнейший, союз с австрийским домом Габсбургов, поскольку ради спасения своей власти в наследственных владениях Фердинанд III стал действовать более самостоятельно от «старшего брата». Мадридский двор прямо обвинял императора в измене общим интересам²⁹. Фердинанд III, хотя и не соглашался с обвинениями, чувствовал себя виноватым и старался загладить вину укреплением родственных связей брачными узами³⁰ и контактами между дворами³¹. Недоверие росло. Подозревая Вену в тайных замыслах, Мадрид шпионил за имперскими дипломатами³². Нельзя сказать, чтобы австрийцы совсем покинули своих родственников на переговорах, но о разобщенности пози-

ций свидетельствуют крупные самостоятельные дипломатические акции стремившейся к приемлемому миру Испании, такие как испанско-голландский мирный договор начала 1647 г.

После смерти Ришелье и Франция, внешнюю политику которой возглавил кардинал Мазарини, вскоре почувствовала необходимость завершения европейской бойни. Ширились антиналоговые выступления, вызванные нарастанием финансовых трудностей: ведь на деньги Парижа воевали не только французские, но шведские и некоторые итальянские армии³³. Война ударила не только по французским налогоплательщикам (крестьянству и бюргерству), но поставила в затруднительное положение и дворян. Они теряли на войне своих сыновей, разорялись сами, а их земли переходили в руки купцов и бюргеров³⁴. В стране росло недовольство, обострились отношения правительства с парламентом, назревала Фронда. Как убедительно показал Б.Ф.Поршнев, события в революционной Англии, в которых официальная Франция тайно поддерживала опального короля, также торопили Мазарини с выдвижением мирных инициатив на конгрессе³⁵. Изменению внешнеполитической ориентации способствовало и то, что, поддерживая Швецию против Габсбургов, Франция небезосновательно опасалась своего неумного союзника, так как не хотела установления в Европе шведской гегемонии вместо габсбургской. Свое нежелание продолжать оказывать шведам прежнюю военную и финансовую помощь Мазарини не совсем искренне прикрывал необходимостью завершать войну из-за растущей османской угрозы. «Общий интерес христианского мира, которому турки угрожают как на суше, так и на море, и дела английского короля, которые идут к явному крушению, принуждают нас к совсем иным помыслам и требуют, чтобы мы использовали этот благоприятный момент для заключения мира», — писал Мазарини летом 1646 г.³⁶ В том же духе лукавил французский представитель на переговорах граф де ла Кур, подчеркивая в беседе с Ламбергом, что Франция готова пожертвовать своими военными успехами ради заключения мира из-за османов, захвативших Шебеник и нацелившихся на Далмацию³⁷. Итак, необходимость решения в первую очередь внутренних проблем заставляла Францию умерить свои аппетиты в отношении империи. Заманчивая цель, к которой стремился Ришелье, — уничтожить империю Габсбургов — оказалась не только не под силу, но и ненужной в то время для Франции. Ради мира она была готова не только «пожертвовать надеждами на будущие приобретения, но и уступить часть того, что мы уже имеем»³⁸. Это в конечном итоге и определило стратегию французской дипломатии на переговорах в Мюнстере.

Из главных участников войны лишь Швеция, вдохновленная своими военными успехами, желала ее продолжения, надеясь на новые территориальные и политические приобретения. При всей выгодности шведские позиции не были неуязвимыми. В правящих кругах Швеции шла острая борьба между «партией войны», возглавляемой канцлером Оксеншерной, которого поддерживал Военный совет, и «партией мира»,

отражавшей волю королевы Кристины и ее приверженцев при дворе. Оксеншерна и его многочисленные сторонники среди шведского дворянства видели в войне неиссякаемый источник доходов для бедной Швеции³⁹. «Партия мира» учитывала антивоенные настроения широких масс рядовых шведов. Противоборствующие группировки не могли согласовать свои позиции и открыто враждовали даже на Вестфальском конгрессе, поскольку шведские дипломаты в Оснабрюке — Юхан Оксеншерна (сын канцлера) и Сальвиус — представляли интересы соответственно военных и двора. Хотя в конечном счете в большинстве случаев победа оставалась за Оксеншерной, разногласия среди шведов заставляли его действовать с оглядкой и отступаться от самых смелых шагов и далеко идущих планов. Этому способствовала подчас неблагоприятная к шведам военная фортуна (в частности, неудачи Торстенсона в Моравии сначала в 1643, а потом в 1645-46 гг.⁴⁰) и крушение некоторых дипломатических расчетов⁴¹. Так, территориальные требования Швеции на Вестфальском конгрессе были лишь частью более обширных планов, доставшихся в «наследство» от Густава Адольфа⁴². Но даже при таком исходе дела Францию не переставала беспокоить военная и дипломатическая настойчивость Швеции.

Таким образом, из главных участников последнего этапа войны Швеция оставалась основным тормозом на пути к всеобщему европейскому миру. А сама война в этот период ограничивалась вяло текущими военными действиями, которые должны были служить фоном и аргументом с позиции силы при выработке условий на мирных переговорах. Каждая из сторон использовала не только военные поражения, но и внутренние сложности в стане противника, затягивала переговоры в ожидании известий о неблагоприятном для враждебных стран развитии событий. Так, определяя тактику французской делегации на Вестфальском конгрессе в апреле 1644 г., Мазарини просил дипломатов учитывать то, что испанцы «стремятся получить большую выгоду, затягивая войну, ибо они считают неизбежными раздоры в нашем королевстве, чему они и способствуют всеми вообразимыми средствами». Однако сам кардинал надеялся на то, что «дурное положение собственных дел» испанского короля «вскоре заставит его самого искать мира»⁴³. Точно так же к своей выгоде затягивал переговоры Фердинанд III.

Габсбурги со своими союзниками, а также и их противники прилагали огромные усилия для привлечения на свою сторону как можно большего числа стран. И если среди наиболее активных участников войны возникали серьезные сомнения и колебания относительно военно-политической ориентации и принадлежности к тому или иному лагерю, то еще большей неустойчивостью характеризовались позиции тех государств, которые находились на периферии конфликта и в своей внешней политике зависели от геополитической ситуации в своих регионах. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы с этой точки зрения представляют особый интерес, ибо на их отношение к Тридцатилетней войне оказывал воздействие османский фактор. Его

влияние сказывалось, в частности, на внешнеполитическом положении таких государств как Польша, Венеция, Трансильвания, Дунайские княжества.

Хотя военные кампании Тридцатилетней войны не затронули территории этих государств, они пристально следили за событиями на полях сражений Западной и Центральной Европы, а также за деятельностью дипломатов. Их заинтересованность в скорейшем заключении всевропейского мира была во всяком случае не меньшей, чем у великих держав. С миром в Европе названные государства, а также покоренные народы на Балканах и в Венгрии связывали надежды на то, что христианские государи объединят свои усилия в борьбе с Османской империей.

При всей очевидности этого общего положения следует тем не менее признать, что в действительности место названных государств в событиях последних лет Тридцатилетней войны и при заключении Вестфальского мира определялось значительно более сложным и противоречивым комплексом факторов. Среди них важную роль играли, с одной стороны, внутривосточная ситуация в этих государствах, позиции различных групп правящей элиты в вопросах войны и мира, внешнеполитической ориентации, отношения с соседями (великими и малыми), с другой стороны — место, которое та или иная из этих стран занимала во внешнеполитических планах и расчетах своих соседей, особенно великих. С этой точки зрения Османская империя была составной частью европейского порядка. При всей своей враждебности Европа поддерживала с Портой дипломатические отношения, торговые связи, принимала с ней совместные политические шаги, в том числе — против своих европейских единоверцев. Фактор же османской угрозы нередко служил в дипломатии спекулятивным аргументом для достижения определенных политических целей. Вряд ли можно поверить в искренность Франции, предлагавшей в декабре 1646 г. своему заклятому врагу, императору, совместный поход против османов под испанским командованием⁴⁴. Желая ускорить продвижение переговоров в обстановке обострения внутренней ситуации во Франции, Мазарини задабривал Фердинанда III ни к чему не обязывающими обещаниями.

На самом деле отношения между двумя основными противоборствующими силами в Центральной и Юго-Восточной Европе (Османской империей и Габсбургами) во многом определяли международную обстановку в регионе и влияли на ситуацию в Западной Европе. Естественным было бы предположить, что Порта не преминет воспользоваться занятостью императора в европейской войне и его ослаблением в 40-е гг. для того, чтобы расширить свои владения в Европе за счет земель, принадлежащих Габсбургам. Однако по большому счету этого не произошло. Несмотря на постоянные нарушения Житваторокского мира 1606г. в результате военных столкновений на венгерской границе, стороны стремились избежать большой войны и периодически обновляли и продлевали договор⁴⁶.

Равновесие, сложившееся между османами и империей во время Тридцатилетней войны, было кажущимся. Габсбургам стоило огромных усилий поддерживать его, так как в целом османы преобладали⁴⁷. Как бы в подтверждение этого, в 1663 г. они начали новое широкомасштабное наступление на Венгрию.

Относительная пассивность Порты в Тридцатилетней войне была обусловлена причинами как внешнего, так и внутреннего порядка. Мешали войны с Персией (1623-1638) и Венецией (1645-1669). Османская империя, переживая с конца XVI в. глубокий социальный кризис⁴⁸, была вынуждена принимать к сведению усилия австрийских Габсбургов по укреплению их влияния в центральноевропейском регионе, не оказывая им должного противодействия. Контрмеры, предпринимаемые султаном в отношении императора и его земель, носили скорее подстрекательский и провокационный характер. Допускались мелкие локальные военные конфликты. Активно работала дипломатия. Стамбул в то время был одним из самых значительных центров дипломатических контактов, где встречались представители разных государств, передавалась информация, формировалось мнение и подготавливалась почва для принятия правительствами важных внешнеполитических решений⁴⁹. Послы враждебных императору стран — Франции, Швеции, Голландии — находили в Стамбуле не только радушный прием, но и понимание со стороны великих везирей, особенно в тех случаях, когда дело касалось демаршей против Вены.

Стремление Габсбургов к сохранению статус-кво на своих восточных и юго-восточных границах вполне было вызвано нежеланием императоров и невозможностью вести войну на два фронта. Из двух важнейших внешнеполитических задач на первое место австрийские Габсбурги, императоры Священной Римской империи, ставили борьбу — сначала за гегемонию, позже — за сохранение своих позиций в Западной Европе. Ее успех в значительной степени определял и перспективы противостояния Османской империи. Хотя изгнание османов в принципе рассматривалось как общеевропейское дело, по крайней мере до завершения войны не приходилось рассчитывать на создание какого-нибудь весомого антиосманского блока. Европейские государства в одиночку сопротивлялись натиску Порты, направление главного удара которой в Европе приходилось на владения австрийских Габсбургов, в первую очередь на Венгрию. Исходя из внешнеполитических приоритетов, Габсбурги могли позволить себе на турецкой границе лишь активную оборону: создание и поддержание защитного рубежа из системы пограничных крепостей, гарнизонов и войск, проведение незначительных военных кампаний на границе. Но даже и эти ограниченные мероприятия требовали огромного напряжения людских и материальных ресурсов не только Венгрии, но и наследственных владений австрийских Габсбургов, а также империи. Представители Фердинанда III на Вестфальском конгрессе резонно подчеркивали, что ослабление позиций Габсбургов в Европе приведет к тому, что они не

смогут должным образом противостоять османам⁵⁰. Но конгресс мало волновали проблемы далекой османской угрозы. Да и сами Габсбурги, даже после завершения Тридцатилетней войны, не будучи уверенными в прочности своего положения в Европе, не спешили создавать антиосманскую коалицию.

Какую же позицию в международных отношениях на последнем этапе Тридцатилетней войны и на вестфальских переговорах занимали Польша и Венеция, которые больше других испытывали османскую угрозу и которые в конце XVII в. вместе с Австрией войдут в антиосманскую Священную лигу?

Речь Посполитая напрямую не участвовала в военных действиях Тридцатилетней войны, но использовала ее в своих интересах. Владислав IV Ваза в стремлении усилить королевскую власть в стране в противовес полуанархической шляхте строил далеко идущие внешнеполитические, подчас нереальные планы расширения своих владений. От попыток включить Россию в состав своего государства польско-литовским феодалам пришлось отказаться уже в первые десятилетия XVII в.⁵¹, что окончательно был вынужден признать Владислав IV в 1634 г. после Смоленской войны. Однако в 40-е гг. польский король возлагал большие надежды на получение шведской короны, добивался передачи ему земель из состава Германской империи (Силезии и Померании), мечтал о присоединении к Польше освобожденных от османов территорий. В своих планах Владислав IV пытался опереться в одинаковой степени на австрийскую и на французскую поддержку. Главные антагонисты в Тридцатилетней войне, в свою очередь, привлекая на свою сторону Владислава IV, использовали внешнеполитические амбиции польского короля. Так, в наметившемся с 1638 г. польско-австрийском сближении Фердинанд III, желая вовлечь Речь Посполитую в антишведскую коалицию, обещал Владиславу не только поддержать его претензии на шведский престол, но и передать ему Силезию⁵². Император был вынужден выполнить свое обещание, но сделал это только в 1647 г. после того, как разувверившийся в ожидании Владислав пытался просить Силезию у Швеции при посредничестве Франции⁵³. Польша получала в Силезии Ратибор и Ополье вместе с их пивными доходами⁵⁴, сделав эти княжества плацдармом для планировавшегося ею наступления на шведов в Померании⁵⁵.

В претензиях Речи Посполитой на Восточную Померию проявились давние польско-шведские противоречия, причины которых крылись в их соперничестве на Балтике⁵⁶. Восточнопомеранский вопрос во внешней политике Польши разрабатывался одновременно с силезским. На мирном конгрессе в Мюнстере и Оснабрюке польские дипломаты доказывали права Речи Посполитой на Восточную Померию, протестуя против ее передачи Швеции или Бранденбургу⁵⁷. В 1646 г. шведское правительство серьезно опасалось удара польских войск по попавшим в руки шведов балтийским портам в Померании и с трево-

гой следило за исходом борьбы между Владиславом IV и польским сеймом по вопросу о военных приготовлениях короля. Померанские требования Польши осложняли работу французской дипломатии, посредничавшей в польско-шведских противоречиях.

Французское влияние в Речи Посполитой, усилившееся после женитьбы Владислава IV на французской принцессе крови Марии Людовике Гонзаго Невер в 1644 г., предполагало в первую очередь использование Варшавы как фактора воздействия на Швецию. С одной стороны, французская дипломатия любыми способами стремилась предупредить возникновение польско-шведского военного конфликта, с другой — поддерживала тревоги шведов в отношении Польши. И в то время, как император всяческими посулами старался втянуть польские власти в датско-шведскую войну 1643—1645 гг., Мазарини удерживал короля от этого шага⁵⁸.

Таким образом, польский король стремился использовать Тридцатилетнюю войну для расширения своих владений, не придавая принципиального значения тому, с чьей помощью (австрийской или франко-шведской) и даже за счет каких приобретений он этого добьется. Так, в 1646 г. Владислав IV при французском посредничестве вел переговоры со Швецией о передаче Польше Силезии в обмен на отказ от притязаний на шведскую корону⁵⁹. Хотя сближение Речи Посполитой с Францией крайне раздражало Фердинанда III и резко охладило его отношения с Владиславом, с таким положением дел приходилось мириться, принимая во внимание исключительную важность польского присутствия в балтийском регионе как противовеса Швеции.

Так же сложно выглядел в польской внешней политике и турецкий вопрос. В годы, предшествовавшие Вестфальскому миру, Владислав IV вынашивал планы антиосманской войны, открыто заявив о них после начала Портой в 1645 г. войны с Венецией. С этой целью им были предприняты важные переговоры о заключении союза с Россией⁶⁰. Так как война с османами требовала сбора и вооружения большой армии, вопрос о ней стал предметом обсуждения сейма. Война была удобна для польских властей, так как обеспечивала нейтралитет по отношению к Габсбургам и Франции, пытавшимся втянуть Варшаву в свои планы и давала основания для выманивания финансовой помощи, по крайней мере у Франции⁶¹. Ведь Франции было выгодно поощрять планы антиосманской войны Польши для того, чтобы отвлекать ее от Швеции⁶². Кроме того, у Мазарини появлялся новый козырь для давления на Порту против императора. Мазарини намекал даже на то, что готов тайно передать под начало польского короля французскую армию, воевавшую в Германии, в связи с чем заверял в своей готовности ускорить мир в Европе⁶³. Зато Фердинанд, обиженный на поляков за их «измену» с французами, и к тому же в последние годы войны едва справлявшийся с европейскими проблемами, проявлял значительно меньший энтузиазм к антиосманским планам Польши. Это обстоятельство снижало реальность плана, задуманного Владиславом и его канцлером

Оссолинским, поскольку польские магнаты предпочитали иметь дело с императором и папой. Как бы то ни было, ни Мазарини, ни Фердинанд не подходили к вопросу настолько серьезно, чтобы думать о заключении с Варшавой военного союза против султана.

В то же время Венеция, которая уже вела войну с Портой, по-настоящему заинтересовалась перспективой военного антиосманского союза с Польшей и была готова финансировать ее военные приготовления. Именно на это и рассчитывал Владислав IV, требуя от республики, папы и других заинтересованных итальянских государей ежегодной выплаты 500 тыс. эскудо на ведение войны с османами⁶⁴. Между Венецией и Варшавой шли интенсивные переговоры о союзе и о размерах помощи. В Европе же многие полагали, что собранные войска Польша может употребить на войну со Швецией или ограничиться действиями лишь против татар на польской границе, поэтому Венеция соглашалась на предоставление субсидии только после начала антиосманских военных действий. Помимо того, и шляхта боялась давать королю в руки оружие для каких бы-то ни было военных предприятий, так как не хотела допустить его усиления. Польский сейм, заседавший осенью-зимой 1646 г. категорически высказался против войны с султаном и сбора королем армии⁶⁴. Планы антиосманской войны, и без того зыбкие и сомнительные, пришлось отложить.

Итак, Владислав IV явно не был удачлив в своих внешнеполитических планах и не смог активно участвовать в Тридцатилетней войне, не имея силы диктовать свою волю шляхте. Однако все же он пытался сохранить лицо перед Европой и поддерживать авторитет короны на международной арене. Ради этого польская дипломатия развила большую активность. Официально Речь Посполитая не принимала участия в Вестфальском конгрессе, но имела в обоих городах, где шли переговоры, своих резидентов. Они отстаивали интересы польской короны, обращаясь в случае необходимости с протестами к официальным посредникам Контарини и Чиги (например, по померанскому вопросу). В то же время польский король предлагал себя на роль арбитра в международных делах и желал быть посредником на Вестфальских переговорах, подобно тому, как это удалось Венеции и Риму. Но несмотря на обещания Франции его поддержать, этот замысел не осуществился из-за резкого сопротивления Швеции⁶⁵. Зато в улаживании конфликта между императором и трансильванским князем польская дипломатия сыграла важную роль, приняв участие в подготовке Линцкого мира 1645 г.⁶⁶ Но это были вторые роли, не позволившие Польше добиться преимущества перед Швецией на Балтике.

Роль Венеции на Вестфальском конгрессе выглядит в определенном смысле драматично. К тому времени Венеция уже осознала на горьком опыте войны за мантуанское наследство, где ее интересы не были приняты во внимание, что в глазах великих держав она потеряла прежний вес. Республика пыталась поддержать свой прежний международный авторитет, требуя соблюдения по отношению к ней всех правил

созданного ею же дипломатического церемониала и уважения к своему рангу. В этих целях она поставила свой опыт в дипломатии на службу Вестфальскому конгрессу. Одним из двух посредников на европейских мирных переговорах стал опытный венецианский дипломат Алевизо Контарини. В течение нескольких лет он выполнял труднейшую задачу: вел переписку с европейскими дворами, инструктировал своих коллег-послов, фиксировал позицию участвовавших в переговорах сторон, преодолевал разногласия между ними. В заключительном документе Вестфальского договора особо отмечалось мирное посредничество Венеции и особые заслуги в этом Контарини⁶⁷.

Венеция была глубоко заинтересована в быстрейшем окончании Тридцатилетней войны. Порта угрожала ей. В начале 1645 г. из Стамбула в Вену шли сообщения о том, что султан хочет воспользоваться миром с императором и начать войну в Средиземном море. Еще не было выбрано направление удара, но предполагалось, что он может быть нацелен на Мальту, Сицилию или Крит⁶⁸. В январе 1645 г. великий везир демонстративно игнорировал венецианского байло, не давая ему аудиенции⁶⁹, а приняв, стал вымогать у Венеции огромную сумму, соглашаясь только на этом условии погасить конфликт⁷⁰. Избежать открытой конфронтации не удалось. Начавшаяся между Портой и Венецией Кандийская война за территории в Средиземноморье и Адриатике продолжалась до 1669 г.

Венецианская дипломатия развернула мощную кампанию по созданию общеевропейской антиосманской коалиции или, по крайней мере, организации военной помощи республики. Еще за год до войны Венеция выражала надежду на то, что, если европейские страны объединятся, султан не осмелится начать войну⁷¹. Ко всем правителям были разсланы обращения, в которых Сенат предупреждал об опасности, грозящей Европе, и призывал, отбросив разногласия, объединиться⁷². Алевизо Контарини воспользовался своим положением на Вестфальском конгрессе, чтобы повлиять на европейских государей, но с горечью был вынужден констатировать, что успехи османов на Крите и в Далмации не стали влияющим фактором политики в Мюнстере⁷³. Правда, Мальта, Рим, Неаполь, Тоскана и Генуя создали вместе с Венецией Священную лигу, но ее единства хватило лишь на одну военную кампанию⁷⁴. Верной союзническому долгу осталась лишь Мальта, уже подвергшаяся османской агрессии. Генуя претендовала на предоставление ей титула «Serenissima», т. е., признание ее по рангу равной Венеции. Нежелание папы и Венеции удовлетворить амбиции давней соперницы Венеции, охладило ее антиосманский пыл⁷⁵. Другие государства Италии (Парма, Модена) ограничились предоставлением разовой финансовой помощи⁷⁶. Папа Иннокентий X был настолько поглощен мелкой войной за герцогство Кастро, что на повторное ходатайство венецианских послов, в том числе Алевизо Контарини, ответил, что война Венеции не представляет интереса для общего христианского дела⁷⁷.

В такой ситуации трудно было ожидать активности Венеции в Тридцатилетней войне. Опасность грозила ей не только со стороны Порты, но и Испании, прочно закрепившейся на Апеннинском полуострове. Поэтому в эти годы в качестве основного принципа своей внешней политики *Serenissima* выбрала нейтралитет, даже ценой отказа от выгодных союзов как в лагере Габсбургов, так и их врагов.

Между тем Венеция представляла немалый интерес в качестве союзника для любого блока и любого государства. Несмотря на общее ослабление республики, она еще располагала огромным материальным потенциалом, который мог быть использован во вред ее противникам и на пользу сторонникам. Кроме того, следовало учитывать весомый авторитет венецианской дипломатии в Европе и Турции. Так, австрийские Габсбурги опасались, что Венеция предоставит финансовую помощь протестантским князьям в империи или трансильванскому князю Дьердю Ракоци I. Они боялись также и того, что венецианская дипломатия в Стамбуле будет действовать во вред императору перед лицом и без того недружественной Порты⁷⁸. Поэтому в 1638 г. по случаю коронации Фердинанда III Вена приняла делегацию республики, восстановила с ней отношения, прерванные из-за присоединения Венеции к антигабсбургскому союзу на начальном этапе Тридцатилетней войны. Возобновлялась торговля между двумя государствами⁷⁹. В том же году представитель императора в Стамбуле успешно посредничал между султаном и республикой в их конфликте, который грозил вылиться в войну⁸⁰. В 1644 г. отношения между двумя государствами настолько потеплели, что Вена смогла обратиться к Венеции за финансовой поддержкой⁸¹.

В свою очередь, Венеция, хотя и не вступала в союз с Фердинандом, поддерживала некоторые его политические акции. Так, республика была недовольна выступлением Дьердя Ракоци I против императора в 1644 г., о чем Сенат уведомлял Вену⁸². Ракоци не оправдал надежды, которые Венеция связывала с ним в начале его правления, когда он смело отстоял перед Портой свои права на княжение в Трансильвании. Венеция надеялась на то, что в союзе с императором Ракоци выступит против османов⁸³. Надежда на трансильванского князя появилась вновь, когда после начала Кандийской войны Венеция стала договариваться с Владиславом IV о создании антиосманской коалиции и вступлении в нее Польши. Посол польского короля Я. Радзивилл вел переговоры с Ракоци о походе против османов, к чему князь вроде бы склонялся⁸⁴. В походе предполагалось использовать для обеспечения армии продовольственные ресурсы Молдавии и Валахии, о вступлении которых в коалицию вели переговоры венецианские дипломаты с представителями господарей в Стамбуле⁸⁵. Однако, как мы видели, из этого грандиозного плана ничего не вышло.

Профранцузская ориентация оказалась бесполезной для Венеции. Ее обращение к французскому королю за помощью в Кандийской войне не дало серьезного результата. Франция не желала рисковать свои-

ми отношениями с Портой ради далекого для нее военного предприятия. Венецианский посол в Париже Джованни Баттиста Нани объяснял, почему Венеция не может рассчитывать на помощь Франции. «Французская корона постоянно и с большим усердием пестовала доброе согласие с османами под предлогом торговых интересов. Но по правде говоря, это был искусный прием большой политики, чтобы в лице Турецкой империи иметь противовес власти Австрии»⁸⁶. Личные симпатии Мазарини к республике мало что могли изменить в этом вопросе. Но, может быть, благодаря им Нани удалось добиться от французского правительства предоставления субсидии в 100 тыс. дукатов и разрешения вербовать во Франции хорошо выученные морские экипажи и сухопутные войска, а также артиллеристов⁸⁷.

Таким образом, в последние годы Тридцатилетней войны венецианская внешняя политика в Европе, диктуемая в первую очередь османской экспансией, в целом была неудачной. Как по причине географической удаленности, так и уменьшения международного значения Венеция не могла выступать в качестве такого важного фактора политического давления, каким была Польша в дипломатической игре противоборствующих держав. Этим объясняется как ее фиаско в поисках союзников для войны с Портой, так и нерезультативность усилий ее дипломатии на Вестфальском конгрессе.

Вестфальский конгресс решал не только территориальные, конфессиональные, политические споры между странами. Включение в заключительный документ конгресса означало юридическое признание государства. В 1648 г. Вестфальским миром был легитимизирован суверенный статус Швейцарского союза, Республики Соединенных провинций, Трансильванского княжества. Для последнего это признание имело особое значение, так как ни Чехия, ни Молдавия, ни Валахия не были упомянуты среди государств, подписавших договор. Они рассматривались как владения соответственно Габсбургов и Порты. Признание государственной самостоятельности Трансильвании было одним из главных принципов в политике Габора Бетлена. Его преемник Дьердь Ракоци I сумел воплотить этот принцип в жизнь, развив исключительную военную, политическую и дипломатическую активность на последнем этапе Тридцатилетней войны.

Стигнутое между двумя могущественными противниками Трансильванское княжество, чтобы не быть раздавленным, должно было лавировать. Бетлен и Ракоци I воевали против Габсбургов, объединившись с их врагами и опираясь на поддержку Порты, но не желали полного уничтожения Австрийского дома, ибо понимали, что без него не только не смогут освободиться из-под власти Порты, но и будут полностью поглощены ею. Таким образом, Трансильвания вместе с Венгрией, антигабсбургские настроения в которой трансильванские князья — сами крупнейшие венгерские магнаты — умело использовали и при надобности подогревали, представляя в тылу у австрийских Габсбургов опасный очаг смуты и войны. Именно поэтому

Трансильвания вызывала интерес Франции и Швеции, которые старались вовлечь ее в антигабсбургскую коалицию. Но в то же время Ракоци I не забывал и главной цели — изгнания османов — и был готов ради этого на любые союзы, если перспективы таковых возникали.

В 1644 г. между Францией и Швецией, с одной стороны, и Трансильванией — с другой, был, наконец, заключен военный союз против Габсбургов. Этот договор вряд ли можно назвать равноправным. Долгое время Ракоци I воздерживался от его подписания из-за отсутствия прочных гарантий со стороны Франции и Швеции для Трансильвании, которая своим вступлением в союз многим рисковала как перед лицом Габсбургов, так и Порты. В качестве условий союза Ракоци добивался предоставления регулярной финансовой помощи, а также (при необходимости) военной, гарантий для семьи князя и его самого в случае неудачи предприятия, получения разрешения Порты на участие в антигабсбургской войне и, наконец, включения Трансильвании в заключительный всеевропейский мир⁸⁸. Будущие союзники князя не только не спешили с предоставлением гарантий, но и уклонялись от того, чтобы вести переговоры с Ракоци на высшем государственном уровне, на чем настаивал князь, и подставляли ему Торстенсона⁸⁹. Вся последующая переписка трансильванского князя с союзниками, вплоть до конца войны, полна упреков в невыполнении теми обязательств и содержит требования расчетов⁹⁰. Для поведения союзников в отношении Ракоци было характерно то, что они использовали его военную силу в затруднительных для себя обстоятельствах и бросали на произвол судьбы, когда необходимость в его поддержке отпадала. В частности, в военной кампании 1644 г., удачной для Ракоци, сумевшего со своими плохо вооруженными и обученными войсками занять Верхнюю Венгрию (совр. Словакию) вместе с Кошице, Торстенсон, несмотря на заверения, так и не соединился с трансильванскими войсками⁹¹ и ушел, оставив князя один на один с имперской армией.

В Стамбуле между противниками разыгралась настоящая битва за Ракоци. Послы антигабсбургской коалиции старались получить у великого везира разрешение на участие трансильванского князя в военных действиях против Габсбургов. Венские дипломаты добивались обратного. С обеих сторон в ход шли подарки, взятки, подкуп⁹². С пристальным вниманием дипломаты следили за внутренней борьбой при дворе султана, исход которой также влиял на решение вопроса⁹³. В этой дипломатической баталии император одержал верх, потому что Порты боялась полного разрыва с Габсбургами⁹⁴.

Выступая против императора, Ракоци I думал заручиться поддержкой Венгрии, как в свое время безуспешно сделал Габор Бетлен. В феврале 1644 г. трансильванский князь обратился с манифестом к венгерским сословиям, объясняя свои действия необходимостью защиты нации и веры, попираемых католиком-императором⁹⁵. Однако, как справедливо отметила венгерская исследовательница К.Петер, Ракоци I не учел того, что к 1644 г. большая часть господствующей элиты верну-

лась к католицизму. Лозунги защиты веры и создания национального королевства уже не могли совпадать, поскольку нельзя было рассчитывать на те движущие силы, которые в первые десятилетия XVII в. выдвинули эти идеи и боролись за них. Этим трансильванский князь лишил себя поддержки самых могущественных венгерских политиков — слоя, который обеспечил первые успехи Бетлена⁹⁶.

Военные успехи Ракоци в Венгрии весной и летом 1644 г. не заслоняли перед ним того факта, что с уходом Торстенсона из Моравии он не может долго противостоять освободившимся войскам императора. Из Польши Фердинанду пришла помощь войсками⁹⁷. Ракоци начинал терпеть неудачи. Ненадежность союзников, противоречивая позиция венгерских сословий, приказ султана прекратить антигабсбургскую войну вынудили трансильванского князя вступить в мирные переговоры с императором.

Переговоры между Ракоци I и Фердинандом III начались при польском посредничестве в октябре 1644 г. и завершились заключением Линцкого мирного договора 16 декабря 1645 г. Их ход прерывался с марта по июнь 1645 г., когда военные действия между противниками возобновились⁹⁸. Шведам, продвинувшимся после победы при Янкове до границ Австрии, в очередной раз понадобилась помощь Ракоци для, возможно, последнего удара по врагу. Вновь французская и шведская дипломатия бомбардируют трансильванского князя заверениями дружбы, обещаниями помощи, ссылками на благосклонное внимание царствующих особ, уговорами отказаться от примирения с Фердинандом и сохранять верность союзническому долгу⁹⁹. Князя запрашивают из Мюнстера о его пожеланиях в связи с условиями мира¹⁰⁰. История повторялась. За броском трансильванских войск под командованием сына Ракоци I Жигмонда к Брно, который осаждал Торстенсон, последовал новый приказ Порты вернуться. Современники сомневались в категоричности этого распоряжения. Не исключено, что султан вел двойную игру. Именно в это время был смещен будайский паша, очень уж прямо понимавший распоряжения османских властей в отношении поддержания мира с Габсбургами¹⁰¹. Трансильванскому же послу в Стамбуле Шереди великий везир Мехмед будто бы попенял на то, что его господин, ради которого он поменял будайского пашу, замирился с императором и увел свои войска из Моравии¹⁰². Для Ракоци же распоряжение Порты было поводом для решения собственных проблем.

В обстановке, когда шведы освободились от войны с Данией, заняли большую часть Саксонии и принудили курфюрста Саксонского к нейтралитету, а противники готовили новое наступление на наследственные провинции, Фердинанду было очень важно вывести из игры трансильванского князя. Поэтому в возобновившихся переговорах с Ракоци он был вынужден проявлять уступчивость и дипломатическую гибкость. Так, он смог преодолеть в себе предубеждение садиться за стол переговоров со своим вассалом¹⁰³. Более того, руководитель имперской делегации надор Миклош Эстерхази, занявший резко отрица-

тельную позицию в вопросе о передаче Ракоци нескольких комитатов, был удален с переговоров¹⁰⁴. Это было трудное решение, ибо надор пользовался большим влиянием в Венгрии.

Линцкий мир укреплял положение протестантов в Венгрии. Подтверждались условия Венского мира 1606 г. по религиозным вопросам. Право свободного выбора веры распространялось теперь и на крестьян. Восстанавливались нарушенные права протестантских церквей (запрещалось преследование лютеранских и кальвинистских священников, занятие принадлежавших протестантам храмов и др.)¹⁰⁵. Решение споров по вопросам веры передавалось предстоящему венгерскому государственному собранию. Ракоци I получал пожизненно 7 верхневенгерских комитатов, а комитаты Сатмар и Сабольч переходили его преемникам. Кроме того, за семьей князя закреплялись крепости Токай, Тарцал, Эчед¹⁰⁶. При том, что Ракоци со слабой трансильванской армией, с меняющимися настроениями в Венгрии, без помощи союзников (на которых было мало надежды), враждебности Порты не мог быть равным противником императору, такой мир был не только почетным, но и единственно реальным для него выходом.

Мир между Фердинандом и Ракоци был хрупким и нарушался с обеих сторон. Но его подписанием имперской дипломатии удалось на время отделить трансильванского князя от его союзников. Более того, венские политики придавали этому миру важное значение в Вестфальских переговорах, полагая, что он будет способствовать их счастливому и скорому исходу¹⁰⁷. Зато французы и шведы были недовольны и обвиняли трансильванского князя в нарушении обязательств. По мнению Торстенсона, Ракоци I помог переговорам в Мюнстере и Оснабрюке, но не договором с Фердинандом, а, напротив, походом против него¹⁰⁸. Что касается Ракоци, то заключением мира с императором он помимо прочего обратил на себя внимание всей Европы, а это было важно с точки зрения последующего включения Трансильвании в Вестфальский мир. Ракоци развил бурную пропаганду, разъясняя и союзникам и всей Европе, почему он отошел от союзников и подписал мир с Фердинандом¹⁰⁹.

Союзнические связи между Францией, Швецией и Трансильванией сохранялись и после подписания Линцкого мира. Они были нужны Ракоци как гаранты для включения Трансильванского княжества в текст европейского мира. Поверенный князя Ференц Ярми, посланный в Мюнстер к договаривающимся сторонам, должен был всячески способствовать этому. Согласно инструкции, ему вменялось в обязанность убеждать союзников в том, что Трансильвания не хочет мешать заключению мира, а представителя Габсбургов убедить в том, что князь не желает возобновления войны¹¹⁰. В то же время в случае затруднений в переговорах с союзниками Ярми должен был дать им понять, что Ракоци сохранил самостоятельность в отношениях с императором, не распустил свои войска, а, напротив, увеличив их численность, распоряжался ими как суверенный государь: отказав в предоставлении войск

Фердинанду, князь может предложить их союзникам в случае выполнения ими его условий¹¹¹. Подобными заявлениями Ракоци подчеркнуто представлял себя как суверена и в таком качестве претендовал на признание Европой.

Внешнеполитические усилия последних лет его правления были связаны с открывшейся возможностью создания антиосманской коалиции. Хотя эти усилия не имели прямого выхода на Вестфальский конгресс, все же влияли, подобно польским инициативам в этой области, на расстановку сил в Центральной Европе и на позицию основных участников Тридцатилетней войны. Венгрия и Трансильвания находились на главном направлении османской экспансии в Европе. Изгнание османов являлось для них жизненной необходимостью и основной целью. Поэтому перспектива антиосманского союза, ядром которого стали бы Польша, Трансильвания, Молдавия, Валахия, а также возможное подключение к нему Венеции и заинтересованных стран, очень привлекала Ракоци. У него были довольно сильные позиции в Польше, часть дворянства которой хотела после смерти Владислава IV видеть своим королем сына князя — Жигмонда. По этим двум вопросам вели переговоры в августе 1646 г. Дьердь Ракоци и Януш Радзивилл, посланник польского короля¹¹². Союз предполагалось укрепить женитьбой Жигмонда Ракоци на дочери молдавского господаря Василе Лупу Ирине. Этот брак не только укрепил бы отношения обоих государств с Молдавией, но и увеличивал шансы младшего Ракоци на польский престол как родственника Радзивилла, который был женат на старшей дочери Лупу и имел огромный авторитет у себя в королевстве¹¹³.

Французская дипломатия с интересом следила за развитием польско-трансильванских отношений и поддерживала их вместе с планом антиосманского похода. Какие бы цели при этом ни преследовала Франция и чем бы ни закончились планы антиосманской коалиции (а они, как было показано, провалились), можно предположить, что возникшая перспектива в раскладе сил в Центральной Европе благоприятствовала позициям трансильванского князя на Вестфальском конгрессе и способствовала признанию Трансильвании.

Важнейшие решения на Вестфальском конгрессе были приняты в период между осенью 1646 и началом 1648 г. Они касались территориальных, религиозных, правовых вопросов; особо стояла испанская проблема.

В конце декабря 1645 — январе 1646 г. французы и шведы выдвинули свои территориальные требования, которые в ходе переговоров менялись и уточнялись. Важную роль в поисках решений по этим и всем другим вопросам сыграл австрийский дипломат, глава имперской делегации в Мюнстере Максимилиан Траутмансдорф. Его тактика заключалась в том, чтобы на базе достигнутого с имперскими католическими и протестантскими сословиями согласия противопоставить друг другу Францию и Швецию и, разжигая противоречия меж-

ду ними, добиваться благоприятных для австрийского дома решений. При этом Траутмансдорф умел в нужных случаях идти на компромиссы.

Первоначальные притязания шведов и французов показались Фердинанду чрезмерными. Его посол заявил, что шведы не могли бы просить большего, если бы даже император находился в плену в Стокгольме¹¹⁴. Однако военные неудачи имперских войск в летнюю кампанию 1646 г. сделали Фердинанда более сговорчивым. 13 сентября 1646 г. было достигнута договоренность с Францией по вопросу о территориях¹¹⁵. Речь шла о подтверждении французских прав на епископства Мету, Туль и Верден в Лотарингии, а также о передаче Франции территорий в Эльзасе. Это соглашение стало базовым для последующих договоров. Потери в Эльзасе и Лотарингии не слишком больно задевали австрийских Габсбургов (за исключением важных крепостей Филиппсбург и Брейзах), поскольку верховные права династии в этих владениях были настолько необеспеченными, что император рано или поздно лишился бы их.

Достигнутая предварительная договоренность между Парижем и Веной позволила им взаимодействовать во время переговоров между Фердинандом и Швецией, которая была вынуждена отступить от первоначальной категоричности, боясь заключения сепаратного мира за ее спиной. В результате 17-20 февраля 1647 г. между Габсбургами, Швецией и Бранденбургом было подписано предварительное соглашение¹¹⁶. По его условиям Швеция обеспечила себе обладание важнейшими пунктами в устьях судоходных рек Северной Германии, что позволяло ей окончательно закрепить за собой контроль над торговыми путями, ведущими из Балтики в Западную Европу. Бранденбург был включен в текст соглашения в связи с претензиями Швеции на оккупированную ею Померанию, которая формально принадлежала курфюрсту. Упорство курфюрста Фридриха Вильгельма Великого в померанском вопросе подняло второстепенный Бранденбург в конце Тридцатилетней войны на неожиданно значительную высоту, что обеспечило Гогенцоллернам выдающееся место в Вестфальском мирном договоре и послевоенной Европе¹¹⁷. Верные принципу привлечения новых сторонников Мазарини и Фердинанд состязались в том, чтобы привлечь на свою сторону Фридриха Вильгельма щедрыми предложениями компенсации за уступку Швеции части Померании. В итоге, в соответствии с соглашением, Швеция и Бранденбург делили между собой Померанию и получали солидную территориальную компенсацию за отторгнутые у них части.

Поддержка Бранденбурга даже со стороны союзной Швеции Франции выражала сильное беспокойство европейских государств в связи с непомерным усилением шведских позиций на Балтике. Против этого резко выступили Мекленбург¹¹⁸, Польша, Голландия¹¹⁹. Боязнь нового могущественного соперника на море, несомненно, повлияла на последующие внешнеполитические шаги Голландии. В противовес Швеции

Республика стала поддерживать Данию, уже не представлявшую для нее столь большой опасности на Балтике, как это было до поражения Дании в войне со Швецией в 1643-45 гг. Генеральные Штаты Нидерландов не пошли на дальнейшее сближение с Францией и не согласились на ее уговоры выступить против императора¹²⁰, а вместо этого несколько позже предпочли мир с Испанией. Из других участников войны были удовлетворены в своих территориальных претензиях Гессен-Кассель, Брауншвейг-Люнебургский, Мекленбург (сторонники Франции и Швеции), Дания, Бавария (сторонники императора), а также Саксония как важные составные части создаваемой системы европейского равновесия.

Не менее сложным было урегулирование религиозного вопроса. Протестанты требовали возвращения к положению 1618 г., католики — 1627 (позже — 1624) г., когда они находились на вершине военных и политических успехов. Шведы хотели распространить протестантские свободы и на наследственные земли австрийских Габсбургов. В июне 1647 г. появился майнцкий проект императора по религиозному вопросу, предполагавший предоставление больших уступок протестантам в империи, но категорически исключавший эти уступки в наследственных землях. Именно в это время в Венгрии завершилось государственное собрание, занимавшееся ратификацией Линцкого мира. Затянувшиеся на семь месяцев жестокие споры по религиозным вопросам, поставившие под вопрос даже коронацию сына Фердинанда III как венгерского короля¹²¹, сделали императора еще более непреклонным в отрицании этой части требований противников на Вестфальском конгрессе. После очередного кризиса переговоров, в результате которого Траутмансдорф, обвиненный своими противниками при мадридском и венском дворах в симпатиях и тайном попустительстве протестантам, чуть было не покинул Мюнстер. 24 июля 1647 г. на конгрессе, наконец, были приняты основные положения религиозного соглашения между императором, Швецией и протестантами. Успех немецких протестантов гарантировался настойчивостью шведской дипломатии, поддержанной победами шведского оружия в эти месяцы. Важным достижением был отказ от принципа «*cuius regio, eius religio*», вера все больше переводилась на индивидуальный уровень.

Заключенный по религиозным вопросам договор послужил также серьезным шагом в деле секуляризации политики. Подтверждением этого явилось то безразличие, с каким конгресс, в том числе большая часть его католических участников, принимал протесты папской курии против протестантско-католических соглашений и отказ признать заключительный документ мирного договора. Папская булла «*Zelo Domus Dei*», осуждавшая Вестфальский мир, была опубликована 20 ноября 1648 г. и отменена 3 января 1652 г., но за это время не вызвала никакой реакции в канцеляриях европейских государств¹²². Это было тем более нелепо, что именно папа был одним из главных инициаторов созыва мирного конгресса, а его представитель, талантливый дип-

ломат Чиги (позже папа Александр VII), был одним из двух официальных посредников на вестфальских переговорах.

Политические и юридические решения Вестфальского конгресса, касающиеся империи, в основном фиксировали уже сложившиеся в результате долгого развития отношения между центральной властью, князьями и сословиями. На самом деле, император мало что терял, соглашаясь на предоставление князьям права ведения самостоятельной внешней политики (в том числе заключения союзов с иностранными государствами), признавая выборность высшей власти, отдавая рейхстагу прерогативу заключения мира, объявления войны и мобилизации войск. Поправка же, запрещающая вступать в союзы против императора, осталась на бумаге. С другой стороны, как показали дальнейшие события, имперские сословия ничего не приобрели, провозгласив обязательность сменяемости династий на имперском троне. Мало что изменили в реальном соотношении сил даже лишение особых прав курфюрстов и уравнивание сословий, на чем особенно настаивали Швеция и Франция, попавшие благодаря своим территориальным приобретениям в империи в состав имперских сословий и получившие право голоса на рейхстаге. Война освящала уже давно ставшие очевидными политическую раздробленность империи и бессилие в ней императорской власти, сохранившейся как своего рода бутафория.

Трезвый и умный политик Фердинанд III соглашался со всеми потерями и даже необходимостью выплачивать шведам крупную, тягостную для разоренной империи контрибуцию. Сохранение императорского трона было необходимо для поддержания авторитета австрийских Габсбургов в Европе, что было крайне важно для них, в том числе как организаторов и руководителей антиосманской борьбы. Однако главным для императора было сохранение и упрочение власти Габсбургов в наследственных владениях. Не случайно Фердинанд, показавший гибкость и податливость в отношении решения проблем империи, упорно сопротивлялся распространению тех же религиозных и политических уступок протестантам и сословиям на наследственные земли¹²³. Он первым из Габсбургов осознал, что их реальная власть и могущество должны базироваться не на приверженности к средневековым эфемерным концепциям универсалистской империи, а на прочном фундаменте их наследственных владений и присоединенных королевств в Центральной Европе. Но понадобилось еще полвека для того, чтобы эта новая концепция окрепла, в том числе в ходе освободительных войн с османами, и в конце XVII в. нашла выражение в проектах организации единого современного государства.

Важным элементом становления нового политического менталитета австрийских Габсбургов были их отношения с родственной Испанией. Переосмысление этих отношений проходило в очень тяжелой для обеих сторон форме и прямом насильственном участии противников Габсбургов по войне. Швеция и Франция требовали прекращения императорской помощи Мадриду в качестве неперемного условия зак-

лючения всеобщего мира. На самом деле, Испания желала продолжения войны и требовала этого от своих австрийских родственников, в то время как по эту сторону Пиренеев уже вырабатывались основные мирные решения. Траутмансдорф был готов принять и это требование, но Вена металась между родственно-союзническим долгом и своей выгодой. В начале 1647 г. Фердинанд требовал от Траутмансдорфа затягивать соглашение со Швецией, пока не будут готовы к миру Франция с Испанией, на успех переговоров между которыми рассчитывали в Вене¹²⁴. Однако в начале мая надежды рухнули¹²⁵. Из этого неловкого положения императора выручил испанско-голландский мир, заключенный 30 января 1648 г.: он выводил Испанию из вестфальских переговоров. Имперские дипломаты с удовлетворением отмечали, что этот шаг следует приветствовать, ибо он частично исправляет тяжелые последствия франко-баварского перемирия¹²⁶. Зато выход герцога Лотарингского из союза с Испанией¹²⁷, его тайные договоры с Францией и Швецией¹²⁸ и исключение из мирных переговоров¹²⁹ огорчали Вену, так как еще больше ослабляли лагерь Габсбургов и усугубляли их положение на конгрессе; число участников прогабсбургской коалиции сократилось, что приближало конец войны.

Итак, Тридцатилетняя война завершилась. Оценки ей и Вестфальскому миру с точки зрения интересов Западной Европы даны в многочисленных исследованиях зарубежных и отечественных авторов. Что принес мир Центральной и Юго-Восточной Европе?

У этого вопроса имеются две стороны. Каким было отношение большой политики Западной Европы к судьбам центральноевропейского региона, во-первых, в связи с Габсбургами, во-вторых — с османами. На первый вопрос можно ответить коротко: в целом довольно безразличное. Чехия, Венгрия, в некоторой мере Трансильвания рассматривались Западом как сфера власти австрийских Габсбургов, и помощь им, заинтересованность в их делах простирались лишь настолько, насколько это отвечало антигабсбургским планам противников императора. В итоге Чехия, с которой началась война, не была даже упомянута в Вестфальском мире, а Трансильвании пришлось употребить для этого исключительные усилия. Однако, как справедливо заметил К.Петер, «в международной политике нет места бескорыстным жертвам»¹³⁰. Та же Трансильвания отвечала неверностью на неверность союзников.

Османская проблема, которая наиболее чувствительно затрагивала страны указанного региона и разрешение которой ставилось в зависимости от быстрого окончания европейской войны, для стран Запада в этот период имела значение скорее тактического маневра. Она использовалась для своеобразной дезориентации противника с одной стороны, и привлечения к себе сторонников — с другой. Тем не менее, Вестфальский мир сыграл положительную роль в подходе европейских стран к вопросу об османской угрозе. После заключения мира они в течение короткого времени пребывали в состоянии эйфории. Но ско-

ро стало ясно, что пока османы не изгнаны из Европы, невозможен продолжительный и прочный мир. Начали вырисовываться контуры общеевропейской коалиции против Порты. Венгрия, Трансильвания, Молдавия. Валахия, Венеция, балканские народы воспряли духом в надежде на широкомасштабную освободительную войну. Этому же со страхом ожидали в Стамбуле. Однако прежде, чем эти грандиозные планы воплотились в жизнь, с трудом созданное равновесие в Европе было нарушено сначала англо-голландской, затем франко-голландскими торговыми и другими войнами. Антиосманская война силами большой европейской коалиции отодвинулась на десятилетия. Если же иметь в виду, что в эту коалицию реально вошли лишь особо заинтересованные государства (Польша, Россия, Австрия, Венеция, Рим), то следует признать, что Западная Европа снова осталась в стороне от судеб своих восточных и юго-восточных соседей.

- ¹ Der Kampf um den besten Frieden. Quellen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges zur Zeit der Friedensverhandlungen von Westfalen und der Ratifizierung des Friedens 1643—1649. Hrsg. M.Toegel. Praha, 1981 // Documenta Bohemica Bellum Tricennale. T.VII. (Далее — DBBT). S.382. № 1203.
- ² Граф Иоганн Максимилиан Ламберг был одним из представителей императора в Оснабрюке.
- ³ DBBT. S. 385. № 1211.
- ⁴ Ibid. S. 384. № 1210.
- ⁵ Ibid. S. 388. № 1224.
- ⁶ Ibid. S. 407. № 1273.
- ⁷ *Steinberg S.H.* The 'Thirty Years War' and the conflict for European hegemony 1600—1660. London, 1966. P.77.
- ⁸ *Braubach M.* Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jahrhundert // Bonner Historische Forschungen. Bd.33. Bonn, 1969. S. 14.
- ⁹ DBBT. S.253. № 1134.
- ¹⁰ Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien. (Далее — HNSA) Italien. Kleine Staaten. Mirandola — Saluzzo. Alt. Fasc.11. F.37—38.
- ¹¹ DBBT. S.194. № 576.
- ¹² HNSA. Italien. Kleine Staaten. F.73—73 r.
- ¹³ *Stenmetz M.* Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1965. S.378.
- ¹⁴ *Steinberg S.H.* Op.cit. P.78.
- ¹⁵ DBBT. S.149. № 434.
- ¹⁶ *Dickmann F.* Der Westfälische Frieden. Münster, 1959. S.192.
- ¹⁷ *Braubach M.* Op.cit. S.24.

- ^{17a} *Mecenseffy G.* Die Beziehungen der Höfe von Wien und Madrid während des Dreißigjährigen Krieges // Archiv für österreichischen Geschichte. Bd.121. 1955. S. 75.
- ¹⁸ *Алексеев В.М.* Тридцатилетняя война. Л.,1961.С.160—165.
- ¹⁹ *Ruppert K.* Die kaiserliche Politik auf dem Westfälischen Friedenskongreß (1643—1648). Münster, 1979. S.2.
- ²⁰ DBBT.S.336. № 1047.
- ²¹ Ibid. S.230. № 706.
- ²² Ibid. S.90. № 225.
- ²³ Ibid. S.113. № 314.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Ibid. S.144. № 423.
- ²⁶ Ibid. S.257. № 788.
- ²⁷ Ibid. S.139. № 405.
- ^{27a} Acta Pacis Westphalicae. Serie II. Abt.A: Die kaiserlichen Korrespondenzen. Bd.5: 1646—1647. Bearb. bei A. Oschmann. Münster,1993. (Далее — APW/II/A/5). S.XLIX.
- ^{27b} DBBT. S.329. № 1021.
- ²⁸ *Алексеев В.М.* Указ.соч.С.137—139.
- ²⁹ *Mecenseffy G.* Die Beziehungen der Höfe von Wien ... S. 81—85.
- ³⁰ Предполагалось заключение брачного союза между Фердинандом III и испанской инфантой (DBBT. S.304. № 947).
- ³¹ Имперский камерарий и дипломат У.Лесли писал полководцу и дипломату О.Пикколomini в начале ноября 1648 г. о том, что поездка Фердинанда III в Испанию должна послужить примирением с испанским королем, которого император оставил на произвол судьбы вопреки договору (DBBT. S.382. № 1203).
- ³² Тот же У.Лесли предупреждал О.Пикколomini, что каждое сказанное им слово, в частности, плохие отзывы об испанцах, их армиях и полководцах передается в Мадрид (Ibid.S.127. № 363).
- ³³ HNSA. Italien. Kleine Staaten. F.65—66.
- ³⁴ APW/II/A/5. S.148. № 84.
- ³⁵ *Поринев Б.Ф.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С.45—164.
- ³⁶ Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère. Rec. et publ. par A.Chéruel. T.2. Paris, 1873. P. 292—293.
- ³⁷ APW/II/A/5. S.201. № 81.
- ³⁸ Lettres du cardinal Mazarin... T. 2. P. 307—308.
- ³⁹ *Steinberg S.H.* Op. cit. P.77.
- ⁴⁰ *Алексеев В.М.* Указ. соч. С.145—150.
- ⁴¹ Швеция опасалась войны с Польшей, подготавливавшейся под видом борьбы с османами. См. об этом: *Czermak W.* Planu wojny tureckiey Władysława IV. Kraków. 1895.
- ⁴² Существует предположение, что Густав Адольф стремился к завоеванию Германии вместе с императорской короной и объединению ее в некий “Евангелический союз”. См. об этом: *Odhner C.T.* Die Politik Schwedens im Westphälischen Friedenskongreß und die Gründung der schwedischen Herrschaft im Deutschland. Gotha, 1877. S. 91.

- ⁴³ Lettres du cardinal Mazarin... T.I. Paris, 1872.P.CVI—CVII.
- ⁴⁴ APW/II/A/5. S.339. № 180.
- ⁴⁵ При заключении Житворокского мира султан договаривался с Матиасом как венгерским королем, демонстрируя таким образом нежелание иметь дело с императором. Позже султаны признали императора Рудольфа II в качестве договаривающейся стороны.
- ⁴⁶ Венское соглашение 1615 г. между Матиасом II и Ахмедом I (на 20 лет), Дьярматское соглашение 1625 г., Сеньский мир 1627 г. между Фердинандом II и Мурадом IV (на 25 лет), Стамбульский мир 1650 г. между Фердинандом III и Мехмедом IV. См.: Magyarország történeti kronológiája. Főszerk. Benda K. II.köt. 1526—1848. 3.kiad.Bp.,1989.
- ⁴⁷ *Leitsch W.* Ziele der österreichischen Politik gegenüber dem osmanischen Reich im 17. Jahrhundert.//Osmanli Arastirmalari. The Journal of Ottoman studies (Istanbul). № 4.1984. S.225.
- ⁴⁸ *Köhbach M.* Warum beteiligte sich das Osmanische Reich nicht am Dreißigjährigen Krieg? // Tagung "Polen und Österreich — themen des 17. Jahrhunderts" von 24. bis 26. Sept. 1996. Wien. Veranstat. von Historische Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- ⁴⁹ См.об этом: *Hiller I.* Palatin Nikolaus Eszterházy. Die ungarische Rolle in der Habsburgerdiplomatie 1625—1645. Wien—Köln—Weimar, 1992. S.17—33.
- ⁵⁰ *R.Várkonyi Á.* Erdély és a vesztfáliai béke (I. Rákózi György politikájához) // Scripta manent. Ünnepi tanulmányok a 60. életévét betöltött Gerics József professzor tiszteletére. Szerk. Draskóvits I. Bp., 1994. 194. o.
- ⁵¹ См. об этом: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в. М., 1973.
- ⁵² *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.220—222.
- ⁵³ Lettres du cardinal Mazarin...Т.II. P.209.
- ⁵⁴ DBBT. S.343. № 1071.
- ⁵⁵ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.221.
- ⁵⁶ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях 1544—1648). Т. 2 . СПб., 1894. С. 188, 195—206.
- ⁵⁷ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.222.
- ⁵⁸ Lettres du cardinal Mazarin... Т. II. P. 283—284.
- ⁵⁹ Linage de Vauciennes. Mémoires de ce qui s'est passé en Suède et aux provinces voisines, depuis l'année 1645 jusques en année 1655. Ensemble de l'émélé de la Suède avec Pologne. Tirez des dépeches de Monsieur Chanut ambassadeur pour le Roi en Suède. T.I. Paris,1675. P.78.
- ⁶⁰ См. об этом подробнее в разделе настоящего труда об отношениях государств Восточной Европы с Османской империей в середине XVII в.
- ⁶¹ *Czermak W.* Op. cit. P. 299.
- ⁶² Ibid. P. 363.
- ⁶³ Ibid. P. 94—97.
- ⁶⁴ Ibid. P. 79—82. Так, 30 тыс. эскудо, полученные от папы, были истрачены на казаков, силами которых Владислав предполагал воевать с крымскими татарами (*Bernino D.* Memorie storiche, che hanno operato li sommi pontifici nelle guerre contro i Turchi. Dal primo passaggio di questi in Europa fino all' anno 1684. Roma, 1685. P.281).
- ⁶⁵ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 232.

- ⁶⁶ DBBT. S.103. № 278; S. 104. № 279.
- ⁶⁷ Instrumenta pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648. Vollst. latein Text bearb. V.K.Müller. Bern,1949. S. 82.
- ⁶⁸ Из донесения императорского посла графа Рабатта Траутмансдорфу от 5.I.1645 // HHSA. Venedig. Berichte 1628—1684. Alt. Fasc. 14. F. 277.
- ⁶⁹ Ibidem.
- ⁷⁰ Ibid. F. 269 (Рабатта — императору 22.II.1645)
- ⁷¹ Ibid. F. 57.
- ⁷² Ibid. F. 300.
- ⁷³ APW/II/A/5. S.132. № 73. № 4.
- ⁷⁴ *Eickhoff E.* Venedig, Wien und die Osmanen: Umbruch in Südosteuropa 1645—1700. Stuttgart, 1988. S. 29—33.
- ⁷⁵ Ibid. S. 59.
- ⁷⁶ *Bernino D.* Op. cit. P.283.
- ⁷⁷ Ibid. S. 32.
- ⁷⁸ *Jaszay M.* Velence és Magyarország. Egy szomszédság küzdelmes története. Bp., 1990. 281.o.
- ⁷⁹ *Fiedler J.* Die Relationen der Botschafter Venedig über Deutschland und Österreich im XVII. Jahrhundert. Bd.1. Wien, 1866. S.209—210.
- ⁸⁰ *Jaszay M.* Op.cit. 284.o.
- ⁸¹ DBBT. S.197. № 576.
- ⁸² HHSA. Venedig. Berichte... F.248.
- ⁸³ *Fiedler J.* Op. cit. S.234—235.
- ⁸⁴ *Kemeny János művei.* Bp.,1980. 289.o.
- ⁸⁵ Erdélyi Országgyűlési Emlékek, 1540—1699. (Далее — EOE). Szerk. Szilágyi S. X.köt. Bp., 1881. 89—90.o.
- ⁸⁶ Цит. по кн.:*Eickhoff E.* Op. cit. S. 31.
- ⁸⁷ Ibid. S. 58.
- ⁸⁸ Okmánytár I. Rákóczy György svéd és francia szövetkezéseinek történetéhez. Szerk. Szilágyi S. Bp., 1873 //Monumenta Hungariae Historica.1.oszt.: Okmánytár. 21.köt. (Далее —МНН) 104—110. о. № LIII (XI.1643 г.).
- ⁸⁹ Ibid. 46—48.o. № XXII (s.d.).
- ⁹⁰ Ibid. 159—160.o. № LXXVII (V.1644 г.); 331—333.o. № CLXI (s.d.); 335—336.o. № CLXIII (1646 г.). 415—416.o. № CCXX (I.1648 г.) etc.
- ⁹¹ Ibid. 174—177.o. № LXXXVIII (VIII.1644 г.);186—188.o. № XCV (14.X.1644 г.).
- ⁹² В начале 1645 г. венецианский посол в Стамбуле жаловался Сенату на то, что посол Ракоци с помощью французов и голландцев тратит огромные суммы на подкуп, а Венеция — ничего. (HHSA. Venedig. Berichte...F.247). Летом 1644 г. в турецкую столицу с богатыми подарками прибыло представительное посольство императора для урегулирования вопроса. (DBBT. S.103. № 278; S. 124. № 352; S. 128. № 364).

- ⁹³ В марте 1644 г. имперский резидент в Стамбуле Александр Грайфенклау с удовлетворением сообщал о том, что в результате спор среди везирей, приведших к смерти великого везира, ярого противника императора, Ракоци не должен рассчитывать на большую помощь от Порты (Ibid.S. 76. № 186).
- ⁹⁴ HNSA. Venedig. Berichte... F.26.
- ⁹⁵ DBBT. S. 72. № 171.
- ⁹⁶ Péter K. A fejedelemség virágkora // Erdély története 1606—tól 1830-ig. Szerk. Makkai L., Szász Z.. Három kötetben. Bp.,1986. 2.köt. 105—106.o.
- ⁹⁷ Pálffy Pál nádor levelei (1644—1653). Szerk.stb. S. Lauter É. (Régi magyar történelmi források. I.köt.) Bp.,1989. 40.o. № 1; 41.o. № 2; DBBT. S. 103. № 278.
- ⁹⁸ Magyarország történeti kronológiája. 468.o.
- ⁹⁹ МНН. 180—182.o. № XCI (s.d.); 188—195.o. №XCVI—XCVIII (X.1644 г.); 204—208.o. № CV—CVI; 219.o. №CXV; 313—314. o. № CLI (XII.1644).
- ¹⁰⁰ Ibid. 183—184.o. № XCIII.
- ¹⁰¹ Rákóczi és a Porta. Szerk. Beke A., Barabás S. Bp., 1888. 778—779.o.
- ¹⁰² Ibidem.
- ¹⁰³ DBBT. S. 168. № 493.
- ¹⁰⁴ R. Várkonyi Á. Op.cit. 192.o.
- ¹⁰⁵ Linzi béke.1647— iki országgyűlés törvénycikke. // Corpus Juris Hungarici. (1608—1657). Bp., 1900. P. 420—427.
- ¹⁰⁶ Ibid. P.422—424.
- ¹⁰⁷ DBBT. S.220. № 659 (29. VIII. 1645 г.).
- ¹⁰⁸ Письмо Торстенсона Дьердю Ракоци. Цит. по: R. Várkonyi Á. Op.cit..195.o.
- ¹⁰⁹ МНН. 335—336.o. № CLXIII (I.1646 г.); 348—350.o. № CLXXIII—CLXXXIV (s.d).
- ¹¹⁰ Ibid. 390—396.o. № CCIV (25.II.1647 г.).
- ¹¹¹ Ibidem.
- ¹¹² EOE. X.köt. 89—90.o.
- ¹¹³ Péter K. A fejedelemség virágkora. 710.o.
- ¹¹⁴ Steinberg S.H. Op.cit. P.78.
- ¹¹⁵ APW/II/A/5. S.XLVIII.
- ¹¹⁶ Ibid. S.522—526. № 262.
- ¹¹⁷ Gloger B. Friedrich Wilhelm Kurfürst von Brandenburg. B.,1989. S. 71—79.
- ¹¹⁸ APW/II/A/5. S.302. № 163.
- ¹¹⁹ Ibid.S.304. № 164.
- ¹²⁰ Ibid. S.271 № 126.
- ¹²¹ Péter K. The Struggle for Protestant Religious Liberty at the 1646—47 Diet in Hungary // Crown, Church and Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Ed. by R.J.W. Ewans and T.V. Thomas. London, 1991. P.261—267.
- ¹²² Steinberg H.S. Op.cit.S.82—83.
- ¹²³ DBBT. S.334. №1040; APW/II/A/5. S.326—333. №176.
- ¹²⁴ APW/II/A/5.S.313. № 968.

¹²⁵ Ibid. S.436. № 227 (5.V.1647 г.).

¹²⁶ DBBT. S.331. № 1031.

¹²⁷ Ibid. S.204. № 741.

¹²⁸ Ibid. S. 328. № 1019.

¹²⁹ Ibid. S.383. № 1206.

¹³⁰ Péter K. A fejedelemség virágkora. 709.o.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х — 40-х гг. XVII в.

Мирные соглашения между Россией и Речью Посполитой, заключенные в 1634 г., обозначили определенную грань в истории отношений восточноевропейских государств с Османской империей и Крымом. Правда, для политики самой империи 1634 г. вовсе не имел переломного значения. Восточная Европа, как и ранее, продолжала оставаться сравнительно второстепенным направлением внешней политики Порты. Концентрируя свою активность на других направлениях (завершение войны с Ираном, завоевание средиземноморских владений Венеции), Османская империя в середине XVII в. стремилась в основном к сохранению позиций, завоеванных ею ранее в Северном Причерноморье. Перемены наметились в политике восточноевропейских государств.

Прежде всего, есть основание говорить о переменах во внешней политике Варшавы. Исход выигранной, но тяжелой Смоленской войны показал, что Речи Посполитой следует примириться с существующими границами в Восточной Европе и не пытаться подчинить Россию своему влиянию. Вместе с тем, к 30-м гг. XVII в. в Польше вследствие интенсивной колонизации южных и восточных земель Украины заметно выросло влияние и могущество представителей знати, имевших владения в этих районах. По мере того, как их владения становились все более крупными и заселенными, магнаты все менее хотели мириться с ущербом, который им наносили постоянные татарские набеги.

При благоприятной международной ситуации они готовы были пойти на достаточно серьезные меры, чтобы положить конец татарской угрозе, завоевав Крымское ханство или поставив его под свой контроль. Добиться решения этой задачи можно было лишь в сотрудничестве с Россией, отсюда интерес к идее соглашения с Москвой.

Планы наступательной политики по отношению к Османской империи и Крыму появились в то время и у главы государства — польского короля Владислава IV. С успешной войной на юге он связывал надежды на укрепление королевской власти в стране. «Фамильный» договор, который он заключил с Габсбургами в 1636 г., предусматривал передачу в наследственное владение польской ветви дома Ваз части земель, отвоеванных у османов¹.

Эта новая ориентация влиятельных политических сил в Речи Посполитой не наложила, однако, отпечатка на развитие польско-османских отношений в первые годы после заключения договора 1634 г. Сразу по окончании войны главной задачей польских политиков было подчинить контролю власти чрезмерно усилившееся за время войны казачество, покончить с его самовольными действиями. Наиболее ярким проявлением такой политики стало строительство крепости Кодак на Нижнем Днепре с целью положить конец самостоятельным выходам казаков на Черное море. Такие шаги польского правительства объективно соответствовали интересам османской стороны и вызвали удовлетворение в Стамбуле. Действия польского короля в отношении казаков здесь ставили в пример русскому правительству, требуя от него принятия аналогичных мер по отношению к донским казакам^{1а}. Не опасавшееся более запорожских походов и не заинтересованное в новой ситуации в союзе с Россией османское правительство в середине 30-х гг. XVII в. попыталось разрушить казачьи городки на Дону и тем окончательно устранить опасность, грозящую Османской империи со стороны казаков².

Однако те объективные противоречия, развитие которых подталкивало Речь Посполитую к наступательной политике по отношению к Османской империи и Крыму, не замедлили проявиться, когда наметились серьезные осложнения в крымско-османских отношениях. Причиной конфликта, как и ранее, стал отказ крымской знати выполнить приказ султана о посылке большого татарского войска в Иран³. Хан Инайет-Гирей обратился к польскому правительству с просьбой о покровительстве и помощи против османов и оставшейся верной султану Буджакской орды. Это предложение встретило горячую поддержку и короля Владислава IV, и признанного лидера магнатов юга страны великого гетмана коронного С. Конецпольского. С тихого разрешения властей на помощь хану отправились крупные отряды запорожских казаков. Вопрос о войне с Османской империей был поставлен на обсуждение собравшегося в январе 1637 г. сейма. С обоснованием военных планов выступил перед послами С. Конецпольский, ссылаясь на обращение татар и предложение о союзе с Ираном, которое в это время доставил в Варшаву посол шаха епископ Костенос. Предложение, поддержанное магнатами, встретило оппозицию со стороны шляхты, не желавшей расходовать средства на опасную войну, и 4 марта сейм разошелся, не приняв никаких решений⁴. Однако неуспех на сейме не заставил сторонников войны отказаться от своих планов. Владислав IV

начал зондировать почву относительно сотрудничества с Россией⁵, крымским послам король обещал направить на помощь регулярную армию⁶. Быстрое восстановление вассальной зависимости Крыма от Стамбула положило конец этим проектам. Хотя они и не привели к сколько нибудь значительным последствиям, указанные события очень показательны для определения перемен в политике Речи Посполитой по отношению к Османской империи: появление влиятельных сил, заинтересованных в войне, и их готовность осуществлять эти планы, невзирая на серьезную оппозицию.

Отложение Крыма и междуусобную войну крымских татар с Буджакской ордой сумели использовать в своих интересах лишь донские казаки. Воспользовавшись уходом татар из Крыма, они осадили и в июне 1637 г. взяли приступом Азов — турецкую крепость в устье Дона, один из главных опорных пунктов османской власти в Северном Причерноморье. Так как казаки признавали верховную власть русского царя, то взятие ими Азова можно было бы рассматривать как начало войны между Россией и Османской империей. Положение усугублялось тем, что незадолго перед взятием крепости казаки убили находившегося на Дону проездом в Москву посла султана Фому Кантакузина, который пытался вызвать на помощь защитникам города ногайских мурз⁷.

В отечественной литературе нередко можно встретить утверждения, что взятие Азова было инспирировано Москвой и являлось частью планов наступательной политики на юге⁸. С таким мнением вряд ли можно согласиться. Действительно, после взятия донскими казаками Азова русское правительство постоянно оказывало им крупную помощь вооружением и продовольствием⁹, предпринимало и другие меры, чтобы оказать им поддержку. Направленные в начале 1638 г. в Варшаву послы должны были добиваться разрешения Запорожскому войску пойти на царскую службу «на поганых бесермен, на крымских людей»¹⁰. Однако у нас нет никаких свидетельств того, что русское правительство действительно побуждало казаков захватить Азов и что этот акт был частью его плана наступления на османов. В этом случае Москва должна была бы искать союзников для ведения войны. Таким союзником, в первую очередь, могла бы быть Речь Посполитая, но никаких следов подобной инициативы в материалах русско-польских переговоров этих лет не обнаруживается. По отношению к самой Османской империи русское правительство заняло весьма осторожную позицию, возложив всю вину за происшедшее на «самовольство» донских казаков. «Мы за них не стоим, — указывалось в царской грамоте, — хотя их воров всех в один час велите побить». Эта интерпретация событий была затем официально принята Стамбулом¹¹. В условиях, когда все силы Османской империи направлялись на завершение долголетней войны с Ираном, султан не был заинтересован в открытом столкновении с Россией. Кроме того, такая ситуация давала возможность оказывать давление на русское правительство и добиваться от него принятия мер против казаков.

Историческая обстановка в Северном Причерноморье сложилась так, что локальная акция донских казаков приобрела гораздо более важное общее значение. Выше уже говорилось о политике властей Речи Посполитой, направленной на подчинение запорожского казачества. Столкновение интересов в то самое время, когда донцы заняли Азов, в 1637—1638 гг. привело к восстанию на Украине, подавленному с большой жестокостью. Реестровое войско было подчинено строгому контролю польских офицеров, и одной из его главных обязанностей стало предотвращение самовольных казацких набегов. Кодак, разрушенный запорожцами, был снова восстановлен. На территории самой Сечи появилась «застава», которая должна была следить за тем, чтобы запорожцы не строили «чаек». Взятие донцами Азова, открывшее казакам свободный выход к морю, дал возможность запорожцам продолжать свои морские походы, несмотря на запреты польских властей. В конце 30-х гг. на Дону фактически соединились между собой военные силы Дона и Запорожья. Уже в 1638 г., по оценке самих донских атаманов, в Азове число запорожцев не уступало числу донцов и крупные отряды запорожцев находились здесь практически в течение всего времени, пока крепость находилась в руках казаков¹². Город стал местом, откуда донские и запорожские казаки совершали набеги на османские владения. Уже поэтому Османская империя не могла примириться с тем, что крепость оказалась в руках казаков.

Как бы осторожно ни вело себя русское правительство, оказывая поддержку донским казакам, оно явно ступило на путь конфронтации с Портой. И это не могло не привлечь внимания тех сил в Речи Посполитой, которые выступали за наступательную политику по отношению к Османской империи и Крыму. С другой стороны, и Россия оказывалась заинтересованной в сотрудничестве с Польшей, когда перед ней была перспектива возможного конфликта со Стамбулом. Между двумя странами, недавно еще ожесточенными противниками, к концу 30-х гг. наметилось сближение, между правительствами обоих государств начался обмен информацией о действиях татар и османов. Польские сенаторы весной 1639 г. заверили русских дипломатов, что Речь Посполитая не пропустит через свою территорию султанские войска, идущие к Азову¹³.

Какие серьезные надежды возлагались в Варшаве на сотрудничество с Россией, показывает эпизод, имевший место в начале 1640 г. После удачного окончания в 1639 г. войны с Ираном султан Мурад IV стал собирать в Адрианопле войска для военного похода, цель которого оставалась неизвестной. Так как зимой 1640 г. внезапно возобновились прекратившиеся после взятия Азова донцами нападения татар на Речь Посполитую¹⁴, то сведения о военных приготовлениях османов вызвали серьезное беспокойство польских правящих кругов. На апрель 1640 г. был назначен созыв сейма с обсуждением вопроса об организации обороны страны от османов¹⁵. В январе 1640 г. в Москву отправились посланники Н. Стахурский и К. Раецкий с предложением прислать в Вар-

шаву «великих» послов для заключения союза против Османской империи. Реакция русского правительства на это предложение оказалась весьма сдержанной: переговоры о заключении союза были отложены на неопределенное время¹⁶. В этом следует видеть свидетельство того, что Россия в то время была достаточно далека от планов наступательной политики против Османской империи. Сдержанная реакция Москвы, возможно, объяснялась и тем, что к этому времени здесь стало известно о начале мирных переговоров между Варшавой и Стамбулом.

Обращает на себя внимание поспешность, с которой на сейме был поставлен вопрос о войне с османами. Это заставляет думать, что в данном случае мы снова имеем дело с активизацией сил, заинтересованных в наступательных действиях на юге. И, как и в 1637 г., планы этих сил снова столкнулись с серьезной оппозицией. Шляхетские послы отнеслись скептически к сообщениям о военной опасности, а когда стало известно о внезапной смерти султана Мурада IV, и вовсе отказались обсуждать вопрос о войне с османами¹⁷. В этих условиях не оставалось ничего другого, как отправить в Стамбул посольство для подтверждения мирных договоров новым султаном Ибрагимом¹⁸. Послу, находившемуся в Стамбуле в мае 1640 г., сравнительно легко удалось добиться своей цели. Османское правительство к этому времени приступило к подготовке похода на Азов и стремилось при этом добиться не только нейтралитета, но и содействия польских властей. Неслучайно в мирный договор было включено условие, по которому Речь Посполитая брала на себя обязательство не только не оказывать никакой помощи России, но и не допустить присоединения к донцам запорожских казаков¹⁹.

Непосредственно перед выступлением султанских войск под Азов в Стамбуле пошли дальше и стали добиваться от Речи Посполитой прямого содействия. Проявляя готовность пойти на ряд уступок (в частности, запретить татарам селиться в Буджаке), Порта предлагала польскому правительству принять меры к тому, чтобы запорожские казаки покинули Азов²⁰. В итоге на раде сената в апреле 1641 г. было принято решение пойти навстречу османским предложениям. В Азов были посланы королевские универсалы с сообщением, что король прощает запорожцам их участие в восстании 1638 г., если они вернуться на территорию Речи Посполитой.

В ситуации, когда шляхта отказалась обсуждать предложения об организации обороны страны, у польского правительства не было другого выхода, как искать соглашения с Портой. Нет оснований полагать, что королевские универсалы серьезно повлияли на сидевших в Азове запорожских казаков. Однако имело значение, что осенью 1641 г. копии документов, которыми обменялись Стамбул и Варшава, попали в Москву²¹, посеяв недоверие к возможному союзнику и показав, что в конфликте с османами русскому правительству придется рассчитывать на собственные силы.

Давно подготавливавшийся поход османов на Азов начался в конце весны 1641 г. Сухопутным путем через Дунай мимо Крыма к Азову направлялись значительные военные силы из балканских провинций Османской империи. К ним по приказу султана присоединились крымский хан и войска господарей Дунайских княжеств. Из Стамбула к Азову двинулся османский флот. Осада Азова продолжалась с начала июня до конца сентября 1641 г. Султанские войска неоднократно штурмовали крепость, понесли значительные потери, но вынуждены были отступить, не добившись успеха²². Эта неудача была ударом по престижу империи, тем более обидным, что османы имели дело не с войсками какой-либо крупной европейской державы, а с нерегулярными военными формированиями, «разбойниками» по тогдашней терминологии. Неудивительно, что в Стамбуле принимали меры, чтобы скрыть от собственного населения и от соседей размеры потерь. Суда с убитыми и ранеными разгружались ночью, а затем на них размещались находившиеся в столице войска, чтобы показать, что армия вернулась из-под Азова в добром порядке²³. Одновременно возрос престиж Русского государства в глазах православного населения Османской империи. Именно в это время в греческих письмах в Москву стали выражаться надежды на то, что царь Михаил Федорович сможет стать для греков «новым Моисеем» и занять трон византийских императоров²⁴.

Османская империя, не занятая в то время войной на других фронтах, не желала примириться с поражением и вскоре начались приготовления к новому походу на Азов. Однако боевой дух в деморализованных неудачей войсках был невысоким, приходилось принимать специальные меры для борьбы с дезертирством, ожесточение воинов обращалось против великого везира²⁵. Великий везир Мустафа-паша, в руках которого находилось управление империей в первые годы правления султана Ибрагима, отдавал себе отчет в том, что повторная неудача может положить конец его карьере. Отсюда попытка вернуть Азов мирным путем благодаря соглашению с русским правительством.

Устанавливать дипломатические контакты с Россией великий везир начал уже весной 1640 г. Соображения престижа не позволяли отправлять в Москву официальную дипломатическую миссию, но через посещавших Москву греков царским властям настойчиво давались советы отправить в Стамбул послов о «добром деле»²⁵. Когда отправите таких послов, — писал переводчик султана Зульфикар-ага, — «с сей стороны дружбу и любовь увидите с лишком»²⁶. Русское правительство долгое время не реагировало на эти обращения и лишь в апреле 1641 г., после получения сообщений о подготовке султаном похода на Азов, в Стамбул был отправлен с заверениями в «дружбе» переводчик Посольского приказа Б. Лыков²⁷. Однако никаких поручений вести переговоры он не получил. Главной целью его миссии был сбор сведений о положении в империи и планах османов относительно Азова²⁸.

Столь медленное развитие контактов не могло устроить Порту, и после неудачи похода 1641 г. великий везир предпринял серьезную попытку мирным путем решить вопрос об Азове, обратившись для этого по соображениям престижа к посредничеству молдавского господаря Василе Лупу. 19 декабря 1641 г. в Москву прибыл молдавский посол И. Остафьев. От имени господаря царю Михаилу был предложен проект соглашения, предусматривавший, что Османская империя окажет военную помощь России в случае ее конфликта с третьим государством и не допустит нападений татар на русские земли, если царь заставит донских казаков уйти из Азова²⁹.

Русское правительство оказалось перед нелегким решением. Хотя османы и потерпели под Азовом неудачу, казаки также понесли большие потери, а азовская крепость оказалась почти полностью разрушенной. Сразу после ухода османов из-под Азова донские атаманы сообщили в Москву, что они более не в состоянии удерживать город своими силами и просят прислать «государева воеводу» с «ратными людьми»³⁰. Вместе с тем донесения из Стамбула Б. Лыкова не оставляли сомнений в том, что весной 1642 г. начнется новый поход османов на Азов. Отошедшие от города войска получили приказ зимовать в Крыму, в Румелии было объявлено, что к весне войска должны быть готовы к несению службы, производился новый набор янычар³¹. Посылка войск в Азов в такой ситуации означала вступление в прямой конфликт с османами в момент, когда Порты не была занята войной на других фронтах, а сама Россия могла полагаться лишь на собственные силы.

В таких условиях в Москве склонялись к тому, чтобы одобрить привезенное молдавским послом соглашение. Здесь, однако, понимали, что решение отдать Азов «бусурманам» после поражения, нанесенного казаками османской армии, встретится с недовольством общества. Поэтому вопрос был передан на рассмотрение созданного в январе 1642 г. Земского собора. Собравшимся представителям сословий сообщили, что Азов разрушен «до основания» и что весной османы намерены продолжать войну «многую силою». Так как для ведения войны с ними потребуются большие средства, то перед участниками собора был поставлен неприятный вопрос: «и такия великия деньги и многие запасы где имати»³². Когда, как правительство и ожидало, представители сословий не смогли дать четкого ответа на поставленный вопрос, ссылаясь на свою бедность и разорение, в Москве нашли возможность одобрить предложенный османской стороной проект соглашения: донским казакам был послан приказ оставить Азов, и в конце мая 1642 г., незадолго до подхода османских войск, казаки покинули эту крепость³³.

В сложившихся условиях найденный выход был в целом приемлемым для обеих сторон, оказавшихся в ходе развития событий в довольно трудной ситуации. Однако при заключении соглашения русские политики допустили определенную оплошность, удовлетворившись «писанием» воеводы Василе и не добившись до ухода казаков из Азова особого документа от османской стороны с изложением

ем ее обязательств. И это в дальнейшем облегчило для Порты возможность уклониться от выполнения условий соглашения.

Следует отметить, что, по представлениям османских политиков, мирное соглашение не имело отношения к донским казакам, и сразу после занятия Азова османы стали разорять казачьи городки на Дону. Когда летом 1643 г. на Дон прибыло посольство во главе с И.Д. Милославским, направлявшееся в Стамбул для окончательного урегулирования конфликта, в главном казацком городе Раздорах оно оказалось осажденным султанскими и татарскими войсками³⁴. Наиболее существенно, что не оправдались расчеты русских политиков на то, что мирное соглашение будет способствовать прекращению татарских набегов. Правда, в 1642—1644 г. из Стамбула заставляли крымского хана препятствовать нападениям татар, но эти меры, так как они были в явном противоречии с интересами крымской знати, привели лишь к некоторому сокращению масштаба нападений, но не к их прекращению. А к зиме 1644/45 г., когда османы стали готовиться к захвату Крита и понадобилось много гребцов на построенные галеры, султан стал сам побуждать татар к набегам на Русь³⁵.

При окончательной оценке результатов русской политики по отношению к Османской империи и Крыму следует учитывать еще одну сторону дела. Благодаря тому, что донские казаки с помощью русского правительства в течение ряда лет удерживали Азов, с 1637 г. практически прекратились крупные нашествия татар на русские земли. В Крыму опасались нападения русских войск на ханство и поспешно ремонтировали укрепления на Перекопском перешейке; кроме того, по приказам султана орда была вынуждена высылать войска под Азов для действий против казаков³⁶. «Азовское сидение» и русско-османское соглашение 1642 г. дали русской стороне 8-летнюю передышку, которая была использована для принятия мер по укреплению южных границ государства.

Система обороны южных районов России, практически разрушенная в период Смуты, в 20-е гг. XVII в. так и не была восстановлена в прежнем виде и не смогла эффективно противостоять крупным татарским нападениям 1632 и 1633 гг. В результате этих набегов, разорив обширные территории, татарские войска дошли до Оки. С 1635 г. началось сооружение новой оборонительной системы. Прежде всего, развернулись работы по укреплению традиционного оборонительного рубежа, так называемой Засечной черты, протянувшейся на 500 км параллельно Оке между Мещерскими и Брянскими лесами от Рязани к Белёву. Для строительства на этой линии земляных крепостей и валов было мобилизовано до 27 тыс. чел.³⁷ Не удовлетворяясь этим, русское правительство тогда же приступило к созданию выдвинутой в степь передовой линии обороны — Белгородской черты, которая должна была пройти там, где располагались ранее русские передовые посты в Диком поле. Работа по сооружению этой линии началась со строительства в 30-х гг. укрепленных крепостей, таких как Козлов, Тамбов, Еф-

ремов, Чугуев, лежавших на основных направлениях татарских набегов. В 40-х гг. приступили уже к созданию сплошной оборонительной линии, растянувшейся на 800 км от верхнего течения Ворсклы до Дона и далее по р. Воронеж к Цне. В 40-е гг. здесь построили 18 крепостей. Сооруженные в этом направлении валы, острожки и города были еще более мощными, чем соответствующие укрепления Засечной черты.³⁸

Благодаря строительству оборонительных линий войска, стоявшие ранее у Оки, оказалось возможным передвинуть далеко на юг; вместо Тулы центром организации обороны от татар стал Белгород. Все это потребовало огромных трудовых и материальных затрат и перемещения значительных масс населения с более северных территорий. Представляется, что в то время вряд ли какое-либо другое государство могло в краткие хронологические сроки выполнить работу такого размаха. В результате создались благоприятные условия для колонизации «прикрытых» новыми оборонительными линиями обширных территорий Юга, которые стали интенсивно заселяться не только русскими, но и украинскими крестьянами и казаками, покинувшими территорию Речи Посполитой после поражения казацкого восстания 1637—1638 гг.³⁹ Одновременно резко ухудшились условия для совершения татарских набегов на русские земли, хотя в 1644—1645 гг., когда возобновились крупные нападения татар, им еще удалось захватить большой полон⁴⁰. Однако следует отметить, что набеги затронули территорию лишь юго-западных уездов — Рыльского и Путивльского, а сам их успех был связан с тем, что работы по созданию Белгородской черты еще не были завершены. Нападения отдельных татарских улусов в 1647 г. закончились полной неудачей. «Государева украйна, — говорили пленные, — не по старому ныне, де, укреплена накрепко и городов поставлено много, и людьми наполнена многими, и вперед имь ходити на Русь никак не мочно»⁴¹. В таких условиях внимание крымской знати все более стало обращаться в сторону Речи Посполитой, где подобная система обороны южных границ отсутствовала.

Середина 40-х гг. XVII в. в истории Речи Посполитой стала временем новых действий тех сил, которые выступали за активизацию польско-литовской политики на юге. После крупного набега татар зимой 1644 г. и поражения нанесенного им коронной армией под Охматовым, сенат принял решение прекратить уплату «упоминок» татарам, и ханские послы вернулись в Крым с пустыми руками. Отношения между Речью Посполитой и Крымским ханством оказались разорваны⁴². Осенью 1644 г. к русским послам, посетившим в это время Варшаву, обратились с предложениями о заключении союза против татар⁴³. В начале 1645 г. на обсуждение сейма был также вынесен вопрос о необходимости прекратить уплату дани Крыму и избавить южные земли Речи Посполитой от татарской опасности⁴⁴.

За этим оживлением политической активности стояли далеко идущие планы. Именно в то время, когда были предприняты указанные шаги, признанный глава магнатов Юга великий гетман коронный

С.Конецпольский написал «Рассуждение об уничтожении крымских татар», в котором целью польской политики провозглашалось завоевание Крымского ханства совместными действиями России и Речи Посполитой. Любопытно при этом, что, видимо, оценив успехи, достигнутые русским правительством при колонизации юга и строительстве засечных черт, гетман рекомендовал передать завоеванный Крым России, у которой только и достанет сил на то, чтобы его заселить и освоить⁴⁵. Сейм, которому было предложено заняться вопросом о войне с татарами, разошелся в конце марта 1645 г., не приняв никаких решений, но это не остановило сторонников наступления на Крым. Летом 1645 г. великий посол Речи Посполитой Г. Стемпковский предложил русским политикам в Москве план совместного завоевания ханства⁴⁶. Дополнительным стимулом активности для магнатов, заинтересованных в том, чтобы обезопасить свои владения от татарских набегов, стало начало войны между Османской империей и Венецией. Султанские войска не сумели, как планировалось, сразу захватить Крит. Османы оказались втянутыми в длительную войну и, следовательно, не смогли бы направить значительную помощь Крыму.

Отношение русского правительства к предложениям из Варшавы было первоначально достаточно прохладным (Г. Стемпковский уехал без какого-либо определенного ответа) и оно продолжало поддерживать нормальные отношения с Крымом⁴⁷. В январе 1646 г. позиция России резко изменилась. Послы, которые везли очередные «поминки» в Крым, были возвращены в Москву. Тогда же в январе было принято решение направить на Дон войска для организации оттуда похода на крымские улусы. «Великим послам», отправленным в Варшаву для подтверждения Поляновского договора, поручалось обсудить с сенаторами вопрос об условиях союза против Крыма «и письмо у них на то взять, на каких статьях тому делу быть». Существенно, что послы должны были выяснить, «буде над Крымом учинитца одоление, и тот крымский юрт как обоим великим государем вперед держать и как промышлять, чтоб вперед на крымском юрте татарам поселитца не дать»⁴⁸. То, что к середине 40-х гг. XVII в. вопрос о завоевании Крыма стал предметом конкретного обсуждения правящих кругов двух восточноевропейских стран, можно рассматривать как своеобразный итог осмысления истории развития их отношений с Османской империей: убеждение в прогрессирующем ослаблении некогда столь могущественной державы, которое позволило ставить перед собой далеко идущие цели, и осознание необходимости соединить силы обоих государств ради их достижения.

Переговоры, которые в марте-апреле 1646 г. вело в Варшаве русское «великое» посольство во главе с В.И. Стрешневым, закончились в целом благополучно. Сенаторы обещали, что гетман М.Потоцкий (преемник умершего С.Конецпольского) свяжется с командующим войсками в городах Белгородской черты Н.И. Одоевским для организации совместных действий против татар. Еще более важным было заявление се-

наторов, что вскоре в Москву будет направлено посольство во главе с украинским православным магнатом А.Киселем «о соединении на общего неприятеля на крымского поганца». Поспешность таких действий мотивировалась тем, чтобы послы с готовым проектом соглашения могли вернуться «до сойму заранее и на сойму те все дела довершить»⁴⁹.

Всю весну 1646 г. шел сбор на Дону войск и запасов для организации похода на Крым⁵⁰. Русское правительство действовало осторожно. В наказах к воеводам, командовавшим ратными людьми, и донским атаманам предписывалось ограничиться военными действиями лишь против татар, не затрагивая Азова и других османских владений⁵¹. Однако уже сам сбор русских войск на Дону не мог не вызвать самого серьезного беспокойства в Стамбуле, где, вспоминая опыт недавних лет, тревожились прежде всего из-за Азова. Беспокойство было тем более оправдано, что возможности помощи Азову были здесь очень ограниченными. Весь османский флот с началом войны с Венецией находился на Средиземном море, а снимать сухопутные войска с Дуная (как это было сделано в 1641—1642 гг.) считалось невозможным, так как в Стамбуле стало известно о приготвлении к войне в Речи Посполитой. Разумеется, в распоряжении султана была крымская орда, но хан Ислам-Гирей не решался уводить из Крыма все войска, опасаясь нападения польских и литовских войск на Перекоп⁵². На Дон ушла лишь часть орды во главе с одним из царевичей, и здесь начались бои, продолжавшиеся с начала июля до начала августа, в которых обе стороны понесли большие потери⁵³.

Одновременный конфликт с Венецией и с коалицией восточноевропейских стран мог поставить Османскую империю в тяжелое положение. Неудивительно, что внимательно следившие за развитием событий господа Дунайских княжеств не только отказались послать войска на Дон, но и начали переговоры о присоединении к русско-польскому союзу⁵⁴. Однако совместное выступление восточноевропейских государств против Крыма было сорвано столкновением интересов разных политических сил в Речи Посполитой.

Главной силой в Польше, выступавшей за наступление на Юге, были магнаты — владельцы имений на Украине. У них были определенные представления о характере будущей войны, которые нашли свое выражение в ходе переговоров с посольством В.И. Стрешнева. Московские послы просили «отпереть Днепр» для запорожских казаков, чтобы те своими действиями поддержали русский поход на Крым, но встретились с отказом. Отказ диктовался в основном двумя мотивами: во-первых, получив возможность выйти на море, запорожцы могли напасть на османские владения, что привело бы к нежелательному расширению конфликта; во-вторых, магнаты были против всякой активности казачества, которая могла бы создать угрозу установленному ими социальному порядку на Украине⁵⁵. Их идеалом была локальная война против разорявшего их владения Крыма, осуществлявшаяся под полным их контролем.

Иным было представление о характере и целях войны у короля Владислава IV и круга его близких советников. Война ему нужна была для того, чтобы укрепить королевскую власть, в частности, за счет приобретения лежащих за пределами Речи Посполитой владений, в том числе и Дунайских княжеств. Если бы княжества стали наследственным владением польской ветви рода Ваза, то, чтобы не утратить контроль над этими территориями, шляхта была бы вынуждена избирать правителей из этого рода. Для достижения таких целей королю была необходима война не только с Крымом, но и с Османской империей. Уже в декабре 1645 г. Владислав IV предложил венецианскому послу Д.Тьеполо план компании, предусматривавший поход русских войск на Крым, выход запорожцев на Черное море и поход польской армии за Дунай. Король не распорядился государственной казной и не мог вести войны на собственные средства, но такие средства он мог получить от Венеции, заинтересованной в диверсии, которая отвлекла бы османские силы от ее собственных владений. Весной 1646 г. республика предложила Владиславу IV субсидию в размере 400 тыс. талеров. Деньги должны были начать выплачиваться лишь после открытия королем военных действий, но сама перспектива их получения давала королю возможность делать займы и набирать войска⁵⁷. Имея в своем распоряжении военную силу, король мог начать военные действия и тем самым втянуть Речь Посполитую в войну вопреки ее желанию. Наиболее идеальным вариантом для короля и его окружения было бы спровоцировать османов или татар к нападению на Речь Посполитую, чтобы иметь законную причину для начала войны. Побудить Порту к таким действиям должны были нападения запорожцев на османские владения. В апреле 1646 г. король тайно встретился с представителями верхушки Запорожского войска и передал им 18 тыс. талеров, полученных от венецианского посла, на строительство судов для морского похода и выдал им привилей, скрепленный его личной печатью, разрешавший вдвое увеличить размер казацкого реестра⁵⁸. На Днепре весной-летом 1646 г. строились десятки судов для такого похода⁵⁹. Тогда же в апреле-мае 1646 г. начался набор войск для войны с османами. Так как канцлеры отказались скрепить печатями соответствующие грамоты для офицеров, король приказал и их скреплять личной печатью⁶⁰.

Акции короля, предпринятые с явным нарушением традиционных политических норм и без учета реальной расстановки сил в стране, натолкнулись скоро на резкое противодействие не только магнатов Юга, чья политика расходилась с его собственной, но и других группировок магнатов и широких кругов шляхты, не заинтересованных в расходах на войну и усмотревших в намерениях короля начать войну без санкции сословий покушение на шляхетские вольности. Действия вербовщиков встретили открытый отпор на местах, к королю обратились с публичными протестами многие сенаторы. На раде сената, созванной 17 июля 1646 г., король был вынужден дать согласие на созыв сейма в конце ноября⁶¹. Надежды короля на агрессивные вылазки османов или

татар, которые могли бы вызвать изменение настроений шляхты, не оправдались. Ни хан, ни султан не только не предприняли никаких нападений на земли Речи Посполитой, но в их переписке с польскими властями постоянно подчеркивалось желание сохранить мир между государствами⁶². Осторожная, продуманная политика османской стороны способствовала тому, что на собравшемся в конце 1646 г. сейме, столкнувшись с единодушным сопротивлением магнатов и шляхты, Владислав IV объявил о роспуске войск, набранных для войны с османами⁶³. По-видимому, еще ранее магнаты Юга силой воспрепятствовали приготовлениям запорожцев к морскому походу⁶⁴.

Помимо провала военных планов Владислава IV такое развитие событий имело и некоторые другие важные последствия, которые явно не входили в планы магнатов — сторонников локальной войны с Крымом. Одним из таких последствий, первоначально, возможно, не замеченным и не принятым во внимание политиками, стало разочарование казачества, рассчитывавшего на военную добычу и возвращение «вольностей», утраченных после восстания 1637—1638 гг., его гнев и ожесточение против магнатов, воспрепятствовавших исполнению приказов «доброего короля»⁶⁵. Другим итогом стало прекращение войны между Россией и Крымом.

В обстановке борьбы с оппозицией во второй половине 1646 г. Владислав IV был заинтересован в том, чтобы Россия не только не прекращала войны, но и предприняла еще более активные действия против татар. Это могло бы служить важным аргументом в пользу реальности его антиосманских планов. Сообщая в письмах, адресованных в Москву, о своих намерениях выступить в военный поход на Крым, король призывал и царя к подобным действиям⁶⁶. В Москве, однако, к декларациям Владислава IV относились со все более растущим недоверием. Для русских политиков имело значение, что в Москву так и не прибыли «великие» послы Речи Посполитой для переговоров об условиях антитатарского союза (в напряженном положении, сложившемся летом-осенью 1646 г., Владислав IV не решился отправить такое посольство без санкции сената и сейма)⁶⁷. Еще более существенно, что в июле 1646 г. в Москву поступили сведения о недовольстве магнатов и шляхты Речи Посполитой военными планами короля⁶⁸. Все это пробудило недоверие к недавнему союзнику, вызвало воспоминания о событиях 1641—1642 гг. и заставляло, отказавшись от далеко идущих, но рискованных (при ненадежности союзника) планов, вернуться к проверенному способу медленного, но надежного освоения Дикого поля.

Вскоре после получения этих известий арестованных в Москве с началом войны крымских послов пригласили в Посольский приказ, предложив им начать переговоры о заключении нового мирного соглашения между Россией и Крымским ханством⁶⁹. Военные действия на Дону осенью 1646 г. прекратились и более не возобновлялись. Расчеты русских политиков на то, что страх перед коалицией восточноевропейских стран заставит Стамбул и Бахчисарай принять все основные требования Мос-

квы, не оправдались: там своевременно узнали о неудаче военных планов Владислава IV и сделали из этого соответствующие выводы⁷⁰. Однако заключенный в апреле 1647 г. мирный договор был более выгодным для России, чем предшествующие русско-татарские соглашения. Он принес, в частности, значительное сокращение размера уплачивавшихся ханству «упоминок»⁷¹. В договоре также отмечалось, что хан не должен совершать набегов на Русь, даже если получит такое «повеленье» от султана⁷².

Причины, побудившие крымскую сторону к уступчивости, понятны. В боях на Дону орда понесла серьезные потери, а предпринятые позднее попытки прорвать Белгородскую черту, как уже отмечалось выше, закончились полной неудачей. Несомненно, в Бахчисарае учитывали и то, что после неудач османов на Средиземном море и в Далмации ханство не может ожидать серьезной помощи от Османской империи. Наконец, не последнюю роль играло то обстоятельство, что неудача военных планов Владислава IV не привела к спаду напряженности в отношениях между польскими властями и Крымом. Положение, сложившееся в Речи Посполитой после окончания работы сейма 1646 г., не представляется исследователям вполне ясным. Очевидно, что в расстановке политических сил в стране произошли серьезные изменения, причины которых требуют изучения⁷³. Представляется, что наиболее ясное объяснение всем имеющимся фактам дает предположение, что после сейма состоялось соглашение короля с магнатами Юга об организации той локальной войны с Крымом, осуществления которой они добивались уже ранее. Если разговоры о войне с османами прекратились, то нормализации отношений с ханством не произошло. Прибывшие в марте 1647 г. в Варшаву татарские послы были здесь задержаны вплоть до лета. В инструкции на сеймики подчеркивалось от имени короля, что следует прекратить уплату дани в крымскому хану. Хотя собравшийся в мае 1647 г. сейм подобного решения не принял, татарские послы в июне были отправлены в Крым с категорическим заявлением, что дань больше выплачиваться не будет, а на нападение татар Речь Посполитая ответит решительными действиями⁷⁴.

Некоторую ориентацию в новых планах сторонников войны дают записи высказываний польского «великого» посла А. Киселя во время его пребывания в Москве в августе-сентябре 1647 г. В ходе переговоров он неоднократно подчеркивал, что сейм принял решение о мире с Османской империей и Речь Посполитая этот мир будет соблюдать⁷⁵, но одновременно обращал внимание своих собеседников на то, что действие этого мира не распространяется на татар. В речи перед царем А. Кисель доказывал, что никакой прочный мир с татарами невозможен и сам султан не может удержать их от набегов, так как они «не орют и не сеют, точию кражею и разбоями и пролитием крови христианския живятца и питаютца». Единственное решение проблемы состоит в том, чтобы «самим о том, чтоб они тут не были, где нынеча есть, промышлять»⁷⁷. Таким образом, перед русским правительством снова

ставился вопрос о завоевании Крымского ханства. Когда Москва предложила отложить осуществление такого проекта до более благоприятной международной ситуации («как будет какой упадок турецкому и в которое время крымскому не чаять помочи от турецкова»⁷⁸), посол Речи Посполитой стал добиваться, чтобы «ни одному государю без другога и без обсылки и без ведома другога государя с крымцы не миритца»⁷⁹. На практике такое предложение означало бы отмену русско-крымского мирного соглашения, на что русское правительство пойти не захотело. Киселю разъяснили, что царь оказался вынужденным пойти на переговоры с Крымом, так как Речь Посполитая не выполнила своих обещаний и своевременно не прислала обещанных послов⁸⁰. Маневры дипломата не оставляют сомнений, что в Варшаве в 1647 г. актуальным был вопрос о войне с Крымом и в эту войну здесь рассчитывали вовлечь Россию.

Заклученный в итоге договор далеко не соответствовал ожиданиям польских политиков, так как представлял собой соглашение об оборонительном союзе между государствами (совместные действия по защите южных границ), но вместе с тем в него был внесен важный пункт о том, что, если от крымцев «еще большая вражда объявится», между странами может быть заключено новое соглашение⁸¹. Интересно отметить, что, побуждая русское правительство к действиям, А. Кисель одновременно уклонился от внесения в соглашение обязательств о наступательной войне против Крыма⁸². Объяснялось это, по-видимому, тем, что договор должен был быть представлен на утверждение сейма, а среди шляхты, несмотря на соглашение короля и магнатов, преобладало отрицательное отношение к военным планам. Собравшиеся в первой половине 1647 г. сеймики предписывали своим послам никоим образом не соглашаться на ведение наступательной войны, добиваться восстановления мирных отношений с Османской империей и Крымом⁸³. В таких условиях королю и его новым сторонникам ничего не оставалось как идти старым путем провокаций, чтобы, вызвав войну, поставить недовольную шляхту перед фактом. План действий был, по-видимому, выработан во время поездки на Украину в августе — сентябре 1647 г. коронного канцлера Е. Оссольиньского⁸⁴. Затем, в октябре два южных магната А. Конецпольский, сын покойного гетмана, и И. Вишневецкий предприняли походы на крымские улусы у Очакова и в низовьях Днепра. С татарами их войска так и не встретились, и в этом смысле задуманный замысел не удалось осуществить⁸⁵.

Между тем дальнейший ход событий стали определять иные факторы развития. Так называемое «золотое десятилетие» 1637—1648 гг. после подавления казацкого восстания было временем накопления сильного социального недовольства у населения восточных районов Украины, прежде всего у казачества. Поставив крепость на Днепре, польские власти положили конец морским походам; основную массу «неписанных» казаков облагали податями магнаты и старосты, пытаясь об-

ратить их в своих подданных; «реестровые» казаки, сохранившие личную свободу и получавшие жалование за службу, подвергались притеснениям со стороны польских офицеров, ставших казацкими полковниками. Накапливавшееся недовольство отчасти сдерживалось надеждами на доброго короля, который не знает о дурных действиях своих слуг и чье вмешательство может привести к изменению положения. Надежды на то, что, действуя совместно с королем и близкими к нему вельможами, можно будет устранить с исторической арены главных противников казаков — магнатов Юга, были важной частью настроений казачества в 30-х гг. — начале 40-х гг. XVII в.⁸⁶ Встречи казаков с Владиславом IV и его обещания вызвали подъем этих надежд, тем более горьким было разочарование. Становилось очевидным бессилие короля, в стране распространялись слухи о намерениях магнатов вообще отстранить его от власти⁸⁷. Приготовления к войне с Крымом велись, но в этой войне не было места казакам, главная роль отводилась их врагам, магнатам Юга.

Для казаков все это означало конец надежд на возможность улучшения своего положения путем благоприятных перемен внутри страны, необходимость искать для этого внешнюю поддержку. Сама сложившаяся международная ситуация подсказывала, где следует искать такой поддержки — у Крымского ханства, которому угрожали военные планы Владислава IV и магнатов Юга. Предложения казаков давали возможность крымской знати не только избавиться от возникшей опасности, но и поживиться богатой добычей, которую уже нельзя было взять на русских землях, заслоненных оборонительными линиями. Так зародился в начале 1648 г. крымско-татарский союз, и вскоре их соединенные силы (крымская конница и казацкая пехота) нанесли поражение регулярной армии Речи Посполитой. В отношениях восточноевропейских государств с Османской империей и Крымом возникла совершенно новая политическая ситуация.

¹ *Godziszewski W.* Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930. S. 55—56.

^{1а} РГАДА. Ф. 89. 1634 г. № 1. Л. 326; № 6. Лл. 76—77.

² *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 239.

³ *Новосельский А.А.* Борьба... С. 245.

⁴ *Godziszewski W.* Op.cit. S. 56—58; *Baranowski B.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632—1648. Łódź, 1949. S. 54—55.

⁵ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов (1637—1642 гг.) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 118.

⁶ *Godziszewski W.* Op.cit. S. 58—59; *Baranowski B.* Op.cit. S. 83—85.

⁷ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 46—52.

- ⁸ См. например: *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.—Л., 1947. С. 407 и сл.
- ⁹ Сводку соответствующих данных см.: *Смирнов П.П.* Указ. соч. Т. I. С. 411.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 60. Лл. 470—473.
- ¹¹ Об обмене грамотами между царем и султаном см.: *Смирнов Н. А.* Указ. соч. Т. II. С. 52—54.
- ¹² ВУР Т. I. М., 1954. № 221. С. 203—204 (1638 г.); № 203. С. 328—329 (1641 г.); *Новосельский А.А.* Борьба... С. 259—260.
- ¹³ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 120—121.
- ¹⁴ *Baranowski B.* Op.cit. S. 106—110.
- ¹⁵ *Godziszewski W.* Op.cit. S. 67—68.
- ¹⁶ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 121—122.
- ¹⁷ *Godziszewski W.* Op.cit. S. 68.
- ¹⁸ Источники о деятельности посольства опубликованы в издании: *Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640 — roku.* Warszawa—Kraków, 1985.
- ¹⁹ *Wielka legacja...* S. 189.
- ²⁰ КДТ. № 329.
- ²¹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 125—126.
- ²² Об осаде Азова см.: *Смирнов Н.А.* Указ. соч. Т. II. С. 66—75; *Новосельский А.А.* Борьба... С. 286—290.
- ²³ РГАДА. Ф. 52. 1642 г. № 24. Лл. 9—10; *Новосельский А.А.* Борьба... С. 309.
- ²⁴ *Флоря Б.Н.* Россия и стамбульские греки в годы борьбы за Азов (1637—1642). // *Славяне и их соседи.* Вып. 4. Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV—XVIII вв. М., 1992. С. 119.
- ²⁵ Там же. С. 115, 117—118.
- ²⁶ Там же. С. 111—112.
- ²⁷ *Смирнов Н.А.* Указ. соч. Т. II. С. 65.
- ²⁸ См. текст наказа Б. Лыкову: РГАДА. Ф. 89. 1640 г. № I. Лл. 70 и сл.
- ²⁹ *Семенова Л.Е.* Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в. // *Связи России с народами Балканского полуострова.* Первая половина XVII в. М., 1990. С. 75—77.
- ³⁰ *Смирнов Н.А.* Указ. соч. Т. II. С. 73—74.
- ³¹ РГАДА. Ф. 89. 1640 г. № I. Лл. 108—109, 116, 147—148, 181, 226.
- ³² Акты, относящиеся к истории Земских соборов. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1920. С. 41—43.
- ³³ О распоряжениях об оставлении Азова и уходе из него казаков см.: *Смирнов Н.А.* Указ. соч. Т. II. С. 80—85.
- ³⁴ Статейный список о посольстве И.Д. Милославского и дьяка Л. Лазоревского в Царьград в 7150 г. // *Временник Московского общества истории и древностей российских.* Кн. VIII. М., 1850. С. 4—13.
- ³⁵ *Новосельский А.А.* Борьба... С. 312—327.
- ³⁶ Там же. С. 269—271, 288—289.

- ⁶⁸ Флоря Б.Н. К истории переговоров... С. 132—133.
- ⁶⁹ Новосельский А.А. Борьба... С. 397—398.
- ⁷⁰ Флоря Б.Н. Из истории русско-османских отношений... С. 78—80.
- ⁷¹ Новосельский А.А. Борьба... С. 399—400.
- ⁷² Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 117—119.
- ⁷³ См. соображения А. Керстена: *Kersten A. Hieronim Radziejowski...* S. 122—124.
- ⁷⁴ *Czermak W.* Op. cit. S. 263, 273, 277; *Baranowski B.* Op. cit. S. 184—186.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 72. Лл. 144, 172—174, 434, 439 об., 444.
- ⁷⁶ См.: там же. Л. 440.
- ⁷⁷ *Syzyun F.E.* A speech before the Tsar: Adam Kysil's Oration on August 28, 1647 // *Miedzy Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI—XVIII w. W.*, 1993. S. 142.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 72. Л.433.
- ⁷⁹ Там же. Лл. 474 об., 476.
- ⁸⁰ Там же. Лл. 501 и сл.
- ⁸¹ Новосельский А.А. Борьба... С. 366.
- ⁸² На это правильно обратил внимание А.А. Новосельский (Борьба... С. 365).
- ⁸³ *Kersten A. Hieronim Radziejowski...* S. 126.
- ⁸⁴ Об этой поездке см.: Флоря Б.Н. Запорозьке козацтво... С. 98—99.
- ⁸⁵ *Baranowski B.* Op. cit. S. 198—199.
- ⁸⁶ Флоря Б.Н. Запорозьке козацтво... С. 93—95.
- ⁸⁷ Там же. С. 96, 100.

ТРАНСИЛЬВАНИЯ В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Как и раньше, у власти в Трансильванском княжестве в 30-е годы XVII в. находился князь, избранный государственным собранием и утвержденный султаном. С декабря 1630 г. княжеский престол занимал Дьердь Ракоци I (до октября 1648 г.). Султанское атнаме он получил 10 июля 1631 г. и второй раз в 1637 г. Вторичное утверждение было связано с завершением борьбы за трансильванский трон, в которой принимали участие османские политики. Ракоци вступил в княжество в сопровождении отряда сольнокского пашы. В присутствии султанских савновников 24 декабря он принес княжескую присягу¹. 3 апреля 1631 г. князь заключил мирный договор с Фердинандом II Габсбургом. Отношения князя с османским сюзереном оставались сложными до получения второго атнаме.

В условиях ослабления центральной власти в Османской империи после 1622 г., когда янычары свергли с престола султана Османа II (1618 — 1622), для князя Трансильвании приобрели большое значение отношения с наместниками Порты в Среднем Подунавье, которые могли вмешиваться в трансильванские дела по собственному усмотрению, не всегда следуя политике правительства в Стамбуле. Именно к ним обращались за поддержкой претенденты на трансильванский трон. Дошло до открытого военного столкновения 6 октября 1636 г. у Салонты (в комитате Бихар) хайдуков трансильванского князя с отрядом османов паши Буды Хусейна Насухпашизаде, выступавшего на стороне Иштвана Бетлена, претендента на власть в Трансильвании. Отряд османов был разбит². Действовавшие без разрешения Порты османские наместники были наказаны султаном Мурадом IV (1623 — 1640), один из них — казнен. Отношения Ракоци с пашой Буды завершились, тем не менее, компромиссом: по соглашению, заключенному их представителями 6 ноября 1636 г., трансильванский князь должен был уплатить Порте 40 тыс. талеров и возратить Иштвану Бетлену его имения³. Самостоятельностью политики османских наместников в Венгрии по отношению к Ракоци способствовала занятость основных сил османов в неудачной войне с Ираном (1623 — 1639), но это же давало возможность и Ракоци не выполнять приказы султана, когда это не соответствовало его интересам. В декабре 1633 г. Ракоци получил приказ султана подготовиться к участию в походе османов против Польши. Обстановка позволяла князю уклониться от похода. В начале 1634 г. Ракоци известил короля Сигизмунда III о замыслах османов, а в марте добился заверения Вены в поддержке занятой им позиции по поводу приказа султана. Князь Трансильвании сообщил польскому королю, что не примет участия в османском походе, хотя и собрал войска по повелению Порты. В октябре 1634 г. Ракоци распустил их: Порта отменила поход⁴.

Последний случай конфронтации Дьердя Ракоци I с османским наместником был связан с участием князя в конфликте валашского господаря Матея Басараба с правителем Молдавского княжества Василе Лупу. Согласно договору от 16 марта 1635 г. между Ракоци и Басарабом⁵ валашский господарь становился вассалом и данником князя Трансильвании. При этом оба подтвердили свою вассальную зависимость от Порты. Василе Лупу в 1637 г. предпринял первую попытку овладеть Валахией, опираясь на поддержку силистрийского паши Хусейна, бывшего ранее пашой Буды. Ракоци послал войско на помощь своему вассалу. Василе Лупу отошел в Молдову (ноябрь 1637 г.). Около года спустя, 28 сентября, согласно договору о союзе, Василе Лупу также стал данником трансильванского князя, при этом оба правителя подтвердили сюзеренитет султана над ними⁶. Установление сюзеренитета трансильванского князя над двумя соседними княжествами не означало, однако, объединения этих трех стран в единое или даже конфедеративное государство. Между тем в ноябре 1637 г. Василе Лупу, добив-

шись поддержки со стороны султана, снова попытался овладеть Валахией. Соединенное войско Басараба и Ракоци I одержало 3 декабря 1639 г. недалеко от Бухареста новую победу над войском Василе Лупу, которому помогали османы⁷. Современники-иностранцы свидетельствовали о том, что Ракоци пользовался большим влиянием в Стамбуле, в случае необходимости добываясь поддержки для валашского и молдавского господарей⁸.

Вступление Дьердя Ракоци I, вассала султана, в войну против Фердинанда III Габсбурга (1637 — 1657) произошло в условиях, когда между султаном Ибрагимом I (1640 — 1648) и императором был заключен мирный договор (1642 г.) на 20 лет. Уже с начала 1639 г. представители антигабсбургских государств в Стамбуле вели тайные переговоры с уполномоченными трансильванского князя, склоняя его присоединиться к их коалиции. 12 ноября 1638 г. князь принял посла французского короля Людовика XIII, прибывшего в Трансильванию с тайной миссией. В случае заключения союза Ракоци обещалась военная помощь. В начале мая 1639 г. его уполномоченный изложил в Париже просьбу князя о предоставлении 200 тыс. талеров для найма 6 тыс. наемников и о посредничестве Франции для получения разрешения Порты на вступление Трансильвании в войну, а также требование Ракоци не заключать мира с Габсбургами без его участия. Переговоры завершились утверждением шведской королевой Кристиной договора о союзе Швеции и Франции с трансильванским князем. 16 ноября 1643 г. этот договор подписал в Дьюлафехерваре (Алба-Юлия) и Ракоци⁹. Еще до этого, 23 июля 1643 г., шведский главнокомандующий Торстенсон направил в Дьюлафехервар своих представителей для переговоров о совместных военных действиях. Трансильвания вступила, таким образом, в антигабсбургскую коалицию; во время войны ее князь получал в качестве военной помощи ежегодно 150 тыс. талеров, а также 3 тыс. иностранных наемников-профессионалов¹⁰. Заинтересованность Франции и Швеции в нападении на Габсбургов с Востока позволило Ракоци I добиться выгодных условий союза.

Военные действия продолжались со 2 февраля 1644 г. (выступление трансильванского войска из Дьюлафехервара) по 21 сентября 1645 г. (отход войска князя с моравской границы в Трансильванию). Ракоци выступил в поход, когда уже определилось (особенно после разгрома шведами императорской армии осенью 1642 г. при Брейтенфельде) военное преобладание французов и шведов. Момент для присоединения к противникам Габсбургов был выбран удачно. Французские и шведские войска вторглись во владения Габсбургов и трансильванский князь мог вступить с ними в непосредственное взаимодействие.

Войско трансильванского князя (хайдуки, секеи, небольшие отряды наемников и османов) по своей боеспособности уступало западноевропейским наемным армиям¹¹. К тому же князь был вынужден отпускать часть отрядов домой на полевые работы¹². Ясно поэтому, что его войско выполняло для западных союзников вспомогательную роль. Действия

Ракоци развертывались в пределах северных комитатов королевства Венгрии (на территории современной Словакии). Снабжение войска было затруднено в силу отказа в поддержке со стороны местных венгерских магнатов, имения которых некогда для Бетлена являлись главными базами снабжения продовольствием. Напротив, в некоторых случаях, например, при отражении в июле 1644 г. наступления императорского войска, осадившего город Кашши (Кошице) успеху сил князя способствовали действия крестьян, восставших против Габсбургов. Три тысячи крестьян находилось в это время и в составе княжеского войска¹³.

Развитию успехов Ракоци препятствовала, однако, позиция Порты, способствовавшей иногда даже наступлению императорских войск. Так, в сентябре 1644 г. паша Буды гарантировал палатину Миклошу Эстерхази, что со стороны османов угрозы ему не будет; он обещал даже отозвать небольшое османское войско, помогавшее князю. В ноябре, когда шведы одержали победу над силами императора, великий везир Мехмед предупредил трансильванского князя, что Порта не разрешает ему переходить границы Германской империи, а также напомнил, что допускаются лишь оборонительные, а не наступательные действия. Достигнув тайной договоренности с властями Вены, султан запретил дальнейшее продвижение княжеских войск приказом, доставленным ему 18 июня 1645 г. Ракоци скрыл этот приказ от войска и продолжал наступление, овладев территорией вплоть до реки Ваг¹⁴. Несколько ранее, в сентябре 1644 г., Порта решительно отвергла также просьбу князя позволить ему занять королевский трон Венгрии¹⁵. Дав, таким образом, Дьердю Ракоци I санкцию на вступление в войну с Габсбургами, османы стремились одновременно к тому, чтобы он не добился слишком больших успехов и не произошло объединение под властью одного правителя Трансильвании и Венгрии.

Заключению благоприятного для Ракоци мира в Линце 16 декабря 1645 г. способствовали не только его военные успехи, но, главным образом, общее ослабление Габсбургов. Мир обеспечивал права сословий Венгрии и даже распространял принцип свободы вероисповеданий на зависимое крестьянство¹⁶. Достигнутые Ракоци успехи, однако, были поставлены под сомнение, когда, несмотря на свои военные неудачи, Габсбурги по Вестфальскому миру 1648 г. сумели сохранить за собой свои основные владения. Не связанные в дальнейшем участием в европейских конфликтах они могли возобновить свою активную политику на Востоке, что неминуемо должно было привести к осложнению международного положения Трансильванского княжества.

¹ Erdély története. 2.k. (1606—1830). Bp., 1986. 690—691.l.

² Szalárdi János Siralmas magyar krónikája. (1526—1662). Bp., 1980. 177.l.; Erdély története. 2.k., 702.l.; Magyarország történeti kronológiája. 2.k. Bp., 1982. 92—96.l.

- ³ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 463.l.
- ⁴ Ibid. 461—462.l.
- ⁵ Török-magyarkori államokmánytár. 2.k. 239—261.l.
- ⁶ Studii și documente cu privire la istoria românilor. Ed.N.Iorga. Vol.4. Buc., 1904. P. 209—210; Szalárdi János Siralmas... 40—41.l.
- ⁷ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 465.l.; *Lupaș J.* Inceputul domniei lui Matei Basarab și relațiunile lui cu Transilvania. // *Revista Academiei Română*, mem.sect.ist. Buc., 1932—1933. Seria 3. T. 13. P. 356.
- ⁸ Magyarok és románok. 2.k. Bp., 1944. 70.l.
- ⁹ *Okmánytár I.* Rákóczi György sved és francia szövetekezéseinek történetéhez. 1632—1648. Bp., 1873. 111.l.; *Szilágyi S.I.* Rákóczy György és a diplomácia. Bp., 1878. 37—38.l.
- ¹⁰ *Hudița I.* Histoire des relations diplomatiques entre la France et la Transylvanie au XVII-e siècle. 1635—1683. Paris, 1927. P. 65—76.
- ¹¹ Magyarország hadtörténete, 1.k.. Bp., 1984. 270.l.; *Nagy L.* A “bibliás óralló” fejedelem. I. Rákóczi György a magyar históriában. Bp., 1984. 186.l.
- ¹² Magyarország hadtörténete. 1.k. 267.l.
- ¹³ Ibid. 266—267.l.
- ¹⁴ Ibid. 268—269.l.
- ¹⁵ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 467.l.
- ¹⁶ A Linczi béke okirattára. Szerk.Szilágyi S. Bp., 1885. 196—198.l.; Österreichische Staatsverträge. Fürstentum Siebenbürgen (1526—1690). Wien, 1911. S. 718—784; Magyar történeti szövegyűjtemény. II/1-2. Bp., 1968. 525 -529.l.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Положение Молдавии и Валахии в контексте международной ситуации в Юго-Восточной Европе в 30-40-е гг. XVII в., как и в предшествующий период, зависело от внешнеполитических планов Османской империи и в первую очередь от ее европейской политики. Заключение в 1634 г. османско-польского договора позволило Порте не только улучшить отношения с Речью Посполитой, но и стабилизировать обстановку на северных рубежах империи. Спокойствие на границах европейских владений было необходимо султану Мураду IV как одно из важных условий для решения главных политических вопросов—ликвидации внутренних неурядиц в империи и завершения войны с Ираном, восстановления престижа на Востоке, особенно подорванного падением Багдада. Поэтому основная задача политики Порты в Европе вплоть до середины XVII в. состояла в том, чтобы избежать втягивания в сложные европейские конфликты. Эта задача требовала

постоянного внимания со стороны османских властей к событиям в Европе.

С вступлением Франции весной 1635 г. в Тридцатилетнюю войну парижская дипломатия активно вмешивается в проблемы Восточной Европы с целью ослабить позиции Габсбургов в регионе. Противодействуя французским проискам, Вена стремилась избегать каких бы то ни было осложнений в отношениях со Стамбулом. Важную роль в защите своих интересов в европейских делах в этот период Османская империя отводила Крыму. Крымские правители, выступая в отношениях стран региона в качестве вассалов султана, все более начинают преследовать свои интересы, зачастую противоречащие османским.

С возобновлением в начале 1635 г. иранской войны важное значение для Порты приобрело сохранение мира с Речью Посполитой. По распоряжению из Стамбула в ноябре 1634 г. и крымский хан Джанибек-Гирей издал ахднаме «мира и дружбы» с польским королем. Польша, несмотря на ратификацию договора 1634 г. с османами, продолжала претендовать на право участия в назначении господаря на молдавский престол. Уже с 1635 г. предпринимаются попытки заменить Василе Лупу представителем пропольской династии Могил. Такие попытки Речи Посполитой становятся настойчивыми в условиях передышки, полученной ею благодаря миру со Швецией (сентябрь 1635 г.). В апреле 1636 г. польский посол Е. Крушинский прибыл в Стамбул с поручением решительно добиваться свержения В. Лупу и отвода из Буджака ногайских отрядов Кантемира.¹

Порта отвергла притязания Польши. Утверждение В. Лупу на престоле в Яссах было важно не только для укрепления османских позиций в Молдавии. В планах Стамбула В. Лупу отводилась роль стабилизирующего фактора в регионе по предотвращению антиосманских акций, в частности со стороны валашского господаря Матея Басараба и трансильванского князя Дьердя Ракоци I, главным образом в воспрепятствовании их связям с Польшей.

Отказав польской стороне в смещении В. Лупу, Порта в то же время стремилась избежать открытого конфликта с Речью Посполитой. Однако такая возможность султаном не исключалась. Поэтому В. Лупу вместе с крымским ханом и Кантемиром поручалась защита османских границ с Польшей. Одновременно было направлено распоряжение силистрийскому паше Кенану готовиться к отпору предполагаемой польской интервенции в Молдавию.²

Опасения Порты в возможных осложнениях в отношениях с Польшей усилились в связи с событиями, возникшими в Крыму в конце 1636 г. Хан Инает-Гирей, как и его предшественник Джанибек-Гирей, не только отказался выполнить распоряжение султана об участии с войском в войне против Ирана, но и атаковал буджакские отряды Кантемира, представлявшего османские интересы в регионе, связанные не в последнюю очередь с предотвращением стремлений крымских ханов к самостоятельности. Одновременно Инает-Гирей обратился за военной помощью

к польскому королю. Не вмешиваясь непосредственно в конфликт, Речь Посполитая, как обычно, предоставила свободу казакам в антиосманских действиях.³

В марте 1637 г. крымские силы разорили ногайские территории в устье Дуная; Кантемир бежал в Стамбул. Предприняв в апреле-мае атаку Каффы, хан потребовал у султана выдачи Кантемира.⁴

В связи с событиями в Крыму молдавский и валахский господа В. Лупу и М. Басараб получили от Порты распоряжение об участии княжеств в османских приготовлениях для поддержки Кантемира против крымского хана.⁵ Но оба господаря не спешили в лагерь везира Кенан-паши для выступления против Инаета-Гирея. Пользуясь доверием султана, ловкий В. Лупу стремился использовать ситуацию в своих интересах. Несмотря на хорошие отношения с Кантемиром, господарь Молдавии предпочитал изгнание из Буджака его ногаев, представлявших для княжества постоянную военную угрозу. Поэтому возможно, что В. Лупу пытался примирить крымского хана с Портой, принеся в жертву Кантемира. По свидетельствам венецианских информаторов, через В. Лупу в Стамбуле было получено письмо Инает-Гирея, в котором он заверял, что его действия были направлены не столько против Кантемира, сколько против неурядиц, провоцируемых его ногаями. Эти же источники говорят об удовлетворении Порты таким объяснением крымского правителя и ее приказе Кантемиру прибыть к султану.⁶

Мурад IV, занятый подготовкой военной экспедиции по отвоеванию Багдада, был заинтересован в стабилизации обстановки в Крыму и устье Дуная. Султан прибег к чрезвычайным мерам, приказав убить и Инает-Гирея и Кантемира.

Устранение обоих соперников укрепляло позиции османов в регионе. Роль проводника европейских интересов Порты переходит в это время к В. Лупу. Молдавский правитель использовал доверие султана в своей борьбе с валахским господарем М. Басарабом. Тем более, что Мурад IV подозревал господаря Валахии в связях с имперцами и поляками. По мнению ряда исследователей, не без вмешательства В. Лупу Мехмед-паша получил секретный ферман об устранении М. Басараба в ходе военной экспедиции в Буджак в октябре 1637 г. по изгнанию ногаев.⁷ Союз с трансильванским князем Ракоци I⁸ позволил валахскому господарю отбить предпринятую В. Лупу атаку на Валахию. Это заставило султана в условиях подготовки к возобновлению войны с Ираном временно отказаться от планов относительно валахского господаря. В. Лупу был вынужден замаскировать свои намерения и пойти на примирение с М. Басарабом при посредничестве Трансильвании.⁹

Но договор с Валахией не состоялся. Валахский господарь проявлял непримиримость, делая ставку на замещение В. Лупу на молдавском престоле Иоаном Могилой и на планы создания антиосманской европейской коалиции. Между тем главные ее возможные участники не хотели осложнения отношений с османами. Габсбурги были отвлечены конфронтацией с Францией; Польша была занята конфликтом с

восставшими запорожскими казаками и планами вступления в Тридцатилетнюю войну. Лишь Венеция проявила интерес к проектам господаря Валахии, так как они, в случае их реализации, отвлекли бы внимание османов от региона Средиземноморья и Эгейского моря.

Россия, хотя и находилась в состоянии конфликта с Портой и Крымом из-за захвата донскими казаками Азова в июне 1637 г., также не была заинтересована в антиосманских планах, могущих обострить ее отношения с султаном.

Поэтому инициатива М. Басараба, рассчитанная на использование занятости османов в военных действиях в Иране, оказалась беспочвенной и не могла быть реализована. Даже его сюзерен по договору 1635 г. Дьердь Ракоци I отнесся сдержанно к планам валашского господаря по созданию антиосманской коалиции. Подстрекаемый антигабсбургской политикой Франции, трансильванский князь рассчитывал приступить к действиям по возвращению западных владений бывшего королевства Венгрии. В связи с этим Ракоци было важно обеспечить мир на восточных границах, положив конец враждебным отношениям между М. Басарабом и В. Лупу. Когда его посредничество в 1638 г. по заключению валашско-молдавского договора оказалось безуспешным, князь Трансильвании подписал отдельные двусторонние акты с господарями Валахии и Молдавии.¹⁰ М. Басараб, возобновив договор 1635 г. с Ракоци, был вынужден примкнуть к примирительным действиям трансильванского князя, но занял при этом осторожную позицию, не без основания сомневаясь в искренности мирных намерений В. Лупу. Действительно, В. Лупу видел в установлении связей с Трансильванией средство ослабления союза между Ракоци и М. Басарабом.

К осени 1639 г. произошло охлаждение в отношениях между трансильванским князем и господарем Валахии. Победоносное завершение Мурадом IV войны с Ираном осложнило положение М. Басараба. В. Лупу, используя ситуацию, усилил военные и дипломатические приготовления для вторжения в Валахию.¹¹ Перед лицом нападения войск молдавского господаря Басараб оказался один. Ракоци отделялся словесными обещаниями помощи. Но М. Басарабу удалось не только отразить вооруженное нападение В. Лупу в ноябре 1639 г., но и заставить его бежать и укрыться в Браиле. Используя интриги, существовавшие между приближенными султана, валашский господарь сумел заручиться покровительством главнокомандующего османскими военно-морскими силами Хусейн-паши и при его поддержке стремился добиться у Порты смещения В. Лупу с престола. В то же время М. Басарабу удалось склонить на свою сторону Ракоци и в 1640 г. возобновить с ним договор.¹²

Несмотря на сложность возникшей ситуации, угрожавшей потерей молдавского престола, В. Лупу не только возобновил отношения с трансильванским князем, но и восстановил свои позиции в Порте. В значительной степени этому способствовала заинтересованность султана в посредничестве В. Лупу в урегулировании возникших осложнений в отношениях с Польшей и Россией.

Напряжение в польско-османских отношениях появилось после возведения поляками в 1639 г. укреплений на месте разрушенной ранее запорожскими казаками крепости Кодак. Действия властей Речи Посполитой по восстановлению крепостных сооружений в районе днепровских порогов с целью противостояния казачьим набегам были восприняты в Стамбуле как угроза на северных границах империи. Недоверие к намерениям польской стороны усилилось с весны 1640 г., когда король отказался ратифицировать обновленный текст мирного договора 1634 г., врученный в середине мая новым султаном Ибрагимом I польскому послу В. Мясковскому.¹³ Речь Посполитую не устраивали, как и прежде, статьи, запрещающие вмешательство Варшавы в вопросы, связанные с Молдавским и Валашским княжествами, и прежде всего — с наследованием молдавского престола. Не воспринимался короной и запрет на поддержку противников князя Трансильвании. Реакция польских властей проявилась в усилении набегов казаков на пограничные османские территории. Порта приняла срочные меры по оказанию отпора и организации ответных нападений на пограничные польские земли. Молдавскому и валашскому господарям также были направлены распоряжения о подготовке военных сил для отражения возможной атаки польско-казачьих войск.¹⁴

В то же время крымский хан оказывал давление на Польшу, чтобы склонить ее к согласию с положениями возобновленного мирного договора 1634 г. Главной проблемой для османов в это время было возвращение Азова. Поэтому Порта хотела избежать дальнейшей эскалации напряженности в отношениях с Речью Посполитой. Османы пошли на некоторые уступки Польше, обязавшись обеспечить мир со стороны буджакских татар и освободив польских пленных.¹⁵ В ответ было получено обязательство польской стороны не оказывать помощи России в азовском конфликте и, главное, не допустить присоединения запорожцев к донским казакам. Это условие имело важное значение для Порты, готовившей поход на Азов. В августе 1640 г. договор был ратифицирован польским королем Владиславом IV и напряженность в османско-польских взаимоотношениях спала.

Основная задача посреднической миссии молдавского господаря, по замыслу Порты, состояла в том, чтобы способствовать установлению контактов с Россией для переговоров по Азову. В Стамбуле знали, что русское правительство оказывает занявшим Азов донским казакам помощь оружием, провиантом и деньгами. Порта рассчитывала, что имевший связи с Москвой Лупу сможет склонить русские власти к урегулированию конфликта. Для османов было важно, чтобы русское правительство перестало поддерживать казаков и не послало им на помощь свои войска.

В своих посреднических усилиях молдавский господарь исходил из того, что в то время Россия не была заинтересована в разрыве мирных отношений с Османской империей. Этим в конечном счете был предопределен успех посредничества В. Лупу в 1641—42 гг. в урегули-

ровании осmano-русского конфликта из-за Азова¹⁶. 30 апреля 1642 г. царь направил донским казакам «повеление» оставить Азов.¹⁷ В обмен на вывод казаков из Азова Порты обещала военную помощь в случае конфликтов России с другими государствами и запрет татарам нападать на русские земли¹⁸.

Дипломатическая деятельность В.Лупу была высоко оценена в Стамбуле; выдвигались даже предложения дать ему хаттишериф на пожизненное владение молдавским престолом¹⁹. В то же время некоторые его современники ставили под сомнение добросовестность молдавского господаря как посредника. Объяснялось это тем, что, с одной стороны, В.Лупу как вассал султана действовал в интересах османов, с другой — выдвигавшиеся господарем условия были выгодны русским властям, заинтересованным в мирном соглашении с Портой. К тому же порученную ему султаном посредническую миссию В.Лупу использовал для установления политических контактов с русским правительством, для налаживания торговых и культурных отношений. Одновременно он прилагал усилия для налаживания отношений с Речью Посполитой. В годы азовского конфликта господарь постоянно снабжал польских сановников, прежде всего великого коронного гетмана С.Конецпольского, подробной информацией о планах и намерениях османов и татар²⁰.

Однако В.Лупу не получил ожидаемой платы за ценную для Порты службу. Его просьбы о получении валашского престола и пожизненного правления в Молдавии не были приняты; вскоре были минимизированы его заслуги в урегулировании азовского конфликта, главным образом, из желания Порты противодействовать амбициозному господарю из Ясс в его возможных провокациях в отношениях с соседями²¹. Перемены в отношении султана к В.Лупу способствовали утверждению М.Басараба на престоле Валахии и укреплению позиций княжества в регионе.

После благоприятного разрешения проблемы Азова внимание Порты привлекли события, происходившие в рамках Тридцатилетней войны. Успехи шведской кампании в Германии склонили трансильванского князя Г.Ракоци I присоединиться к франко-шведскому союзу (31 июня 1641 г.). Одним из условий присоединения было получение согласия султана на участие трансильванского князя в антигабсбургских военных действиях. Перспектива поражения Габсбургов в крупном европейском конфликте не могла не привлекать османов. Но Порта не могла рисковать разрывом заключенного в марте 1642 г. мира с Веной. Между тем Ракоци I и его союзники на западе прилагали к этому усилия. Трансильванский князь пытался получить поддержку в этом плане вассалов султана—Крыма, Молдавии и Валахии. С осени 1642 г. велись интенсивные сношения Трансильвании с Крымом, в ходе которых давались обещания взаимной помощи, речь шла даже о возможной уплате князем ежегодных даров хану²². Попытка князя привлечь к антигабсбургским планам М.Басараба оказалась безуспешной.

Валашский господарь, верный своим антиосманским идеям, не только отказал в сотрудничестве бывшему своему союзнику, но и информировал Габсбургов о намерениях князя²³. В.Лупу обусловил свое участие в антигабсбургских действиях выступлением князя вместе с ним против М.Басараба. Молчаливая поддержка Портой Ракоци I, сближение между ними рассматривались молдавским господарем как опасность для его планов, связанных с претензией на трансильванский трон. В этих условиях возникли предпосылки для примирения в 1644 г. двух соперников—В.Лупу и М.Басараба.

В складывавшейся ситуации господарь Молдавии придавал важное значение отношениям с Речью Посполитой, которая представлялась ему не только местом убежища в случае потери престола, но и силой, противостоящей османам. Между тем от позиции Польши зависела расстановка сил в ходе начавшейся в начале 1644 г. трансильвано-габсбургской войны и почти одновременно шведско-датской. Женитьба короля Владислава IV на сестре императора Фердинанда II с целью получения шведского трона при поддержке Вены свидетельствовала о начале прогабсбургского курса короны, чреватого втягиванием в европейский конфликт, что, разумеется, не мог допустить сейм, опасаясь одновременной войны со Швецией и Османской империей. Чтобы нейтрализовать прогабсбургскую ориентацию польской короны, Ракоци I попытался через посредничество В.Лупу заключить династический союз с Речью Посполитой. Трансильванский князь предложил господарю Молдавии брак его старшей дочери с Янушем Радзивиллом и младшей с собственным сыном Жигмондом Ракоци²⁴.

Однако В.Лупу, уловив намерения князя, отказал ему в родстве, но принял в то же время предложение о браке с Радзивиллом своей старшей дочери, доверив посредничество в переговорах при этом не князю, а киевскому митрополиту Петру Могиле²⁵. В такой ситуации Ракоци I, используя свое влияние в Стамбуле, побудил Порту осуществить весной 1644 г. нападение татар на польские земли в качестве предупредительной акции на случай каких-либо враждебных действий против Трансильвании. Между тем Габсбурги через посредничество Речи Посполитой прибегли к услуге В.Лупу, чтобы подорвать влияние Ракоци I на Порту и заставить османов дезавуировать западные акции князя²⁶. В свою очередь, французская дипломатия стремилась воспрепятствовать созданию прогабсбургской коалиции между Данией, Польшей и Россией, намереваясь в то же время спешно закончить датско-шведскую войну как необходимое условие продолжения войны между Трансильванией и Габсбургами.

В.Лупу стремился, воспользовавшись международной ситуацией, укрепить связи с Речью Посполитой, но в то же время сохранить благосклонное отношение Порты. Такая позиция господаря определялась происходившей в княжестве борьбой между «греческой» партией крупных бояр во главе с братьями Кантакузино и местными боярами, руководимыми Григорием Уреке, в подходе к вопросам внешней политике

страны. «Греческая» партия отдавала предпочтение сохранению хороших отношений с Портой, видя в этом гарантию соблюдения своих интересов. Местные бояре отражали антиосманские настроения в княжестве. С позиций своих интересов подходили эти партии к вопросу о предстоящем браке дочери В.Лупу с Я.Радзивиллом. Состоявшаяся в феврале 1645 г. свадьба закрепляла молдавско-польское сближение. Будучи заинтересованными в вовлечении Молдавии в сферу своих политических планов, польские власти благословили этот брак, а Порта дала на него разрешение с денежной уплатой со стороны В.Лупу. Такая уступка молдавскому господарю была необходима османскому правительству для сохранения дружественных отношений с Речью Посполитой. Это стало особенно важным с возобновлением весной 1645 г. Житворокского мира и объявлением султаном войны с Венецией.

Османская кампания по завоеванию Крита была предпринята для обеспечения безопасности отношений столицы империи с североафриканскими и арабскими провинциями, серьезно осложнявшихся тогда действиями мальтийских пиратов. В ходе войны с османами Венеция стремилась использовать их отношения со странами юго-восточной Европы, влиять на них, провоцируя антиосманские действия и активно вмешиваясь в развитие событий в регионе. Папство, в свою очередь, пыталось использовать османо-венцианскую войну как дополнительный повод для призыва к заключению общего мира в Европе, прежде чем станет явной слабость католического блока, возглавляемого империей Габсбургов.

С началом критской экспедиции Порта изменила свое отношение к участию Трансильвании в антигабсбургских действиях. Под давлением османов Ракоци I был вынужден 22 августа 1645 г. подписать мирный договор с Габсбургами. Заключение этого мира знаменовало конец последней значительной попытки втягивания Османской империи в Тридцатилетнюю войну. В условиях занятости военными действиями на Крите Порта стремилась избежать какого-либо континентального конфликта. Именно в этот период возрастает роль Крыма в защите османских интересов в юго-восточном регионе. В этом плане большое доверие османы оказывали и молдавскому господарю В.Лупу. Наибольшую активность проявлял крымский хан Ислам-Гирей. Средство обеспечения собственных интересов Крыма и его самостоятельности в политической жизни региона хан видел в укреплении отношений с Портой и устранении возможных предпосылок к созданию антиосманской коалиции. Главную угрозу он усматривал в перспективе политического союза России и Речи Посполитой.

Между тем в начале 1646 г. происходит русско-польское сближение на основе подготовки конкретных планов военных действий против Крыма²⁷ в ответ на предпринятый в конце 1645 г. по приказу Стамбула татарский набег на Россию. Эти планы вписывались в проекты антиосманской войны польского короля Владислава IV, сблизившегося на этой почве с Габсбургами и Францией.

Венеция, больше других стран заинтересованная в европейской коалиции против османов, стремилась использовать свои отношения с господарями Дунайских княжеств для оказания влияния на антиосманские планы ее членов. В частности, были установлены связи венецианского резидента в Стамбуле с В.Лупу. Молдавский господарь снабжал Венецию и другие европейские дворы информацией о действиях османов и татар, о русско-польских планах относительно Крыма. В то же время под давлением крупного молдавского боярства В.Лупу сохранял осторожность в отношениях с Портой, продолжая держать ее в курсе всех событий, происходивших в юго-восточном регионе²⁸. Тем не менее, будучи осведомлен о военных приготовлениях русского правительства против Крыма и об антиосманских планах польской короны²⁹, В.Лупу вместе с валашским господарем М.Басарабом весной 1646 г. направил в Москву посла И.Григорьева для переговоров об участии молдавских и валашских войск в совместных действиях против крымского хана и османов. На расспросе в Посольском приказе И.Григорьев сообщил, что господаи «хотят с великим государем, с его царским величеством, заодно стоять против турецкого царя и против крымского царя и ратных людей ему, великому государю, на помощь дадут»³⁰. В.Лупу при посредничестве Я.Радзивилла удалось заключить в 1646 г. договор с трансильванским князем Ракоци I³¹, который мог быть полезным в случае реализации антиосманского проекта.

Между тем к осени 1646 г. международная ситуация изменилась. Уже летом польские магнаты и шляхта решительно выступили против антиосманских планов Владислава IV. В этих условиях русское правительство стало искать соглашения с Крымом и Османской империей³². Такой поворот в политике России и неудача военных планов польской короны изменили позицию молдавского и валашского господарей, хотя М.Басараб и пытался настаивать на продолжении антиосманского курса³³. Ловкий В.Лупу сразу же принял меры к тому, чтобы отвести от себя подозрения османов. Уже в конце августа 1646 г. он писал великому везиру о своем влиянии, оказанном на польский сейм в его решении остановить антиосманскую инициативу короны³⁴. Не только такой маневр, но и прежнее доверие султана позволили В.Лупу стать посредником в налаживании османо-польских отношений. Вскоре Порта поручила молдавскому господарю склонить власти Речи Посполитой к посылке посольства в Стамбул. Усилия В.Лупу не замедлили сказаться: в конце октября 1646 г. в османскую столицу прибыл посол Владислава IV³⁵.

Но напряженность в отношениях двух стран сохранялась и в следующем 1647 г. М.Басараб видел в этом перспективу возобновления антиосманского курса. Молдавский господарь В.Лупу связывал укрепление своих позиций с урегулированием обстановки в регионе и продолжал посреднические усилия. Так, в первые месяцы 1647 г. В.Лупу действовал активно с целью предотвращения возможной атаки татар на Польшу и посылки новых польских послов в Стамбул³⁶. Чтобы скло-

нить власти Речи Посполитой к более уступчивой позиции в отношении Порты, он использовал распространение слухов о намерении османов превратить Молдавию и Валахию в турецкие пашалыки³⁷. В то же время В.Лупу возобновил отношения с князем Трансильвании и с валашским господарем М.Басарабом, которые установили также союз друг с другом³⁸.

Но уже в 1648 г. отношения между тремя княжествами обостряются. Связано это было с активизацией в регионе крымского хана. В Валахии появились опасения совместных действий В.Лупу и татар. Происходили столкновения на молдавско-трансильванской границе³⁹. Хан Ислам-Гирей стал реализовывать свои антипольские планы, воспользовавшись свободой действий в то время, когда Порта была озабочена проблемами внутреннего кризиса империи, осложнившегося убийством в августе 1648 г. султана Ибрагима и неудачами в критской войне. Вспыхнувшее на Украине в начале года освободительное движение под руководством гетмана Богдана Хмельницкого благоприятствовало планам Крыма, заинтересованного в совместных с казаками действиях против Речи Посполитой. В то же время события 1648 г. на Украине оказали решающее влияние на изменение расстановки политических сил в восточном и юго-восточном регионах Европы. С окончанием Тридцатилетней войны и заключением в октябре 1648 г. Вестфальского мира эти события заняли важное место в политике стран региона.

¹ Veress. Vol. IX. P. 355—358; DR. Vol. IV/2. P. 488—489.

² Данные из документов Стамбульского архива. См.: *Gemil. T. Țările Române în contextul politic internațional (1621—1672)*. Buc., 1979. P.92.

³ DR. Vol. VIII. P. 455—456; См. также: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов (1637—1642) // *Славянский сборник*. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 118.

⁴ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 245.

⁵ DR. Vol. VIII. P. 453—456.

⁶ Ibid. P. 456—457; Vol. IV/2. P. 491.

⁷ *Gemil T. Țările Române...* P. 99—100; другие оценки в румынской историографии см.: IR. Vol. III. P. 166—167.

⁸ Veress. Vol. X. P. 12.

⁹ Ibid. P. 33—34; DR. Vol. XV/2. P. 1043; VIII. P. 470—471.

¹⁰ Veress. Vol. X. P. 40—43, 49—56.

¹¹ *Decei A.* Relațiile lui Vasile Lupu și Matei Basarab cu Porta în lumina unor documente turcești inedite // АИАС. XV (1972) P. 76—78.

¹² Veress. Vol. X. P. 67—68; CStR. V. P. 135.

-
- ¹³ *Gemil T. Țările Române...* P. 107.
- ¹⁴ DR. Vol. VIII. P. 490—496.
- ¹⁵ Свидетельства документов из турецких архивов см.: *Gemil T. Țările Române...* P. 109.
- ¹⁶ О посредничестве В. Лупу в османо-русских переговорах по Азову см.: *Семенова Л.Е.* Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в. // *Связи России с народами Балканского полуострова.* М., 1990. С. 72—79.
- ¹⁷ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XV—XVII вв. М., 1947. С. 81—82.
- ¹⁸ DR. Vol. IV/2. P. 516—517.
- ¹⁹ Ibid. P. 519; в исторической литературе существует мнение, что роль В.Лупу в урегулировании русско-османских отношений в связи с азовским конфликтом была незначительной—см.: *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV—начало XIX в.).* Кишинев, 1987. С. 200; *Gemil T. Țările Române...* P. 110—111.
- ²⁰ *Семенова Л.Е.* Политические контакты... С.78—79.
- ²¹ *Xenopol A.D.* Istoria românilor din Dacia traiană. Vol. VII. Ed. II—a. Buc., P. 35—37; *Gemil T. Țările Române...* P. 110—111.
- ²² Свидетельства источников из архива г.Бухареста см.: *Gemil T. Țările Române...* P. 112.
- ²³ DR. Vol. IV/1. P. 676; см. также: *Gemil T. Țările Române...* P. 112.
- ²⁴ *Decei A.* Relațiile lui Vasile Lupu... P. 52.
- ²⁵ DR. Supl. II. Vol.2. P.6—7.
- ²⁶ *Gemil T. Țările Române...* P. 115—116.
- ²⁷ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства... С. 370-374;
Флоря Б.Н. К истории русско-османских отношений в середине 40-х годов XVII в. // *Études balkaniques.* 1991. Nr.2. P. 74-77.
- ²⁸ DR. Vol. IV/2. P. 547-553; *Miron Costin.* Opere. Ed. de P.Panaiteescu. Buc., 1965. P. 121—122.
- ²⁹ См.: *Флоря Б.Н.* К истории... С. 77.
- ³⁰ Искв. Т. 2. С. 372.
- ³¹ Veress. Vol. X. P. 191—191.
- ³² *Флоря Б.Н.* К истории... С. 78—81.
- ³³ DR. Vol. IV/2. P. 555.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ DR. Vol. IV/2. P. 557—558.
- ³⁶ Ibid. P. 560—565.
- ³⁷ *Gemil T. Țările Române...* P. 126—127.
- ³⁸ Veress. Vol. X. P. 196—201, 206—207.
- ³⁹ Ibid. P. 211; см. также: *Очерки внешнеполитической истории...* С. 205.

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ
СЕРЕДИНЫ XVII в.**

**ПОРТА, КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ГОСУДАРСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1648 — 1654 гг.**

Вестфальский мир (Оснабрюкско-Мюнстерские трактаты августа — октября 1648 г.), завершивший первый подлинно всеевропейский конфликт (Тридцатилетнюю войну), не стал «генеральным миром» на западе континента. Даже в империи, главном театре боевых действий в минувшую войну, не все очаги конфликтов были полностью погашены, возникали и новые, которые не без труда удавалось ликвидировать. Но гораздо опаснее была борьба держав вне империи. Признав независимость Соединенных провинций Нидерландов, испанские Габсбурги добились в начале 1647 г. прекращения боевых действий и заключили с ними 30 января 1648 г. сепаратный мирный договор в Мюнстере, освободив руки для продолжения войны с основным соперником — Францией. Это соглашение, а также нидерландско-датское сближение, имевшее целью ограничить успехи шведов на Балтике, и ряд других внешнеполитических акций стали важными вехами на пути распада прежнего антигабсбургского блока и обострения конфронтации на Западе совсем по иным линиям. Во Франции правительство регентши Анны Австрийской и кардинала Д.Мазарини оказалось в очень нелегкой ситуации, обусловленной сложной внутренней обстановкой (Фронда, 1648 — 1653 гг.), неустойчивым и опасным положением на фронтах и резким ухудшением отношений с кромвелевской Англией. Положение стало более благоприятным для парижского двора только после завершения Фронды и заключения (3 ноября 1655 г.) с Англией антииспанского союзного Вестминстерского договора. После провозглашения республики Англия постепенно превратилась в преобладающую силу на Западе. Первая морская война с Нидерландами (1652 — 1654 гг.) закрепила это положение.

В целом все западные супердержавы того времени — Англия, Франция, Испания, Нидерланды (государство австрийских Габсбургов после Тридцатилетней войны на ряд лет выпало из их числа) в рассматриваемый период были полностью заняты взаимным соперничеством и внутренними конфликтами. Поэтому они располагали тогда весьма

ограниченными средствами, преимущественно дипломатическими, для воздействия на ситуацию в других частях континента, даже там, где затрагивались их жизненно важные интересы, как например на Балтике и в прилегающих к ней землях. Обеспечение здесь мирных условий для беспрепятственного судоходства и торговли, а также определенного баланса сил между соперничавшими в этом ареале странами являлось для великих держав делом первостепенной важности. Страны Балтики находились целиком в сфере их непосредственного воздействия, как финансового, так и при необходимости военного (ввод флота и др.). В обычных условиях такого вмешательства оказывалось, как правило, достаточно для умиротворения, но в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. подобного давления со стороны великих держав можно было не опасаться и мощный конфликт, разразившийся тогда в центральном и восточноевропейском регионах, пошел по собственному сценарию.

Важнейшим политическим и военным фактом являлось то, что и пятая мировая держава, Османская империя, не имела сил активно вмешиваться в конфликты, не затрагивавшие ее непосредственно. Возможности ее в этом смысле также ограничивались преимущественно дипломатической деятельностью. Тяжелая и долгое время неудачно для османов протекавшая война с Венецией (с 1645 г.), перманентная угроза возобновления противоборства с Персией, а также внутренняя нестабильность (непрочность султанского трона в малолетстве Мехмеда IV и частая смена высших чиновников) поглощали внимание Порты, во всяком случае до начала деятельности великого везира Мехмеда Кёпрюлю в 1656 — 1657 гг.

Для государств Восточной, отчасти Центральной, Юго-Восточной и даже Северной Европы все более значительным политическим фактором с 1648 г. становилось восстание на Украине, быстро переросшее в освободительную войну против польского господства. Она послужила запалом нового общего столкновения в борьбе за гегемонию в указанном регионе, став началом крупнейшего межрегионального конфликта в этой части континента (войны 50-х — 60-х гг. XVII в.: русско-польская, первая Северная¹, русско-шведская, шведско-датская). Первостепенное значение имела быстро выявившаяся и прогрессирующая внутренняя и военная слабость Речи Посполитой. Хотя общий потенциал ее был еще весьма значителен, по ряду причин его не удавалось быстро и своевременно мобилизовать. Для этого потребовался немалый срок, что в конечном счете очень дорого обошлось стране². Начальный, самый трудный период восстания, когда оно еще могло быть локализовано и подавлено относительно небольшими силами, Б.М.Хмельницкий и его сторонники удачно миновали, а после первых блестящих успехов в мае 1648 г. движение с молниеносной быстротой распространилось по всей Украине.

Характерной чертой ситуации в конце 1647 — начале 1648 г. было существенное ухудшение внутреннего и внешнего положения Крымского ханства. Наиболее опасным для него стало сближение давних со-

перников, Речи Посполитой и России, именно на антикрымской основе. Первоначально все это находилось в русле известных планов турецкой войны короля Владислава IV, которые московский двор считал несвоевременными. Иную судьбу имела ненадолго более скромная, но реальная, идея антикрымского соглашения двух держав, т.н. «договор А.Киселя» от сентября 1647 г. Соглашение предусматривало координацию дипломатических действий (для предотвращения татарских нападений на земли обеих сторон), и военных мер (для отпора подобным акциям крымцев). Более того, царское правительство провело специальный собор об отношениях с ханством³.

Собор состоялся, видимо, в конце 1647 г. либо в самом начале 1648 г. На нем рассматривался весь комплекс русско-крымских взаимоотношений, но не предусматривалось принятие решений. Информировав собор о положении дел, царские власти обеспечивали свободу рук в выборе политических или военных мер, в которых могла возникнуть необходимость. Намеченная несколько ранее линия на соглашение с Османской империей при гарантии прекращения крымских нападений на русские земли была сочтена недостаточной, что не исключало попыток нормализовать ситуацию при помощи контактов с бахчисарайским двором⁴. Вместе с тем, русские посланники в Крыму Т.Г.Хотунский и подъячий И.Степанов заявили в начале марта 1648 г.: в случае нового нападения татар на Русь «...царь им терпеть в их неправде не будет и государство свое остерегат учнет... И будет... против той их... неправды стоять и неправде их мстить»⁵.

Во второй половине 1647 — начале 1648 г. в Москве пристально следили за всеми сообщениями о вторжениях даже относительно небольших татарских и ногайских отрядов, немедленно слали на места указания о готовности к отпору татарам. Переписка с польскими руководителями также была достаточно оживленной⁶. Сближению держав мешала, однако, неурегулированность двусторонних отношений по нескольким важным пунктам, в том числе по престижной проблеме употребления царской титулатуры в письмах сановников Речи Посполитой (допускались искажения, ошибки, пропуски).

Стремясь снять накопившиеся противоречия и упрочить основу для антикрымского, а в перспективе и возможного антиосманского сближения, Владислав IV постарался ликвидировать ряд болезненных препятствий на пути к союзу. 27 ноября 1647 г. появился королевский универсал, в котором всем представителям пограничной администрации предписывалось во избежание ошибок употреблять в переписке с царскими властями только «короткие титулы» государей по присланным образцам, давались указания прекратить нарушения границы и нападения отрядов украинских казаков на «сторожи московские». Предусматривались строгие наказания, вплоть до смертной казни, нарушителям постановлений универсала, копия которого через брацлавского воеводу А.Киселя была немедленно направлена в Москву⁷.

С февраля 1648 г. принял практические очертания вопрос о координации боевых усилий на случай нападения крымцев и ногаев на одну из сторон: А.Киселю сообщили, что по получении достоверных известий о вторжении орд в польские пределы русские войска, расположенные в пограничье, окажут помощь вплоть до линии Днепра⁸. Таким образом, благодаря усилиям обеих сторон, начала превращаться в реальность наиболее опасная для Крымского ханства тенденция к политическому и военному польско-русскому единению.

Положение ханства усугублялось сложной внутренней ситуацией. Почти с самого начала правления Ислама III Гирея (июль 1644 г.) развернулась острейшая борьба между разными группировками крымской и ногайской элиты⁹. В этих условиях традиционным и апробированным выходом из затруднений был бы успешный грабительский поход большими силами во владения Речи Посполитой или России, тем более желательный, что неудачи турок в Кандийской войне, постоянная необходимость пополнять флотские экипажи гребцами увеличивали спрос на пленников и соответственно их цену. Именно к подобному рейду подталкивали хана ведущие беи и мурзы, склонялся к нему и сам Ислам-Гирей.

Задержка Речью Посполитой с 1644 г. условленных ежегодных даров ханству, нарушала соответствующие статьи соглашений с Османской империей и Крымом и являлась формальным оправданием новых военных акций крымцев. К тому же польско-крымские отношения резко ухудшились в 1647 г.¹⁰ Все это делало предпочтительным набег на Украину. Но имелись и сторонники вторжения в русские пределы. Поэтому сообщения о намерениях крымцев оставались двойственными. Есть, однако, сведения, что сам хан старался воспрепятствовать походам на Русь¹¹.

Другим важным фактором, определявшим политику Ислама III Гирея, была позиция Порты. Имеются свидетельства о том, что незадолго до и сразу после урегулирования внутреннего конфликта правящая элита ханства обратилась к султану за разрешением на поход против соседей в конце осени — начале зимы 1647/48 г. Ибрагим I, однако, запретил нападать и на Польшу, и на Россию¹². Реакция стамбульского двора определялась прежде всего продолжавшимися неудачами под Мальтой и необходимостью сконцентрировать именно там все силы в надежде исправить положение. Тревожной была и внутренняя ситуация: показательно, что почти за год до подлинно свершившегося переворота уже распространялись слухи о насильственной гибели султана¹³. В подобных обстоятельствах Порта стремилась не допускать новых внешнеполитических осложнений.

Политическая линия на военное сотрудничество с Россией в случае нападения крымцев приобрела особую актуальность для властей Речи Посполитой с ходом событий на Украине. Появившиеся известия о возможной отправки султаном к Мальте весной 1648 г. татарских сил были с удовлетворением восприняты в Варшаве. В случае реализации

османами этого плана создались бы благоприятные условия для разрешения польскими властями украинской проблемы. Реальностью же стал наиболее невыгодный для Речи Посполитой вариант — союз ханства с восставшим казачеством как результат активной дипломатической деятельности Б.Хмельницкого¹⁴. В марте в Крыму получили распоряжение султана направить войска в Стамбул для последующей их переброски к Мальте. После многодневного обсуждения татарские сановники решили отказаться от данной экспедиции, так как в ханстве «голод большой и изнела скудость» и даже при желании Исламу III Гирею не удастся заставить людей отправиться за море.

Хан сообщил султану об обращении к нему запорожских казаков за помощью против Польши, их обещании взамен «ему служить вечным холопством» и о своем намерении отправиться в большой поход на Украину. Действительно, Ислам-Гирей двинулся из Крыма во главе основных орд 11 мая, предварительно заверив 24 апреля русских посланников, что нападения на царские владения исключены. Излагая Порте ход событий таким образом, хан затушевывал тот факт, что решение о поддержке восставших казаков крымцы приняли до получения султанского распоряжения, и независимо от него к ним уже направились татарские войска. Ислам III Гирей послал на Украину войско во главе с перекопским комендантом Тугай-беем Ширинским, которое и участвовало в первых победных сражениях казаков с армией Речи Посполитой в мае 1648 г.¹⁵. Основные татарские силы под предводительством хана подошли немного позже, после завершения первой части кампании. Вопрос о численности частей, пришедших с Тугай-беем, в историографии остается спорным, а сведения источников на этот счет противоречивы¹⁶. Польские, а также русские свидетельства чаще всего говорят о 15-20 тыс. чел. у Тугай-бея в ходе майских сражений 1648 г. Однако вопрос требует дополнительных разысканий.

В историографии давно уже показано, что успех восстания на его начальном этапе был обусловлен объединением казацких и татарских сил, которое значительно увеличило их общий боевой потенциал. Казаки традиционно располагали в поле первоклассной пехотой, значительной огневой мощью, испытанным оборонительным средством в виде табора, но не имели ничего равнозначного блестящей тяжеловооруженной польской коннице. Поэтому в ходе былых восстаний они были вынуждены в конце концов переходить к обороне на небольшой территории, имея, в частности, ограниченные возможности использовать поддержку украинских масс. Совсем иначе обстояло дело в апреле — начале июня 1648 г. с прибытием татар. О перевесе поляков в коннице говорить теперь не приходилось, а отсутствие в составе коронных войск сильной пехоты вместе с нехваткой артиллерии меняло соотношение сил не в их пользу, тем более, что польское командование оказалось совершенно не готово к новому положению вещей. Очень быстро театром войны стала значительная часть Украины. После первых успехов восстание приобрело всенародный характер. На террито-

рии восточной Украины возникло новое политическое объединение — гетманство со своей администрацией и армией.

Вопрос о позиции османов в начальный период восстания из-за недостатка источников остается невыясненным. Есть сведения, что Б.М.Хмельницкий довольно рано обратился с просьбой о поддержке к Порте; в ответ ему рекомендовали договориться об этом с крымским ханом¹⁷. Документально засвидетельствовано, что 12 мая султанский чауш привез в Бахчисарай грамоту, с которой он отправился вслед Исламу III Гирею, днем раньше двинувшемуся во главе орд на Украину. В грамоте содержалось запрещение похода, аргументированное новыми неудачами османских войск под Мальтой и фактической блокадой венецианцами на суше и на море Стамбула. В документе подчеркивалось, что ханский поход мог спровоцировать польско-венецианские договоренности и ответный удар сил Речи Посполитой по османским владениям¹⁸. Показательно, однако, что давление стамбульского двора не остановило татарского марша на Украину.

К османо-крымским дипломатическим контактам вскоре присоединился еще один участник — Речь Посполитая, незримо присутствовал и четвертый — казачий гетман. Польские политики попытались воздействовать на султанское правительство, чтобы с его помощью отвлечь татарские силы от соединения с казаками. 1 июня 1648 г. канцлер Е.Оссолинский направил великому везиру Ахмед-паше письмо с просьбой запретить татарам действия, нарушающие польско-османский договор¹⁹.

В конце июня 1648 г. в Варшаве получили грамоту Ислама III Гирея, в которой он утверждал, что предпринял свои акции против Речи Посполитой по приказу султана из-за невыплаты ею обусловленных договорами даров хану и грозил новыми нападениями, если не будет скорого погашения накопившейся задолженности по дарам и обеспечения запорожскому казачеству давних вольностей. Вместе с тем Ислам-Гирей подчеркнул, что пока прекращает боевые действия и отказывается от похода в Польшу, который ему запретил султан²⁰.

Вопрос об ответной реакции, наряду с другими проблемами международного, политического и военного характера, стал предметом обсуждения на сенаторской раде, созванной перед конвокационным сеймом после смерти короля Владислава IV. В письме хану сенат осудил вторжение татарских орд в польские пределы, но не исключил возможности переговоров о выплате задержанных ранее денежных сумм. Однако в центре намеченной программы оказались не прямые переговоры с Исламом III Гиреем (на этот, вероятно, наиболее реалистичный путь, власти Речи Посполитой не хотели еще тогда по-настоящему вступить, надеясь на контакты с войском Запорожским о мире и на появившиеся шансы собрать крупные боевые силы), а новая попытка воздействовать на Порту. Было направлено послание (от 3 июля) великому везиру Ахмед-паше, выдержанное в очень острых тонах и содержавшее угрозу разрыва мирных отношений, если Порта не обеспечит пре-

кращения татарских вторжений в страну. Правительство Речи Посполитой привлекло к своей акции также молдавского господаря Василе Лупу, который в своем письме великому везиру указал, что в Польше собрали много войск и считают польско-османский договор нарушенным действиями хана; воевода советовал возможно скорее оторвать татар от казаков во избежание опасных для самого падишаха осложнений с этой стороны²¹.

Параллельно развивались крымско-турецкие контакты. После своего возвращения в Крым из украинского похода Ислам III Гирей приблизительно в середине июля 1648 г. направил посланцев в Стамбул с сообщением о достигнутых успехах²². Между тем позиция Порты по вопросу о взаимоотношениях Крыма и Речи Посполитой была уже определена в ходе переписки Стамбула с польскими политиками. Отвечая канцлеру Е.Оссолиньскому на его послание от 1 июня, Ахмед-паша среди прочего подчеркнул, что при соблюдении Речью Посполитой условий мирного соглашения хан и татары не должны не только нападать на нее, но даже «смотреть в ее сторону». Он сообщил, что султан высказался против нарушения договоров, поэтому к Исламу III Гирею послали подходящих людей с категорическими распоряжениями соответствующего характера²³. Великий везир направил в июле 1648 г. в Бахчисарай вместе с ханским послом своего представителя, чтобы довести до сведения Ислам-Гирея недовольство Порты его акциями на Украине. Султан Ибрагим повелел хану отказаться от вторжений татар в польские пределы²⁴. Итак, Порта избегала вмешательства в восточноевропейский конфликт и предпочитала, чтобы бахчисарайский двор следовал той же линии. Но она противоречила политике хана и его окружения, которые выступали единым фронтом, отражая в данном вопросе также интересы татарских масс Крыма. В ходе дискуссии в ханском диване мурзы фактически отвергли султанские указания и высказались за сохранение союза с казачеством и предоставление ему военной помощи. Значительная часть татарских орд во главе с калгой и нуредином двинулась на Украину 30 августа 1648 г. и активно действовала там в течение нескольких месяцев²⁵.

Между тем новое султанское правительство, пришедшее к власти в результате переворота в Стамбуле (6—7 августа), изменило позицию. По свидетельству хрониста М.Наимы, после рассмотрения в диване ответа Ислама III Гирея на предыдущее посольство от Порты, к нему направили миссию с ферманом султана Мехмеда IV, разрешающим татарский поход против «неверных» (в данном случае в пределы Речи Посполитой)²⁶. Ввиду недостатка источников можно лишь косвенно судить о причинах такого поворота в османской политике.

В международном положении империи отнюдь не произошло каких-либо положительных изменений, что же касается внутренней ситуации, то она после переворота еще более обострилась. Изменения в политике Порты определялись прежде всего тем, что в Стамбуле, очевидно, к тому времени осознали, что, исходя из реального соотноше-

ния сил, опасаться каких-либо контракций со стороны Речи Посполитой не стоит. В то же время султану приходилось считаться с растущей в новых обстоятельствах независимостью крымской политики. Показательно уже содержание беседы Тугай-бея Ширина с плененным гетманом М.Потоцким вскоре после корсуньского погрома 26 мая 1648 г. Бей подчеркнул, в частности, что союз крымцев с казаками прочен и рассчитан на много лет, его можно использовать не только против Польши, но и против султана, «сил которого не боимся при телерешнем союзе». Ислам III Гирей и его окружение, не слишком-то интересуясь позицией своего сюзерена, определяли собственную политическую линию в крымско-польско-украинских отношениях. Так, во время переговоров в Бахчисарае с польским посланцем в ноябре 1648 г. хан потребовал обязательной доставки Речью Посполитой обычных ежегодных даров и выплат за пленников. В ханском листе новому королю подчеркивалась необходимость уплаты задержанных сумм как условие сохранения мира, а при отказе предусматривалось скорое возобновление войны²⁷.

Высказанные в историографии предположения о причастности дипломатии Б.М.Хмельницкого к изменению политики Порты²⁸ требуют изучения. Пока скорее можно утверждать, что отмеченный выше поворот в османской политике в августе 1648 г. к сближению с позицией крымских верхов в конфликте с Речью Посполитой произошел без вмешательства посланцев запорожского гетмана.

Не меньшее значение для дальнейшего развития событий в регионе имела дипломатическая игра между Россией, Речью Посполитой, восставшей Украиной (с Крымским ханством на заднем плане) во второй половине 1648 г. Для московского двора первоначально именно крымский вопрос был определяющим. Получая уже с апреля все более полную информацию о нарастающей боевой активности татар (направление ее оставалось еще неясным), Москва реагировала адекватным и апробированным образом. В южные города пошли настоятельнейшие распоряжения об усилении тотального наблюдения за путями возможных вторжений крымцев и сугубой осторожности, обновлении укреплений и т.д. Была спешно собрана довольно значительная армия. Также было направлено подробное письмо А.Киселю с изложением полученных данных о намерениях татар для передачи Владиславу IV и сенаторам и с советом обсудить меры, «чтоб тех черкас под крымского царя владенье не допустить»²⁹. Тем самым ясно давалось понять о желании царского правительства координировать вероятные контракции на случаи нападений крымцев.

Поэтому перспективная идея использования данного фактора в решении украинской проблемы заняла видное место во внешней политике Речи Посполитой вскоре после начала восстания и особенно вслед за первыми поражениями коронных войск (наряду с безрезультатными попытками разорвать казацко-крымский союз путем прямого дипломатического воздействия на верхи казачества). В переписке руководи-

телей страны соответствующие шаги обсуждались по меньшей мере с марта 1648 г. и тогда же начали осуществляться. Главная мысль состояла в том, чтобы запустить механизм антикрымского соглашения А.Киселя 1647 г. и распространить его действие на казаков с учетом их союза с татарами³⁰.

Основные опасения царских властей вызывали татары, боялись и возможности совместных акций с татарами «самовольных черкас» против русских владений. Но именно в последнем пункте в политике московского двора вскоре произошли существенные изменения. В конце июня — начале июля 1648 г. царское правительство стало с учетом общей ситуации меньше опасаться вероятности крупных, тем более общих татаро-казацких вторжений в русские пределы в силу двух главных обстоятельств. Во-первых, в Москве располагали теперь более полной информацией о событиях на Украине; правительство Алексея Михайловича довольно быстро получило представление об общенародном характере украинского восстания и лишь дополняющей роли татарского фактора. В социальном смысле самодержавию была чужда и враждебна такая активность масс, особенно в условиях прокатившихся в самой России в 1648-1650 гг. городских движений и воздействия на них, а также на крестьянство, прилежащих к западным границам уездов, «украинского примера»³¹. Но оно не могло игнорировать крупнейших успехов восставших и соответствующего ослабления Речи Посполитой. Кроме того, с самого начала освободительной войны возникло представление о ней как о по преимуществу религиозном конфликте, в котором решалась судьба православия в Польско-Литовском государстве, что затрагивало весьма чувствительные элементы менталитета двора, духовенства да и более широких кругов русского общества. Во-вторых, оказали влияние прямые полуофициального характера дипломатические контакты между Б.Хмельницким и региональными царскими властями (и Москвой), завязанные по инициативе гетмана³².

Все это привело к тому, что позиция русского правительства в корне переменялась. Прежняя, определившаяся примерно с осени 1647 г. — первых месяцев 1648 г. линия к сближению России с Речью Посполитой на антикрымской основе была оставлена и заменена, по сути дела, дружественным нейтралитетом по отношению к казацкой республике³³. Союз гетманата и Крыма молчаливо признавался царским двором как политический факт.

Вместе с тем Москва не желала втягиваться в украинско-польский конфликт на чьей-либо стороне, предпочитая дистанцироваться от него и поддерживать нормальные отношения с Речью Посполитой. Такая линия, однако, вступила в противоречие с политической программой Б.М.Хмельницкого, для которого поиски поддержки извне являлись задачей первостепенной важности. Крымцы оставались небезопасным союзником; кроме того, несмотря на все договоренности с ними, во время походов от насилий татар немало страдало и украинское население.

ние. Союз с татарами пользовался далеко не всеобщей поддержкой старшинской верхушки и казачьих масс³⁴. Поэтому Б.М.Хмельницкий добивался активного вмешательства России в борьбу.

После вступления на трон Речи Посполитой нового короля Яна Казимира и временного прекращения военных действий на Украине перед властями Речи Посполитой встал вопрос, какова должна быть дальнейшая политика государства по отношению к Запорожскому Войску. Варшавский двор сознавал целесообразность дипломатического воздействия на Порту и хана, но миссии в Стамбул и Бахчисарай готовились столь неспешно, что возникало впечатление об отсутствии у польских руководителей действительного желания обратиться к данному средству. Признавалась также необходимость активно развивать контакты с царским правительством (в Варшаве еще не учитывали наметившихся изменений в его политике). Речь шла о масштабных предложениях, призванных оформить союз против ханства и восставшего казачества, а может быть и прозондировать почву для антиосманских планов. Однако и в этом направлении дипломатическая машина Речи Посполитой работала с неоправдываемой обстоятельностью медлительностью³⁵. Тем большее значение приобретали отношения с войском Запорожским. В польско-литовском правящем стане отсутствовало единство в определении наиболее целесообразного курса в данном направлении политики. Более прагматично мыслящие представители элиты (из главнейших лиц их представляли тогда сам король, канцлер Е.Оссолинский, А.Кисель) считали необходимым испытать путь дальнейших переговоров с Б.М.Хмельницким, соглашаясь на частичное удовлетворение его требований. «Непримиримые» (к ним среди виднейших фигур относились подканцлер А.Лещинский и И.Вишневецкий) не видели смысла в таких переговорах, ориентируясь на военное решение.

Кроме уступок, сторонники «мирной партии» нашли, как им казалось, отличный способ привлечь казаков на свою сторону, возрождая прежние планы наступательной войны с Османской империей или Крымским ханством (в последнем случае — вместе с силами России)³⁶. При реализации этих планов оказалось бы достигнутым главное: наиболее активная и боеспособная часть казачества отвлекалась на войну за пределами Украины, где положение, по их мнению, в этом случае стабилизировалось бы без существенных ограничений позиций магнатско-шляхетского слоя.

Внешнее и внутреннее положение Османской империи осенью 1648 г. — в первой половине 1649 г. оставалось тяжелым³⁷. В этих условиях планы крымско-казацко-польских действий против нового султана и, в особенности, его окружения могли казаться осуществимыми, тем более, что мирное соглашение между варшавским двором и войском Запорожским представлялось в начале 1649 г. возможным, хотя частые столкновения между войсками сторон заметно обостряли ситуацию³⁸.

Эмиссары Речи Посполитой, начавшие свой путь 1 января, первоначально рассчитывали на успех своей миссии. Однако на Украине они столкнулись с совершенно переменившейся обстановкой. Изменения шли по разным направлениям. В их основе лежало крепнущее убеждение разных слоев украинского общества, что мирными средствами не удастся обеспечить тех перемен в их положении, которых они уже достигли в ходе восстания. Во время Переяславских переговоров казацкой элиты с посланниками Речи Посполитой первая в устной форме выдвинула и обосновывала программу независимого существования Украины вне Польско-Литовского государства. Правда, в письменном тексте достигнутого тогда соглашения (24 февраля 1649 г.) не имелось статей подобного характера (предусматривалось и сохранение перемирия)³⁹. Но с возобновлением войны казачество намерено было серьезно добиваться этой цели.

В ходе бесед в Переяславле Б.М.Хмельницкий указал на главную опору своей политики, которая, как он полагал, даст ему возможность решить стоящие перед гетманом задачи, а именно на союз с Крымским ханством, которому Речь Посполитая не будет в состоянии противостоять⁴⁰.

Разумеется, Б.М.Хмельницкий знал о неустойчивости политической позиции крымской элиты. Отсюда его энергичная деятельность по укреплению блока с ханством. Гетманские посланцы с информацией о подготовке поляков к новой войне против казачества и с просьбами о помощи зачастили к Исламу III Гирею и к другим татарским сановникам уже с конца 1648 г. Активность казацкой дипломатии сыграла свою положительную роль, несомненно ускорив приход татарских орд. В течение мая 1649 г. крупные татарские контингенты в нарастающем темпе прибывали на Украину, во второй половине июня — начале июля здесь располагались главные орды⁴¹.

Дипломаты Хмельницкого предприняли также немалые усилия, чтобы обеспечить казакам более благоприятные условия в конфликте с Речью Посполитой и на втором важном направлении политики — в отношениях с османами. Стараясь добиться благоволения падишаха, гетман не собирался, однако, принимать султанский протекторат. Он хорошо представлял себе реальное положение Османской империи, в частности, отсутствие у нее в те годы возможностей для активной политики в Восточной Европе. Его целью было прежде всего побудить Порту воздействовать на хана и мурз, чтобы закрепить их проказацкий курс. Следует учесть также, что при подготовке новой операции против венецианцев весной 1649 г. османы первоначально планировали использовать крупный татарский контингент. Вполне вероятно, что казацкому посольству в Стамбуле надлежало помешать столь невыгодному для войска Запорожского отвлечению крымцев. Примерно в феврале в Чигирине находилась ответная султанская миссия во главе с Осман-агой, которая привезла сообщение о готовности Порты оказать военную помощь казакам.

Источники свидетельствуют о согласованных усилиях крымской и казацкой дипломатии по созданию благоприятных условий для возобновления борьбы с Речью Посполитой и получению в той или иной форме поддержки Порты. Но концентрация польских войск у Збаража и апрельский разгром османского флота венецианцами вызвали перемены в позиции султана. Порта колебалась в своей политике, опасаясь быть вовлеченной в восточноевропейский конфликт. Есть свидетельства, что, возможно, под влиянием нового поражения в борьбе с Венецией, султан приказал хану повернуть назад⁴², но это уже не могло помешать соединению крымских и казацких войск.

Третьим, важнейшим направлением активности Б.М.Хмельницкого и его соратников на международной арене были взаимоотношения с Россией, призванные сбалансировать общий курс и придать ему прочность. Царское правительство осознало тогда важность украинских событий для развития ситуации в Восточной Европе. Но главным в политике московского двора в то время являлось стремление способствовать мирному урегулированию конфликта на Украине, вплоть до возможного предложения посреднических услуг.

Такая позиция царских властей никак не отвечала программе действий Б.М.Хмельницкого и не могла его устроить. Поэтому он предпринял массированное дипломатическое давление в Москве, добиваясь военной помощи со стороны России в случае достаточно вероятного возобновления боевых действий на Украине.

Реакция правительства Алексея Михайловича определилась в первые месяцы 1649 г. Она была выражена посольством во главе с Г.Я.Унковским, отправленным к гетману в конце марта, и сводилась к двум главным пунктам. Во-первых, отклонялась просьба Б.М.Хмельницкого о военной помощи против Речи Посполитой, что явилось бы нарушением «вечного докончания». Во-вторых, выражалось согласие принять гетмана под власть царя при условии нерушимости Поляновского договора 1634 г., если во время польско-казацких переговоров о мире с участием царских послов польская сторона согласится на такой вариант (иначе говоря, при решающем превосходстве казаков и татар на поле боя). В ответ Б.М.Хмельницкий вновь просил о военной помощи, согласованных действиях против Речи Посполитой, принятии Украины «под царскую руку»⁴³.

Проявленная гетманом настойчивость в защите своих предложений объяснялась не столько даже конкретной ситуацией весны — лета 1649 г., сколько более общими причинами. Несмотря на довольно оптимистические представления о ближайших перспективах этой борьбы, он отдавал себе отчет в том, что окончательное ее завершение весьма не близко и собственными силами (даже в союзе с ханством) едва ли достижимо. Б.М.Хмельницкий старался создать тройственную антипольскую лигу с участием гетманата, Крымского ханства и России (пусть и без договорного оформления новых отношений между двумя последними). Однако позиция царского правительства осталась неиз-

менной. Союз гетманата с ханством по-прежнему трактовался царскими политиками как весьма опасный для России, и не только теоретически, а в самом что ни на есть практическом смысле: в столицу стекалось немало тревожных свидетельств об агрессивных намерениях крымцев по отношению к России и возможном участии в их акциях казаков (в том числе без ведома гетмана и старшины). Ухудшались и русско-крымские отношения⁴⁴. Хотя к августу 1649 г. в Москву поступили и другие данные, в частности об отказе татарских и казацких сил от вторжений на русские земли⁴⁵, наметившаяся общая линия действий царского правительства не изменилась.

Гетманской дипломатии не удалось достичь одной из важнейших внешнеполитических целей, — побудить Россию к активному вмешательству в восточноевропейский конфликт. Из намеченных политических планов фактом остался лишь татаро-казацкий союз, очевидно, поддержанный дипломатически Портой. Предпринимавшиеся варшавским двором попытки разрушить это единение были малоэнергичными и результатов не дали. В чисто военном смысле такого союза оказалось достаточно. Объединенных союзных сил хватило, чтобы коронные армии во главе с королем, ведущими военачальниками и многими представителями руководящей элиты оказались в Збараже и под Зборовом в поистине трагическом положении, которое современники сравнивали по возможным последствиям с наипаснейшими моментами в истории Польши⁴⁶.

Но в планах Б.М.Хмельницкого имелся весьма серьезный слабый пункт — крымский хан и его окружение оказались довольно шаткой опорой. Крымцы не допустили разгрома коронных войск и фактически принудили казаков к мирному соглашению. Условия его далеко не отвечали первоначальным гетманским надеждам⁴⁷. Впервые определилась противоречивость интересов ханства и гетманата. Крымцы отнюдь не стремились к чрезмерному усилению позиций своего союзника за счет ослабления Речи Посполитой, их традиционной политике получения «поминков», захвата добычи и пленных гораздо больше отвечало сохранение определенного равновесия между ними. Неслучайно, по условиям соглашения польские власти разрешили орде в течение нескольких месяцев беспрепятственно брать «ясырь» на своей территории. В результате Зборовского договора хан получил право выступать в роли арбитра между сторонами в случае нарушения одной из них согласованных условий. Кроме того, польско-татарская часть Зборовского пакта была по сути дела оборонительно-наступательным союзом, предусматривавшим взаимопомощь при необходимости. Это давало возможность использовать его против России, к чему ханские политики стремились. Но соответствующие постановления имели и антиказацкое острие, создавая условия для польско-татарского сближения.

В послезборовский период выявилось, прежде всего, значительное ухудшение русско-польских отношений, включая отклонение московским двором предложения правительства Речи Посполитой обновить

антикрымский договор А.Киселя 1647 г. («великое посольство» во главе с Д.Цеклинским провело соответствующие переговоры в Москве в сентябре 1649 г.)⁴⁸.

Важное значение приобрела позиция Крымского ханства. Русское правительство получало тогда довольно устойчивую информацию о намерении Ислама III Гирея и его окружения организовать масштабное вторжение татарских сил в пределы Московского государства и о том, что в Крыму настаивают на участии в походе запорожских казаков. Особое беспокойство вызывало сочетание этих данных с сообщениями о явном недовольстве на Украине отказом Алексея Михайловича оказать военную помощь в борьбе с Речью Посполитой (с этим связывали и Зборовскую неудачу). Недовольство охватило не только старшинскую верхушку, но и более широкие круги казачества⁴⁹.

В связи с этим московский двор предпринял ряд взаимосвязанных дипломатических шагов. Так, 13 октября 1649 г. отправили миссию в Варшаву с царской грамотой Яну Казимиру. Гонцу Г.Кунакову надлежало среди прочего выяснить, насколько устойчив мир между Речью Посполитой и Крымским ханством. В тот же день было направлено с грамотой царя к Б.М.Хмельницкому и к войску Запорожскому посольство во главе с дворянином Г.Нероновым⁵⁰ с заданием проверить поступавшие в Москву известия о планах татар организовать поход на Россию с участием казаков весной 1650 г.

Московские политики испытывали серьезную озабоченность насчет возможного вторжения татаро-казацких войск на Русь, что вызвало определенную коррекцию дипломатического курса во взаимоотношениях с ханством в послезборовскую пору⁵¹. В ходе чигиринских переговоров Б.Хмельницкий, представители старшины скептически высказывались о возможности утверждения сеймом условий Зборовского соглашения и тем более сохранения польской стороной мира на длительный срок. Гетман заверил, что он будет всячески отговаривать хана от антирусских предприятий и не позволит казакам соучаствовать в них. Взамен он настойчиво добивался воздействия из Москвы на донцов, чтобы прекратить их морские операции против Крыма и вообще в Причерноморье как противоречащие интересам гетманата. Б.М.Хмельницкий оказал и прямое давление на войско Донское, вплоть до угроз общей с крымцами операции против него⁵². Реально существовавшие тогда планы татаро-казацкого похода на Дон действительно представляли немалую опасность, поскольку поддерживались Портой, а при их реализации недалеко было и до конфликта с Россией.

Сведения, доставленные из Варшавы в Москву Г.Кунаковым, рисовали положение Речи Посполитой в черных красках, (скверная хозяйственная ситуация, внутреннее противоборство, борьба групп на сейме и т.д.). Перспективы утверждения Зборовского договора сеймом (как в крымском, так и в казацком разделах) казались в тот момент весьма сомнительными, а возобновление войны более чем вероятным. Явные опасения вызывала позиция русских, вплоть до возможности их

союза с казачеством, что, по мнению многих в Речи Посполитой, принесло бы ей «конечную гибель». В информации не нашло отражения одно важное обстоятельство: реальные взаимоотношения Речи Посполитой с Крымским ханством. В начале 1650 г. здесь произошли существенные перемены: благодаря обмену посольствами были урегулированы такие острые вопросы, как финансовый, возвращение из плена коронных гетманов и т.д. (все это случилось уже после отъезда Г.Кунакова из Варшавы)⁵³.

Будучи не в курсе указанных изменений, царское правительство, направляя в Речь Посполитую посольство во главе с братьями Пушкиными, сочло целесообразным в очень острых формах, вплоть до угрозы войны, требовать урегулирования к своей выгоде взаимных претензий⁵⁴, что привело к обострению отношений между сторонами. Руководители Речи Посполитой быстро нашли очень действенное «противоядие» в контактах с Крымским ханством. Во время неофициальных встреч в Бахчисарае с пленными коронными гетманами, а также переговоров с участием посланника В.Бечиньского в марте 1650 г. обсуждались вопросы укрепления крымско-польских отношений (вплоть до возможного союза), прочного урегулирования на Украине. При осуществлении изложенного проектировалась общая военная акция против России⁵⁵.

После бесед, проходивших, кстати, настолько доверительно, что русские представители в Крыму не знали о них ничего⁵⁶, ханские посланцы во главе с «великим послом» Мустафой-агой отправились в Польшу для окончательного урегулирования финансовых претензий татар. В письмах хана, калги, нуреддина и великого везира королю, привезенных послом, и особенно в данных ему устных указаниях, подробно рассматривались все вопросы, связанные с проектируемым антирусским союзом⁵⁷. Крым выражал готовность выступить всеми силами в любой момент, который поляки сочтут подходящим. Ислам III Гирей заверял, что войско Запорожское несомненно примкнет к лиге, поскольку казацко-крымские договоры предусматривают зависимость действий казаков от ханской воли. Масштабу планируемой военно-политической акции соответствовали далеко идущие цели, сформулированные устно. Яна Казимира соблазняли значительным расширением Речи Посполитой за счет России. Для себя Ислам-Гирей оговаривал «только» возвращение Казанского и Астраханского ханств под свою власть.

Обсуждения в Варшаве прошли в то время, когда переговоры с посольством братьев Пушкиных зашли в тупик, перспективы русско-польских взаимоотношений оставались туманными. Между тем именно от них в первую очередь зависело дальнейшее развитие событий. Власти Речи Посполитой вовсе не стремились к наступательной войне с Россией. Ханство было слишком ненадежным союзником, тем более, что Ислам-Гирей явно собирался играть в проектируемом союзе первую скрипку. Кроме того, короля и канцлера Е.Оссолинского привлекали планы

антиосманской войны (в блоке с Венецией и при участии казачества), в частности и как путь к урегулированию обстановки на Украине. Но подобная линия требовала по меньшей мере нейтрализации России. Приходилось учитывать и остроту польско-шведских отношений, а также возможность сближения московского и стокгольмского дворов после урегулирования между ними в конце 1649 г. ряда противоречий. В создавшейся обстановке руководители Речи Посполитой уклонились от определенного ответа хану, задержав Мустафу-агу, но и готовились к возможному конфликту с Россией. Особое значение имела для них позиция Б.М.Хмельницкого. В начале мая 1650 г. Ян Казимир, откликаясь на просьбу Ислам-Гирея, направил гетману распоряжение выделить для поддержки крымцев сильный полк, оставаясь с основными силами на Украине «для лучшей услуги и выгоды нашей»⁵⁸.

Тогда же хан и калга обратились к Б.М.Хмельницкому с просьбой об отправке для намеченного похода крупного вспомогательного отряда казаков. Стамбул поддерживал планы хана. В мае 1650 г. в Чигирин был прислан Осман-чауш, который обещал гетману военную помощь Порты против любого неприятеля (не только Польши, но и России), если он добьется прекращения казацких нападений на османские земли. Ислам-Гирей просил Б.М.Хмельницкого содействовать также мирному урегулированию конфликта с войском Донским⁵⁹, чьи морские операции в 1649 г. затронули Крым, создавая угрозу и непосредственно владениям османов.

Отсутствие определенности в крымских планах, наряду с невыясненностью намерений поляков, обеспечило украинскому гетману возможность дипломатического маневрирования. Нападение на донцов, особенно с учетом их давнего и постоянного боевого сотрудничества с казачеством Украины, не отвечало интересам гетманата и не имело в нем массовой поддержки. Конфликт с потенциальным союзником, Россией, был также нежелателен, ибо явно усиливал зависимость чигиринских руководителей от Крыма и Речи Посполитой. Учет собственных реальных интересов диктовал руководству гетманата осторожность. Б.М.Хмельницкий выполнил просьбы из Варшавы и Бахчисарая: немалый казацкий контингент сконцентрировали в Полтаве и на р. Миус для возможной кооперации с татарами. Было оказано сильное дипломатическое давление на войско Донское (непосредственно и путем соответствующего обращения к царю), вплоть до угрозы совместного казацко-татарского нападения, с целью добиться прекращения морских походов донцов. Через прибывшего в Чигирин в июле 1650 г. Осман-агу давалось обещание султану крепить союз с Крымом, не допускать враждебных выступлений казаков против империи (очевидно, имелись в виду оба войска, Запорожское и Донское), противодействовать чьим-либо акциям против нее (в Стамбул для упрочения мира отправилась ответная миссия во главе с А.Ждановичем)⁶⁰.

В Чигирине прошли также переговоры с представителями Речи Посполитой, в ходе которых в предварительном порядке обсуждались

перспективы войны с Россией. Показательно, что Хмельницкий, сохраняя полную внешнюю лояльность к проекту, на деле старался его торпедировать⁶¹. В Москве довольно быстро получили информацию о возникших угрозах и оценили ее должным образом⁶². Были предприняты меры противодействия. Прежде всего кардинально смягчалась позиция на переговорах в Варшаве, что позволило прийти к более или менее мирному их завершению. Одновременно постарались воздействовать на Б.М.Хмельницкого, от которого получили заверения в отсутствии враждебных намерений. Вместе с тем усиливали оборонительную готовность на юге⁶³.

Однако все эти акции на первых порах не привели к желаемой цели, а именно к успокоению на южных границах России. Напротив, летом 1650 г. положение существенно обострилось, инициатором чего стали крымские верхи. В Бахчисарае получили от собственных и польских гонцов, а также от властей Речи Посполитой подробную информацию об осложнении обстановки в связи с деятельностью в Варшаве миссии братьев Пушкиных. Некоторые данные свидетельствовали о желании короля побудить татар напасть на Русь (скорее всего, вместе с казаками). В Бахчисарае пришли также сообщения из Польши об обострении шведско-русских отношений и о Псковском восстании 1650 г.⁶⁴

Все это создало у татарских верхов представление о значительных внутренних и внешних трудностях, с которыми столкнулась тогда Россия, что обеспечивало, на их взгляд, благоприятнейшую ситуацию для выступления против нее. В Бахчисарае начали активно говорить о предстоящем походе примерно с середины июня 1650 г., и вскоре под влиянием варшавской информации эти планы приобрели реальные очертания. 19 июля великий везир Сефер Гази-ага сделал царским посланникам заявление о несоблюдении русской стороной условий «шерти» и неизбежности войны⁶⁵.

31 июля калга Крым Гирей во главе значительного воинского контингента направился к Перекопу. Предполагалось, что удар будет нанесен в обход русских засечных линий через территорию Украины. Без казачества осуществить такой план было невозможно. Поэтому незадолго до начала марша татарских отрядов хан, калга и великий везир направили к Б.М.Хмельницкому посланца с сообщением о предстоящем вторжении и требованием двинуться со всеми силами на соединение с калгой под угрозой разрыва союза в случае отказа⁶⁶. Сообщалось также об обращении Ислама III Гирея к Яну II Казимиру с предложением воевать против России и гетману рекомендовался аналогичный шаг. В ханских грамотах польскому королю и канцлеру⁶⁷ подчеркивалось, что создалась особо благоприятная обстановка для начала войны против России.

Большая война с Россией была стержнем всех планов крымских политиков в эти годы. Вовлечение в такую войну Речи Посполитой и Украины, по их расчетам, обеспечило бы ведущую роль ханства в вос-

точноевропейских делах. Для достижения своей цели крымская знать пыталась даже искать союза со Швецией. Летом 1650 г. внушительная по составу миссия от хана и ведущих крымских политиков отправилась через Варшаву в Стокгольм⁶⁸. В грамоте Ислам-Гирея высказывалось желание поддерживать прежние дружбу и братство, выражалась надежда, что шведы также будут следовать аналогичной линии. В беседах со шведской стороной ханские послы, сообщая о выступлении татарских отрядов против России и о поддержке крымских планов Речью Посполитой, высказывались за желательность присоединения Швеции к антирусской акции. В ходе стокгольмских переговоров представители крымской элиты выдвигали претензии, в случае успеха планируемой войны, на «мусульманское наследство» в России, оставляя размеры «шведской доли добычи» на усмотрение королевы Кристины.

О масштабной активности крымской дипломатии в 1650 г. свидетельствует также интенсификация контактов бахчисарайского двора с татарами, ногаями и др., жившими в России мусульманами, чтобы в начале войны поднять восстание в Поволжье⁶⁹. Еще осенью 1650 г. крымские политики пытались обсудить с польским двором свои военные планы⁷⁰.

Но планы татарских политиков и их действия в марте-сентябре 1650 г. в условиях серьезного кризиса в русско-польских отношениях, явно переоценивали возможности ханства, недостаточно учитывая сложности во взаимоотношениях с союзниками и степени противодействия со стороны потенциального противника. Так, Б.М.Хмельницкий формально ответил согласием на обращение крымцев о совместной с войсками калги операции в русских пределах, но фактически сорвал ее, в конечном же счете фактом стало вторжение объединенной армии в Молдавское княжество.

Безрезультатным оказался и итог усилий ханской дипломатии по двум другим важнейшим линиям — польской и шведской⁷¹. Как уже отмечалось, значительное смягчение позиции московского двора в отношениях с Речью Посполитой сделало маловероятным ее присоединение к проекту, а молдавский поход ухудшил отношения с Крымом. В Варшаве начали ориентироваться на иные приоритеты. Король Ян Казимир подтвердил Поляновский мирный договор и уже в сентябре 1650 г. в Москву сообщили о возможности казацко-татарского нападения на Россию, чтобы дискредитировать Хмельницкого в глазах русского правительства. В Стокгольме же ханскому послу дали в декабре 1650 г. ответ о нецелесообразности антирусских проектов, противоречащих мирным отношениям двух держав.

В Бахчисарае не считали, что акция в Молдавском княжестве может сама по себе помешать осуществлению планов войны с Россией, но обратили самое серьезное внимание на рост напряженности в польско-украинских отношениях. Ведь Хмельницкий заявлял, что не может идти в поход на Россию, так как ему грозит опасность со стороны Речи Посполитой. Крымские руководители попытались путем обмена письма-

ми с польской стороной помешать развитию событий в таком направлении, одновременно стараясь спасти идею тройственного антирусского союза. Но правительство Речи Посполитой начало ориентироваться на военное решение украинской проблемы и на обращение татар с просьбой соблюдать договор с казаками не реагировало, но выдвигавшиеся при этом обвинения гетмана в его подозрительных контактах с Москвой оказывали свое влияние.

Дипломатии Б.М. Хмельницкого удалось добиться существенного успеха, обеспечив в ходе переговоров в Стамбуле и Чигирине с представителями падишаха поддержку Порты. В итоге султанские власти направили указания Ислам-Гирею и приграничным пашам оказать военную помощь казакам⁷². Однако, хотя это было немаловажно, но решающего влияния на развитие событий не оказало. В частности, хан, несмотря на повторявшиеся многочисленные просьбы гетмана, отнюдь не спешил с присылкой своих орд. Лишь в конце февраля 1651 г. на соединении с силами Б.М.Хмельницкого отправился нуреддин с небольшим корпусом, сам хан с главной армией двинулся только в середине мая. Эти задержки позволили Яну Казимиру собрать небывалое по численности войско и на какое-то время справиться с тяжелой проблемой его обеспечения. В то же время татарские сановники втайне от союзника вели переговоры с королем о заключении мира, хотя данных на сей счет сохранилось мало. В ходе решающей битвы запорожцев с поляками под Берестечко (28-30.VI. 1651 г.), татарские орды проявили пассивность, бежали вместе с ханом с поля боя, что привело в итоге к тяжкому поражению казаков, а позже — к невыгодному для них Белоцерковскому договору (28.IX)⁷³.

Военные успехи варшавский двор пытался подкрепить дипломатическими шагами. В Москву было направлено «великое посольство», возглавляемое каштеляном сандомирским С.Витовским⁷⁴ с предложением тесного военного союза против ханства и казаков. Но в Москве считали приоритетным мирное решение конфликта между Яном Казимиром и Войском Запорожским с учетом одновременно сделанного предложения о посредничестве России, а до того отказывались обсуждать антикрымские проекты⁷⁵.

Таким образом, к концу 1651 г. стало ясно, что Крымское ханство не оказалось для гетманата надежным союзником. Разумеется, из этого вовсе не следовало, что от альянса следует отказаться. Напротив, сложная обстановка требовала его укрепления. В послеберестеческо-белоцерковский период первостепенное значение для гетманата имело дальнейшее нормальное функционирование союза с Крымским ханством, и эта задача в 1652 г. была осуществлена. Прочности альянса способствовала активизация действий калмыков в Причерноморье с конца 1651 г., для борьбы с которыми татары нуждались в поддержке казаков.

Укрепление казацко-крымского союза достигалось и контактами гетмана с Портой, которые в 1652 г. были оживленными. Но главным

для него оставалось стремление получить при необходимости масштабную военную помощь от хана, поэтому Б.М.Хмельницкий настойчиво просил Порту оказать соответствующее воздействие на Бахчисарай.

В обстановке новых крупных неудач османов в морской войне с Венецией в 1651-1652 гг. стамбульский двор проявлял заметную осторожность в отношениях с запорожским гетманом, явно стремясь исключить возможность вползания в конфликт в Восточной Европе. Но в целом прежняя линия на поддержку Б.М.Хмельницкого сохранялась: в Бахчисарай шли распоряжения об оказании военной помощи гетману⁷⁶.

Успехам казацко-крымского блока способствовали резкое обострение внутривосточной обстановки в Речи Посполитой и возникшие трудности в ее положении на международной арене. Напряженными оставались взаимоотношения со Швецией и Россией; Вена отказала в военной и финансовой поддержке. Переговоры с русскими не принесли положительных результатов. Руководители Речи Посполитой отдавали себе отчет в том, что сохраняется угроза военного конфликта с Россией. В Варшаве обсуждались и проекты разрыва с Портой из-за участия ее крымских вассалов в войне на территории Речи Посполитой⁷⁷.

Для царского правительства в 1652 г. важнейшей проблемой оставалась угроза нападения с юга, причем первоначально не исключалась возможность совместной крымско-казацкой акции против России. Для ее предотвращения предпринимались значительные военные и дипломатические усилия. Важное значение в этом плане придавалось связям с Б.М.Хмельницким. Гетман настойчиво старался побудить правительство Алексея Михайловича активно поддержать его в войне с Речью Посполитой. В условиях достаточно враждебных отношений между Россией и ханством в Москве вызывал понятные опасения крымско-казацкий союз. Чигиринские политики и их посланцы неизменно характеризовали этот союз как вынужденный обстоятельствами и брали на себя обязательство препятствовать агрессии татар против России⁷⁸.

Между тем участвовавшие в 1651-1652 гг. сведения о закупках правительством Алексея Михайловича оружия и боеприпасов за рубежом, найме там военных специалистов, подготовке в России полков нового строя и т.п.⁷⁹ свидетельствовали, что при сохранении еще главной линии на невмешательство в восточноевропейский конфликт в политике России постепенно нарастали противоположные тенденции.

1653 г. оказался переломным во внешнеполитической истории восточноевропейского региона, ибо тогда наметились изменения, сыгравшие определяющую роль в ближайшие годы. Центральным событием явилось объединение России и Украины. Для московского двора естественно связанная с таким актом война с Речью Посполитой не являлась оптимальным решением. Значительное место в действиях царских политиков в 1653 г. заняли меры по посредничеству между Речью Посполитой и гетманом, в том числе направление «великого посольства» к Яну Казимиру во главе с боярином Б.А.Репниным-Оболенским. Посреднические предложения, согласованные с Б.М.Хмельниц-

ким, позволяли урегулировать противоречия в треугольнике Варшава-Чигирин-Москва. Только после их отклонения польской стороной в августе, вызванного расчетами решить проблему силой, включение России в конфликт стало неизбежным⁸⁰.

Материалы посольства Б.А.Репнина позволяют определить одну из важных причин, подталкивавших московский двор поспешить с принятием предложения властей гетманата: явные опасения, что в случае отказа казаки перейдут под власть султана или хана. Обоснованность этих опасений, выявилась в феврале — марте 1653 г., когда по инициативе короля Яна Казимира состоялось вторжение в гетманат⁸¹. Б.М.Хмельницкий обратился за военной (и дипломатической) помощью в Москву, Стамбул и Бахчисарай. И если в первой из столиц желаемого не достигли, то иначе обстояло дело в двух других.

Ислам-Гирей сразу же обещал поддержку, более сложным оказалось положение в Стамбуле. Гетман просил Порту о поддержке против Речи Посполитой силами татар и турок, обещая взамен перейти под протекцию султана. В ходе переговоров запорожских послов в Стамбуле выяснилась реальность предложения о вассалитете по образцу господарей Дунайских княжеств⁸², но представления обеих сторон о характере такого вассалитета не совпадали.

Во время обсуждения в диване вопросов отношений с гетманатом и Речью Посполитой, в том числе и военной помощи казакам, мнения османских сановников разделились. Одни, более умеренные, высказывались против поддержки казаков, отмечая, что их победа может в перспективе обернуться опасностью для самой империи, а в случае неудачи — тяжелой войной с Речью Посполитой. Представители другой группы советников султана считали превентивный удар по Речи Посполитой выгодным для Порты и видели наилучший путь к тому в выделении гетманату крупной помощи. Они указывали также, что даже при неудачном для казаков развитии событий реальные опасности для империи возникнут не скоро. Таким образом в османской элите даже при неблагоприятной ситуации в Средиземноморье идеи экспансии в Центральной Европе сохраняли свою актуальность.

В итоге дискуссий в диване были приняты предложения второй группировки султанских вельмож и казакам обещана помощь войск силистрийского паши, господарей Дунайских княжеств и крымского хана. Вместе с тем ряд сообщений свидетельствует, что Порты стремились избежать пока прямого вмешательства в конфликт.

На дальнейший ход событий в регионе оказало влияние сложное переплетение ряда факторов. Для правительства Речи Посполитой приоритетным оставалось военное решение украинской проблемы, поэтому в центре всех усилий находилась подготовка новой крупной боевой экспедиции в гетманат. В связи с этим возлагались также надежды на использование резкого обострения ситуации в Дунайских княжествах и Трансильвании с весны 1653 г. в связи с попытками Хмельницкого укрепить свое влияние в Молдавии. Польские отряды участвовали в

операциях в Молдавии против казаков, возникло нечто вроде военного союза с правителями княжеств, хотя и не оформленного договорно, причем первоначально имелось в виду, что значительные силы князей присоединятся затем к армии Речи Посполитой для совместных действий в гетманате. Сведения об активности поляков и их новых приготовлениях послужили Б.М.Хмельницкому хорошим аргументом в усилиях побудить крымцев выступить поскорее, что и было достигнуто: основные татарские орды вышли за Перекоп 20 сентября, получив информацию о марше королевских войск⁸³.

Операции Т.Хмельницкого в Молдавском княжестве вызвали напряженность в отношениях гетманата с османами. Порта выражала Б.М.Хмельницкому свое неудовольствие действиями его сына, оказывала давление на хана, дабы побудить его воздействовать на гетмана для прекращения вмешательства в дела султанских вассалов. Анализ всей совокупности свидетельств позволяет говорить о сравнительно мягкой реакции стамбульского двора, ограничившегося дипломатическими внушениями. В случае обращения Османской империи к планам экспансии в Восточной Европе помощь Запорожского войска могла быть очень полезной и порывать с ним в Стамбуле не хотели. Продолжались и переговоры об установлении османского протектората над гетманатом, хотя Порта по-прежнему уклонялась от оказания ему крупномасштабной военной помощи.

В то же время османское правительство было не прочь использовать крымско-казацкие успехи для достижения собственных целей в отношении Польши. Поскольку объединенные войска оперировали тогда в Подолии, Порта сочла своевременным довольно настойчиво ставить вопрос о занятии ими и передаче ей такой важной крепости как Каменец-Подольский⁸⁴. Это повышало риск столкновения с Речью Посполитой, но не делало его неизбежным, ибо не сами турки совершили бы захват. Сей план имел и иную сторону: он стал частью общего дипломатического наступления на руководство гетманата, вызванного и некоторым недоверием Порты к политике Б.М.Хмельницкого летом 1653 г. (вероятно, оно появилось не без влияния доходивших в Стамбул сообщений о русско-казацких связях). Речь идет об усиленных попытках султанского двора быстро обеспечить зависимость гетманата, т.е. добиться от его руководства присяги и выплаты харача уже за текущий год. Взамен обещалась не только широкая военная помощь, но и весьма льготные условия зависимости, фактически номинальной (во всяком случае, в изложении гетманской стороны)⁸⁵. Сочетание этих условий с занятием и отдачей туркам Каменца прочно связало бы, по мнению султанских дипломатов, казачество с Османской империей.

Б.М.Хмельницкий старался уклониться от принятия каких-либо конкретных обязательств, но и идти на разрыв переговоров он не мог, когда в условиях новой войны с Речью Посполитой его единственным союзником снова оказался Крым. Из-за общего ослабления гетманату

удалось собрать к новой кампании второй половины 1653 г. значительно меньше боевых сил, чем их требовала оперативная обстановка. В указанных условиях османская составляющая в политике Б.М.Хмельницкого приобрела гораздо большее и реальное значение, чем раньше, давая определенные возможности воздействия на своего опасного союзника, хотя здесь дело обстояло непросто, поскольку хан добивался прямого подчинения гетманата себе, а не султану. Для Порты ценность нового потенциального вассала повышалась из-за неудач в Кандийской войне. Сохранился ряд свидетельств середины 1653 г. о том, что переход под султанскую власть рассматривался украинскими руководителями как вполне реальный. Сообщения об этом воспринимались при московском дворе самым серьезным образом: для нейтрализации столь нежелательных тенденций в политике Б.М.Хмельницкого царские дипломаты предприняли во взаимоотношениях с ним спешные шаги⁸⁶.

Активные связи гетмана с Портой принесли ему определенные дивиденды. Гетман сумел добиться тех конкретных целей, которые он преследовал, продолжая переговоры со Стамбулом. Не случайные постоянные сообщения второй половины 1653 г. о распоряжениях Порты хану и татарским вельможам оказывать Б.М.Хмельницкому военную помощь⁸⁷. Эти указания играли важную, но далеко не определяющую роль в выработке политического курса крымцев. На него все большее влияние оказывали их растущие опасения из-за динамичного развития казацко-русских дипломатических контактов, сведения о которых регулярно поступали в Бахчисарай. Уже в апреле 1653 г. Ислам III Гирей выражал крайнее неудовольствие по данному поводу казацкому посланцу. В конце июля хан получил от своих гонцов в Москве новую информацию об укреплении таких связей и реагировал немедленно, направив к Б.М.Хмельницкому посланца для прояснения обстановки и с четким политическим заявлением: при желании гетмана и казаков обезопасить себя от поляков, давалась рекомендация перевести войско Запорожское за Днепр «на крымский берег», но ни в коем случае не переходить под царскую власть. При нарушении второго условия хан грозил татаро-польским союзом и вторжением объединенных сил в гетманат⁸⁸. Б.М. Хмельницкому удалось, очевидно, рассеять на время подозрения своего союзника, но уже в это время стали предприниматься первые шаги для заключения союза между Речью Посполитой и Крымом, направленного против казаков.

Однако из-за неурегулированности взаимоотношений с Польшей бахчисарайскому двору пришлось маневрировать. Нестабильность обстановки, побуждала хана серьезно рассматривать в то время возможность новой ориентации — на сближение с Россией, может быть, даже на военный союз с ней против Речи Посполитой. Главной задачей татарских политиков являлось предотвращение русско-казацкого единения, противоречившего их кардинальным интересам. Ислам III Гирей явно сохранял значительную степень недоверия к реальным намерениям Б.М.Хмельницкого, впрочем, оно было взаимным. После

объединения войск на Буге в октябре 1653 г. хан категорически потребовал от гетмана присяги в переходе «под его руку», пригрозив, что в случае отказа он немедленно прекратит всякую военную поддержку и не будет оказывать ее впредь. Это был опасный момент: ханское требование было выдвинуто в самый разгар войны с Речью Посполитой. Б.М.Хмельницкому удалось, однако, добиться от хана обязательства не допускать татарских разорений в гетманате. Но практически выполнить свое обещание Ислам-Гирей не мог, и это открывало законную возможность аннулировать принесенную присягу.

Со своей стороны Б.М.Хмельницкий проявлял крайнюю осторожность в контактах с царскими посланцами (на Украине находилась миссия во главе с Р.М.Стрешневым, а главное посольство, возглавляемое В.В.Бутурлиным, выжидало в Путивле прояснения обстановки с 11 ноября до 30 декабря 1653г.), разъясняя им, что из-за реальной опасности нападения татар на казаков, как и объединения крымцев с поляками, завершающие переговоры с представителями Алексея Михайловича могут быть проведены только втайне либо после ухода орд из гетманата⁸⁹.

Эта выжидательная тактика принесла положительные плоды, крымцы продолжали совместные с казаками операции против польских войск во главе с Яном Казимиром. В результате поляки оказались блокированными под Жванцем. Из западни поляков выручило политическое решение: были завязаны сепаратные переговоры между Крымом и Варшавой, результатом которых стало т.н. Жванецкое (Каменецкое) соглашение от 15 декабря 1653г., знаменовавшее первый шаг ханства к сближению с Речью Посполитой⁹⁰. Татары снова получили «упоминки» и возможность беспрепятственно брать ясырь на польских землях. Казаки в переговорах участия не принимали.

Особое значение Крымского ханства, располагавшего крупным военным потенциалом, как и возможность осложнений в отношениях с ним, учитывались участниками восточноевропейского конфликта еще до объединения Украины и России. Впервые в сентябре 1653 г. в переговорах с Б.М.Хмельницким царскими дипломатами был поставлен вопрос о том, сохранится ли в будущем дружба между ханством и гетманатом, не произойдет ли сближение между крымцами и поляками и не станет ли тогда возможным их совместное нападение на русские и казацкие земли. Как свидетельствуют документы, в случае объединения России с Украиной и включения первой в развернувшуюся в регионе борьбу, разрыв и война с Крымом, а также его союз с Речью Посполитой представлялись царскому правительству достаточно вероятными⁹¹.

В то время московский двор не стремился к сближению с ханством, а добивался только сохранения мира на юге. Не стояла в порядке дня возможность привлечения крымцев на свою сторону в приближающейся войне с Речью Посполитой. Царские дипломаты хотели обеспечить лишь их невмешательство в конфликт. Причина избранной Россией линии была двойкой. Она испытывала глубокое, оправдыва-

емое практикой двусторонних отношений недоверие к политике ханства; сохранявшееся до конца 1653 г. военное сотрудничество гетманата и Крыма само по себе обеспечивало безопасность южных рубежей. Нейтрализация ханства оставалась в условиях объединения России с Украиной максимально достижимой и желательной целью.

На переговорах русских дипломатов с Хмельницким и другими украинскими руководителями в конце 1653 — начале 1654 г. было высказано мнение, что хан не решится выступить против России и Украины и его даже можно будет привлечь к войне против поляков. В результате изменилась политическая линия царского двора во взаимоотношениях с ханством. В марте 1654 г. из Москвы было направлено чрезвычайное посольство в Крым, возглавляемое дворянином Т.Г.Хотунским и подьячим И.Фоминым. Судя по документам, связанным с подготовкой этой миссии, речь шла о заключении с ханством полномасштабного политического договора. Но возможность прочной договоренности с Крымским ханством в условиях объединения России и Украины расценивалась правительством Алексея Михайловича как маловероятная.

Главным для московского двора было не политическое, а военное решение вопросов отношений с Крымом. В наказе послам и в грамотах основным стало согласие принять предложенную ханом помощь его орд против Речи Посполитой и организовать общую боевую операцию, с обязательством присылать в Крым на протяжении войны двойную «казну» сравнительно с принятой в мирную пору. Выражалось также согласие воздействовать на донцов, чтобы они не нападали на ханство во время планируемого похода. Посланникам надлежало кроме того добиваться признания Ислам-Гиреем нового «украинского» титула царя, т.е., по сути дела, согласия с происшедшими после Переяславского акта кардинальными переменами в регионе⁹².

Жванецкий договор с самого начала интерпретировался царским двором как шаг на пути к крымско-польскому союзу. Поэтому согласие принять татарскую помощь было призвано помешать возникновению польско-крымского союза или хотя бы задержать его оформление и тем выиграть время для мобилизации войск.

В этом же направлении действовала и дипломатия Б.М.Хмельницкого. Казацкие посланцы в Крым сообщали об объединении гетманата с Россией, трактуя это событие как ни в чем не нарушающее союзные связи с ханством. Они информировали Ислам-Гирея об успехах русских войск в войне с Речью Посполитой, просили о присылке в помощь казакам татарских орд, предлагая совместные действия против поляков сил ханства, гетманата и России. Одновременно они предупредили, что антирусские акции крымцев вызовут решительное военное противодействие казаков с Дона и Днепра.

По сложившейся практике гетманская дипломатия старалась также повлиять на султанский двор, добиваясь прежде всего указаний Порты хану сохранять прежние отношения с казачеством либо, по мень-

шей мере, оставаться нейтральными в возобновлявшейся войне с Речью Посполитой⁹³. Оба варианта отвечали интересам гетманата и России.

Речь Посполитая, со своей стороны, с первых месяцев 1654 г. активизировала дипломатическую деятельность. Первым было посольство в Стамбул во главе с львовским хорунжим Н.Бегановским с целью добиваться изоляции гетманата. Послу поручалось разъяснить Порте, насколько усиление последнего при его тесных связях с Россией опасно в перспективе для сохранения османских владений на Балканах с их православным населением. Стамбульскому двору передавалась просьба воздействовать на татар, чтобы они впредь не вторгались в Речь Посполитую и в особенности не оказывали военной помощи казакам⁹⁴. Послу в Крым в феврале 1654 г. стражнику коронному М.Яскульскому были даны указания добиваться, чтобы хан со всеми ордами двинулся на помощь королевским армиям в случае нападения русских и при согласии гарантировать выплату «упоминков». Послу поручалось убедить Ислам-Гирея изменить прежнюю политическую ориентацию на пропольскую и впредь не помогать войску Запорожскому⁹⁵.

Получив сообщения о решениях Переяславской рады в феврале 1654 г., правительство Речи Посполитой еще более активизировало свою деятельность в уже определившихся направлениях. В частности, в дополнительных указаниях Н.Бегановскому и М.Яскульскому говорилось о необходимости добиваться военной помощи крымцев против России и Украины, о желательности создания обширной лиги против них.

Первые известия о Переяславских решениях получили в Крыму в конце января — начале февраля 1654 г. Очевидно, бахчисарайские верхи первоначально оценили их как вызванный обстоятельствами временный политический факт, а не окончательный исход. Такому представлению способствовала и искусная дипломатия Б.М.Хмельницкого. Характерно, что из Бахчисарая не последовало тогда никаких сообщений на данную тему в Стамбул.

Крымским правителям приходилось считаться с трудной экономической ситуацией, снижавшей военный потенциал ханства. Отсутствовала политическая определенность. Ханские дипломаты демонстрировали значительную активность уже с начала 1654 г. по организации широкомасштабной военной акции против России весной-летом с участием сил Крыма, Речи Посполитой, гетманата, трех подвассальных османам княжеств. Такие планы являлись дальнейшим развитием проектов, предварительно обсуждавшихся еще в ходе жванецких переговоров, и преследовали две взаимосвязанные цели: помешать нежелательному усилению России и ее единению с Украиной.

Для реализации этих планов бахчисарайский двор традиционно пытался привлечь к планируемому выступлению кочевые народности в Поволжье и на Северном Кавказе, находившиеся под той или иной степенью контроля царской администрации и имевшие с ней конфликты⁹⁶. В то же время наметившаяся переориентация политики бахчиса-

райского двора на союз с Речью Посполитой, которую трудно было согласовать с сохранением дружественных отношений с казачеством, встречала явную оппозицию в ханстве и в причерноморских степях, среди кочевавших там ногайских и иных мурз и татар.

Реакция Порты на восточноевропейские события 1654 г. определялась внутренним и внешнеполитическим положением Османской империи в то время. Главную опасность представляли продолжающиеся с конца 1653 г. неудачи в войне в Средиземноморье и интенсивнейшая, с мобилизацией буквально всех ресурсов, подготовка к новым операциям против венецианцев, в частности, для разблокирования проливов. Нестабильной оставалась внутренняя обстановка, не хватало средств для выплат жалования всегда опасным янычарам и т.д. Все это диктовало стамбульскому двору особую осторожность на иных направлениях политики, кроме средиземноморского. В султанскую столицу поступала информация об успехах сил гетманата, о русско-казацком сближении и даже осылке значительных царских войск на помощь Б.М.Хмельницкому (последнее опережало реальные события), причем все это ставилось в связь с эвентуальными антиосманскими действиями. Уже во второй половине января 1654 г. Порта распорядилась подготовить флотилию на Дунае для отражения возможного нападения казаков (донских и запорожских) на побережье. В середине февраля поступило сообщение из Адрианополя о том, что с молчаливого согласия султанских политиков властители трех вассальных княжеств оказывали военную помощь Речи Посполитой, и о предположениях, что аналогично станет действовать Ислам-Гирей, дабы создать необходимый противовес нежелательному усилению Москвы. Опасения в Стамбуле еще более усилились после получения сведений об объединении России с гетманатом⁹⁷.

Порта выжидала результатов встреч с прибывавшими из Речи Посполитой и гетманата миссиями. Переговоры с ними прошли в апреле-мае 1654г. Источники согласно свидетельствуют, что Н.Бегановский получил очень хороший прием у Порты. Сам посол писал тогда, что лично султан и великий везир заявили ему о выполнении всех его пожеланий и о включении в текст ответных грамот наиболее благоприятных для поляков статей из прежних пактов. Фактически в грамотах подтверждались мирные отношения Османской империи и ее крымского вассала с Речью Посполитой при условии выплаты ею обычных даров хану и недопущении морских экспедиций запорожских и донских казаков. Султан обещал также выдать распоряжение хану помочь полякам против их врагов при необходимости, хотя Россия и не была при этом прямо названа⁹⁸.

Документы отмечают то большое неудовольствие, которое вызвало при стамбульском дворе объединение гетманата и России. Дополнительным раздражителем стала деятельность посольства во главе с Г.Ф.Самариным в Дунайских княжествах. Все это подталкивало султанское правительство к сближению с Речью Посполитой. Оно полу-

чило тогда заверения Ислам-Гирея в возможности вернуть казачество под польскую власть, но сознавало, что это осуществимо только силой. Согласно другому кругу источников, султанское правительство сохранило дружественное отношение к войску Запорожскому, не пойдя, однако, и здесь далее слов; стамбульский двор не взял на себя никаких реальных обязательств перед Речью Посполитой или гетманатом, передав решение на усмотрение Ислама III Гирея⁹⁹. В документах зафиксированы причины изложенной позиции Порты. Главнейшим делом для нее была масштабная подготовка к очередной пробе сил в войне с Венецией на море и в Далмации, причем в апреле уже начались первые неудачи. В подобных обстоятельствах любые известия о обострении обстановки в Причерноморье, например о возможных крупных акциях там запорожцев, вызывали крайние опасения в Стамбуле. Не меньшее беспокойство проявляли в столице по поводу сообщений о крупных успехах объединенных русско-казацких армий в Речи Посполитой и опасном приближении их к османским владениям. Неудивительно, что чауш султана Сулейман-ага, находившийся в Крыму в начале июня 1654 г., привез Ислам-Гирею приказ султана не предпринимать новых военных походов, «управитца» с донцами нападающими на территории османов¹⁰⁰. Итак, несмотря на явное недовольство Порты русско-украинским единением и связанное с этим желание поддержать Речь Посполитую, на какие-либо решительные шаги в Стамбуле весной 1654 г. не пошли. Центром дипломатической борьбы стал тогда Бахчисарай. Переговоры Ислам-Гирея и его сановников с казацкими, польскими и русскими посольствами прошли там в апреле-июне, продолжались в Чигирине, в июле — в Варшаве¹⁰¹.

На курултае татарской элиты (примерно 10-30 апреля), обосновывались различные взгляды о наиболее целесообразной внешнеполитической ориентации ханства, многие мурзы убеждали Ислам-Гирея поддержать Б.М.Хмельницкого, если от него поступит соответствующая просьба, т.к. тогда татары могут рассчитывать на новые экономические выгоды. Придворная группировка больше склонялась к противоположному решению. Но и она не была готова к кардинальной перемене курса на международной арене, тем более что с начала апреля большие опасения вызывали сообщения о готовящейся крупной экспедиции морем и сушей донцов вместе с «вольными черкасами». Во время курултая выработали скорее компромиссную линию действий: союз с Речью Посполитой был признан приоритетным, но его претворение в жизнь обставлялось рядом существенных оговорок и условий, а масштабная помощь откладывалась по меньшей мере до окончательного оформления договора. Все же, воздерживаясь пока от враждебных шагов по отношению к России, хан направил в мае Хмельницкому ультиматум: либо гетман пойдет на соглашение с королем, либо татарские и польские армии обрушатся на Украину¹⁰².

Ситуация изменилась после смерти Ислам-Гирея (10 июля). С утверждением на престоле Мехмеда IV Гирея появилась возможность

возвращения к внешнеполитическим приоритетам, наметившимся при его предшественнике и к восстановлению татаро-казацкого союза против Речи Посполитой¹⁰³. Татарские верхи вновь, и не единожды, пытались вернуть гетманат на прежнюю стезю и добиться его разрыва с Россией, но безуспешно (октябрь 1654 г. — январь 1655 г.). После обмена посольствами с Варшавой 22 ноября Мехмед-Гирей в присутствии королевского посла М. Яскульского подтвердил присягой крымско-польский договор и тем окончательно ввел его в жизнь, а 23-го на соединение с войсками Речи Посполитой двинулась первая татарская армия. Показательно, однако, что это были сравнительно некрупные силы, хотя хан располагал тогда самой свежей информацией о важности для поляков получения максимальной военной поддержки; более масштабную помощь оказали только в январе — феврале 1655 г., а Мехмед-Гирей во главе основных орд так и не двинулся в поход.

В октябре-декабре 1654 г. прошли завершающие переговоры с обеими царскими миссиями в Крыму. Тогда было окончательно отклонено их предложение о совместном нападении на Речь Посполитую, но обещано, что татары не станут разорять русские земли, даже если Ян Казимир предложит им участие в такой акции; гарантировалось сохранение мира в случае присылки обычных «упоминков». Исключалась вражда двух держав из-за гетманата, но решительно отвергались попытки царских посланников распространить на Украину крымское обязательство ненападения и включить в текст шертной грамоты новую титулатуру царя, т.е. добиться признания Переяславской системы.

Особое место занял «донской вопрос». От русских посланцев потребовали не допускать экспедиций донских и запорожских казаков в крымские и османские владения¹⁰⁴. Известно, что Мехмед IV Гирей значительно больше, чем его предшественник, зависел от Порты, и в изложенных условиях отразились указания, данные ему в Стамбуле. Но объяснялись они, как и ранее, не антирусскими, а средиземноморскими планами Порты. Летом 1654 г. османы потерпели очередное тяжелое поражение в Дарданеллах и вновь начали подготовку к реваншу, а донцы успешно провели крупную акцию в Причерноморье¹⁰⁵. Поэтому предотвращение здесь дальнейших казацких операций становилось задачей почти стратегической.

Польско-татарский договор привел к существенному изменению расстановки политических сил в восточноевропейском регионе. Место антипольского союза гетманата и Крыма при благожелательной поддержке Порты заняла лига Речи Посполитой и ханства, нацеленная против Украины и России. Это был пакт о дружбе, ненападении и взаимопомощи с обязательством поддерживать друг друга против любого неприятеля. Но он был также и оборонительно-наступательным союзом против России и Украины, рассчитанным на длительный срок, с постоянным действием статьи о взаимопомощи при русском нападении. Договор предусматривал восстановление допереяславского положения в гетманате и раздел захваченных русских земель (с передачей

крымцам территорий бывших татарских ханств в России). Для бахчисарайского двора самой желательной альтернативой был разрыв русско-украинского единения с последующей совместной войной против России или хотя бы нейтрализация гетманата в данном конфликте. Соответствующие попытки реализации этих планов продолжались, сочетаясь с мерами военного давления. Но при случившемся раскладе сил крымцы ограничили рамки применения договора с Речью Посполитой: территориально — Украиной, политически — сохранением мира с Россией, отказом от вторжений в собственно русские земли, наконец, уменьшением помощи полякам. Порта, сохраняя формальный нейтралитет, на деле благожелательно относилась к польско-татарской лиге. Но ее позиция определялась событиями в Средиземноморье и потому была неустойчивой.

Реакция Крымского ханства на объединение Украины с Россией представляется закономерной. Ханство могло успешно осуществлять необходимые для его существования набеги и захватывать добычу и пленных лишь в условиях определенного равновесия сил в регионе, используя в своих интересах противоречия между Россией и Речью Посполитой. Решения Переяславской рады 1654 г. означали резкое изменение соотношения сил в регионе в пользу России, а успехи казацких и русских армий к началу 1655 г. поставили Речь Посполитую в критическое положение. Неудивительно, что в этих условиях все попытки украинской и русской дипломатии привлечь на свою сторону Крым не могли привести к успеху. Ханство со всеми силами стало поддерживать Речь Посполитую. Вместе с тем старания крымских политиков локализовать войну на территории Украины ясно говорят о том, что строительство засечных линий на южных границах России постепенно ухудшало условия для продолжения крымских набегов и создавало предпосылки для того перелома в отношениях Крыма с его северным соседом, который произошел в следующем, XVIII веке.

- ¹ В зарубежной историографии чаще называется второй Северной, поскольку первой считают войну 1563—1570 гг.
- ² Литературу по всему этому комплексу проблем см.: *Исторія України. Нове бачення*. Т. 1. Київ, 1995; *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.). Документы, исследование. М., 1994; *Frost R.L.* After the Deluge. Poland — Lithuania in the Second Northern War. Cambridge (Mass.), 1993 и др.
- ³ *Опись архива Посольского приказа 1673 г.* Ч.1. М., 1990. С. 417 (лл. 893—893 об.), 421 (л.900), 424 (лл. 906—907).
- ⁴ См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948. С. 388—402.

- ⁵ РГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. 1647 г. Д. 13. Лл. 126—128.
- ⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 169. Ч. 1. Лл. 14—15, 34—53, 86—106, 116—126; АМГ. Т. II. С. 178—185, 189—190, 192—194; АЮЗР. Т. III. Стб. 92—94, 100—101, 114—115 и др.
- ⁷ АЮЗР. Т. III. Стб. 89—90, 93—94.
- ⁸ РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. 1648 г. Д. 1. Ч. 1. Лл. 61—79; Ф. 210. Московский стол. Стб. 169. Ч. 1. Лл. 136—140; АЮЗР. Т. III. Стб. 104—106, 114—115, 117—120; АМГ. Т. II. С. 192—193 и др.
- ⁹ Положение усугубили длительные неурожаи в Крыму. См.: АЮЗР. Т. III. Стб. 104—106; ВУР. Т. II. С. 20, 21; Исв. Т. II. С. 211—214.
- ¹⁰ KDT. Cz. 1. S. 324—326.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 123. 1647 г. Д. 13. Лл. 158—159; АЮЗР. Т. III. Стб. 104, 109, 115, 118; *Новосельский А.А.* Указ соч. С. 394.
- ¹² См.: АМГ. Т. II. С. 191—192; ВУР. Т. II. С. 10—11; *Новосельский А.А.* Указ соч. С. 386, 392, 394; *Смолий В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницкий. Хроника життя та діяльності Київ, 1994. С. 17.
- ¹³ АЮЗР. Т. III. Стб. 92—93, 131—132.
- ¹⁴ *Nadzy Mehmed Senai z Krymu. Historia chana Islam Gereja III.* Oprac. *Z. Abrahamowicz.* W., 1971; АЮЗР. Т. III. Стб. 104—106, 108—109, 127—128, 131—132, 137—143.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 123. 1647 г. Д. 13. Лл. 133, 159, 170; ВУР. Т. II. С. 19—21; *Стороженко І.С.* Тугай-бей — побратим Богдана Хмельницького // На чолі казаської держави. Деякі аспекти історії визвольної війни українського народу середини XVII ст. Вип. 1. Рівне, 1994. С. 52—87.
- ¹⁶ ВУР. Т. II. С. 20; ДОВ. С. 152, 192, 194; *Стороженко І.С.* Военно-стратегічна мета повстання під керівництвом Богдана Хмельницького у березні-травні 1648 р. // Доба Богдана Хмельницького. 3б. Київ, 1995. С. 62—73; *Ищенко С.А.* Война и военное дело у крымских татар XVI—XVIII вв. Ростов н/Д, 1989.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 2. Грамоты. № 26; *Стороженко І.* Тугай бей... С. 61. О. Прицак высказал мнение, что Порта одобрила крымско-украинский союз (Прицак О. Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною // Український археографічний щорічник. Вип. 2. Київ, 1993. С. 178, 180, 189). Однако большинство исследователей высказывает сомнения в существовании в то время подобного султанского распоряжения.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 123. 1647 г. Д. 13. Лл. 171, 173, 175, 176.
- ¹⁹ KDT. Cz. 1. S. 327.
- ²⁰ ДОВ. С. 55—60, 91—92; *Прицак О.* Назв. праця. С. 180—182; *Kaczmarczyk J.* Bohdan Chmielnicki. Wrocław, 1988. S. 49—57 u.a.
- ²¹ См.: РГАДА. Ф. 79. 1648 г. Д. 11. Лл. 78—80; *Corfus I.* Documente privitoare la istoria României culese din arhivele polone. Secolul al XVII-lea. Buc., 1983. P. 156.
- ²² *Прицак О.* Назв. праця. С. 180, 182, 189.
- ²³ KDT. S. 326—327; *Kaczmarczyk J.* Op. cit. S. 56; *Прицак О.* Назв. праця. С. 182, 186 прим. 49, С. 187, прим. 44, 63.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 123. Д. 13. Лл. 216—217, 220—223; *Nadzy Mehmed Senai...* S. 73—74.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 123. 1647 г. Д. 13. Л. 223 и др.
- ²⁶ KDT. Cz. 1... S. 328—329; *Прицак О.* Назв. праця. С. 190.

- ²⁷ См.: об этом: РГАДА. Ф. 79. 1648 г. Д. 11. Лл. 75—78, 199—200; ДОВ. С. 195—198; АЮЗР. Т. III. Стб. 244—245; *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. VIII. Ч. III. Київ—Львів. 1922. С. 11.
- ²⁸ См.: *Бутич J.* Два невідомі листи Богдана Хмельницького // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. 22. Праці історико-філософської секції. Львів, 1991. С. 319—320; *Степанков В.* Боротьба уряду Богдана Хмельницького за об'єднання етнічних земель України у межах національної держави (1648—1657 рр.) // На чолі козацької держави... С. 213; *Федорук Я.* Зовнішньополітична діяльність Богдана Хмельницького і формування його політичної програми (1648—серпень 1649 рр.). Львів, 1993. С. 23—24.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 169. Ч. 1. Лл. 182—185; Ч. 2. Лл. 188—211; АМГ. Т. II. С. 198—218, 223—226; АЮЗР. Т. III. Стб. 180; ВУР. Т. II. С. 25—30.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1648 г. Д. 1. Ч. 2. Лл. 344—350, 364—382; Д. 1а. Лл. 1—7, 79—80, 138—140, 174, 324—326; Д. 2. Лл. 160—161; Ф. 124. 1648 г. Д. 1, 3, 4 и др.; *Jakuba Michalowskiego.* S. 48, 85, 87. См.: также: *Лызлов Г. М.* Польско-русские отношения в начальный период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. (до Зборовского мира) // КСИС. 24. М., 1958, С. 61—65, 68—70.
- ³¹ См.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975
- ³² РГАДА. Ф. 79. 1648 г. Д. 1. Ч. 2. Лл. 344—350; Д. 1а. Лл. 53—56, 72, 78—92, 132, 137, 191—196, 253—255, 262—266, 299; АМГ. Т. II. С. 211—229; ВУР. Т. II. С. 21—24, 30—32, 37—44, и др.
- ³³ РГАДА. Ф. 124. 1648 г. Д. 4. Лл. 6—7. Ф. 210; Московский стол. Стб. 169. Ч. 2. Лл. 238—302; АМГ. Т. II. С. 224—225, 232—233.
- ³⁴ *Федорук Я.* Назв. праця. С. 48, 54.
- ³⁵ АЮЗР. Т. III. Стб. 412—425.
- ³⁶ ДОВ. С. 138—143.
- ³⁷ Подробно см.: *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. V. Pest, 1829. S. 466—481.
- ³⁸ АЮЗР. Т. III. Стб. 248—249, 295—298; *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. VIII. Ч. III. С. 147—149; *Kaczmarczyk J.* Op.cit. S. 99.
- ³⁹ ВУР. Т. II. С. 104—122; ДОВ. С. 201—204. См также: *Смолий В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький. Соціально—політичний портрет... Київ, 1993. С. 155—169; *Федорук Я.* Назв. праця. С. 37—49, 57—58; *Kaczmarczyk J.* Op.cit. S. 78—85.
- ⁴⁰ ВУР. Т. II. С. 108—109, 117—118, 151, 155.
- ⁴¹ АЮЗР. Т. VIII. С. 279—281, 287—303; ВУР. Т. II. С. 98, 134, 147, 155, 167—169, 195, 203—204, 230.
- ⁴² РГАДА. Ф. 123. 1647 г. Д. 13. Л. 226; Ф. 229. Оп. 1. Стб. 5. Лл. 131—132; ВУР. Т. II. С. 124—125, 130, 168; ДБХ. С. 619—622; 626—628; *Федорук Я. О.* Назв. праця. С. 25, 53—59; *Kaczmarczyk J.* Op.cit. S. 95—97.
- ⁴³ О соответствующих переговорах см.: РГАДА. Ф. 52. 1649 г. Д. 7. Ч. 1, 2; ВУР. Т. II. С. 81—104, 127—131, 138—162, 167—168, 170—171, 193—197, 324—325.
- ⁴⁴ АЮЗР. Т. VIII. С. 287—294, 298—301; ВУР. Т. II. С. 126, 147.
- ⁴⁵ АЮЗР. Т. VIII. С. 301—303; ВУР. Т. II. С. 194—196, 229—231 и др.
- ⁴⁶ ДОВ. С. 243—266, 270—276, 282—308; [*Michalowski J.*] Diariusz ekspedycji Zborowskiej. Oprac. M. Nagielski//Przegląd Wschodni. T. I. 1991. Z. 4. S. 817—837.

- ⁴⁷ О Зборовском договоре (19 августа 1649 г.) и его оценках см.: *Смолий В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницкий. Социально-политичний портрет... С. 189—200; *Kaczmarczyk J.* Op.cit. S. 105—113; *Wyjciek Z.* Dyplomacja polska w okresie wojen drugiej połowy XVII w. (1648—1699) // *Historia dyplomacji polskiej*. Т. II. W., 1982. S. 192—193, 194.
- ⁴⁸ См.: *Лызов Г.М.* Указ. соч. С. 76—82.
- ⁴⁹ ВУР. Т. II. С. 243—245, 250—255 и др.; *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Muséum du Palais de Topkapi...* Paris, 1978. P. 181—188.
- ⁵⁰ Материалы об этих миссиях см.: АЮЗР. Т. III. Стб. 362—408; ВУР. Т. II, С. 241—243, 255—279, 291, и др.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 123. 1649 г. Д. 10. Лл. 100—102.
- ⁵² ВУР. Т. II. С. 255—279; ДБХ. С. 150; См.: также: *Брехуненко В.* Донське казачтво як чинник зовнішньої політики Богдана Хмельницького // *Доба Богдана Хмельницького...* С. 128—132.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 18. Лл. 18—26; ДОВ. С. 315—316.
- ⁵⁴ Материалы о данной миссии см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 77, 78; 1650 г. Д. 2, 3, 5а; ВУР. Т. II С. 319—322, 337—351, 358—359 и др.; ДОВ. С. 317—323, 345—346. См.: также: *Лызов Г.М.* Польско-русские отношения от Зборовского мира до Земского собора 1651 г. // *КСИС*. 27. М., 1959. С. 50—54, 60—63.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 80. Лл. 160, 166, 178—184, 198—198об. 204—204об, 214—216 об.; Ф. 123. 1653 г. Д. 18. Лл. 10—15, 27—28.
- ⁵⁶ ВУР. Т. II. С. 326—328.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 80. Лл. 141—185 об., 192, 219—222 об.; *Jakuba Michalowskiego*. S. 538—542.
- ⁵⁸ ДОВ. С. 338—340, 343—344.
- ⁵⁹ См.: РГАДА. Ф. 123. Кн. 33. Лл. 34, 96; Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. IV. С. 496—498, 500; Донские дела. Кн. 4. (РИБ. Т. XXIX.). С. 361—365. 439—448, 495—497, 516—525.
- ⁶⁰ *Брехуненко В.* Назв. праця. С. 129—134; *Смолий В.А. Степанков В.С.* Богдан Хмельницкий. Социально-политичний портрет... С. 219—224.
- ⁶¹ Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. IV. С. 495—501; ВУР. Т. II. С. 186—187, 385—390, 445—446.
- ⁶² РГАДА. Ф. 79. 1650 г. Д. 1. Лл. 328—340, 383; ВУР. Т. II. С. 358—359, 454.
- ⁶³ АМГ. Т. II. С. 273—274, 279—280; ПСЗ. Т. I. С. 239—240.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 123. Кн. 33. Лл. 150—151; ВУР. Т. II. С. 329, 330, 466 и др.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 123. Кн. 33. Лл. 118—125, 129—131; 1650 г. Д. 1. Лл. 45—51 и др.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 123. 1650 г. Д. 1. Лл. 47 и др.; Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. IV. С. 498—499, 501; ВУР. Т. II. С. 323—324, 329—330 и др.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 80. Лл. 178—185 об., 216—219.
- ⁶⁸ Об этом посольстве см.: РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Кн. 29; Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. VI. С. 5—7, 54, 58; *Zettersteen K.V.* *Turkische, tatarische und persische Urkunden in schwedischen Reichsarchiv.* Uppsala, 1945. S. 84—89.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 123. Кн. 30. Л. 178 об.; 1650 г. Д. 1. Лл. 56—59; Д. 18. Л. 178; ВУР. Т. II. С. 329, 485—486; Т. III. С. 113—114; См.: также: *Голобуцкий В.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962. С. 247—248.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 80. Лл. 157—165; 194—203 об.; ДОВ. С. 350—354.

- ⁷¹ РГАДА. Ф. 123. Кн. 33. Лл. 175—176; ВУР. Т. II. С. 447—452; ДОВ. С. 355—356.
- ⁷² ДОВ. С. 373—376, 387—390, 401—402; KDT. Cz. 1. S. 330—332; Kaczmarczyk J. Op.cit. S. 159—161.
- ⁷³ Об этих сюжетах см.: ВУР. Т. II. С. 331, 480—486; *Смолий В.А. Степанков В.С.* Богдан Хмельницкий. Социально-политичний портрет... С. 235—297. *Они же.* Українська державна ідея XVII—XVIII століть: проблеми формування, еволюції реалізації. Київ, 1997. С. 66—68.
- ⁷⁴ Материалы посольства См.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 80. Лл. 1—503 об.; 1651 г. Д. 6. Лл. 1—12. ВУР. Т. III. С. 27—55; *Kaczmarczyk J.* Op.cit. S. 158—159.
- ⁷⁵ ВУР. Т. III. С. 76—77, 119—123.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. 1652 г. Д. 1. Ч. I. Лл. 14, 17; Ч. III. Лл. 394—395; Ф. 123. Кн. 34. Лл. 22—22 об., 80—80 об., 110 об., 120, 129 об., 143—144; см также: *Брехуненко В.* Назв. праця. С. 135—136.
- ⁷⁷ Материалы и литературу по этим вопросам см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 81, 82; 1652 г. Д. 2; ВУР. Т. III. С. 164—182, 234—247; ДОВ. С. 634—635; *Czapliński W.* Dwa seymy w roku 1653. Studium z dziejów rozkladu Rzeczypospolitey w XVII wieku. Wrocław, 1955. S. 45—50, 135—137 и др.; *Заборовский Л.В.* Россия Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 24—25.
- ⁷⁸ См.: АМГ. Т. II. С. 285—287, 291—298, 301, 305—306; ВУР. Т. III. С. 193, 208—210, 221—223, 236, 238—242; ПСЗ. Т. I. С. 257, 271—272.
- ⁷⁹ См.: *Лызлов Г.М.* К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. // Ученые записки Казахского педагогич. ин-та им. Абая. Т. XXXIX (20). Серия историческая. Вып. 5(1). Алма-Ата, 1959. С. 110—113.
- ⁸⁰ ВУР. Т. III. С. 256—511; См.: также: *Заборовский Л.В.* Указ. соч. С. 30—34, 39—40; *он же.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.). Документы, исследование. М., 1994. С. 134—136.
- ⁸¹ *Kaczmarczyk J.* Op. cit. S. 187—188.
- ⁸² О казанкой миссии в Стамбуле см.: РГАДА. Ф. 123. Кн. 34. Лл. 143—145 об., 148 об. — 149; Жерела. Т. XII. С. 192, 194—195, 196; *Dujčev J.* Avvisi di Ragusa. Documenti sull Impero Turco nel sec. XVIIe sulla guerra di Candia. Roma, 1935. P. 177—180; *Les Khanat de Crimie...* P. 191—195.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 123. Кн. 34. Лл. 152, 154 об., 160 об., 179—180, 219—219 об.; 1653 г. Д. 18. Л. 1; АМГ. Т. II. С. 329—333, 343.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 84. Лл. 96—98; 1653 г. Д. 1. Л. 170; Ф. 89. 1653 г. Д. 1.
- ⁸⁵ См.: АЮЗР. Т. III. Стб. 495; ВУР. Т. III. С. 303, 320, 324, 341, 361, 412; *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. 9-го перша половина... С. 468, 535, 551, 558—559; *Hammer J.* Op.cit. Bd. V. S. 395.
- ⁸⁶ ВУР. Т. III. С. 268—270, 303—304, 307, 320—324, 328—330, 334—338, 366; *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. 9-го перша половина... С. 551; *Kubala L.* Wojna moskiewska R. 1654—1655. W., 1910. S. 41—42. Встречаются, правда, и сообщения противоположного характера, но они исходили от недостаточно осведомленных информаторов.
- ⁸⁷ АЮЗР. Т. X. Стб. 56, 66.

- ⁸⁸ См.: об этом: РГАДА. Ф. 123. Кн.34. Лл. 180об—182; 1653 г. Д.18. Лл. 5—7; АЮЗР. Т.Х. Стб.56; *Новосельский А.А.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып.2. М., 1954. С. 19.
- ⁸⁹ АЮЗР.Т.Х.Стб. 49—51, 55—56, 59; ВУР. Т.III. С. 400—402, 434, 494—498.
- ⁹⁰ *Степанков В.С.* Кам'янецька угода й Переяславська рада: спроба дослідження політичних наслідків Жванецької кампанії // Українсько-російський договір 1654 р.: Нові підходи до історії міждержавних стосунків. Київ, 1995. С. 6—13; *Kaczmarezyk J.* Op. cit. S. 196—199; *Kubala L.* Wyrzawa Zwaniecka.//Tegoz. Szkice Historyczne. Ser. 2. Wyd. 4.W., 1901.S. 241—249.
- ⁹¹ РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 16. Лл. 40—231, 341; АЮЗР. Т. X. Стб. 213—214; ВУР. Т.III.С. 379, 425, 458, 470, 474; *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция... С. 39—40.
- ⁹² См.: РГАДА. Ф. 123. 1654 г. Д. 2. Лл. 26—248; *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Россия, Крым, Польша, Украина в середине 50-х годов XVII в.: Из материалов чрезвычайного посольства в Крымское ханство во главе с дворянином Т.Г.Хотунским и подьячим Поместного приказа И.Фоминым 1654—1655 гг. // Славяне и их соседи. Вып.4. Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV—XVIII веках. М., 1992. С. 165—204.
- ⁹³ О целях казачьего посольства сообщалось в донесениях императорского и трансильванского резидентов в Стамбуле. См.: Жерела. Т. XII. С. 305, 313—314, 317—318; *Демени Л.* Освободительная война украинского народа 1648—1654 годов и Юго-Восточная Европа // *Revue des études sud-est européennes.* 1974. № 4. P. 510—511.
- ⁹⁴ ДОВ. С. 750, 754; Жерела. Т. XII. С. 277—284.
- ⁹⁵ См.: Киев. Памятники. 2-е изд. Т.III. С. 188—191.
- ⁹⁶ См.: *Новосельский А.А.* Борьба... С. 43—58; *Федорук Я.О.* Міжнародна дипломатія і політика України 1654—1657. Частина I: 1654 рік. Львів, 1996. С. 39—52.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 17. Л. 131; АЮЗР. Т. VIII. С. 375—382; Т. X. Стб. 331—334; ДОВ. С. 737—739, 743—747.
- ⁹⁸ См.: КДТ. С. 335—337; *Федорук Я.О.* Назв. праця. С. 63—76, 95—105.
- ⁹⁹ См.: *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция... С. 47.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 17. Лл. 137—138; 1654 г. Д.3. Лл. 17 и др.; Жерела. Т. XII. С. 317—318; *Федорук О.Я.* Назв. праця. С. 106 и др.
- ¹⁰¹ *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. 9-го друга половина... С. 887—899; *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция...С. 48—51; *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. стр. 51—60; *Федорук Я.О.* Назв. праця. С. 34—38, 53—60, 112—113.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 17. Лл. 114—118, 126—141; 1654 г. Д.1. Лл. 32, 35—36; Д.3. Лл. 7—17 и др.; АЮЗР. Т.VIII. С. 377—380; Т.Х. Стб. 590—597; ДОВ. С. 757—759.
- ¹⁰³ См.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 562; *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция... С. 72—75; *Санин Г.А.* Указ. соч. С. 85—92; *Федорук Я.О.* Назв. праця. С. 127—168.

- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 17. Лл. 153—183, 188—202; 1654 г. Д. 1. Лл. 30—32, 40—55; Д. 3. Лл. 89—117, 122—132, 151—153; Д. 11. Лл. 21—40; ДБХ. С. 396—398; См.: также: *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. 9-го друга половина... С. 921—922, 956—957; *Лашков Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 50—51, 139—140.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 123. 1653 г. Д. 17. Лл. 141—142; Ф. 124. 1654 г. Д. 36. Лл. 1—7; АЮЗР. Т. XIV. Стб. 40, 56—60; Донские дела. Кн. 4. С. 867—882; *Санин Г. А.* Указ. соч. С. 69—70.

ТРАНСИЛЬВАНИЯ В СОПЕРНИЧЕСТВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ГАБСБУРГОВ (1648 — 50-е гг.)

После окончания Тридцатилетней войны стал очевидным упадок могущества Габсбургов. Утверждавшийся в результате победы над сословиями Чехии, Моравии и австрийских наследственных владений абсолютизм Габсбургов испытывал (ввиду отсутствия слоя буржуазии) постоянную нужду в денежных средствах. Для восстановления прежних позиций Габсбурги нуждались в мире, прежде всего, с Османской империей. Эта цель определяла и их отношение к сословиям королевства Венгрии и к Трансильванскому княжеству. Фердинанд III соблюдал мирный договор с султаном, подписанный 25 февраля 1650 г. Согласно этому трактату продлевалось на 22 года действие договоров 1606 и 1627 гг.¹ В том же 1650 г. Вена отвергла предложенную трансильванским князем Дьердем Ракоци II помощь против османов; более того, она известила об этом предложении Порту².

Со времени вступления на престол (11 октября 1648 г.) внешнеполитические акции Дьердя Ракоци II были обращены на подготовку к получению королевского престола в Польше. В начале с этой целью 6 января 1657 г. походе князя приняли участие не только 13 — 15 тыс. венгерских пеших и конных воинов, но и 6 тыс. воинов из Молдавского и Валашского княжеств, а также 20 тыс. запорожских казаков. Поход означал вместе с тем вступление Трансильвании в Северную войну 1655 — 1660 гг., т.е. войну Швеции против Речи Посполитой. Начат он был в условиях русско-польской войны 1654 — 1667 гг., разразившейся в связи с признанием запорожским войском Богдана Хмельницкого подданства Малой России (территория совр. левобережной Украины) российскому царю.

Походу Ракоци II предшествовали и дипломатические переговоры, и местные военные действия. Идея избрания на польский престол представителя семьи Ракоци впервые обсуждалась летом 1646 г. во время пребывания посольства во главе с князем (герцогом) Янушем Рад-

зивиллом в Трансильвании. Его сын был женат на дочери молдавского господаря Василе Лупу Марии. Теперь возник проект брака другой дочери господаря Ирины и младшего сына Дьердя Ракоци I Жигмонда. Имея поддержку молдавского боярства, могущественного Радзивилла и трансильванского князя, Жигмонд мог стать претендентом на польский трон³. Во время подготовки выборов короля Польши после смерти Владислава IV Дьердь Ракоци I летом 1648 г. направил послов в Германскую империю, Швецию и в Польшу с просьбой о поддержке кандидатуры Жигмонда⁴.

В связи с замыслом относительно польского трона установились контакты Дьердя Ракоци I с гетманом запорожского войска Богданом Хмельницким, поднявшим в феврале — апреле 1648 г. антипольское восстание. Первое посольство к Хмельницкому было отправлено Дьердем Ракоци I до ноября 1648 г., о чем можно судить по посланиям Хмельницкого от 17 ноября 1648 г. к трансильванскому князю⁵ и его советнику Яношу Кеменю⁶. Ракоци просил о поддержке кандидатуры Жигмонда и получил на это согласие гетмана⁷. Связь между Ракоци и запорожцами поддерживалась с самого начала через посольства⁸. Однако сам Жигмонд Ракоци в ноябре 1649 г. отказался от проекта, обещавшего ему «польское королевство», переориентировавшись на поиски союзников на западе: 26 июня 1651 г. он вступил в брак с дочерью бывшего короля Чехии Фридриха Пфальцского Генриэттой⁹. 17 ноября 1648 г. королем Польши был избран Ян Казимир. В его избрании участвовал и Богдан Хмельницкий. Представители Дьердя Ракоци I вступили в контакты с посланцами гетмана при дворе Василе Лупу¹⁰. О сотрудничестве Василе Лупу, придерживавшегося пропольской ориентации, с Богданом Хмельницким можно судить по факту участия выходцев из Молдавского княжества в составе запорожского войска, осаждавшего Львов в октябре 1648 г.¹¹. После восстания против Польши Богдана Хмельницкого целям устранения ее сторонника служили походы казаков на Молдавское княжество в 1650 и 1652 гг., закончившиеся, однако, в конечном счете, заключением молдавско-запорожского союза. Сын Богдана Тимофей женился на дочери Василе Лупу¹².

Связь Дьердя Ракоци II с Богданом Хмельницким поддерживалась через молдавского господаря; обмен посольствами и переписка были интенсивными. Послание трансильванского князя молдавскому господарю Георге Штефану в декабре 1656 г. содержит просьбу о пересылке запорожскому гетману письма с извещением о готовности войск князя к походу на Польшу¹³. Таков был итог переговоров о военном антипольском союзе. Несколько ранее, 7 сентября 1656 г., в Дьюлафехерваре был оформлен антипольский союз Дьердя Ракоци II, господаря Молдавского княжества Георге Штефана (июль 1653 г. — март 1658 г.) и валашского правителя Константина Щербана (апрель 1654 г. — март 1658 г.) с запорожским гетманом¹⁴. Известно, что послы Хмельницкого в мае 1651 г. обещали Дьердю Ракоци II содействие в получении польской короны¹⁵. Союз трансильванского князя с Богданом Хмель-

нищим, в общем, не был нарушен военными действиями войск Трансильвании против отряда казаков во главе с сыном гетмана в апреле — сентябре 1653 г., участвовавшего на стороне Василе Лупу в битве у с.Финта в Валахии (16 — 17 мая) и летом при осаде Сучавы¹⁶.

Ради создания условий для борьбы за польскую корону Дьердь Ракоци II направил 23 марта 1653 г. войско под командованием Яноша Кеменя на помощь восставшему против Лупу его сановнику Георге Штефану. С устранением придерживавшегося пропольской ориентации Лупу появились большие перспективы для привлечения Молдавского княжества к походу на Польшу¹⁷. Участие польского отряда в совместной с венграми, валахами и молдаванами осаде Сучавы, оборонявшейся казаками Тимофея Хмельницкого¹⁸, не означало проявления молдавским господарем пропольской ориентации. Свергнув Лупу с помощью трансильванского князя, Георге Штефан добился в Стамбуле подтверждения своей власти¹⁹. Поддерживал Георге Штефана и силистрийский паша Сиавуш²⁰. Но военная помощь Дьердя Ракоци II была не бескорыстной: кроме отказа Молдавского княжества от пропольской ориентации, что было весьма выгодно князю Трансильвании, он получил из захваченной Георге Штефаном казны Василе Лупу 100 тыс. золотых и 25 тыс. таллеров²¹. Новый молдавский господарь пожаловал трансильванскому военачальнику Яношу Кеменю деревни в своем княжестве²². Содействие трансильванского князя свержению Лупу могло в известной степени стимулироваться слухами о том, что Василе «хотел стать господином обеих валашских («румынских») стран и венгров». Об этом писал в 1654 г. в рифмованной хронике на венгерском языке Янош Кайони, житель одной из деревень комитата Колож в Трансильвании²³. С этими слухами, вероятно, связано и упоминание молдавского летописца Мирона Костина о вторжении Василе Лупу в Трансильванию²⁴. Возможно, утверждение молдавского господаря в его сообщении от 1643 г. османским властям о влахах как о «более чем третьей части населения Трансильвании» имело целью вызвать нападение на княжество османов²⁵.

Летом 1655 г. Дьердь Ракоци II совершил поход в Валахию, где восстали наемные воины (сеймены) против господаря Константина Щербана. 26 июня восставшие были разбиты в битве у с. Шопля, вблизи Плоешти²⁶. Щербан бежал под защиту силистрийского паши, который одобрял действия Ракоци II, приглашенного группой бояр и митрополитом. Важнейшим итогом похода Ракоци II было утверждение вассальной зависимости от него Константина Щербана²⁷. После битвы при Шопле признал свой вассалитет от трансильванского князя и прибывший сюда с войском молдавский господарь Георге Штефан²⁸. Все это обеспечило готовность войск Молдавского и Валашского княжеств к участию в походе Дьердя Ракоци II на Польшу²⁹.

Овладение польской короной князь Трансильвании готовил и дипломатическими средствами. В декабре 1654 г. его послы выясняли при дворах Швеции, Дании, Голландии и в кромвелевской Англии возмож-

ности союза антигабсбургской направленности³⁰. Благоприятный ответ Ракоци II получил только от шведского короля Карла X, также претендовавшего на польскую корону. Летом 1656 г. Карл X с помощью бранденбургского курфюрста одержал победу над поляками под Варшавой. В этих условиях Польша в ноябре пошла на заключение перемирия с Россией, которая весной 1656 г. объявила войну Швеции. В декабре 1656 г. Ракоци II подписал союзный договор со Швецией. Одобряя заключение этого союза, государственное собрание Трансильвании исходило из того, что альтернативой ему может быть только война на стороне османов, ввиду вассального положения княжества и его международной изоляции³¹. Утверждение власти Ракоци II в Польше могло способствовать упрочению торговых связей Трансильвании с Западной Европой. После установления османского господства на значительной части Среднего Подунавья Польша служила для Трансильванского княжества торговыми воротами в экономически развитую часть Европы. В перспективе овладение польской короной могло явиться также условием для организации нового похода против Габсбургов³².

Однако для успеха этого предприятия Дьердя Ракоци II уже отсутствовали самые элементарные условия. Польские магнаты и шляхта (король Ян Казимир в июле 1655 г. бежал в Силезию) вступили в соглашение с Габсбургами, добившись уступкой половины доходов от добычи соли и уплатой значительных денежных сумм помощи 12-тысячного воинского контингента. Королю Швеции не удалось уничтожить польское войско, а в декабре 1655 г. началось крестьянское сопротивление шведам в Краковском Подгорье, подавить которое шведскому регулярному войску оказалось не под силу. Ценой огромных материальных жертв польской католической церкви и дворянству удалось организовать оборону. Все это вынудило короля Швеции предложить союз князю Трансильвании. В обмен на военную помощь Карл X обещал князю польскую корону, установление торговых связей и весь доход от добычи соли в Польше³³.

Перед подписанием договора о союзе со Швецией Ракоци II направил в Стамбул посла с просьбой о разрешении на этот акт, а также несколько раз заверил Вену в том, что он вооружается не против нее. По подсчетам историков, княжеское войско под командованием Яноша Кеменя насчитывало 14 — 20 тыс. воинов³⁴. Однако боеспособность трансильванского воинства (хайдуков, воинов пограничных крепостей, дворян Трансильвании) была значительно ниже возможностей европейских армий, в том числе шведской. Как показал ход событий, главной слабостью позиции Ракоци II было отсутствие разрешения султана на ведение военных действий: без такого разрешения ни один из его предшественников на войну не выступал.

Позицию османов изложил осенью 1656 г., уже после прихода к власти великого везира Мехмеда Кепрюлю (ум. в 1661 г.), резидент трансильванского князя. Согласно условиям Порты, князь должен был вы-

ступить против Польши в составе вспомогательных частей, получив у султана атнаме с разрешением на поход; что же касается поляков, то они должны попросить у Порты Дьердя Ракоци II в качестве их короля. Только при соблюдении всего этого Ракоци мог рассчитывать на поддержку со стороны османов. Ракоци же стремился заручиться одобрением султана не в качестве его вассала, а как самостоятельно действующий владетель: ведь сам Карл X направил в Стамбул посольство с целью помочь князю Трансильвании получить разрешение султана на заключение союза со Швецией. Курфюрст бранденбургский Фридрих Вильгельм вел переговоры с Ракоци II уже как с королем Польши, и великий везир благосклонно принял сообщение трансильванского посла о начале польского похода. Все это, однако, не изменило трудного положения Ракоци II, ведшего безуспешную войну против упорно защищавшихся польских крестьян, дворян, польской церкви³⁵. К тому же у крымского хана, как можно предполагать, зрело желание отомстить за полученный его посольством отказ князя преподнести ежегодные «дары», аналогичные получаемым Портой³⁶.

Войско князя, выступив 6 января 1657 г., совершило в условиях суровой зимы переход через Карпаты в комитате Марамарош и вторглось на территорию Польши. В Пржемысле (Перемышле) к нему присоединились казаки. 25 февраля оно достигло Ярослава. Сюда прибыло посольство от Фердинанда III Габсбурга, попытавшегося щедрыми обещаниями убедить князя возвратиться домой. Отвергнув эту просьбу, Ракоци II 28 марта (или 7 апреля) прибыл в Краков, где его торжественно встретил один из генералов Карла X. Соединение трансильванских и шведских войск произошло в апреле. 23 мая был взят Брест. 14 июня (или 9 июня) Ракоци II во главе объединенных воинских частей вошел в Варшаву.

Между тем складывались серьезные предпосылки краха всего предприятия трансильванского князя. При известии о вступлении в войну Дании Карл X с частью войска покинул Польшу (25 мая). Вступивший на имперский трон 2 апреля Леопольд I Габсбург (1657 — 1705) заключил соглашение с Яном Казимиром, обещав послать в Польшу 16 тыс. воинов. В начале июня восьмидесячное войско герцога Любомирского преодолело карпатский перевал Верецке, сожгло Мункач (Мункачево) и Берегсас (Берегово), разграбило имения Дьердя Ракоци II, дойдя до Сатмара (Сату-Маре) и Вишка (Вышково) в комитате Марамарош, и вернулось домой с добычей. Союзники Польши действовали через своих представителей и в Стамбуле. По приказу султана в середине июня против воинских соединений Ракоци вышло крымско-татарское войско в несколько десятков тысяч человек³⁷. 22 июня Польшу покинули последние шведские части, а через месяц трансильванского князя оставили казаки, против которых дипломатия Порты толкнула крымчаков³⁸. Отряды Леопольда I вступили в Польшу из королевства Венгрии и Чехии: он открыто вмешался в борьбу на стороне Яна Казимира. Войско Трансильвании страдало от голода и нападений местно-

го польского населения. К 22 июля отряды Ракоци II были окружены частями поляков, и князь был вынужден заключить мирное соглашение с польским командованием в Чарны Острове. Ракоци II отказался от претензий на корону и на власть в Польше, от союза со шведами и казаками. Он обязался в дальнейшем сотрудничать с польскими властями, уплатить 1,2 млн. флоринов в качестве выкупа за пленных, возвратить добычу и занятые территории, отдать в заложники двух своих приближенных³⁹. Возвращаться домой трансильванские отряды должны были в сопровождении польских уполномоченных по указанному ими маршруту. Пятитысячное войско (боеспособными из них были 3 — 4 тысячи) было приведено этими уполномоченными в татарско-крымское окружение и попало в плен вместе со своим командующим Яношем Кеменем (31 июля). Самому Ракоци с отрядом в 300 человек, отделившись от основного войска, удалось в начале августа добраться до родового замка Эчед. Крымчаки увели пленных в Крым, многие из них там погибли, часть была выкуплена за большие суммы⁴⁰.

Крах похода на Польшу привел к резкому изменению судьбы Трансильванского княжества. 15 августа 1657 г. татарские отряды ворвались на территорию Трансильвании и опустошили землю секеев. Ракоци II отверг просьбу государственного собрания и отказался выкупить пленных у крымчаков за собственные деньги. 27 октября посланцы Порты предъявили государственному собранию в Дьюлафехерваре распоряжение султана о смещении Дьердя Ракоци II. Здесь были изложены причины, по которым османы приняли решение прекратить поход князя в Польшу. Указание об этом было доставлено в Трансильванию в конце января 1657 г. Весной этого года наместники султана из областей Венгрии, занятых османами, призывали князя вернуться, так как великий везир Мехмед Кеprüлю не одобрил его предприятие. В формулировке причин смещения князя проявилось представление Порты о характере ее власти над Трансильванским княжеством: Дьердь Ракоци II выступил против Польши вопреки воле султана и вступил в союз с его врагами — казаками; за два года до этого князь опустошил и сделал своей данницей Валахию, подверг опасности свою страну Трансильванию; за ним пришлось посылать татарского хана, но князь сбежал⁴¹. 2 ноября 1658 г. государственное собрание заставило Дьердя Ракоци II отречься от власти и избрало князем Ференца Редעי⁴². Началась внутренняя борьба за княжеский трон при непосредственному участию османских властей и войск.

Набеги войск османов наносили ущерб городам и деревням, населенным венграми, саксами и влахами, и культурным центрам Трансильвании. В июне на территорию княжества вторгся отряд пашы Буды Ахмеда Сейди, но он был разбит собранными Дьердем Ракоци II рядовыми воинами и хайдуками 26 июня 1658 г. у Липпы и принужден к отходу от трансильванской границы⁴³. В августе в княжество прибыло войско во главе с великим везиром Мехмедом Кеprüлю. После того, как Ракоци II, вернувшийся в январе 1658 г. к власти, не явился по приказу

великого везира в его лагерь (23 августа), Мехмед овладел без боя крепостью Ене⁴⁴. К этому времени султан успел изгнать из Валахии Константина Щербана, а из Молдавского княжества — Георге Штефана. Оба они ушли в Трансильванию⁴⁵. На их места господарями были утверждены соответственно Михня III Раду (март 1658 г. — ноябрь 1659 г.) и Георге Гика (март 1658 г. — ноябрь 1659 г.). По приказу великого везира в Трансильванию ворвались отряды татар, новых господарей Молдавского и Валахского княжеств, а также казаков. 5 сентября они взяли никем не защищаемый город Дьюлафехервар, методично, улица за улицей опустошили его, сожгли главный храм, княжеский дворец и коллегиум. В костер была превращена библиотека. Ракоци еще до прибытия Мехмеда отступил к Надьвараду. Были опустошены также Надьэньед (Аюд), Торда, Коложвар (Клуж-Напока), Марошвашархей (Тыргу-Муреш). 20 сентября по приказу великого везира налетчики ушли, убив и уведя в рабство, по оценкам современников, около 100 тысяч жителей⁴⁶.

Перед отводом войска из Трансильвании в конце октября 1658 г. Кепрюлю назначил князем Акоша Барчай (14 сентября 1658 г. — 30 июня 1661 г.), который сдал османам крепости Лугош (Лугож) и Караншебеш и в октябре был признан государственным собранием на княжеском престоле. Барчай согласился платить султану 40 тыс. золотых ежегодной дани и 500 тыс. талеров одноразовой контрибуции⁴⁷.

Османе приходили на помощь своему ставленнику Акошу Барчай, вторгаясь в Трансильванию со своими отрядами для укрепления его власти. Так, 22 ноября 1659 г. паша Буды Ахмед Сейди с 17-тысячным отрядом разбил войско Ракоци II, сумевшего в сентябре в третий раз вернуться на княжеский престол. В конце ноября паша повторил нашествие. Из Трансильвании войско османов ушло только в конце декабря. Весной 1660 г. султан назначил командующим походом на Трансильванию Али-пашу. В помощь его 20-тысячному войску были выделены отряды паши Буды Ахмеда Сейди (25 тыс. воинов), которые в начале мая опустошили поселения хайдуков, служивших у Ракоци II. В это время происходили военные действия между силами Ракоци и Барчай: с 7 января по 14 мая Ракоци осаждал город саксов Себен (Сибиу), принявший Акоша Барчай. Ахмед Сейди разбил оставившее осаду войско Ракоци в битве при Сасфенеше 22 мая (7 июня Ракоци II умер от ран)⁴⁸.

Целью османов было добиться уплаты дани, о чем боровшиеся между собой венгерские феодалы и не помышляли. Сейди в конце июня взял «под почетную охрану» Акоша Барчай и доставил его в лагерь Али-паши. Эта мера действовала на государственное собрание, которое 5 июля постановило собрать требуемую Портой дань, в том числе с дворян и священников. Первая часть собранной дани была доставлена в лагерь Али-паши в конце августа, и Акош Барчай был освобожден. К этому времени 27 августа 1660 г. османе захватили Надьварад (Орадя Маре) и его округу. По приказу Али-паши, вошедшего в июле 1661 г. в княжество с основным войском, государственное собрание из-

брало князем Михая Апафи (14 сентября 1661 г. — 15 апреля 1690 г.). Порта пресекла внутреннюю борьбу в Трансильвании, во главе которой был поставлен верный слуга султана Михай Апафи. Уходя из княжества, Али-паша увел в рабство 15 тыс. жителей⁴⁹.

Таким образом, фактически, главным результатом борьбы проосманской и антиосманской групп венгерских феодалов Трансильвании было установление зависимости княжества от власти султана. Внутриполитическая стабилизация Османской империи при Мехмеде и Ахмеди Кепрюлю позволила Порте осуществить ряд жестких репрессивных мер против Трансильвании, пытавшейся обрести независимость. Тяжело пострадали все слои и этнические группы населения княжества, потерявшего важные в стратегическом отношении для всего Среднего Подунавья территории после учреждения нового османского элайета с центром в Надьвараде⁵⁰; возросла дань в пользу Порты. Следствием всего этого были ослабление самостоятельности Трансильванского княжества и утрата им значения как субъекта международных отношений.

¹ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. Bp., 1982. 471.l.

² Magyarország hadtörténete. 1.k. Bp., 1984. 277.l.

³ *Lukinich I.* Rákóczi György és a lengyel királyság. Bp., 1907, 23 -28.l.; Erdély története. 2.k. Bp., 1986. 710.l.

⁴ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 470.l.

⁵ Erdély és a északkeleti háború. Levelek és okiratok. 1.k. (1648 — 1655). Bp., 1890. 6.l.

⁶ Иск. Т.2. С. 214-215; 378, прим.151.

⁷ Erdély története. 2.k. 710.l.

⁸ Иск. Т. 2. С. 215.

⁹ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 471 — 472.l.

¹⁰ Székely Oklevéltár. 6.k. 182 — 183.l.

¹¹ Жерела. Т. 6. С. 56; *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 324.

¹² *Мохов Н.А.* Молдавия... С. 329; *Istoria Romîniei.* Vol. 3. Buc., 1964. P. 172 — 174; Иск.. Т. 2. С. 225, 380.

¹³ Иск. Т. 2. С. 294 — 295.

¹⁴ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 475.l. Magyarország hadtörténete. 1.k. 277.l.

¹⁵ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 472.l.

¹⁶ Ibid. 473.l.; *Мохов Н.А.* Молдавия ... С. 331.

¹⁷ Magyarország hadtörténete. 1.k. 277.l.

¹⁸ Miron Costin. Opere. Buc., 1958. P. 158 — 163; *Мохов Н.А.* Молдавия... С. 331.

¹⁹ *Istoria Romîniei.* Vol. 3. P. 178.

²⁰ Erdély története. 2.k. 712.l.

²¹ Ibidem; *Szilágyi S.* II. Rákóczi György. 1621 — 1660. Bp., 1891. 100.l.

²² *Motogna V.* Două scrisori ale lui Gheorghe Ștefan // *Revista istorică.* Buc., 1926. P. 319 — 320.

- ²³ *Crăciun I.* Cronica rimată a lui Ioan Caioni din 1654 despre sfirșitul lui Vasile Lupu. // АИАС. Т. 4. 1961. P. 329.
- ²⁴ *Iorga N.* Carpații în luptele dintre români și unguri. // Analele Academiei Romîne. Ser. II. Vol. 38. Buc., 1916. P. 103.
- ²⁵ DR. Vol. IV/1. P. 669; История Венгрии. Т. 1. М., 1971. С. 380; Erdély története. 2.k. 731.l.
- ²⁶ Veress. Vol. X. P. 296 — 297.
- ²⁷ Documente istorice transilvane. Vol. 1 (1599 — 1699). Cluj, 1940. P. 268 — 270; Siebenbürgische Chronik des Schässburger Stadtschreibers Georg Kraus (1608 — 1665). T. 1 — 2. Wien, 1862 — 1864. S. 182.
- ²⁸ *Szilágyi S.* II. Rákóczi György. 126.l.; Istoria Romîniei. Vol. 3. P. 181 — 185.
- ²⁹ Miron Costin. Opere. P. 179 — 180; Radu Popescu. Istoriile domnilor Țării Românești, 1290—1728. Buc., 1968. P. 118 — 119.
- ³⁰ *Gáspár G.* Az erdélyi fejedelmek törekvései a lengyel tronra. Bp., 1940; *Tóth Gy.* II. Rákóczi György lengyel vállalatának diplomáciai előzményei. Szatmar, 1912.
- ³¹ Magyarország története. 3/1-2 (1526 — 1686). Bp., 1985. 1069.l.
- ³² Erdély története. 2.k. 717.l.
- ³³ Magyarország története. 3/1-2. 1069.l.
- ³⁴ Ibidem. Magyarország hadtörténete. 1.k. 278.l.
- ³⁵ Magyarország története. 3/1-2. 1070.l.
- ³⁶ Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 474.l.
- ³⁷ Magyarország hadtörténete. 1.k. 278.l.; Magyarország története. 3/1-2. 1070.l.
- ³⁸ Erdély története. 2.k. 719.l.
- ³⁹ Okmánytár II. Rákóczi diplomáciai összeköttetéseihez, 1648 — 1657. Pest, 1873. 552 — 557.l.
- ⁴⁰ Siebenbürgische Chronik ... T.1. S. 254 — 296; Georg Kraus. Cronica Transilvaniei. Buc., 1965. P. 194 — 200; *Szilágyi S.* Rajzok és tanulmányok. 2.k. Bp., 1875. 59 — 67.l.
- ⁴¹ Erdély története. 2.k. 722.l.
- ⁴² Siebenbürgische Chronik ... T.1. S. 324 — 325; Georg Kraus. Cronica Transilvaniei.. P. 248.
- ⁴³ Georg Kraus. Cronica Transilvaniei. P. 263.
- ⁴⁴ Ibid. P. 268 — 271.
- ⁴⁵ Miron Costin. Opere. P. 179 — 180.
- ⁴⁶ Erdély története. 2.k. 724.l.; Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 477.l.; Siebenbürgische Chronik ... T.2. S. 325 — 355; Georg Kraus. Cronica Transilvaniei. P. 268 — 271.
- ⁴⁷ Erdély története. 2.k. 724.l.; Magyarország történeti kronológiája. 2.k. 477.l.
- ⁴⁸ Siebenbürgische Chronik ... T.2. S. 67, 87; Georg Kraus. Cronica Transilvaniei. P. 342.
- ⁴⁹ Siebenbürgische Chronik ... T.2. S. 180; Georg Kraus. Cronica Transilvaniei. P. 425 — 427.
- ⁵⁰ Siebenbürgische Chronik ... T.2, S. 100 — 113; Georg Kraus. Cronica Transilvaniei. P. 365 — 374; Erdélyi országgyűlési emlékek. 11.k. (1649 — 1658). Bp., 1886. 108 — 109, 111.l.; *Szekfü Gy.* Magyar történet, 1607 — 1780. Bp., 1943. 632.l.

МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В ОТНОШЕНИЯХ ПОРТЫ СО СТРАНАМИ РЕГИОНА В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Изменившаяся с началом в 1648 г. освободительной войны на Украине международная ситуация в Восточной и Юго-Восточной Европе непосредственно сказывалась на положении Дунайских княжеств, их отношениях с османами. Б.Хмельницкий в интересах обеспечения тыла заключил союз с Крымом и вступил в переговоры с османами. Весной 1648 г. объединенные казацко-татарские силы разбили польские войска. Речь Посполитая направила Порте протест. В условиях внутреннего кризиса и неудач в войне с Венецией османские власти не были склонны к применению силы против крымского хана, хотя в ответе польскому канцлеру выражали свое несогласие с действиями Ислам-Гирея¹. В то же время великий везир обратился к молдавскому господарю В.Лупу с просьбой о посредничестве в урегулировании отношений между Крымом и Речью Посполитой, чтобы воспрепятствовать возможной коалиции Польши с другими странами².

Однако такие опасения в Стамбуле были сильно преувеличены, поскольку польское дворянство в то время было занято другим, а именно проблемами наследования королевского трона в связи со смертью Владислава IV. Имея в виду претензии на польский престол трансильванского князя Дьердя Ракоци I, В.Лупу решил воспользоваться ситуацией, надеясь удовлетворить свои амбиции через родство с будущим королем Польши. Во время переговоров с трансильванским послом Я.Кемени в 1648 г. молдавский господарь предложил вернуться к вопросу о браке своей дочери Роксанды с Ракоци-младшим³. В то время как Франция и Швеция поддерживали кандидатуру законного наследника на польский престол Яна Казимира, Ракоци и Лупу в реализации своих планов делали ставку на Крым и восставшее казачество. Гетман Б.Хмельницкий, со своей стороны, проявлял активность с целью получить поддержку и одновременно содействовать приходу к власти в Речи Посполитой короля, угодного Войску Запорожскому⁴. В контексте этих планов осенью 1649 г. было организовано новое нападение военных отрядов татар и казаков на польские территории⁵. Смерть Ракоци I (11 октября 1648 г.) расстроила трансильвано-молдавские замыслы относительно наследования польской короны. К тому же возвращавшаяся в Крым из похода татарская орда атаковала границы Молдавии. В.Лупу приказал своим отрядам расправиться с татарами, остановившимися в молдавском селе Братулень. Оставив добычу и пленных, татары были вынуждены спасаться бегством⁶.

Освободительная война на Украине по-разному воспринималась населением Молдавии. Молдавские крестьяне, в частности, беглые поселенцы на украинских землях и жители приграничных районов переходили на сторону восставших казаков и принимали участие в военных действиях против польских феодалов, организуя иногда самостоя-

тельные отряды⁷. Молдавские бояре, опасаясь за судьбу своих сословных привилегий, поддерживали позицию польских магнатов и шляхты. Господарь не мог не учитывать этого в своем отношении к Речи Посполитой. Тяготение к ней В.Лупу поставило перед Б.Хмельницким задачу — вывести господаря из-под польского влияния и, склонив его на свою сторону, сделать союзником. Осуществление этого замысла должно было обезопасить юго-западные фланги украинских освободительных сил. Поэтому гетман решил воспользоваться антирусскими военными приготовлениями крымского хана и предпринять совместно с татарами поход на Молдавию. Хан не мог простить господарю разгром своих войск осенью 1643 г. у села Братулень. Кроме того, в Крыму появились слухи о готовившемся против него молдавско-польском выступлении⁸. Следует отметить, что в то же время Ислам-Гирей не считал В.Лупу своим врагом и молдавско-польские отношения не мешали его планам, в которых главным было добиться союза с Речью Посполитой против России. Эта тенденция в политике хана проявилась уже во время переговоров по заключению Зборовского мира 1649 г. между Б.Хмельницким и польским королем⁹. Сразу же после возвращения из Зборова Ислам-Гирей начал военные приготовления для похода вместе с запорожцами против донских казаков и калмыков, о чем была извещена Порты и в ультимативной форме предупреждено русское правительство. Но в конечном итоге нападению в 1650 г. подверглась Молдавия.

Причины изменения в направлении военных действий крымско-казацких войск в исторической литературе объясняются по-разному. В румынской историографии существует мнение, что неудача с самого начала военных действий на русских территориях заставила хана повернуть орду на молдавские земли, главным образом в интересах добычи, что разорительная для Молдавии татарско-казацкая экспедиция была осуществлена с разрешения Порты¹⁰. Как считали некоторые советские историки, от похода на русские земли хана отговорил Б.Хмельницкий, согласившись выступить вместе против В.Лупу¹¹.

Современный румынский исследователь проблемы Т.Джемил полагает, что татарско-казацкое нападение на Молдавию в сентябре 1650 г. было инициировано Б.Хмельницким в сотрудничестве с трансильванским князем Дьердем Ракоци II. Цель акции состояла в том, чтобы заставить В.Лупу переориентироваться в союзных отношениях. Для крымского хана эта акция была средством удовлетворения страсти татарских войск к добыче и в то же время демонстрацией силы перед своим запорожским союзником и Речью Посполитой. Что касается Порты, то, по мнению Т.Джемила, она допустила репрессивную акцию в отношении Молдавии как подтверждение своего исключительного права на княжество, хотя и не давала какого-либо поручения на этот счет. Как считает исследователь, Б.Хмельницкий и Ислам-Гирей использовали трудности в Османской империи и возникшее в Стамбуле недружественное отношение к В.Лупу¹². На наш взгляд, все отмеченные в

литературе моменты, связанные с причинами татарско-казацкого нападения на Молдавию в 1650 г., имели место в действительности, но степень их влияния на ход событий была неодинаковой.

Когда ранней осенью 1650 г. Молдавия подверглась опустошительному нападению татар¹³, В.Лупу обратился за помощью к Порте, которая предпочла ограничиться советами господарю откупиться от крымчаков. Молдавские отряды терпели поражение от превосходивших сил хана. Положение В.Лупу осложнилось тем, что Б.Хмельницкий заключил договоры о союзе и взаимопомощи с валашским господарем М.Басарабом и трансильванским князем Ракоци II. Валашский господарь видел в запорожском гетмане потенциального союзника на случай антиосманских действий или возникновения конфронтации с В.Лупу. По словам русских послов П.Протасьева и Г.Богданова, бывших в 1650 г. на Украине, М.Басараб и Б.Хмельницкий поддерживают добрые отношения и между ними договор «против неприятеля стоять заодно и ратными людьми друг другу помогать, и тот договор меж ими закреплен душами и меж собою на том договоре присягали»¹⁴.

Союз Б.Хмельницкого с валашским господарем и трансильванским князем ограничивал В.Лупу в возможных маневрах для защиты княжества. Поэтому после вступления в октябре 1650 г. вслед за татарами на территорию Молдавии отрядов казаков, он прекратил сопротивление. В собственноручном письме, скрепленном печатью, В.Лупу уведомил Б.Хмельницкого о принятии его предложения относительно брака своей дочери Роксанды и гетманского сына Тимофея. Молдавский господарь обязывался быть с гетманом «в вечной дружбе и любви» и сообща выступать против неприятеля. По настоянию гетмана татары оставили территорию княжества¹⁵.

Хотя В.Лупу и обещал Б.Хмельницкому династический союз, с выполнением взятых на себя обязательств господарь не спешил. Более того, он укреплял связи с Речью Посполитой. В конце 1650 г. В.Лупу вынашивал планы общей атаки Молдавии, Литвы и Речи Посполитой против запорожских казаков¹⁶. Молдавский господарь в значительной мере способствовал началу крупной польской военной кампании 1651 г. против войск Б.Хмельницкого¹⁷.

Порта была против молдавско-запорожского союза, справедливо усматривая в нем угрозу своим интересам в Молдавском княжестве, но практически не имела возможности воспрепятствовать ему. В то же время османские власти покровительствовали казакам и их гетману Б.Хмельницкому. В начале 1651 г. крымскому хану, молдавскому и валашскому господарям Портой были посланы распоряжения помогать гетману в военных действиях против Речи Посполитой¹⁸.

М.Басараб, памятуя о прежней враждебности В.Лупу, был обеспокоен его сближением с поляками и планами союза с запорожцами. Поэтому валашский господарь предпочитал сохранять вооруженный нейтралитет. Господарь Молдавии, наоборот, видя поддержку Портой казаков, решительно встал на сторону Речи Посполитой, послав ей на

помощь молдавские отряды и способствуя снабжению польских войск¹⁹. В битве при Берестечко (июнь — июль 1651 г.) запорожцы потерпели поражение, не получив эффективной помощи татарских войск. Хан Ислам-Гирей преследовал свои цели: сохраняя верность союзническим отношениям с Речью Посполитой, он не хотел разгрома польской армии, которую надеялся направить против России. Конечно, победа польских войск вдохновила В.Лупу и он надеялся в результате ее избавиться «от сватовства с Хмелем»²⁰. В то же время, не надеясь в перспективе на полную поддержку Речи Посполитой, молдавский господарь активно искал союзников. В этом плане для В.Лупу было важно наладить отношения с трансильванским князем Дьердем Ракоци II, оторвать его от союза с Б.Хмельницким. С этой целью молдавский господарь решил вернуться к отложенному ранее предложению о браке своей дочери Роксанды и брата Ракоци II Жигмонда²¹. Но вскоре Жигмонд умер, и вопрос о браке отпал. В.Лупу попытался также заручиться поддержкой крымского хана, воспользовавшись возникшей после поражения казаков при Берестечко в 1651 г. напряженностью в запорожско-татарских отношениях. Между тем Ислам-Гирей, несмотря на то, что специальная статья Белоцерковского договора (сентябрь 1651 г.) обязывала казаков отказаться от союза с татарами, выступил на стороне запорожцев в кровопролитной битве под Батогом (22 — 23 июня 1652 г.) и способствовал разгрому польских войск. В.Лупу, таким образом, не смог заручиться союзниками, и, когда отряды Б.Хмельницкого подошли к молдавской границе, был вынужден уступить давлению казаков и согласиться выполнить данное гетману обещание.

Осенью 1652 г. в Яссах состоялась свадьба дочери господаря Роксанды с Тимофеем Хмельницким²². В.Лупу стал союзником и сватом запорожского гетмана, что существенно повлияло на позиции господаря внутри страны и на ее внешнеполитическое положение. Молдавско-казацкий союз был встречен враждебно боярством княжества. Тем более, что местные бояре проявляли недовольство поощряемым В.Лупу ростом влияния греков в Молдавии. Крупное молдавское боярство, обеспокоенное возможностью потери своих сословных привилегий, отвернулось от господаря-союзника гетмана.

Отрицательно отнеслись к союзу В.Лупу с запорожцами трансильванский князь Ракоци II и валашский господарь М.Басараб, опасавшиеся враждебных действий со стороны молдавского господаря²³. Ракоци II к тому же видел в этом союзе срыв своего плана использования казаков для достижения польской короны. М.Басараб снова почувствовал угрозу, исходившую от своего давнего врага. Валашский господарь и трансильванский князь договорились с оппозиционной партией молдавских бояр, возглавлявшейся логофетом Георге Стефаном, о смещении В.Лупу с престола²⁴. Когда трансильванские и валашские отряды вступили на территорию Молдавии, В.Лупу разоблачил группу бояр-заговорщиков и казнил их, но, не сумев противостоять объединенным войскам своих противников, был вынужден отступить

из Ясс. Местное боярство, недовольное внутренней политикой господаря, перешло на сторону Г.Стефана²⁵.

Для Б.Хмельницкого было важно сохранить в Молдавии господаря-союзника. Поэтому в ответ на просьбу о помощи в апреле 1653 г. он послал в княжество войска во главе с сыном Тимофеем. Действия казаков, к которым присоединились и верные В.Лупу молдавские отряды, были успешны. Военные силы Г.Стефана потерпели поражение, сам логофет укрылся в Валахии. Т.Хмельницкий занял Яссы, куда вскоре возвратился и В.Лупу²⁶. Молдавский господарь решил воспользоваться успехами запорожцев и уговорил Тимофея Хмельницкого предпринять поход на Валахию, чтобы расправиться с Г.Стефаном и затем выступить против Ракоци II²⁷. Однако в битве у валашского села Финта весной 1653 г. молдавско-казацкое войско было разбито силами господаря М.Басараба. В.Лупу с зятем спешно отступили к Яссам²⁸. Вскоре Г.Стефан во главе небольшого валашского отряда вновь вступил на территорию Молдавии и при поддержке сил, присланных трансильванским князем, сумел занять молдавский престол.

Положение В.Лупу было сложным. Порта прямо не вмешивалась в события в Молдавии, но была недовольна активностью правителей вассальных княжеств в регионе, и противники господаря могли добиться у султана утверждения на молдавском престоле Г.Стефана. Враждебную позицию в отношении В.Лупу занял крымский хан Ислам-Гирей, особенно в связи с причастностью господаря к организации побега летом 1652 г. трех молодых польских дворян, схваченных в Крыму²⁹. Изменилось и отношение Речи Посполитой, обеспокоенной союзом молдавского господаря с запорожцами.

В ожидании помощи от Б.Хмельницкого В.Лупу незначительными силами начал военные действия против Г.Стефана. Но первое же сражение у Тыргу Фрумос (6 августа 1653 г.) закончилось поражением старого господаря. С небольшим отрядом ему удалось отступить к Днестру и уйти на Украину³⁰.

Между тем Г.Стефан приступил к осаде крепости Сучава, где укрепился с 9-тысячным войском Т.Хмельницкий. Казаки, окруженные превосходящими силами противника, испытывая трудности с продовольствием, более двух месяцев выдерживали изнурительную осаду, устраивали непрерывные вылазки. После гибели Т.Хмельницкого, убитого во время артиллерийского обстрела крепости прямым попаданием пушечного ядра, осажденные сдали город в начале октября и отступили на Украину³¹.

Эти события окончательно решили судьбу В.Лупу. Вначале он нашел приют у Б.Хмельницкого, затем переехал в Крым, откуда по приказу султана был доставлен в Стамбул и заключен в Семибашенный замок.

Итак, запорожцы, союз с которыми привел к изоляции В.Лупу, не сумели помочь ему, так как сами нуждались во внешней помощи. Еще осенью 1652 г. стало ясно, что Речь Посполитая, следуя планам сило-

вого разрешения украинского вопроса, решила предпринять новый крупный поход против восставшего запорожского казачества. Переговоры Б.Хмельницкого с Россией о помощи и о вступлении в ее подданство делали неизбежным русско-польский конфликт. В связи с этим Варшава в поисках союзника вела переговоры о создании блока с Трансильванией и Дунайскими княжествами. Но политические разногласия между сторонами не позволили превратить возникшее в 1653 г. единение при проведении военных действий против казаков, в том числе и в Молдавии, в прочный союз³². Речь Посполитая была заинтересована главным образом в совместных действиях против казаков, в то время как правители Молдавии, Валахии и Трансильвании хотели иметь с польской стороны гарантию помощи в случае татарских нападений на их территорию или возможного вмешательства Порты. Такая разница в подходах сторон сделала переговоры безрезультатными.

Сказалась и позиция Крыма. Хотя хан, как и Порты, не вмешивался в события в Молдавии, но внимательно отслеживал ситуацию в княжествах, чтобы не допустить восстания в них влияния Речи Посполитой. Поэтому в ноябре 1653 г. татарские отряды выступили на стороне запорожцев против польских войск. Одновременно Ислам-Гирей оказывал давление на княжества, стремясь отвлечь их от антиосманской ориентации и оказания помощи полякам³³. Польские войска понесли тяжелые потери от объединенных сил казаков и татар, и Речь Посполитая пошла на перемирие. В декабре 1653 г. под Жванцем было подписано польско-крымское мирное соглашение. Существенное значение в его заключении имела позиция крымского хана, изменившаяся в результате переговоров Б.Хмельницкого с Москвой о вступлении в русское подданство. Такой поворот в русско-украинских отношениях склонял Ислам-Гирея к союзу с Речью Посполитой в реализации антирусских политических планов Крыма. Еще летом 1653 г., узнав о начавшихся переговорах, крымский хан предупреждал Б.Хмельницкого о возможном разрыве союза с ним и совместном с поляками нападении на запорожских казаков. Уже тогда проявились намерения Ислам-Гирея к сближению с Речью Посполитой³⁴.

Б.Хмельницкий в этих условиях активизировал переговоры с русским правительством и одновременно просил Порты о помощи. Султан проявлял благосклонность к казакам, будучи заинтересованным в ослаблении Речи Посполитой и одновременно в возможном подчинении себе запорожского гетмана³⁵. Но неудачная для османов война с Венецией удерживала Порты от открытой поддержки восставших казаков. Главным вопросом для османских властей в это время было стремление избежать осложнений в своей европейской политике. Запорожско-русские переговоры, свидетельствовавшие о вступлении России в борьбу за Украину, настораживали Порты, заставляя предпринимать меры по предотвращению антиосманских планов. В этой связи важное значение султан придавал урегулированию ситуации в Молдавии. После занятия в сентябре 1653 г. молдавского престола Г.Стефа-

ном Порты поспешила утвердить его господарем, желая ослабить его отношения с трансильванским князем Ракоци II и валашским правителем М.Басарабом, отвратить от союза с ними, могущего приобрести антиосманскую направленность.

Решение Переяславской рады от января 1654 г. о воссоединении Украины с Россией существенно изменило международную ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе. Возникшая в регионе новая расстановка сил определила поддержку османами Речи Посполитой и Крыма, выступавших против воссоединения России и Украины. Дунайские княжества и Трансильвания становятся объектом соперничества враждующих сторон за укрепление влияния в них и использование их для реализации своих планов в регионе.

¹ KDT. S. 326—327.

² DR. Vol. IV/2. P. 567—569.

³ Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 205.

⁴ Голобуцкий В. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962. С. 131—140, 145—147.

⁵ Gemil T. Țările Române în contextul politic internațional (1621—1672). Buc., 1979. P. 130.

⁶ Miron Costin. Opere. Ed. de P.Panaitescu. Buc., 1965. P. 131.

⁷ Ермоленко А.Ф. Украинско-молдавские отношения в годы освободительной войны украинского народа // Воссоединение Украины с Россией (1648 — 1654). М., 1954. С. 225—228.

⁸ ВУР. Т. 2. С. 187.

⁹ Письма Ислам-Гирея к Яну Казимиру во время переговоров о мире см.: Gemil T. Țările Române... P. 132.

¹⁰ См.: Gemil T. Țările Române... P. 133—135.

¹¹ Очерки внешнеполитической истории... С. 207.

¹² Gemil T. Țările Române... P. 138—139.

¹³ Miron Costin. Opere. P. 132—134.

¹⁴ ВУР. Т. 2. С. 461.

¹⁵ Исв. Т. 2. С. 381—382, прим. 158, 161.

¹⁶ DR. Vol. VIII. P. 532—533.

¹⁷ Jorga N. Studii și documente cu privire la istoria românilor. Buc., 1902. Vol. IV. P. CCXXXV.

¹⁸ KDT. S. 330—331; DR. Vol. IX/1. P. 5.

¹⁹ DR. Vol. IX/1. P. 6; Acte și fragmente. Vol. I. P. 206.

²⁰ Miron Costin. Opere. P. 134.

²¹ Veress. Vol. X. P. 234—237.

²² Miron Costin. Opere. P. 134—135; Исв. т. 2. С. 232—233.

²³ ВУР. Т.3. С. 238.

- ²⁴ Miron Costin. Opere. P. 135—140.
- ²⁵ Ibid. P. 140—141.
- ²⁶ Ibid. P. 145—147.
- ²⁷ Ibid. P. 147.
- ²⁸ ВУР. Т. 3. С. 321.
- ²⁹ Материалы турецких архивов см.: *Gemil T. Tările Române...* P. 142—143.
- ³⁰ Miron Costin. Opere. P. 155—158.
- ³¹ Ibid. P. 158—163.
- ³² *Заборовский Л.В.* Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.) // *Карпатско-Дунайские земли в средние века.* Кишинев, 1975. С. 250—252.
- ³³ См.: *Gemil T. Tările Române...* P. 148.
- ³⁴ *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С.25.
- ³⁵ *Gemil T. Tările Române...* P. 146—147.

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (до 60-х гг. XVII в.)

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Наметившиеся еще в конце XVI в. признаки стагнации империи османов становились все более заметными на протяжении XVII в. Наступил, по выражению турецких историков, «период остановки», когда военная мощь государства начала падать, а его территория значительно расширилась.

В конце XVI столетия в состав Османской империи входил почти весь Балканский полуостров (исключая побережье Далмации от Омиша до Истрии, принадлежавшее Венецианской республике), а также бывшие владения Венгерского королевства. В вассальной зависимости от Порты находилось Трансильванское княжество, Молдавия и Валахия.

Разложение тимарной (сипахийской) системы и массовое разорение райи, экономический застой, упадок центральной власти и рост сепаратистских тенденций на окраине империи, ухудшение финансового положения страны из-за снижения доходов, ранее связанных с успешными завоевательными войнами и ограблением захваченных земель, — таковы были отличительные черты общественно-экономической жизни Османской империи и ее владений в Юго-Восточной Европе в XVII в.

Все это, а также и международная обстановка в Балканском регионе и Восточном Средиземноморье сильно влияло на политику султанского правительства в отношении народов Юго-Восточной Европы, положение которых неуклонно ухудшалось. Особенно заметно это проявилось в первой половине века, отражением чего явилось отсутствие роста населения, иногда и его уменьшение вследствие частых эпидемий голодных годов или войн. Это имело место в Боснии, в греческих землях, в северной части Сербии после австро-турецкой войны 1593 — 1606 гг.¹ Правда, начиная с середины 1650-х гг., когда великий везир Мехмед-паша Кёпрюлю, а затем и его наследники из того же рода, предприняли некоторые меры для преодоления сепаратизма и укрепления центральной власти, положение в стране стало более благоприятным, что, однако, мало повлияло на улучшение условий жизни балканского населения.

В европейских эялетах и санджаках при слабой власти центрального правительства царил произвол местных властей, судей-кадиев. Они занимались стяжательством, казнокрадством, взяточничеством, безнаказанно грабили незащищенных христиан. Янычары, угрожавшие своими бунтами самому султанскому двору, получив право жениться, расселились по городам Европейской Турции, стали заниматься ремеслом, торговлей и ростовщичеством, захватывали у крестьян земли. Военная служба стала для них побочным занятием.

Положение сельских жителей, составлявших подавляющую часть населения Балканского полуострова, ухудшалось из-за неуклонного роста налогов в пользу государства, местных властей, землевладельцев. Уменьшение доходов тимариотов, ввиду сокращения завоевательных войн, побуждало их уделять больше внимания эксплуатации живущих в их владениях крестьян. Борьба за землю привела к переходу в личное владение части государственных земель, к вытеснению мелких ленников крупными. В некоторых районах Балкан земли спахий (сипахи) и крестьян захватывались новыми более сильными и предприимчивыми владельцами, превращаясь в чифтлики, в которых усиливалась эксплуатация крестьян. Не ограничиваясь высокими денежными и натуральными налогами, турецкие землевладельцы нередко заставляли крестьян нести барщину, прибегали к издольщине.

Все это отмечалось современниками. Турецкий писатель первой половины XVII в. Кочибей Гомюрджинский писал, что таких притеснений и гнета, в которых находятся бедные крестьяне, никогда, ни в одном государстве не существовало². Призренский епископ Ф. Соимирович сообщал в Рим в 1652 г., что местные крестьяне с каждым днем облагаются новыми налогами и поборами и поэтому разбегаются, что дороги небезопасны из-за разбойников. О том же писал шкодерский епископ П. Богдани в 1665 г.: во время Критской войны народ оставлял свои очаги и бежал на север³.

Перемены к худшему в общественно-экономическом положении балканского населения отчасти происходили стихийно вследствие общего ухудшения экономической ситуации и ослабления центральной власти в империи, но в основном явились следствием политики Порты и местных турецких властей в отношении завоеванных народов. Основные ее задачи сводились к продолжению колонизации балканских территорий, особенно расположенных ближе к центру империи, мусульманами—выходцами из Малой Азии и Африки; исламизации местных жителей; уничтожению экономической и политической значимости прослойки феодалов-христиан; сокращению налоговых льгот и социальных привилегий так называемой привилегированной райи—групп населения, обязанного исполнять какие-либо трудовые повинности в пользу османского государства или его армии; ограничению прав органов местного самоуправления, которые часто сохранялись после турецкого завоевания.

Такого рода мерами османы рассчитывали укрепить свою власть в европейских эялетах и санджаках, воспрепятствовать организации антиосманских выступлений, сплочению балканского населения в освободительной борьбе. Нельзя сказать, что Порта сумела достигнуть поставленных целей, добиться полного и безропотного подчинения христианского населения своей власти. Результаты были скорее противоположными: освободительное движение расширилось. Вместе с тем политика султанского правительства вела к переменам в демографической и общественно-экономической структуре Балканского полуострова по сравнению с первыми веками после завоевания османами.

Удельный вес «правоверных» по сравнению с христианами в Румелии, соотносившийся в XVI в. как один к четырем, неуклонно рос. Османская колонизация захватывала прежде всего районы, расположенные ближе к центру империи, например Фракию, южную часть болгарских земель, а также города, особенно крупные, имевшие крепости и являвшиеся административными центрами. Усилившийся процесс исламизации балканского населения получил новые импульсы. Если ранее люди вынуждены были принимать мусульманство, спасая свою жизнь и имущество, то теперь речь шла о возможности добиться личного успеха, о социальных и экономических преимуществах, об освобождении от налогового бремени. В ислам переходила не только зажиточная торгово-ремесленная верхушка городов, но и представители городских низов, сельские жители ⁴.

Исламизация имела различные формы: была принудительной или добровольной; иногда формальной, при тайном сохранении прежней веры (особенно женской частью семьи), индивидуальной или коллективной. К концу XVII в. мусульманское население было наиболее значительным в Боснии, Фракии, в меньшей мере в Болгарии, Македонии и Фессалии, некоторых районах Сербии и Черногории. По-прежнему имелись случаи насильственной массовой исламизации. Так, в 1657 г. в районе Чепино (Южная Болгария) жители были обвинены в бунте, за что в наказание обращены в ислам сначала священники и кметы, затем остальное население, а сопротивлявшиеся перерезаны или бежали. В XVI-XVII вв. ислам приняли многие болгары-павликиане районов Ловеча, Свиштова, Никополя ⁵.

В Албании, которая в первое время после завоевания оставалась христианской страной, в XVII в. исламизация усиливалась. Если часть семей какой-либо общины переходила в мусульманство, налоги, от которых они при этом освобождались, ложились на остальных крестьян и становились непосильными, что стимулировало переход в ислам всей общины. В этом столетии исламизация затронула главным образом северную Албанию, в горных районах которой преобладали католики, а в южной Албании, примыкавшей к греческим землям,—православные ⁶.

Исламизация неизбежно вела к перемене в менталитете, обычаях и образе жизни людей, но не всегда к потере национальных языков даже в целых районах с мусульманским населением. Так, сербский язык сохранили

боснийские мусульмане, болгарский—помаки, образовавшие компактные поселения в Родопах и в других местах. Процесс туркизации, принявший в XV—XVI вв. значительный размах в европейских провинциях Османской империи, когда ренегаты-славяне, греки, албанцы занимали высокие посты в государстве, постепенно затухал. Исчез один из изощренных его методов: с 1632 г. был прекращен набор в янычарские корпуса христианских мальчиков. Исламизация и колонизация балканских земель мусульманами, все же не изменила существенно конфессиональной принадлежности и демографии большей части полуострова, однако создала слой населения, духовно привязанный к Османской империи, рассчитывавший на ее защиту. Это несомненно разобщало национальные общности, затрудняло контакты между ними, что препятствовало развитию освободительного движения. С другой стороны, курс, направленный на притеснение таких общественных слоев, как духовенство, феодалы-христиане, привилегированная рая, стимулировал борьбу за освобождение от власти султана.

Христианская церковь в Османской империи пользовалась определенными правами. В особенности это касалось интересов высшего духовенства. Предоставление широких привилегий Константинопольской патриархии, по-видимому, исходило из расчета создать в столице государства притягательный центр для православных христиан, что способствовало бы укреплению власти османов, предотвратило бы союз христианского населения с противостоящими Порте европейскими католическими государствами ⁷.

Возможно, аналогичные цели преследовались и при восстановлении Печской патриархии, после долгой борьбы выделившийся в 1557 г. из Охридской архиепископии*. В результате сербский народ объединился под общей церковной властью, в какой-то мере выполнявшей государственные функции. Не случайно в некоторых церковных документах говорилось, что у печского патриарха находится «престол всей сербской земли» ⁸. Для национальной консолидации сербов создались благоприятные условия. В отличие от этого болгары уже начали подвергаться эллинизации, которая проводилась высшим клиром Константинопольской патриархии.

Ухудшение положения христианской церкви, усиление ее фискальной эксплуатации, факты ограбления и разрушения церквей и монастырей, захваты земельных владений, которые сохранились у монастырей после османского завоевания—все это вызывало недовольство духовенства.

Из рядов господствующего класса постепенно вытеснялись феодалы-христиане, которые или переходили в ислам или теряли свои владения. Этот слой достаточно поредел, но не исчез полностью и, главное, не потерял своего общественного влияния среди христианского населения. В сельских общинах такие бывшие феодалы возглавляли органы местного самоуправления, принимали на себя его функции. В этой связи примечательны такие наименования как примичур, кнез, воевода в Сербии и Черногории, кодзабасы в Греции.

*Это произошло благодаря содействию бейлербея Румелии, серба по происхождению, Мехмеда Соколовича и явилось как бы наградой сербам за их участие в войне с Австрией и завоевании Баната.

Представителей общинного самоуправления, особенно в низменных районах, где утвердилось сипахийское землевладение, Порты также старалась полностью подчинить своей власти, хотя и предоставляла им определенные права, перекладывая на них некоторые низшие государственные функции—сбор налогов, суд по мелким делам, поддержание порядка.

И феодалы-христиане, и представители местного самоуправления, чем дальше, тем заметнее проявляли недовольство условиями жизни под властью Османской империи. Именно из их среды, как и православного духовенства, выдвигались обычно идеологи и предводители освободительных движений.

Так как нужда в помощи местного населения для продолжения завоеваний снизилась, а потребность в увеличении государственных доходов неуклонно росла, Порты лишала бывших «привилегий» крестьян, несших какие-либо военные или отработочные повинности, а также скотоводов-влахов. В результате они уравнивались в отношении налогового бремени и условий землевладения с остальными крестьянами.

Все описанные выше процессы вели к нивелировке общественно-экономического положения различных групп христианского населения в европейских владениях Османской империи, что в определенной мере способствовало их сплочению для отпора завоевателям. Но общественная структура на Балканах оставалась чрезвычайно пестрой, так как включала земли и народы очень различные по географическим особенностям, по уровню общественно-экономического развития, культурным традициям, по этно-конфессиональной принадлежности. Порты, со своей стороны, не стремилась к унификации положения своих подданных. Она поддерживала профессиональные, этнические, религиозные, культурные различия между отдельными группами населения, обособляя и противопоставляя их, предоставляя некоторым территориям автономию внутреннего управления, особый правовой и налоговый статус. Таким путем османские правители пытались свести до минимума возможность противодействовать их политике со стороны райи⁹.

Опорой османской государственной структуры были города, особенно крупные, являвшиеся административными, ремесленными и торговыми центрами. Постепенно в них стал преобладать мусульманский этнический компонент, они приобрели восточный облик. В городах, большая часть которых являлась хассами султана или высших государственных деятелей, действовали шариатские правовые нормы, строго регламентировалось ремесло и торговля. Политика Порты была направлена на создание благоприятных условий для жизни горожан, на поставки им необходимого продовольствия и сырья для ремесленного производства¹⁰. Но ввиду слабости внутреннего рынка города были обычно разобщены с сельской округой, их население слабо участвовало в освободительном движении.

Отличия в общественно-экономической структуре отдельных областей и районов на Балканах были весьма значительными и определялись

рядом факторов: географическим положением в системе османских владений, природными особенностями, этническим и конфессиональным составом населения, традициями его образа жизни и культуры. В XVII в. эти различия стойко сохранялись, хотя войны и их результаты иногда меняли положение отдельных областей в системе Османской империи.

В Болгарии, расположенной близко к центру империи, имевшей вкрапления компактных поселений мусульман, власть Порты была более сильной и непосредственной, чем в окраине западной части Балкан. Страна была достаточно связана со всей экономикой Османской империи, ремесло ориентировалось на обслуживание турецкой армии, что стимулировало развитие болгарских земель. По сравнению с ними области, заселенные сербами, были менее развиты в экономическом отношении, турецкое землевладение здесь занимало более слабые позиции, а общинное самоуправление пользовалось достаточно широкими правами. Существенные различия имелись в положении следующих территорий: расположенных по левобережью Дуная и Савы (будущей Воеводины), где до конца XVII в. сербское население не преобладало, а власть османов оставалась слабой; центральной части Сербии по правобережью Дуная и течению Моравы (Смедеревский санджак, или Белградский пашалык), где мусульманский элемент существовал почти исключительно в городах и паланках, турецкое землевладение оставалось преимущественно мелким, а благодаря географическому расположению поддерживались торговые связи с Центральной Европой (особенно с Австрией); Южной, или Старой Сербии (Косово), еще не охваченной колонизацией исламским элементом и экономически тяготевшей к Адриатике.

Окраинное, пограничное расположение Боснии и Герцеговины, преобладание там мусульман вследствие перехода в ислам местных феодалов и части сельского населения вынуждали Порту проводить осторожную политику в этом эялете, предоставлять местным феодалам широкие права и административную самостоятельность. Для обороны от военных нападений европейских государств в пограничных с владениями Габсбургов районах Боснии были созданы так называемые капетании—округа с укрепленными городами, где сосредотачивались наемные войска.

Низменные районы Черногории (бывшей Зеты) постепенно перешли под власть Порты. Но в горной ее части несмотря на ряд карательных походов османы так и не смогли утвердить свою власть. Вместо взимавшегося ранее налога с дома (филурии) в XVII в. была определена для Черногории общая дань (харач), уплачиваемая одновременно. Но получать ее османам удавалось не всегда. Племена—военно-территориальные объединения, сформировавшиеся, как предполагается, уже после турецкого завоевания, в XVII в. полностью определяли общественно-политическую структуру Черногории. Главы племен и более мелких общин—кнежин (сердари, воеводы, кнезы) пользовались широкими правами патриархально-феодалного характера.

Аналогичные территориальные общины, часто являвшиеся и военными объединениями, в которых власть Порты сводилась к взиманию

дани, были распространены в Албании (фисы), в некоторых горных районах континентальной Греции, Пелопоннеса, на Крите и на островах Эгейского моря. Попытки подчинить их центральной власти военной силой предпринимались неоднократно, но обычно не имели успеха.

Достаточно осторожную политику проводило турецкое правительство в греческих землях, так как учитывало их окраинное положение в составе империи, довольно прочные позиции, которые сумели занять в Стамбуле греческая аристократия и высшее духовенство. В XVI—XVII вв. в греческих землях права самоуправления имело немало сельских и городских поселений, которыми управляли греки-нотабли, пользовавшиеся административной самостоятельностью. Права этих так называемых кодзабасов становились постепенно наследственными. Сохранялись поселения привилегированной райи, например, несшие пограничную и милицейскую службу (арматолы, марталозы), во главе которых стояли наследственные приматы (архонты, проесторы, геронты)¹¹.

Статус Дубровницкой (Рагузинской) республики как вассального, но фактически почти полностью независимого от Порты государства, уплачивавшего небольшую дань, низкие пошлины и торговые привилегии—все это обеспечивало дубровчанам возможность оставаться и в XVII в. крупнейшим торговым посредником в европейских владениях Турции. Поселения дубровчан, занимавшихся коммерцией, существовали во многих балканских городах. Дубровницкие ремесленники и купцы сохраняли свои позиции в мореходстве, горном деле, транспортных связях Балканского полуострова, выдерживая нелегкое соперничество с венецианцами, а также с купечеством других европейских государств. В этой борьбе султанское правительство помогало отстаивать интересы республики, но одновременно старалось усилить фискальный натиск на дубровчан, ограничить свободу их торговли. Такие попытки дубровчане обычно отбивали, не жалея денежных подачек и подарков ради сохранения так необходимых дружеских отношений со своим сюзереном. Правящий класс Османской империи, со своей стороны, ценил политические преимущества и материальные выгоды, которые он получал от Дубровника¹².

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

Во второй половине XVI в. были в основном закончены завоевания Османской империи в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. В XVII столетие она вошла как огромная, очень сильная в военном отношении мировая держава, которая до последних десятилетий этого века не теряла способности одерживать верх над

своими противниками в Европе. Об этом свидетельствовали Житва-торокский мир 1606 г., завершивший долгую войну с Австрией, война с Речью Посполитой 1620-1621 гг., Кандийская война с Венецией (1645-1669 гг.), закончившаяся присоединением Крита (Кандии).

Этим, хотя и скромным по сравнению с предыдущими столетиями, успехам благоприятствовала международная обстановка в Европе: Тридцатилетняя война надолго отвлекла внимание Австрии, итальянских государств и Испании от османской проблемы. Но то были обстоятельства временные. Чем дальше, тем заметнее на империю османов и, в частности, на Балканы и Восточное Средиземноморье стали оказывать влияние перемены в жизни Европы. Англия, Франция, Нидерланды все заметнее обгоняли в своем развитии Юго-Восточную Европу. Перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан вызывало постепенный упадок итальянских городов-республик, в частности Венеции, а также тесно связанных с ней экономически, а иногда и политически, городов Далмации, несколько позднее Дубровницкой республики. Все, происходившее в бассейне Адриатики, отражалось на общественно-политической и экономической жизни внутренних областей Балканского полуострова.

Венецианская республика, почти вытесненная к XVII в. из Восточного Средиземноморья, упорно боролась за сохранение своих экономических и политических позиций на восточном побережье Адриатики, не теряя надежды стать единственной владелицей Далмации. Ее главной опорой здесь был Сплит, через который шла оживленная торговля с Османской империей. Но интересы республики Святого Марка на западе Балканского полуострова сталкивались с претензиями монархии Габсбургов. Происходили также распри с Дубровником, который старалась защищать Порта.

В середине XVII в. произошли изменения во французской политике по отношению к Османской империи. В XVI—первой половине XVII в. Франция проявляла интерес к расширению своей торговли в необъятных владениях султана, решительно противодействовала росту могущества Габсбургов и потому неизменно поддерживала Порту в международных конфликтах. Но после Вестфальского мира вырос престиж Франции, ее противоборство с империей Габсбургов несколько ослабло и к тому же укрепились дружественные отношения с немецкими государствами и Речью Посполитой, которые придерживались антиосманской ориентации. Поэтому Париж не стремился столь активно, как раньше, поддерживать внешнеполитические планы Порты.

Наиболее заинтересованной в противодействии Османской империи в Европе была Австрия, хотя в первой половине XVII в. она не имела возможности осуществлять здесь свою политику. Но начав оправляться после тяжелых потерь Тридцатилетней войны, Габсбурги не забывали готовиться к предстоящему противоборству с Портой, рас-

считывая при этом на помощь Венецианской республики, Римской курии, Речи Посполитой и Русского государства.

Во второй половине XVII в. Россия стала оказывать все больше влияния на политическую обстановку в Восточной и Юго-Восточной Европе, и это явилось новым весьма неблагоприятным фактором для международного положения Османской империи, что и обнаружилось в конце столетия.

Пока же перевес сил был еще далеко недостаточным для вытеснения Османской империи из Юго-Восточной Европы. Ради успеха нелегкой борьбы с султаном необходимо было объединиться, поставив на первое место общеевропейские и общехристианские интересы, пренебрегая при необходимости частными выгодами. Однако пестрые по составу союзы быстро распадались, замыслы союзников не осуществлялись, а порой вчерашние враги Порты становились ее друзьями¹³.

В отношениях с европейскими государствами участвовала не только сама Османская империя, но в какой-то мере и ее балканские подданные—их политически активные деятели. На протяжении XVII в. такое участие становилось все более заметным. Политические связи поддерживались с монархией Габсбургов, Римской курией, Венецианской республикой, Неаполем и Испанией, а также с Россией. Все эти государства, со своей стороны, проводили определенный курс не только в отношении Османской империи, но и различных балканских народов. Устанавливались связи с влиятельными светскими и духовными представителями подданных султана с целью укрепления среди них своего политического влияния, в расчете сделать их орудием своих интересов в ходе войн с османами. Сами поработанные султаном народы связывали надежды на национальное освобождение с помощью и поддержкой христианских государств, в особенности православной России.

Все эти политические по существу отношения имели различные формы, большое место среди них занимали связи по конфессиональной линии. Одним из их проявлений была католическая пропаганда, активно проводившаяся во всех частях Балканского полуострова с конца XVI в., когда в Европе усилилась католическая реакция. Неумолимо действовала в этих целях Римская курия, особенно после создания в 1622 г. Конгрегации для пропаганды веры, руководившей деятельностью миссионеров. Ей помогала Франция, используя свое влияние в Стамбуле. Наиболее активный противник Османской империи в борьбе за балканский регион Габсбурги также всемерно поддерживали католический прозелитизм и в 1616 г. на основе капитуляции добились права для католиков, проживавших во владениях Порты, свободно исповедовать свою веру и строить церкви.

Католические ордена, особенно иезуиты, пользуясь покровительством Франции, создавали свои общины на Балканах, склоняли к переходу в католичество еретиков, например, болгарских павликиан. Распространению католичества на Балканах содействовали далматинские и боснийские францисканцы и доминиканцы, саксонские переселенцы-

рудокопы из Чипровца и особенно зажиточные представители дубровницких колоний в ряде крупных городов Европейской Турции.

Константинопольская патриархия иногда активно противодействовала католическим миссионерам. Примером в этом отношении может служить деятельность Кирилла Лукариса, ставшего патриархом в 1621 г. Считая, что лучшим противодействием католической пропаганде будет распространение просвещения среди православного духовенства, патриарх выступал за введение богослужения на народных языках и в этой связи подготовил и издал «Новый завет» на новогреческом языке, а также некоторые другие церковные книги¹⁴.

Одной из главных задач Ватикана и Австрии было добиться согласия высшего православного духовенства на унию с Римом. Склонить к этому константинопольских патриархов было мало шансов, поэтому давление оказывалось обычно на Охридскую архиепископию и особенно обширную Печскую патриархию. Такая задача преследовалась, например, при поддержке активных связей с патриархом Иоанном и черногорским митрополитом Виссарионом, герцеговинским воеводой Грданом и др. при папах Клименте VIII и Павле V. Это было время австро-турецкой войны 1593-1606 гг., в исходе которой балканское население могло сыграть определенную роль. Переговоры об унии неоднократно велись с печским патриархом Паисием в 40-х гг. XVII в. и его преемником Гавриилом. Они обуславливали иногда согласие на унию получением денежной помощи из Рима, а поскольку таковой не поступало, переговоры оканчивались безрезультатно. Попытки заключить унию с Римом предпринимались со стороны Охридской архиепископии в 1640—1660-х гг., но также не были доведены до конца¹⁵.

Большую роль в распространении католицизма на Балканах должны были сыграть основанные в ряде городов (Дубровнике, Баре, Призрене, Белграде, Софии и др.) католические архиепископии и епископии. Их главы по поручению Конгрегации по пропаганде веры систематически объезжали подопечные им территории, а также другие города и районы Европейской Турции, представляя после этого подробные отчеты и сообщения. Они содержали немало ценных сведений, поэтому не раз публиковались и использовались историками. Так например, архиепископ Бара и примас Сербии П. Масарек, побывавший в качестве «визитатора» в Болгарии, Южной Венгрии и Сербии, в докладе от 1624 г. сообщал, что в Сербии живет 12 тыс. католиков, поэтому туда надо послать священников, знающих сербский язык, открывать школы и выделять средства для их содержания. Он оставил также сведения о Белграде и других городах, о количестве там домов, лавок и пр¹⁶. Другой барский архиепископ Г. Бианки писал в 1638 г., что в Сербии лишь 4 260 католиков, а в Болгарии 5 800 (по другим сведениям их там было 8 тыс.)¹⁷. П. Богдани в 1665 г. представил в Конгрегацию доклад с подробным описанием положения в Шкодерском санджаке, включавшем в свой состав Сев. Албанию и Черногорию. Он сообщал, в частности, о преследовании турками католиков во время Критской войны и

их обнищании, проявлял заботу о просвещении местного духовенства, составил правописание албанского языка¹⁸.

Римская курия, Австрия и другие западноевропейские государства путем распространения католичества среди подданных султана рассчитывали вовлечь их в сферу своего политического влияния, использовать в ходе войн с османами. По-видимому, это ясно осознавали в Стамбуле. Миссионерская деятельность католиков жестоко пресекалась именно в периоды подготовки и ведения войн, например, во время Критской войны.

Деятельность католических миссионеров в какой-то мере способствовала распространению просвещения на Балканах, в некоторых случаях облегчала политические связи местных деятелей с западноевропейскими государствами. Но распространение католицизма или униатства могло бы привести к разъединению этнических общностей, росту противоречий на религиозной основе и поэтому имело бы неблагоприятные последствия. Этого, однако, не случилось. Число греков, сербов, болгар, оставивших свою веру, оказалось ничтожным. «Схизматики—еще более упорные, еще большие враги католицизма, чем турки»,—писал в 1625 г. католический епископ И. Маринов¹⁹.

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ И РОССИЯ

Еще в XVI в. среди народов Балкан, находившихся под властью Османской империи, распространялось убеждение, что православная Россия поможет их освобождению от ига мусульман. А с конца этого столетия, когда Османская империя начала входить в сферу русских внешнеполитических интересов, Москва стала осознавать свою обязанность помогать угнетенной православной церкви в турецких владениях. В 1589 г. царь Федор Иоанович впервые попытался выступить перед Стамбулом в роли покровителя Константинопольской патриархии и просил султана Мурада III сохранить традиционный статус патриархов: «Потому ж, как ваши прежние прародители их держали в бережении по старине во всем»²⁰.

Российские государи и церковь поддерживали материально православные религиозные учреждения в султанских владениях на Балканах. Расходы на «милостыню» учитывались даже в государственном бюджете. Известно о «жалованных грамотах», которые в конце XVI—начале XVII в. выдавались ряду монастырей, представители которых систематически приезжали в Москву за материальной помощью. Нарушенные в период Смуты связи с Россией быстро восстанавливались. Постепенно сложилась разветвленная сеть религиозных учреждений, поддерживающих контакты с Москвой. Гонения на православную церковь, ее обнищание, ухудшение положения христианского населения—

все это вынуждало некоторых духовных лиц покидать родину, искать прибежища в России, где иерархов из восточных православных патриархий принимали охотно и богато одаривали. В Россию эмигрировали не только духовенство, но и светские лица. Их поток периодически расширялся, например, на рубеже XVI и XVII вв., когда в русской армии появились особые отряды «србен» и «гречан»—этими терминами именовались все православные подданные султана²¹.

Связи России с греками, сербами, болгарами, основывавшиеся на догмате о христианской взаимопомощи, не ограничивались религиозной сферой, постепенно приобретая политическую направленность. В Посольском приказе проявляли заинтересованность в получении сведений о событиях в Константинополе и во всех султанских владениях, а приезжие священники и монахи старались разузнать о политической обстановке в России и ее намерениях в отношении Османской империи.

Уже с конца XVI в. некоторые восточные патриархи благодаря своим связям помогали, давали советы, а в затруднительных случаях руководили действиями русских дипломатических представителей в Стамбуле, сообщали в Москву всевозможные сведения политического характера, несмотря на немалую опасность подобных акций²².

В 1613 г., когда царь Михаил отправил к султану свое посольство, константинопольскому патриарху Тимофею было послано «жалованье», и его просили оказывать всяческое политическое содействие российским дипломатам. При переговорах русских представителей с Портой иерархи Константинопольской, Иерусалимской и Антиохийской патриархий нередко выступали в роли посредников. Инициативу в установлении связей с Москвой проявил иерусалимский патриарх Феофан, участвовавший в провозглашении русским патриархом отца царя Михаила—Филарета в 1619 г. Для русского правительства он стал на некоторое время самым известным и уважаемым деятелем греческой церкви²³.

В 20—30-е гг. XVII в. большую роль в развитии связей России с греческой церковью на Балканах сыграл константинопольский патриарх Кирилл I Лукарис. Деятельность этого широкообразованного богослова и политика, тайного кальвиниста, поборника сближения католицизма и протестантизма, имела большое значение для религиозной жизни всей Европы времени контрреформации. Лукарис придерживался антикатолической ориентации, что в конце 20-х гг. позволило Константинопольской патриархии при явном поощрении Порты участвовать в замыслах создания антигабсбургской и антипольской коалиции. А это создало почву для политического сотрудничества Лукариса с московским правительством, облегченного его дружескими отношениями с османскими сановниками. Тесные политические контакты, поддерживавшиеся между Россией и константинопольским патриархом в конце 20-х и начале 30-х гг., объяснялись общностью их целей: стремлением Москвы вернуть захваченные Речью Посполитой российские террито-

рии и расчетами Лукариса на сближение протестанских держав и России с Османской империей, на создание коалиции, направленной против Австрии и Речи Посполитой. Окончание в 1634 г. Смоленской войны, охлаждение отношений России с Портой ослабили позиции Лукариса в Стамбуле, но не уничтожили его стремления поддерживать политические контакты с Москвой. Он предостерегал русских о враждебных замыслах султанского правительства, защищал их интересы. За все это патриарх жестоко поплатился: в 1638., когда после занятия донскими казаками Азова русско-турецкие отношения осложнились, его казнили по обвинению в сношениях с российскими властями. Деятельность Лукариса позволяет заключить, что он пытался содействовать укреплению Русского государства как единственной православной державы, видел в ней будущую освободительницу балканских народов²⁴.

Активное участие в политических контактах Порты с русским правительством в 20—30-е гг. принимал греческий аристократ Фома Кантакюзин, тесно связанный с Константинопольской патриархией и Лукарисом, по рекомендации которого он в качестве султанского посла приехал в Москву в 1621 г., а затем посещал ее неоднократно, принимал участие в привлечении России к антипольской коалиции.

Казнь Лукариса вынудила нового патриарха прервать всякие отношения с Россией, но не надолго. Они снова оживились во время патриаршества Парфения II, а затем и Парфения III, соратника и друга Лукариса, казненного в 1657 г. также за связи с русским правительством.

Были случаи, когда приезжие греческие иерархи непосредственно вмешивались во внутреннюю жизнь и церковную борьбу в России. Так, антиохийский патриарх Макарий, прибывший в Москву за «милостыней» в 1655 г., участвовал в спорах по церковно-обрядовым вопросам, всемерно поддерживая патриарха Никона, который выступал как решительный сторонник греческих церковных книг и обрядов. Позднее, в деле патриарха Никона активно действовал Паисий Лигард, выдававший себя за архиепископа газского. Он считался очень образованным человеком и приобрел большое влияние при дворе Алексея Михайловича, постоянно выпрашивал у него деньги, но вскоре был разоблачен как авантюрист, лишенный сана. Восточные иерархи принимали активное участие в деле о присоединении к России Украины, тесно связанной с греческой церковью²⁵.

В Москве понимали, что российский престиж на Востоке поддерживается в немалой степени православным духовенством. Российские придворные и церковные круги проявляли заинтересованность в поддержании контактов с православным клиром Балкан, неизбежно приобретающих политическое содержание, хотя внешне ограниченных культовой сферой. По мере развития в России книгопечатания и ремесел, обслуживавших церковь, дарений книг и церковной утвари афонским, сербским и болгарским монастырям делалось все больше²⁶.

Хотя наиболее активно поддерживало связи с Москвой и занималось популяризацией миссии России как защитницы православия в

Турции греческое духовенство, большую роль в этом отношении играли также церковные деятели из южнославянских земель. Нередко они совершали поездки в Россию не только за «милостыней», но и с тайными политическими целями и поручениями.

Так, например, тырновский митрополит Дионисий Ралли, приехавший в Москву по случаю утверждения патриаршества в России, побывал там еще раз в 1603—1604 гг. в качестве посланца императора Рудольфа II с его письмом о «великих делах тайных государевых», т.е., по-видимому, касавшихся татар, Османской империи и привлечения для борьбы с ними России. Цели этого посольства отчасти были достигнуты: в 1604 г. запорожцы предприняли морской поход на Варну и соседние крепости, притом с «благословения» Бориса Годунова и для того, чтобы оказать помощь императору Рудольфу²⁷.

Большую роль в возобновлении контактов России с патриархией сыграло посещение Москвы в 1622-1623 гг. епископом Антонием Вршацким, который мог быть посланцем сербского патриарха Паисия и иметь какие-то политические цели. После этого в Россию стало приезжать за щедрой «милостыней» все больше представителей духовенства из южнославянских земель, входивших в юрисдикцию Константинопольской и Печской патриархий и Охридской архиепископии. Но политические контакты с Русским государством для высших православных иерархов были сопряжены с большой опасностью. Примером этого может служить печальная судьба печского патриарха Гавриила, который в 1650-х гг. развил активную деятельность с целью заинтересовать европейские государства судьбой балканских народов и побудить их начать войну с Османской империей. В 1654 г. патриарх побывал в Москве, а по возвращению на родину был казнен²⁸.

Политическую цель имел и визит в Москву в 1668 г. главы православной церкви в Трансильвании митрополита Саввы Бранковича, в свите которого находился его брат Георгий Бранкович, позднее ставший выдавать себя за потомка сербских деспотов. В грамоте Саввы царю Алексею Михайловичу говорилось, что сербы, болгары, валахи ждут войны христианских государств с Османской империей, так как терпят великую нужду, бед и насилия и потому с готовностью вступят в христианское войско²⁸.

В 1672 г. в Москву отправился болгарин Михаил Богданов, который передал Алексею Михайловичу послание от иерусалимского патриарха. Он познакомил правительственные круги России с тяжелым положением болгар и их надеждой на помощь русского царя³⁰.

Важную посредническую роль в поддержании русско-балканских связей играли восточнославянские владения Речи Посполитой и Дунайские княжества. Через них лежал путь в Россию просителей «милостыни», переселенцев, которые отчасти оседали там.

Примечательна неравномерность в развитии русско-балканских контактов, затухавших в некоторые периоды, например, во время Смуты и во втором десятилетии XVII в., и активизировавшихся в более

благоприятной ситуации, например, в 1620—1630-х гг., в середине столетия. В эти периоды не только увеличивалось число посещавших Россию высших православных иерархов, духовенства, приезжавшего за «милостыней» для своих церквей и монастырей или «на житье», но и светских лиц, селившихся в русских городах и селах, занимавшихся торговлей, поступавших на военную службу, иногда получавших земельные владения, дворянское звание, а также высокие посты при царском дворе или в армии.³¹

Балканские выходцы пополняли ряды казаков, которые неоднократно нападали на султанские и татарские владения. Так в 1620 г. запорожцы снова разгромили османские гарнизоны Варны и Балчика. В 1637 г. донские казаки заняли Азов и покинули его лишь в 1642 г., после того как русское правительство, не желавшее портить отношений с Портой, отказалось от предложения казаков принять эту крепость под свою власть. Нападения не прекращались и позже. В 1630—1650-е гг. Москва значительно усилила оборону южных границ государства: были построены крепости и укрепленные линии. Охрана границы требовала увеличения армии, заселения пограничных территорий. Все это создавало заинтересованность в привлечении эмигрантов из турецких владений.

На политические контакты Москвы с народами, населявшими балканские владения Порты, заметное влияние оказывала борьба России и Речи Посполитой за восточнославянские земли и рост русско-украинских объединительных стремлений. С этим был связан приток эмигрантов из-за Дуная в конце 20-х и начале 30-х гг., пополнявших ряды русской армии. Накануне и в начале Смоленской войны (1632-1634) московское правительство способствовало вербовке в свою армию «иноземцев», среди которых было немало греков, южных славян, валахов и даже турок.³²

Некоторые балканские политические деятели, представители православного духовенства принимали участие в борьбе за присоединение Украины к России. После воссоединения с Россией эмиграция из европейских провинций Турции на Украину увеличилась. Богдан Хмельницкий, в молодости попавший в плен к туркам и с помощью болгар вернувшийся на родину, достаточно ясно представлял себе стремление балканского населения избавиться от власти османов. Он говорил, например, в 1650 г., что после разгрома Речи Посполитой настанет время, объединившись, двинуться против османов, ибо «все благочестивы того желают—греци и сербы и болгары и волохи и мунтяны—чтоб нам всем в соединении быть».³³

Множество фактов, некоторые из которых были приведены выше, свидетельствуют, что в середине XVII столетия русско-балканские политические и общественные связи, выражавшиеся в самых различных формах, значительно расширились по сравнению с началом века, сложившись в определенную систему, которая в дальнейшем стойко сохранялась. Это было следствием роста общественно-политической ак-

тивности балканских народов, их стремления освободиться от власти султана. Тому способствовало усиление на международной арене престижа и политической значимости Российского государства после окончания Смуты, а затем присоединение Украины и охлаждение русско-турецких отношений.³⁴

Характерно, что среди балканских народов, особенно среди высшего православного клира, были распространены представления об освободительной миссии России в отношении своих единоверцев, страждущих под игом «агарян»; имели хождение пророчества о завоевании Царьграда, т. е. Константинополя, русскими. Все это служило идеологическим обоснованием просьб о помощи и поддержке, обращаемых к московскому правительству и церкви и находивших там отклик.

После присоединения Украины к России ее границы приблизились к Османской империи и дальнейшей задачей стало продвижение на юг, получение выхода к Черному морю. Все это создавало перспективу и потребность в активизации политических, общественных и культурных связей с балканскими народами, расширении среди них влияния единственной великой православной державы.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

Освободительное движение в европейских провинциях Османской империи принимало различные формы. Выражением пассивного протеста против национального порабощения и экономических невзгод можно считать эмиграцию, которая захватила наиболее активную часть населения разных общественных слоев. Она непрерывно шла в итальянские государства, страны Центральной Европы (особенно в Габсбургскую империю), в Россию, принимая иногда массовый характер во время войн Порты с Венецией и Австрией.

Порождением социального гнета и нищеты являлось гайдучество в сербских и болгарских землях, которое смыкалось и с народным антиосманским движением и с разбойничеством. Существовали стабильные районы действия скрывавшихся в горах и лесах гайдуцких отрядов, обычно насчитывавших по несколько десятков человек, а иногда объединявшихся в более крупные четы. Они устраивали засады на дорогах, грабя и убивая путников-турок, иностранных купцов, захватывая торговые караваны, а иногда даже нападали на города. Силу партизанскому движению придавала его тесная связь с местным населением, которое видело в гайдуках своих защитников, воспевало их в народных песнях, как например, Новака, или Баба-Новака. О деятельности его отрядов в конце XVI-начале XVII в. сохранились и свидетельства современников.³⁵ Турецкий писатель Эвлия Челеби, путешествовавший

в середине XVII в. по Балканскому полуострову, не раз упоминал о встречах с гайдуками, о настоящих сражениях с ними.³⁶ Турецкие власти жестоко расправлялись с гайдуками, но не имели сил пресечь их акции, которые обычно оживлялись во время подъема освободительного движения. В греческих землях аналогичной гайдукам деятельностью занимались клефты, а в Далмации и Хорватии — ускоки.

Очевидная невозможность одержать верх над военными силами османов оставляла все же надежду на освобождение с помощью европейских государств, ведших войны с Турцией. Поэтому антиосманские выступления на Балканах усиливались обычно во время таких войн. Много локальных, но достаточно массовых восстаний поднялось в ходе «Долгой» войны, которая велась между Габсбургами и Османской империей в 1593-1606 гг.

Началом антиосманских выступлений этого времени явилось восстание сербов в Банате, которым турецкие войска под командованием Мехмеда Соколовича, не встречая сопротивления, овладели окончательно в 1551 г. Живя в пограничных районах Венгерского королевства, сербы Баната приобрели большой военный опыт, и после присоединения этих земель к османским владениям здесь имелось много поселений крестьян, несших военную и сторожевую службу, пользовавшихся поэтому различными привилегиями. Но эти льготы свободолюбивые сербы постепенно теряли; притеснения от султанских властей усиливались. Когда в 1593 г. Порта объявила войну Австрии, банатские сербы проявили готовность помогать последней. Восстание началось стихийно весной 1594 г. и было тесно связано с гайдуцким движением. Формированию гайдуцких чет активно содействовали власти Трансильвании, ее князь Жигмонд Батори вел в это время переговоры с Веней о вступлении в войну с Портой. Повстанцы быстро достигли значительных успехов, с боями заняли ряд городов и турецких укреплений, городок Вршац стал основным центром движения. Но все эти успехи были кратковременными. Стихийно возникшие отряды повстанцев оказались необъединенными, действовали несогласованно, единого руководства не имели. Предводители чет не ладили между собой, а все расчеты строили на поддержке со стороны Австрии и Трансильвании, в состав которой после ее освобождения от османской зависимости предполагалось включить Банат. Вожди повстанцев постоянно поддерживали связь с Батори, предлагая ему принять титул сербского деспота. Но Трансильвания все медлила с вступлением в войну и не оказала помощи восставшим сербам, которым пришлось самостоятельно противостоять 30-тысячной армии османов. Летом 1594 г. восстание было подавлено, многие оставшиеся в живых повстанцы бежали в Трансильванию и Валахию. В отместку непокорным сербам во время восстания по распоряжению великого везира Синан-паши в Белграде были сожжены мощи св. Саввы (народная святыня, символ сербских государственных традиций и независимости). Весть об этом быстро разнеслась и способствовала подъему освободительного движения на Балканах.³⁷

Осенью 1594 г. много сербов, болгар и других покоренных султаном народов воевали против османов в составе конницы, которая помогала валашскому господарю Михаю Храброму в нападениях на придунайские крепости. Она действовала в Северной Болгарии, опустошая турецкие города и села. В болгарских и сербских землях вспыхивали локальные восстания, резко усилилось гайдуцкое движение. Объединившиеся гайдуцкие четы весной 1595 г. взяли и разграбили Софию. В следующем году в районе Софии и Ниша вспыхнуло крестьянское восстание.

Одновременно освободительное движение усилилось в западной части Балканского полуострова. Его возглавляли обычно феодалы-христиане, племенные вожди, духовенство, важную роль играл высший клир Печской патриархии и Охридской архиепископии, особенную активность проявлял печский патриарх Иоанн.³⁸ Все они, ратуя за освобождение от власти османов, надеялись на военную помощь Австрии, Испании, Папского государства. Через дубровчан, балканских эмигрантов в итальянских государствах, католических миссионеров были установлены политические контакты с державами, заинтересованными в борьбе с Османской империей. Римская курия, некоторые итальянские государства, Испания внимательно следили за всем, происходившим в европейских провинциях Турции. Они не рисковали вступить в коалицию с Австрией, не имея достаточных военных сил и средств, но поощряли освободительные выступления подданных султана, не скупясь на обещания оказать им помощь. При этом строились авантюристические проекты создания христианских государств на территориях, освобожденных от власти Порты. В течение 1595—1598 гг. в Южной Сербии, Черногории, Герцеговине, Албании вспыхивали локальные восстания. Наиболее крупное из них в Герцеговине было возглавлено никшичским воеводой Грданом. Но ни одно из этих восстаний не вышло за пределы отдельных районов, ни одно из них не было поддержано военными силами соседних государств. Одновременно резко усилилась деятельность гайдуков, клефтов, ускоков. Четы смельчаков нападали на османские укрепления и даже города. В 1596 г. ускоки овладели, например, городом Клис в Далмации. Чтобы расправиться с партизанами, власти предпринимали против них настоящие военные походы.³⁹

В эти же годы восстание, целью которого было восстановление государственной независимости, подготавливалось в Болгарии. По свидетельству дубровницкого купца Павла Джорджича, во главе заговора стоял Теодор Балина — «первый благородный человек Никопольского санджака», пользующийся большим влиянием среди болгар, «ввиду своего благородного происхождения и своего достоинства». Он договорился с тырновским архиепископом Дионисием Ралли, и к заговору было привлечено несколько архиреев, много священников и «первенцев» (т.е. влиятельных людей) Тырнова, Никополя, Русе, Варны, Пловдива и других болгарских городов. Подготавливая восстание,

Балина объездил много болгарских сел, где на верность ему присягали священники и уважаемые люди, жители предгорий Старой Планины обещали занять горные проходы, а тырновчане — изнутри взять город. Были установлены связи с валашским господарем Михаем Храбрым и трансильванским князем Жигмондом Батори, который обещал прислать на поддержку восставшим свое войско. Имелся расчет получить военную помощь и деньги от австрийского императора Рудольфа II. Восстание началось в 1598 г., когда Михай Храбрый предпринял поход за Дунай, захватил Никополь, Свиштов, другие придунайские крепости и начал продвигаться к Софии. Центром выступления стало Тырново — старая столица Болгарии, где восставшие провозгласили царем Шишмана III, выдававшего себя за потомка последней болгарской династии. Восстание, о котором сохранилось мало сведений, было быстро разгромлено, чему способствовало отступление войска Михая Храброго. В Валахии бежало множество болгар, спасавшихся от мести турок.⁴⁰

Несмотря на неудачи ряда антиосманских выступлений последнего десятилетия XVI в., в первые годы следующего столетия восстания и попытки поднять их не прекратились. Около 1600 г. митрополит города Ларисы Дионисий, человек образованный и потому прозванный Философом, подготавливал выступление против султана в Греции, но после выявления этого замысла властями был вынужден бежать.⁴¹ В 1601 г. албанцы снова решили начать борьбу за освобождение от власти османов и обратились с просьбой к Венеции, обещая принять подданство республики. Но венецианский сенат предпочел в это время не портить отношений с Портой и ответил отказом. В 1604 г. черногорцы разбили войска скадарского санджак-бея, который пытался принудить их к уплате харача и старался расправиться с гайдуками.⁴²

После окончания австро-турецкой войны в 1606 г. предводители освободительного движения в западной части Балкан (в Черногории, Герцеговине, Албании) стали устанавливать политические контакты с некоторыми итальянскими владетелями, с Испанией, которая предполагала начать войну с Османской империей. Упомянутый выше Дионисий Философ, бежавший из Греции, завязал связи с испанским правительством и с герцогом савойским Карлом Эммануилом — потомком византийской династии Палеологов по материнской линии, лелеявшим замысел возрождения Византийской империи. Он послал Дионисия в Эпир для организации восстания, пообещав военную помощь. В 1611 г. Дионисий поднял восстание в Эпире, в котором участвовали главным образом крестьяне. Повстанцы подошли к Янине, но были разбиты при попытке овладеть крепостью. Дионисия османы захватили в плен и казнили. Столь трагичный исход не погасил, однако, надежд на Карла Эммануила.⁴³

На собравшемся в 1614 г. совещании представителей Албании, Черногории, Сербии и других западноевропейских областей был разработан даже план общевосточного восстания и создания самостоятельного королевства во главе с савойским герцогом, который в это время готовил

военно-морскую экспедицию против османов, связывая ее с назревавшим военным конфликтом Испании с Портой. Но и этот авантюристический план вскоре провалился. Испания так и не вступила в войну с султаном.⁴⁴

В 1620—1640-х гг. Османская империя сумела несколько упрочить свои позиции на Балканах, чему способствовала Тридцатилетняя война, отвлекшая внимание Австрии и других государств от балканских дел. Освободительное движение в европейских владениях Порты в это время заметно ослабло, так как не было надежды на поддержку извне. Но причины его не исчезли, поэтому попытки подготовки новых выступлений по-прежнему предпринимались.

Так, в 1630-е гг. замыслы восстания возникли в центре рудных разработок Западной Болгарии, городе Чипровец, большую часть населения которого составляли католики — потомки рудокопов, переехавших сюда из Саксонии еще до османского завоевания. В Чипровце, являвшемся одним из очагов деятельности католиков, жили владельцы рудников, уцелевшие феодалы-болгары. Но в XVII в. запасы железной руды здесь иссякли и наступил экономический упадок, положение населения резко ухудшилось. Все это привело к росту антитурецких настроений среди горожан и появлению проектов восстания, которое привело бы к возрождению самостоятельного болгарского государства. Начиная с 1630 г. некоторые знатные чипровчане и представители высшего католического духовенства, среди которых были архиепископы Петр Богдан и Петр Парчевич, стали обращаться с просьбами о помощи к австрийскому императору, римскому папе, к Польше и Венеции. В 1646 г. болгарское духовенство послало своих представителей к валашскому господарю Матвею Басарабу, предложив ему возглавить восстание в Болгарии и обещая впоследствии провозгласить его царем. Матвей обещал послать в Болгарию 20-тысячное войско, но посоветовал сообщить обо всем польскому королю Владиславу IV и Венеции. Однако все просьбы болгар о помощи оставались безответными.⁴⁵

В 50-х гг. в Сербии и Болгарии готовился антитурецкий заговор, в котором участвовал печский патриарх Гавриил. Заговорщики рассчитывали заинтересовать европейские государства судьбой балканских народов, побудить их начать войну с Османской империей. Поездка патриарха Гавриила в Москву, о которой говорилось ранее, по-видимому, была связана с этим заговором. По пути он встречался с Богданом Хмельницким и получил от него письмо к московскому патриарху. По возвращении османские власти казнили патриарха, обвинив его в том, что он советовал русскому царю начать войну с Портой.⁴⁶

Для освободительного движения западной части Балканского полуострова большое стимулирующее значение имела Кандийская война, которая в течение долгих лет (1645—1669 гг.) велась между Венецией и Портой за обладание стратегически важным для Восточного Средиземноморья островом Крит. Война была развязана Портой, напавшей на этот остров, и одним из театров военных действий в ней стали Далмация, албанское побережье и Босния. В начале войны венециан-

цы, уделявшие большое внимание обороне принадлежавшей им части Далмации, старались привлечь на свою сторону и использовать в военных действиях против османов местное население, особенно в приграничных районах Османской империи. Были установлены связи с некоторыми влиятельными деятелями, старейшинами валахов. Османы также привлекали местное население, в первую очередь мусульман Боснии и Герцеговины, организовывали отряды пандуров.

Первоначально, в 1647-1648 гг., военные действия Венеции на далматинском и албанском побережье, которые велись главным образом силами местного населения и гайдуцких отрядов, были успешными. Часть черногорских предводителей от имени народа в 1648 г. начала переговоры с венецианским сенатом, предложив принять под власть республики Черногорию при условии предоставления автономных прав. Вскоре в военные операции венецианцев была вовлечена Бока Которская.

Позднее, в 50-е гг. венецианцы избегали активных военных действий на восточном побережье Адриатического моря. Они пытались заключить мир с Османской империей, но та не желала отказаться от намерения приобрести Крит. Тяжелое поражение османского флота у Дарданелл в 1656 г., казалось бы, предвещало поражение Порты. Но затем ситуация вновь изменилась: ставший великим везирем энергичный Мехмед-паша Кёпрюлю сумел навести в стране и в армии порядок и дисциплину. Венеция же все более истощала в войне свои силы и одержать победу на основном театре военных действий оказалась не в состоянии. По заключенному в 1669 г. миру республика потеряла о. Крит, несколько городков в Далмации около Шибеника, получив взамен Клис и территорию в окрестности Сплита.

Все это привело к затуханию достаточно массового освободительного движения в западной части Балканского полуострова. В ходе его население оказалось разделенным по конфессиональному признаку: христиане сражались на стороне Венеции, надеясь освободиться от султанской власти, мусульмане — на стороне турок в отрядах пандуров. Жители Черногории, Дубровницкой республики, Далмации, пограничных с нею районов Боснии и Герцеговины понесли большие потери и жертвы из-за происходивших на этой территории военных действий (особенно в первый период войны), от отрядов гайдуков и пандуров, предпринимавших нередко настоящие грабительские походы.⁴⁷

¹ *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С.87; *Svoronos N.* Histoire de la Grèce moderne. Paris, 1972. P.12; *Историја народа Југославије.* Књ 2. Београд, 1960. С.481—482, 555.

² *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873. С.142.

- 3 *Радонић Ј.* Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С.274.
- 4 *Željzkova A.* Social Aspekts of the Process of Islamisation in the Balkan Possessions of the Ottoman Empire. // *Études balkaniques.* 1985, № 3. P.107—121; *Мейер М.С.* Османская империя... С.88.
- 5 История на България. Т.І. София, 1954. С.260; Из миналото на Българите мохамедани в Родопите. София, 1958. С.68—72.
- 6 Краткая история Албании. М., 1965. С.42—43.
- 7 *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи. XV—XIX век. София, 1971. С.85—86.
- 8 *Hadrovics L.* Le peuple serbe et son église sous la domination turque. Paris, 1947. P.108-109; *Радонић Ј.* Римска курија... С.165.
- 9 *Мейер М.С.* Османская империя... С.92.
- 10 *Тодоров Н.* Балканский город XV-XVIII веков. М., 1976. С.84—126.
- 11 *Svoronos N.* Histoire de la Grèce... P.20—21.
- 12 Историја народа Југославије. Књ.2. С.591—594; *Фрејденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984.
- 13 *Добров Л.* Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб, 1879. С.451—452.
- 14 *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи... С.86—87.
- 15 *Радонић Ј.* Римска курија... С.9—12, 254, 300—319.
- 16 Там же. С.31, 87—88.
- 17 Там же. С.100—101, 231—239; *Милев Н.* Католишката пропаганда в България. София, 1914. С. 68, 102—103.
- 18 *Радонић Ј.* Римска курија... С.288—294.
- 19 *Милев Н.* Католишката пропаганда... С.24.
- 20 *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч.І, СПб, 1858. С.226.
- 21 *Тихомиров М.Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до середины XVII в.// *Славянский сборник.* М., 1947. С.181-187; *Наумов Е.П.* К истории связей России с южнославянскими народами в первой половине XVII в.// *Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в.* М., 1990.; *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Там же; *Флоря Б.Н.* Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.) // *Балканские исследования.* М., 1978. Вып.3. С.58—61.
- 22 *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях. Сергиев посад, 1914. С.276—348. В книге опубликовано несколько грамот константинопольских патриархов, адресованных царю Алексею Михайловичу (С.517,540 и др.)

- 23 Там же. С.279—282, 309; *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей... С.9—11.
- 24 О Лукаресе и его связях с Россией см. подробнее: *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей...
- 25 *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России... С.198—207.
- 26 *Тихомиров М.Н.* Исторические связи... С.196—200.
- 27 *Муравьев А.Н.* Сношения России... Ч.1. С.304, 305; *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России... С.279, 280, 309; *Наумов Е.П.* К истории связей России... С.100.
- 28 *Димитријевић С.* Одношаји пећких патриарха с Русијом у XVII в. // Глас Српске Краљевске Академије. Књ.LVIII/37/. Београд, 1900. С.226—251; *Наумов Е.П.* К истории связей России... С.103—104; *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV - начало XIX в. М., 1958. С.72-73.
- 29 *Димитријевић С.* Прилози расправи «Одношаји пећких патриарха с Русијом у XVII в.» // Споменик Српске Краљевске Академије. Књ. XXXVIII / 34 /. Београд, 1900. С.70.
- 30 История на България. Т.1. София, 1954. С.179.
- 31 *Наумов Е.П.* К истории связей России... С.102, 103, 108, 109; Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. Заключение. С.209.
- 32 *Наумов Е.П.* К истории связей России... С.105—106.
- 33 ВУР. Т.II. С.189.
- 34 Связи России с народами... Заключение. С.205—206.
- 35 *Вукићевић М.* Горски гајдуци. Земун, 1893. С.21—24.
- 36 *Evlija Čelebija.* Putopis, Књ.1. Sarajevo, 1954. S.67, 69, 108; *Пастухов И.* Българска история. Т.II, София, 1945. С.466.
- 37 *Томић Ј.* О устанку Срба у Банату 1594 г. Београд, 1899; Историја Срба у Војводини. Нови Сад, 1929. С.198—206.
- 38 *Томић Ј.* Пећки патријарх Јован и покрет хришћана на Балканском полуострву. 1592—1614. Земун, 1903.
- 39 *Достян И.С.* Борьба сербского народа... С. 67—68.
- 40 *Милев Н.* Католишката пропаганда в България... С.169—170.; *он же.* Един неиздаден документ за българската история. // Известия на историческото дружество в София. 1915. Кн.IV. С.89-97; История на България. Т.1. С.265—267.
- 41 *Svoronos N.* Histoire de la Ггисе... P.14.
- 42 Краткая история Албании. С.40; Историја народа Југославије. Књ.2.С.509.
- 43 *Svoronos N.* Histoire de la Ггисе... P.14.
- 44 *Томић Ј.* Састанак и договор српских главара у Кучима 1614 год. ради устанка на турке. Београд, 1901.

-
- ⁴⁵ *Милев Н.* Католишката пропаганда...; *Дуйчев И.* Чипровец и възстанието през 1688 година. София, 1938. С.21—34.
- ⁴⁶ *Радонић Ј.* Римска курија... С.316—317; *Димитријевић С.* Одношаји и пећких патријарха... С.251.
- ⁴⁷ Об освободителном движенуи во время Критској войны см.: *Радонић Ј.* Римска курија...; *Станојевић Г.* Југословенске земље у млетачко-турским ратовима XVI—XVIII вијека. Београд, 1970. С. 198—300; *Историја народа Југославије.* Књ.2. С. 519—530, 592—593.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории Европы XVII век был периодом острых противоречий, крупных столкновений и связанной с ними постоянной изменчивости международной конъюнктуры. Несмотря на сохранение в целом сложившейся в предшествующую эпоху общеевропейской системы, в ее рамках под влиянием внутренних факторов развития европейских стран и постоянно менявшейся ситуации в отношениях между ними происходила перегруппировка сил, в результате которой к концу столетия стали очевидны, с одной стороны, упадок Османской империи и Речи Посполитой, с другой — выдвижение на первый план внешнеполитических устремлений Австрии и России.

Рассматривая в широком международном контексте отношения стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей, авторы труда сосредоточились на выявлении главных политических тенденций и характерных черт во взаимоотношениях между ними в первой половине XVII в.

В общеевропейском масштабе это было время продолжительных и острых конфликтов. Центральноевропейские страны оказались вовлеченными надолго в Тридцатилетнюю войну. В Восточной Европе разразилась русско-польская война, на длительное время приковавшая внимание правительств и политиков двух стран.

Естественно, складывавшаяся в связи с такими европейскими событиями международная ситуация сказывалась на отношениях стран региона с османами. В то же время важным фактором, влиявшим на эти отношения, стал проявившийся с конца XVI в. социально-экономический кризис Османской империи, следствием которого были снижение ее военного потенциала и внешнеполитические осложнения.

Выражением глубокого социального кризиса в османском обществе стали восстания «джегляли» в Анатолии, приведшие к потере власти Порты на значительной территории Малой Азии. Непокойно было и в других районах империи — Алжире, Сирии, Ливане, Ираке, Египте, где местные правители при поддержке янычар организовывали мятежи и восстания, пытаясь освободиться от османской власти и добиться самостоятельности. Восстания проходили на фоне начавшейся в 1593 г. неудачной войны с Австрией.

Трудностями Порты воспользовался иранский шах Аббас, возобновивший в 1603 г. войну с османами. Султанским войскам приходилось воевать на два фронта. Военные неудачи в условиях внутренней нестабильности в империи заставляли османское правительство пойти на мир с Австрией. К мирному исходу склонялись и Габсбурги. Рассчитывая на внутреннее ослабление Османской империи, они переоценили свои возможности в борьбе с султанской армией. Положение Вены осложнялось внутривнутриполитическим кризисом, вызванным антигабс-

бургскими движениями, направленными против насаждения католицизма в центральноевропейских владениях.

В 1606 г. был заключен мир, завершивший войну между Османской империей и Габсбургами. Но этот мир не удовлетворил османских территориальных претензий. Попытка Порты на фоне перманентно продолжавшейся войны с Ираном продолжить агрессию в Европе с целью приобретения новых земель завершилась таким образом безрезультатно.

В XVII в. в Османской империи и ее владениях в Юго-Восточной Европе продолжали проявляться кризисные явления — разложение тимарной системы, экономический застой, упадок центральной власти и рост сепаратистских тенденций на окраинах империи, ухудшение финансового положения из-за снижения доходов, ранее связанных с успешными завоевательными войнами и ограблением захваченных земель.

Прямым следствием внутреннего кризиса в империи было ограничение ее внешнеполитической активности в Европе. Ослабление здесь османской агрессии в первой половине XVII в. послужило передышкой для центральноевропейских стран, занятых с 1618 г. затяжной и кровопролитной Тридцатилетней войной.

Главное внимание Порты уделяла в этот период иранскому фронту, сосредоточив здесь основные силы и средства. Шах Аббас усиливал мощь своей державы, и османам не удавалось добиться перелома в войне с Ираном. По ирано-османским договорам 1612 и 1618 гг. Порты уступила персам Тебриз и восточное Закавказье. В ходе войны шах оккупировал Ирак и удерживал Багдад в течение пятнадцати лет. Лишь по договору 1639 г. османам удалось вернуть и вновь закрепить за собой Ирак, значительную часть Армении и другие кавказские территории.

Стремясь к расширению средиземноморских владений, Порты начинает в 1645 г. войну с Венецией, продлившуюся четверть века и приковывавшую основные военные силы османов. Концентрируя активность на иранском и средиземноморском направлениях своей внешней политики, Османская империя была заинтересована в том, чтобы избежать прямого втягивания в сложные европейские конфликты. Основным соперником османов в Центральной и Юго-Восточной Европе были Габсбурги, и отношения между ними во многом определяли международную ситуацию в регионе.

В условиях войны с Ираном, затем с Венецией султан не хотел осложнений в европейских делах, в частности и конфронтации с Веней. Такая политика устраивала и Габсбургов, испытывавших трудности в ходе Тридцатилетней войны. Несмотря на постоянные нарушения османско-австрийского мира 1606 г. в результате пограничных столкновений на венгерской границе, стороны стремились избежать прямой конфронтации и периодически возобновляли договор.

Внутренняя нестабильность в империи вынуждала Порту мириться с усилиями австрийских Габсбургов укрепить свое влияние в центральноевропейском регионе. Эта задача была для Вены приоритетной, и ус-

пех в ее реализации в значительной степени определял и перспективы противостояния Османской империи. Поэтому Габсбурги стремились сохранить статус-кво на своих восточных и юго-восточных границах.

В то же время Порта пыталась участвовать в европейских дипломатических интригах через православное греческое духовенство, христианских господарей вассальных княжеств, а иногда и крымского хана и других своих ногайских и северокавказских подданных, а также комендантов пограничных крепостей. Одновременно Османская империя сохраняла для себя на северных рубежах условия для будущих войн, хотя самих военных действий после 1621 г. вести явно не собиралась. Многочисленные набеги крымских татар на Польшу и Россию, и казачьи походы на Крым и османские территории, вызывавшие обострение отношений между сторонами, заключение по этому поводу многочисленных договоров, которые на практике не соблюдались, поддерживали пограничную нестабильность в регионе, создавая предлог, в случае благоприятных условий, в любой момент начать войну.

Хотя в XVII в. Порта уже не располагала прежними материальными и финансовыми ресурсами и достаточным военным потенциалом для осуществления завоевательных планов и была занята войнами с Ираном и Венецией, она продолжала соперничать за преобладание в Юго-Восточной Европе. Здесь османам противостояла Речь Посполитая, стремившаяся использовать внутренние и внешние трудности Османской империи для упрочения своих позиций в Причерноморье.

Восточная Европа рассматривалась Стамбулом как сравнительно второстепенное направление османской внешней политики. Главным здесь для Порты было сохранение позиций, завоеванных ею ранее в Северном Причерноморье. Задача эта облегчалась усилением враждебности между восточноевропейскими странами после польско-литовской интервенции в России, что устраняло опасность возможного их совместного выступления против османов. Ни Речь Посполитая, вовлеченная в то время в затяжной и неудачно складывавшийся конфликт со Швецией, ни Россия, для которой после Смуты надолго главным противником стала Речь Посполитая, также не были заинтересованы в обострении отношений с Портой.

Россия, несмотря на рост ее авторитета в качестве крупной восточноевропейской державы, до конца XVII в. не выступала как активная сила в Юго-Восточной Европе. В этих условиях в международной жизни региона центральное место занимали отношения между Речью Посполитой и Османской империей.

Наметившееся накануне Тридцатилетней войны сближение Речи Посполитой с Габсбургами и подписание между ними в 1613 г. договора о союзе привело к обострению польско-османских отношений. Попытки Польши вернуть в условиях Тридцатилетней войны вассальное султану Молдавское княжество в сферу своего влияния рассматривались участниками военных действий как удар по Османской империи, поддерживавшей страны антигабсбургского лагеря. Исходя из сложив-

шейся в ходе войны расстановки политических сил в Европе, Порты была на стороне Швеции и России, направивших острие своей внешнеполитической активности против Речи Посполитой.

Османская империя не смогла в полной мере использовать в своих интересах развернувшийся в Центральной Европе конфликт не только из-за занятости в войне с Ираном. Сдерживающим фактором для османов стала также нарастающая с 1620 г. конфронтация с Речью Посполитой.

Длившаяся почти четверть века польско-османская борьба за Молдавию завершилась Хотинской войной 1621 г. Но эта война не дала перевеса ни одной из сторон. Польско-османское соперничество за влияние в Молдавском княжестве продолжалось. В 30-е гг. в условиях войны Речи Посполитой с Россией русские и шведские дипломаты добивались вступления в нее Османской империи. Но Стамбул был занят делами на иранском фронте, а весть о поражении русских войск под Смоленском в 1634 г. склонила султана к соглашению с польским королем. Заключение осmano-польского договора 1634 г. позволило Порте не только улучшить отношения с Речью Посполитой и закрепить свой приоритет на влиянии в Молдавии и Валахии, но и стабилизировать обстановку на северных рубежах империи.

В претворении внешнеполитических планов в Юго-Восточной и Восточной Европе важную роль султан отводил своему вассалу Крымскому ханству. Кризис, который переживала Османская империя, проявился также в ослаблении контроля над Крымом. Крымские ханы, действуя в отношениях со странами региона в сфере османской политики, все чаще начинают преследовать собственные интересы, не упуская при случае возможности для утверждения позиций ханства.

Особую активность в регионе Крым начал проявлять с 1648 г. Хан Ислам-Гирей стал реализовывать свои антипольские планы, воспользовавшись свободой действий в то время, когда Порты была озабочена проблемами внутреннего кризиса в империи и неудачами в войне с Венецией. Вспыхнувшее на Украине освободительное движение под руководством запорожского гетмана Богдана Хмельницкого благоприятствовало планам Крыма, заинтересованного в совместных с казаками действиях против Речи Посполитой.

Подобная самостоятельность в политике крымских ханов не могла не вызывать тревоги у османских политиков. Тем более, что Порте в это время приходилось прилагать серьезные усилия для борьбы с казаками, нарушавшими сложившуюся в Восточной Европе систему отношений. Обеспокоен был Стамбул также возможными осложнениями в европейских делах в связи с окончанием Тридцатилетней войны.

Во время подготовки Вестфальского мира 1648 г., завершившего Тридцатилетнюю войну, и в последующий период австрийские Габсбурги стремились поддержать в Европе свой авторитет как организаторов и руководителей антиосманской борьбы. С этой целью использовалась идея создания общеевропейской коалиции стран для вытеснения османов из Европы, без чего представлялся невозможным продол-

жительный и прочный мир. Окончание европейской войны открывало перспективы реализации таких планов.

Однако Габсбурги, испытывавшие после войны постоянные финансовые трудности и не будучи уверенными в прочности своего положения в Европе, не спешили создавать антиосманскую коалицию и вплоть до 60-х гг. проявляли осторожность в отношениях с Портой. Наиболее последовательными сторонникам коалиции выступали страны, непосредственно испытывавшие османскую угрозу (Венеция, Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия) и связывавшие с заключением всеевропейского мира надежды на объединение усилий христианских правителей в борьбе с Османской империей.

С началом в 1648 г. освободительной войны на Украине в Восточной и Юго-Восточной Европе сложилась новая политическая ситуация. В поисках союзников против Речи Посполитой гетман Богдан Хмельницкий вступил в союз с Крымом и установил отношения с Османской империей. Существенные изменения в расстановке сил в регионе произошли в связи с русско-украинскими переговорами и провозглашением на Переяславской раде в январе 1654 г. воссоединения Украины с Россией. Русско-украинскому союзу противостояли Речь Посполитая и ставший ее союзником Крым, опиравшиеся на поддержку Османской империи. Объектами внешнеполитических устремлений этих двух групп государств стали Дунайские княжества и Трансильвания, установления влияния на которые они добивались в соперничестве друг с другом.

Подвластные султану княжества — Молдавия, Валахия и Трансильвания, сохранявшие в отличие от провинций статус автономии в системе империи в обмен за уплату османам дани, занимали особое место во взаимоотношениях Стамбула со странами региона.

В обстановке внутреннего кризиса империи и связанных с ним внешнеполитических осложнений османские власти, ощущая свое начавшееся ослабление, принимали меры по сохранению контроля над княжествами.

Молдавский и валахский господа стремились использовать соперничество европейских держав с османами и складывавшуюся в Юго-Восточной Европе международную обстановку в целях проведения собственной политики в интересах княжеств, их освобождения от османской зависимости. Осуществлению такой политики правителями Молдавии и Валахии способствовало и то, что соперничавшие в регионе страны были заинтересованы в привлечении княжеств на свою сторону как в интересах стратегических, так и материальных. Особую активность проявляли здесь Габсбурги и Речь Посполитая, конкурируя в стремлении овладеть торговыми путями Среднего Подунавья и Причерноморья. В этих условиях усиление османского влияния в Дунайских княжествах было одной из важных задач европейской политики Порты.

Попытки Молдавии и Валахии порвать зависимость от Османской империи, используя помощь извне в благоприятных обстоятель-

ствах, складывавшихся во внешнеполитическом положении княжеств в определенные моменты международной ситуации в регионе, заканчивались неудачей. Лавируя между интересами держав, господаи пытались сохранить хотя бы в урезанном виде автономию своих княжеств.

Являвшаяся вассалом Порты Трансильвания, находясь на границе между империей Габсбургов и Османской империей, стала объектом соперничества между ними. Трансильванские князья, будучи венгерскими магнатами, подогревали антигабсбургские настроения в Венгрии и использовали их в нужный момент в своих интересах в отношениях с императором. Антигабсбургские акции правителей Трансильвании привлекали Францию и Швецию, которые старались вовлечь княжество в коалицию против Габсбургов. В стремлении к проведению самостоятельной политики трансильванские князья вынуждены были лавировать, заключая компромиссы и с императором и с Портой. В ходе осуществления ими антиосманских планов появлялись предпосылки для установления союзных отношений между Трансильванией, Молдавским и Валашским княжествами.

Возникавшие вследствие кризиса внутренние экономические трудности Порты стремились разрешить за счет усиления эксплуатации покоренных народов, которое приводило к резкому проявлению их недовольства властью османов и росту освободительной борьбы.

Этот фактор не могли не учитывать соседи Османской империи. В их политических планах соперничества с Портой взаимоотношения с антиосманскими освободительными движениями придавалось важное значение. При поддержке римской курии Габсбурги и другие западноевропейские государства путем распространения католицизма среди подданных султана рассчитывали вовлечь их в орбиту своего влияния, использовать их освободительные устремления в ходе войн с османами.

В то же время все более приобретали политическую направленность существовавшие еще с XVI в. связи России с балканскими народами, ранее основывавшиеся на догмате о христианской взаимопомощи и ограничивавшиеся религиозной сферой. Среди балканских деятелей, особенно среди высшего православного клира, было распространено представление об освободительной миссии России в отношении православных подданных султана, что создавало перспективу расширения русского влияния в османских владениях на Балканах. Выражением этой тенденции являлись успехи русской политики покровительства угнетенным османами балканским народам, ориентация их на Россию в освободительном движении к концу XVII в.

Объективно способствовала этому и новая расстановка сил в европейской политической ситуации, складывавшейся во второй половине XVII в. Исследованию международных проблем этого периода, связанных с отношениями стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей, будет посвящена следующая, вторая часть настоящего труда.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМГ — Акты Московского государства, изданные имп. академиею наук под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. Т. II.
- Архив ЮЗР — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев. Ч.3. Т. IV—1914. Т. VI—1908.
- АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. Т. III—1861. Т. VIII—1875. Т. X—1878. Т. XIV—1889.
- ВУР — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953—1954.
- ДБХ — Документы Богдана Хмельницкого. 1648—1657. Киев, 1961.
- ДОВ — Документы об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1965.
- Жерела — Жерела до історії України - Руси. Матеріали до історії української козаччини. Львів. Т. VI—1913; Т. VIII—1908; Т. XII—1911.
- Исв — Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII вв. Документы и материалы в трех томах. М., 1968. Т. 2.
- КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.
- ЛФ ИВ РАН — Ленинградский филиал Института востоковедения РАН.
- М. — Москва
- М.-Л. — Москва-Ленинград
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РГАДА — Российский Государственный архив древних актов
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. СПб. Т. I—1872. Т. XXIX—1913.
- СПб. — Санкт-Петербург
- Ссл — Советское славяноведение. М.
- Acte și fragmente — Acte și fragmente cu privire la istoria românilor. Ed. N.Iorga. Buc., 1895—1897. Vol. 1—3.
- AGAD — Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie
- АИАС — Anuarul Institutului de istorie și arheologie. Cluj-Napoca
- В. — Berlin
- Вр. — Budapest
- Вuc. — București
- СStR — Călători străini despre țările române. Buc., 1968—1973. Vol. I—V.

- Doc MV — Documente privitoare
la istoria lui Mihai Viteazul.
Publ. de P. Panaitescu. Buc., 1936.
- DR — Documente privitoare
la istoria Românilor. Culese
de E. Hurmuzaki. Buc. Vol. 4.
Part. 1.—1882; Vol. 4. Part. 2.—
1884; Supl. I. Vol. 1.—1886;
Supl. II. Vol. 2.—1895
- IR — Istoria României. Vol. III.
Buc., 1964
- Jakuba Michałowskiego — Jakuba
Michałowskiego wojskiego
lubieńskiego a później kasztelana
bieckiego księga pamiętnicza...
Wyd. A.Z. Helcel. Kraków, 1864
- KDT — Katalog dokumentów
tureckich. Cz. 1. Dokumenty
do dziejów Polski i krajów
ościennych w latach 1455—1672.
Oprac. Z. Abrahamowicz. W., 1959
- Let Cant — Istoria Țării Românești.
1290-1680. Ed. de C. Grecescu,
D. Simonescu. Buc., 1960
- L. — London
N.Y. — New York
Ox. — Oxford
- RA — Revista arhivelor. Buc.
- RI — Revista istorică. Buc.
- SMIM — Studii și materiale
de istorie medie. Buc.
- Supl. — Suplementul
- Veress — Veress A. Documente
privitoare la istoria Ardealului,
Moldovei și Țării Românești. Vol.
IX—XI. Buc., 1937
- Vol. — Volum
- W. — Warszawa

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаза Мехмед, эрзерумский, паша, силистрийский бей 20, 21, 27, 109, 124
- Аббас I, иранский шах 23, 53, 54, 80, 85, 86, 97, 103, 266, 267
- Абди, осм. чауш, посланец в Варшаву 118
- Акдаг М.* (см. также *Akdag M.*) 8, 21, 22
- Акош Барчай, транс. кн. 231
- Алевизо Контарини, венец. дипломат 140, 141
- Александр, кахетинский царь 53
- Александр Илиаш, молд. господарь 116
- Александр Кокон, молд. господарь 123
- Александр Могила, молд. господарь 60, 72, 73
- Алексеев В.М.* 153, 156
- Алексей Михайлович, русск. царь 198, 201, 203, 209, 213, 214, 254, 255
- Али Джумбулат, сирийский эмир 19
- Али-паша, осм. военачальник 231
- Андраш Батори, транс. кн. 31, 37, 38, 69
- Андраш Гици, претендент на транс. престол 45
- Анна Австрийская, франц. регентша 190
- Антоний Вршацкий, сербский еп. 255
- Арон Тиран, молд. господарь 33, 49, 66, 67
- Ахмед I, осм. султан 39, 41, 44, 154
- Ахмед Сейди, будинский паша 230, 231
- Ахмед-паша Кеprüлю, в. везир 195, 196, 232
- Барановский Б.* (см. также *Baranowski B.*) 107
- Барбиано Бельджойозо, габсб. военачальник 41
- Барвиньский Е.* 63
- Баркан О.Л.* (см. также *Barkan Ö.L.*) 11
- Баста Джорджо, габсб. военачальник 31, 38—41, 70, 71

*Фамилии авторов монографических и коллективных трудов приводятся без пояснений. Принятые сокращения: австр.— австрийский, англ.— английский, архиеп.— архиепископ, болг.— болгарский, босн.— боснийский, в.— великий, валаш.— валашский, венг.— венгерский, венец.— венецианский, габсб.— габсбургский, греч.— греческий, еп.— епископ, имп.— император, имперск.— имперский, исп.— испанский, кн.— князь, кор.— король, королева, крымск.— крымский, курф.— курфюрст, митр.— митрополит, молд.— молдавский, осм.— османский, патр.— патриарх, польск.— польский, русск.— русский, транс.— трансильванский, тур.— турецкий, франц.— французский, чеш.— чешский, швед.— шведский.

- Бегановский Н., польск. посол в Стамбул 215, 216
- Беньямин Барон, швед. посол в Крым 105
- Бернгард, герцог Саксен-Веймарский 131, 133
- Бечиньский В., польск. посланник в Крым 204
- Бианки Г., барский архиеп. 251
- Биттер Г., посланник курф. Фридриха Пфальцского в Стамбул 78
- Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского, предводитель восстания на Украине 188, 191, 194, 197, 200—203, 205—217, 220—226, 234—239, 256, 261, 269, 270
- Богдани П., шкодерский еп. 243, 251
- Богданов Г., русск. посол на Украину 236
- Богданов М., посланец иерусалимского патр. в Москву 255
- Борис Годунов, русск. царь 56, 255
- Бормосов Т., русск. посол в Стамбул 107
- Брехуненко В.* 222, 223
- Бромлей Ю.В.* 48
- Бутич И.* 221
- Бутурлин В.В., русск. посол на Украину 213
- Бушев П.П.* 63
- Вайништейн О.Л.* 114
- Варконьи А.* 94
- Василий (Василе) Лупу, молд. господарь 147, 163, 176, 177, 180—189, 196, 226, 227, 234—238
- Верещинский Я., киевский католический еп. 50, 53
- Виссарион, черногорский митр. 251
- Витовский С., польск. посол в Москву 208
- Вишневецкий И., польск. магнат 171, 199
- Вишневецкий М., польск. магнат 60
- Владислав IV Ваза, польск. кор. 60—62, 108, 110, 124, 138—140, 142, 147, 154, 158, 168—170, 172, 174, 183, 185—187, 192, 195, 197, 226, 234, 261
- Вукићевић М.* 264
- Габор Батори, транс. кн. 44—46, 58, 59, 72
- Габор Бетлен, транс. кн. 24, 41, 44—47, 78, 79, 81, 83—86, 88—95, 101—103, 105, 113, 115, 117, 118, 120, 121, 123, 143—145, 178
- Габриел (Гавриил) Могила, валаш. господарь 81, 95
- Гавриил, печский патр. 251, 255, 261
- Гази-Гирей, крымск. хан 32, 56, 57, 68
- Гаспар Грациани, молд. господарь 77, 81, 84, 115, 116

- Гебриан, генерал веймарской армии 132
- Генрих IV, франц. кор. 55, 76
- Генриэтта, дочь чеш. кор. Фридриха Пфальцкого 226
- Георге Гика, молд. господарь 231
- Георге Рац, имперск. военачальник 40
- Георге Стефан (Штефан), молд. господарь 34, 67, 226, 227, 231, 237
- Георгий Бранкович, брат транс. митр. Саввы Бранковича 255
- Голобуцкий В.А.* 222, 240
- Грайфенклау А., имперск. резидент в Стамбуле 156
- Грдан, герцеговинский воевода 251, 259
- Григорьев И., посол молд. и валаш. господарей в Москву 187
- Гроций Гуго, основатель науки международного права 129
- Грушевский М.С.* 112, 221, 223, 224, 225
- Густав Адольф, швед. кор. 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 114, 135, 153
- Данилов М., русск. посол в Стамбул 59
- Дели Хасан, предводитель восстания в Анатолии 10, 25, 26, 39
- Демени Л.* 224
- Джан-Антон, крымск. посол в Польшу 57
- Джанбул-оглу, предводитель восстания в Анатолии 41
- Джанибек-Гирей, калга, крымск. хан 59, 60, 64, 97, 107, 110, 118, 119, 122, 123, 180
- Джемил Т.* (см. также *Gemil T.*) 235
- Джованни Баттиста Нани, венец. посол в Париже 143
- Джорджич П., дубровницкий купец 259
- Дилавер-паша, в. везир 116
- Димитријевић С.* 264, 265
- Димитров С.* (см. также *Dimitrov St.*) 263
- Дионисий Ралли, тырновский митр. 255, 259
- Дионисий Философ, греч. митр. 260
- Добо Ференц, венг. магнат 31
- Добров Л.* 263
- Доманицький В.* 63
- Достян И.С.* 264, 275
- Дуйчев И.* (см. также *Dujčev I.*) 265
- Евдокимов П., русск. посол в Стамбул 98
- Елизавета, вдова молд. господаря Иеремии Могилы 72
- Ермоленко А.Ф.* 240
- Жданович А., посол Б.Хмельницкого в Стамбул 205
- Жигмонд Батори, транс. кн. 30, 31, 33—39, 66—71, 258, 260

- Жигмонд Ракоци, транс. кн. 44, 145, 147, 185, 226, 237
- Жигмонд Форгач, венг. военачальник 46, 91
- Жолкевский С., польск. коронный гетман 55, 58, 59, 61, 62, 73, 82—84, 87, 116
- Заборовский Л.В.* 219, 223, 224, 241, 275
- Загоровский В.П.* 174
- Захарьина Н.С.* 64, 224
- Збаражский К., польск. посол в Стамбул 117
- Зуляян М.К.* 27
- Зульфикар-ага, переводчик султана 162
- Ибрагим I, осм. султан 21, 23, 161, 162, 177, 183, 188, 193, 196
- Ибрахим, в. везир 37, 38
- Иеремия Могила, молд. господарь 30, 34, 51, 52, 54, 60, 67—72
- Инайет-Гирей, крымск. хан 158, 180, 181
- Иннокентий X, папа римский 141
- Иоанн де Марини Полли, имперск. посол 67
- Иоанн Могила, претендент на молд. престол 181
- Иоанн, печский патр. 251, 259
- Иоганн Нассау, австр. дипломат 131
- Ирина, дочь молд. господаря В.Лупу 147, 226
- Исаак Фольмар, австр. дипломат 131
- Искендер, босн., темешварский паша, османский военачальник 61, 73, 82, 84, 91, 116
- Ислам III Гирей, крымск. хан 167, 186, 188, 193—197, 200, 203—208, 210, 212—217, 234, 235, 237—240, 269
- Иштван Батори, транс. кн. 31, 89
- Иштван Бетлен, венг. магнат 176
- Иштван Бочкай, транс. кн. 40—42, 94
- Иштван Кенди, глава заговорщиков в Трансильвании 45
- Ищенко С.А.* 220
- Календер-оглу, руководитель восстания в Анатолии 10, 41
- Кантакузин Фома, осм. посол в Москву 98—100, 103, 104, 107, 110, 113, 159, 254
- Кантемир-паша, предводитель буджакских татар 117—120, 122, 126, 180, 181
- Кантерев Н.Ф.* 263
- Кара Мустафа-паша Мерзифонлу, в. везир 20, 117, 162
- Кара Саиба, руководитель восстания в Анатолии 41
- Кора Языджи, предводитель восставших в Анатолии 10, 25, 26, 37
- Карл X, швед. кор. 228, 229
- Карл Эммануил, герцог Савойский 260

- Карнковский С., глава польск. церкви, архиеп. гнезненский 50
- Келешки Х.* 26
- Кеменкеш Кара Мустафа-паша, в. везир 15
- Кенан, силистрийский паша 180, 181
- Керстен А.* (см. *Kersten A.*)
- Кирилл I Лукарис, константинопольский патр. 117, 118, 251, 253, 254, 264
- Кисель А., брацлавский воевода, польск. посол в Москву 167, 170, 171, 192, 193, 197—199, 203
- Климент VIII, папа римский 30, 33, 49, 63, 66, 251
- Коджа Синан-паша, в. везир 15, 26, 31, 32, 34, 68, 258
- Конецпольский А., польск. магнат 171
- Конецпольский С., польск. в. гетман коронный 98, 100, 104, 110, 113, 115, 158, 166, 184
- Константин Могила, молд. господарь 54, 55, 58, 72
- Константин Шербан, валаш. господарь 226, 227, 231
- Корецкий С., польск. магнат 60
- Кортенетер К.М.* (см. также *Kortepeter С.М.*) 11
- Костенос, еп., иранский посол в Варшаву 158
- Коханский Г., польск. посланец в Стамбул 55
- Кочибей Гомюрджинский, тур. писатель 20, 25—27, 243, 262
- Крип'якевич И.* 112
- Кристиан IV, датский кор. 100
- Кристина, швед. кор. 135, 177, 207
- Крушинский Е., польск. посол в Стамбул 180
- Крым-Гирей, татарский калга 206
- Кумулович А., папский легат 66
- Кунаков Г., русск. посол в Варшаву 203, 204
- де ля Кур, франц. дипломат, представитель на переговорах в Мюнстере 134
- Кушева Е.Н.* 63
- Лазоревский Л., участник русск. посольства в Стамбул 173
- Ламберг И.М., имперск. представитель на переговорах в Оснабрюке 128, 134, 152
- Лашков Ф.Ф.* 175, 225
- Леопольд I Габсбург, имп. 229
- Лесли У., дипломат, имперск. камерарий 153
- Лещиньский А., польск. подканслер 199
- Лжедмитрий I, самозванец на русск. престоле 55, 56, 64
- Лжедмитрий II, претендент на русск. престол 56
- Лука Строич, молд. посол в Крым 68
- Лызлов Г.М.* 221, 222, 223
- Лыков Б., русск. посланец в Стамбул 162, 163, 173
- Людовик XIII, фран. кор. 177

- Маевский Р.* (см. также *Majewski R.*) 84, 87, 88
- Мазарини Д., франц. кардинал, первый министр 134, 135, 136, 139, 140, 143, 148, 190
- Макарий, антиохийский патр. 254
- Максимилиан, герцог Баварский 130, 132, 133
- Максимилиан, эрцгерцог 32, 34, 36
- Максимилиан Траутмансдорф, австр. дипломат, глава имперск. делегации в Мюнстере 131, 147
- Мансфельд Карл, габсб. военачальник 33, 34
- Манчев К.* 263
- Маринов И., католический еп. 252
- Мария, дочь молд. господаря В.Лупу 226
- Мария Людовик Гонзаго Невер, франц. принцесса 139
- Мария Медичи, франц. регентша 76
- Марку Вода, претендент на молд. престол 71
- Масарек П., архиеп. Бара и примас Сербии 251
- Матвей (Матей) Басараб, валаш. господарь 124, 176, 177, 180—182, 184, 185, 187, 188, 236—238, 240, 261
- Матвей (Матиас, Матьяш II—венг. кор.), имп. 44, 58, 76, 77, 154
- Матьяш, эрцгерцог 32
- Мейер М.С.* 25, 262, 263
- Мехмед III, осм. султан 17 -19,
- Мехмед IV, осм. султан 21, 154, 191, 196,
- Мехмед IV Гирей, крымск. хан 97, 99, 118 -123, 217, 218,
- Мехмед Кепрюлю, в. везир 191, 228, 230, 231, 232, 242, 262
- Мехмед Лала, в. везир 41, 42
- Мехмед-паша, в. везир 114, 145, 178, 181
- Мехмед-паша, осм. военачальник 32, 34, 36,
- Мехмед Соколлу (Соколович), румелийский бейлербей, в. везир 17, 245, 258
- Мехмед-чауш, осм. посол в Прагу 79, 82,
- Мехмедовски М.* 26
- Милев Н.* 263, 264, 265
- Милославский И.Д., глава русск. посольства в Стамбул 164, 173
- Мирон Барновский, молд. господарь 95, 121—124
- Мирон Костин, молд. летописец 227
- Михаил (Михай) Храбрый, валаш. господарь 32—39, 51, 52, 66—71, 259, 260
- Михаил Федорович, русск. царь 59, 98, 112, 162, 163, 253
- Михай Апафи, транс. кн. 232
- Моисей Могила, молд. господарь 123, 124
- Молларт Л., австр. посол в Стамбул 78

- Мохов Н.А.* 232
- Муравьев А.Н.* 263, 264
- Мурад III, осм. султан 17, 31, 252
- Мурад IV, осм. султан 20, 21, 23, 98, 99, 103, 107, 109, 113, 118, 124, 125, 154, 160, 161, 176, 179, 181, 182
- Муртаза-паша, будинский бейлербей, везир 103, 106, 113, 121, 125
- Мустафа I, осм. султан 20, 117
- Мустафа-ага, крымск. посланец в Польшу 204, 205
- Мустафа-паша, в. везир 162
- Мутафчиева В.* (см. также *Mutaŕçieva V.*) 12, 26, 27
- Мясковский В., польск. посол в Стамбул 183
- Надашди Ференц, венг. магнат 31
- Надь Л.* 90, 94
- Наима М., тур. хронист 196
- Наумов Е.П.* 263, 264
- Невер Ш., герцог, франц. вельможа 76, 139
- Неронов Г., русск. посол к Б.Хмельницкому 203
- Никитин А.В.* 174
- Никифор Даскал, греч. монах 68
- Никон, русск. патр. 254
- Новак (Баба-Новак), гайдук 257
- Новосельский А.А.* 56, 63, 64, 65, 107, 108, 111—115, 126, 127, 172—175, 188, 189, 219, 220, 224
- Новосельцев А.П.* 63
- Нурали-улан, крымск. посол в Швецию 105
- Одоевский Н.И., русск. военачальник 166
- Ожга П., польск. посол в Стамбул 80, 87
- Оксеншерна А., швед. канцлер 105, 134, 135
- Оксеншерна Ю., швед. дипломат 135
- Олешко П., польск. посол в Крым 83
- Олсон Р.В.* (см. также *Olson R.W.*) 27
- Орешкова С.Ф.* 25, 274
- Ортайлы И.* (см. также *Ortayli I.*) 19
- Осман II, осм. султан 18, 19, 20, 22, 23, 85, 86, 92, 116, 176
- Осман-ага, султанский посол к Б.Хмельницкому 200, 205
- Оссолинский Е., польск. коронный канцлер 140, 171, 195, 196, 199, 204
- Остафьев И., молд. посол в Москву 163
- Отвиновский И., польск. посол в Стамбул 81, 83, 87
- Павел V, папа римский 251
- Паисий, печский патр. 251, 255
- Паисий Лигард, грек 254
- Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 56, 64

- Палффи Миклош, венг.
военачальник 32, 34, 36
- Парфений II, константинопольский патр. 254
- Парфений III, константинопольский патр. 254
- Пастухов И.* 264
- Петер Альвинци, венг.
проповедник 94
- Петер К.* (см. также *Peter K.*)
144, 151
- Петер Реваи, хранитель венг.
короны 91
- Петр Богдан, болгарский архиеп.
261
- Петр Могила, киевский митр.
185
- Петр Могила, претендент
на молд. престол 117
- Петр Парчевич, болг. архиеп.
261
- Петросян И.Е.* 26
- Петросян Ю.А.* 95
- Печеви Ибрахим, осм. хронист
93
- Пикколомини О., австр.
дипломат, полководец 153
- Плохий С.Н.* 63
- Поршнев Б.Ф.* 134, 153, 154
- Потоцкий С., польск. магнат 55,
58, 60
- Потоцкий М., польск. гетман
166, 197
- Прицак О.* 220
- Прончищев А., русск. посол
в Стамбул 107
- Протасьев П., русск. посол
в Стамбул, на Украину 59,
236
- Пуххейм, австр. посол в Стамбул
111
- Пушкины братья, русск. послы
в Варшаву 204, 206
- Рабатта, имперск. посол 155
- Радзивилл Я., польск. магнат,
посол в Трансильванию 142,
147, 185—187, 225, 226
- Радонић J.* 263, 265
- Раду Шербан, валаш. господарь
40, 41, 45, 46, 58, 63, 71, 72
- Раецкий К., польск. посланник
в Москву 160
- Ракоци I Дьердь, транс. кн.
95, 106, 142—145, 146, 155,
156, 175—178, 180—187, 226,
234,
- Ракоци II Дьердь, транс. кн.
225—231, 235—238, 240
- Рангони К., папский нунций 55
- Раиба Н.С.* (см. также *Raszba N.*)
87, 88
- Реджеп-паша, каймакам, адмирал
осм. флота 102, 104, 113, 119
- Репнин-Оболенский Б.А., русск.
посол в Польшу 209, 210
- Ришелье А., франц. кардинал,
глава королевского совета 134
- Ро Т., англ. посол в Москву 97,
98, 112
- Роксанда, дочь молд. господаря
В.Лупу 234, 236, 237

- Рудольф II Габсбург (Рудольф I, кор. венг. и чеш.), имп. 30, 33, 36, 37, 38, 49, 63, 66, 69, 71, 154, 255, 260
- Руссель Ж., франц. дипломат 101, 102
- Савва Бранкович, транс. митр. 255
- Сагайдачный П., казацкий гетман 116
- Салиньяк Ж., франц. посол в Стамбул 54, 55, 64
- Сальвиус, швед. дипломат 135
- Самарин Г.Ф., глава русск. посольства в Молдавию и Валахию 216
- Санин Г.А.* 224, 225
- Санулла, шейх уль-ислам 10
- Сафийе-султан, мать султанов Мурада III и Мехмеда III 17
- Сванидзе М.Х.* 27
- Секей Мозеш, венг. дворянин, военачальник 32, 39, 40, 41
- Селамет-Гирей, крымск. хан 56, 64
- Семенова Л.Е.* 173, 189
- Серчик В.* 28
- Сефер Гази-ага, в. везир 206
- Сиавуш, силистрийский паша 227
- Сиваса Вардар Али-паша, вали 22
- Сигизмунд III, польск. кор. 49, 55, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 81, 87, 97, 98, 99, 101, 107, 113, 123, 176
- Симион Могила, валаш. господарь 38, 41, 52, 69, 70, 71
- Синан-паша см. Коджа Синан-паша
- Смирнов В.Д.* 25, 26, 27, 224, 262
- Смирнов Н.А.* 112, 172, 173, 174, 189
- Смирнов П.П.* 173
- Смолий В.А.* 220, 221—223
- Соймирович Ф., призренский еп. 243
- Станојевих Г.* 265
- Старцер, австр. посол в Стамбул 81
- Стахурский Н., польск. посланник в Москву 160
- Сташевский Е.* 112
- Стемпковский Г., польск. посол в Москву 166
- Степанков В.С.* 220—224
- Степанов И., русск. посланник в Крым 192
- Стефан (Штефан) Рэзван, молд. господарь 34, 67
- Стефан (Штефан) Томша, молд. господарь 59, 60, 72, 117, 118
- Стороженко И.С.* 220
- Страсбург П., швед. посланник в Трансильванию 106, 109, 114
- Стрешнев В.И., глава русск. посольства в Варшаву 166, 167
- Стрешнев Р.М., русск. посол на Украину 213
- Сулейман, темешварский паша 34
- Сулейман I Кануни (Великолепный), осм. султан 18, 19, 20
- Сулейман-ага, султанский чауш 217

- Галлейран Ш., франц. дипломат 102
- Тверитинова А.С.* 25, 26, 27
- Теодор Балина, глава восстания в Болгарии 259, 260
- Теуффенбах, венг. военачальник 35
- Тимофей, константинопольский патр. 253
- Тимофей Хмельницкий, сын Б.Хмельницкого 226, 227, 236, 237, 238
- Тихомиров М.Н.* 263, 264
- Тодоров Н.* 263
- Томић Ј.* 264
- Торстенсон, швед. военачальник 132, 135, 144—146, 156, 177
- Торхунджу Ахмед-паша 21
- Траутмансдорф Максимилиан, австр. дипломат, глава имперск. делегации в Мюнстере 147-149, 151, 155
- Тугай-бей Ширинский, перекопский комендант 194, 197, 220
- Тушин Ю.П.* 65, 112
- Тьеполо Д., венец. посол в Варшаву 168
- Унковский Г.Я., русск. посол к Б.Хмельницкому 201
- Урбан VIII, папа римский 128
- Уреке Григорий, молд. летописец 185
- Фахр ад-Дин II, ливанский эмир 19
- Федор Иоанович, русск. царь 53, 252
- Федорук Я.* 221, 224
- Феофан, иерусалимский патр. 253
- Фердинанд II Габсбург, имп. 47, 77, 78, 81, 88, 90, 91, 93, 94, 106, 109, 130, 131, 154, 175, 185
- Фердинанд III Габсбург, имп. 128, 130—133, 135—140, 142, 145—151, 153, 154, 177, 225, 229
- Фердинанд, эрцгерцог 39
- Ференц Редעי, транс. кн. 230
- Ференц Ярми, поверенный транс. кн. в Мюнстере 146
- Филарет, русск. патр. 98, 103, 110, 114, 253
- Филипп II Габсбург, исп. кор. 30
- Филипп IV Габсбург, исп. кор. 132
- Флоря Б.Н.* (см. также *Floria B.*) 2, 154, 172, 173, 174, 175, 188, 189, 263, 264, 274, 275
- Фомин И., русск. посол в Крым 214, 224
- Форстен Г.В.* 154
- Фрейденберг М.М.* 263
- Фридрих, курф. Пфальцский, чеш. кор. 77—80, 82, 92, 93, 226
- Фридрих Вильгельм Великий, курф. Бранденбургский 148, 229

- Хардегг Фердинанд, габсб. военачальник 32
- Хасан, в. везир 39
- Хасан, капудан-паша, командующий осм. флотом 100, 102, 121
- Хасан, темешварский паша 31
- Хензель В.* 28
- Ходкевич Я.К., польск. гетман 116
- Хомоннаи Дьердь, венг. магнат 46
- Хосров-паша, в. везир 103, 104
- Хотунский Т.Г., русск. посол в Крым 192, 214, 224
- Хусейн Насухпашизаде, будинский, силистрийский паша 176
- Хусейн-паша, в. везир 93, 116
- Хусейн-паша, командующий осм. флотом 182
- Цветкова Б.* 25, 26
- Цеклинский Д., глава польск. посольства в Москву 203
- Челеби Эвлия, осм. политический деятель, путешественник 257
- Чиги (папа Александр VII), венец. дипломат 140, 150
- Чистякова Е.В.* 221
- Шахин-ага, осм. посол в Польшу 125
- Шахин (Шагин)-Гирей, крымск. хан 97—99, 119—123
- Шереди, транс. посол в Стамбул 145
- Шишман III, болг. царь 260
- Шмелев А.С.* 63
- Шмид Й, австр. резидент в Стамбуле 105
- Штаремберг Л., австр. дворянин, участник посольства в Стамбул 83
- Шуйский Василий, русск. царь 56, 64
- Шушарин В.П.* 96, 112, 113
- Эрих Лассота, австр. дипломат 36
- Эстерхази Миклош, венг. палатин 145, 178
- Яковлев С., русск. посол в Стамбул 98
- Ян II Казимир, польск. кор. 203—210, 213, 218, 226, 228, 229, 234, 240
- Ян Замойский, польск. канцлер 31, 38, 50, 51, 52, 57, 63, 66, 67, 68, 69, 70
- Янош Кайони, венг. хронист 227
- Янош Кемени, советник транс. кн., военачальник 226, 227, 228, 230, 234
- Яскульский М., польск. посол в Крым 215, 218

-
- Akdag M.* 25, 26, 27, 28
Abrahamowicz Z. 220
- Baranowski B.* 114, 172, 173, 174, 175
Barkan Ö.L. 25, 26, 27
Barta G. 47
Bejenaru N.C. 126
Bellan L.L. 65, 88, 111, 112
Benda K. 48, 154
Bernino D. 154, 155
Braubach M. 152
- Ciorănescu A.* 74
Ciurea D. 74
Coles P. 25
Cook M. 25
Corfus I. 74, 220
Crăciun I. 233
Czapliński W. 115, 174, 223
Czermak W. 153, 154, 174, 175
- Decei A.* 188, 189
Depner M. 88
Dickmann F. 152
Dimitrov St. 25, 26
Dujčev J. 223
- Eickhoff E.* 155
- Fiedler J.* 155
Filitti I. C. 74
Floria B. 64, 174
Forst H. 87
Frost R.L. 219
- Gáspár G.* 233
Gemil T. 74, 75, 126, 127, 188, 189, 240, 241
Gindely A. 86, 87
- Gloger B.* 156
Godziszewski W. 172, 173
Gökbilgin M.T. 27
Gömöry G. 47, 48
Gorovei Şt. 75
- Hadrovics L.* 263
Hammer J. 25, 27, 113, 221, 223
Heil F. 64
Heinisch R. R. 86, 87, 88
Hering G. 28, 112, 113, 114, 115
Hiller I. 154
Holban Th. 74
Horn M. 64, 65
Hudița I. 179
- Ínalcik H.* 26, 27
Ionaşcu I. 48
Iorga N. 75, 233, 240
- Jaszay M.* 155
- Kaczmarczyk J.* 220, 221, 222, 223, 224
Karácson I. 48
Karamursal Z. 27
Kersten A. 87, 174, 176
Köhbach M. 154
Kortepeter C. M. 26
Kosáry D. 47
Kropf L. 47
Kubala L. 223, 224
- Leitsch W.* 64, 154
Liske K. 87, 88
Loebl A. 27
Lukinich I. 232
Lupaş I. 179

-
- Macûrek J.* 63, 78
Majewski R. 87, 88
Majewski W. 174
Markow W. 28
Marosi E. 47, 48
Maxim M. 75
Mecenseffy G. 152, 153
Meienberger P. 114
Michalowski J. 221
Minorsky V. 27
Morner M. 114
Motogna V. 48, 232
Mutaŕieva V. 25, 26
- Nagy J.* 48
Nagy L. 49, 179
Norman D. 113
- Odhner C. T.* 153
Okmánytár I. 155, 179
Olson R.W. 27
Ortayli Á. 27
Öztuna T.Y. 27
- Panaitescu P.* 47, 48, 74
Péter K. 48, 49, 95, 156, 157
Podhorodecki L. 88, 114, 115
Popovici V. 48
Prochaska A. 64, 65, 87, 126
- Raszba N.* 88
Refik A. 27
Roe T. 112, 127
Rotman-Bulgaru C. 74, 75
Ruppert K. 153
- Sahillioglu H.* 27, 28
Shaw St. 27, 28
Simonescu D. 48
Skala P. 86, 87
Spieralski Z. 64, 65
Steinberg S.H. 152, 153, 156
Stenmetz M. 152
Suvara F. 88
Svoronos N. 262, 271
Sysyn F.E. 175
Szádeczky L. 48
Szekfü Gy. 47, 48, 233
Szilágyi S. 96, 114, 179, 232, 233
- Tapié V.L.* 86
Teaschner F. 25
Tongas G. 86
Tóth Gy. 233
- Übersberger H.* 63
- R. Várkonyi Á.* 156
R. Várkonyi Á. 154, 156
Vass M. 48
Veress A. 47, 48, 273
- Wejle G.* 114
Wereszczyński J. 63
Werner E. 28
Wibling G. 113
Wielebska Z. 115
Wójcik Z. 222
- Xenopol A.D.* 189
- Zinkeisen J.W.* 86, 113, 114
Željzkova A. 263

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Османская империя в первой половине XVII в.: социально-экономическое положение, внутренняя и внешняя политика (<i>С.Ф. Орешкова</i>)	6
Отношения стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с Османской империей с конца XVI в. до начала Тридцатилетней войны (1618 г.)	29
Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами (<i>В.П. Шушарин</i>)	29
Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. (<i>Б.Н. Флоря</i>)	49
Дунайские княжества в контексте международных отношений в Юго-Восточной Европе в конце XVI— начале XVII в. (<i>Л.Е. Семенова</i>)	65
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период Тридцатилетней войны (до 1634 г.)	76
Османская империя и государства Центральной и Восточной Европы в первые годы Тридцатилетней войны (<i>Б.Н. Флоря</i>)	76
Трансильвания в войне против империи Габсбургов (<i>В.П. Шушарин</i>)	88
Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х — начале 30-х гг. XVII в. (<i>Б.Н. Флоря</i>)	96
Молдавия и Валахия в отношениях стран региона с османами (1618 — 1634 гг.) (<i>Л.Е. Семенова</i>)	115
Взаимоотношения стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с османами в последний период Тридцатилетней войны (1635 — 1648 гг.)	128
Международная обстановка в Центральной и Юго-Восточной Европе на заключительном этапе войны. Установление Вестфальского мира (<i>Т.П. Гусарова</i>)	128
Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х — 40-х гг. XVII в. (<i>Б.Н. Флоря</i>)	157
Трансильвания в завершающий период Тридцатилетней войны (<i>В.П. Шушарин</i>)	175
Внешнеполитическое положение Дунайских княжеств в период завершения Тридцатилетней войны (<i>Л.Е. Семенова</i>)	179
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в контексте международной ситуации середины XVII в.	190
Порта, Крымское ханство и государства Центральной и Восточной Европы в 1648—1654 гг. (<i>Л.В. Заборовский</i>)	190
Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов (1648 — 50-е гг.) (<i>В.П. Шушарин</i>)	225
Молдавия и Валахия в отношениях Порты со странами региона в середине XVII в. (<i>Л.Е. Семенова</i>)	234

Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.)	242
<i>(И.С.Достян)</i>	
Балканские народы в составе Османской империи	242
Политика европейских государств в отношении Османской империи и балканских народов	248
Балканские народы и Россия	252
Освободительное движение балканских народов	257
Заключение	266
Список сокращений	272
Указатель имен	274